

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

6

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2008

СОДЕРЖАНИЕ

М.Н. Боголюбов (Санкт-Петербург). Афганское <i>tina</i> «любовь»	3
И.М. Богуславский (Москва/Мадрид). Только ли у глаголов есть диатезы?	6
Л.Э. Калнынь (Москва). Особенности консонантной синтагматики в славянских языках/диалектах	29
Т. Нессет (Тромсё). Объяснение того, что не имело места: блокировка суффиксального сдвига в русских глаголах	35
В.В. Шаповал (Москва). Новые «цыганизмы» в русских жаргонных словарях.....	49
П.М. Аркадьев, Г.Е. Крейдлин, А.Б. Летучий (Москва). Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Признак «форма»	78

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

О.В. Фёдорова (Москва). Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций	98
---	----

Рецензии

Т.А. Майсак (Москва). <i>Perspectives on grammar writing</i>	121
А.В. Архипов (Москва). <i>T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. On comitatives and related categories: A typological study with special focus on the languages of Europe</i>	125
Ю.В. Мазурова (Москва). <i>C.P. Masica (ed.). Old and new perspectives on South Asian languages: Grammar and semantics. Papers growing out of the fifth International conference on South Asian linguistics (ICOSAL-5)</i>	128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки

Е.Е. Арманд, Г.С. Старостин (Москва). Российский гуманитарный научный фонд: поддержка лингвистических мероприятий.....	132
Г.А. Дырхеева (Улан-Удэ). Исчезающие языки – международная проблема	139
Т.Б. Агранат, В.Ю. Гусев (Москва). Конференция по уральским языкам к 100-летию К.Е. Майтинской	145
Я.Э. Ахапкина, Я.В. Завадская (Санкт-Петербург). Международная конференция «Типология языка и теория грамматики», посвященная 100-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона	149
Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина (Москва). Международный этимологический симпозиум в Брно	152
Указатель статей, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 2008 г.....	155

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), *Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Лемьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик* (зам. главного редактора), *М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева* (главный редактор), *В.А. Плунгян* (отв. секретарь), *Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

© 2008 г. М.Н. БОГОЛЮБОВ

АФГАНСКОЕ *mīna* «ЛЮБОВЬ»

В первом томе «Этимологического словаря иранских языков» В.С. Расторгуевой и Д.И. Эдельман афганские *mīna* «любовь», *mauān*, *mauən* «влюбленный», «любящий»; *mauəna* «возлюбленная», «жена» впервые рассмотрены в составе общеиранского лексического фонда, что является несомненной заслугой составителей Словаря. Однако приведенное в Словаре объяснение *mīna* из *²*ai-* : *i-* ‘идти’ + *ham* [ЭСИЯ 2000–2007, I: 117] не удачно, что уже отмечено [EDİrVb 2007: 156].

К указанному в связи с *mīna* младоавестийскому *maiīā* (Yt.19.80), образованному от основы *maiīah-* [EVP 1927: 44; NEVP 2003: 45], я склонен присоединить древнеавестийское *maiīā* (Y 33. 9):

at tōi mazdā tēm mainiiūm ašaoxšaiiaṇtā sarədiiaiiā
x^vāθrā maēθā maiīā vahištā barətū manarhā
aiilā arōi hākurəṇəm yaīiā hacintē uruuqṇō (Y 33. 9)

Последовательность *x^vāθrā maēθā maiīā vahištā barətū manarhā* (Y 33. 9) состоит из группы подлежащего *maēθā maiīā*, сказуемого *barətū* «пусть несет», двух косвенных дополнений в творительном падеже – *x^vāθrā* «в благоденствии» и *vahištā manarhā* «с Лучшей Мыслью». Прямым дополнением к *barətū* является *tōi ... tēm mainiiūm* «Твоего Духа». В группе подлежащего при определяемом *maiīā* (f.nom.sg.) употреблено определение *maēθā* (f.nom.sg.) «обоюдная», «взаимная». В *maiīā* «bliss» [HumbElfSkj 1991, II: 55–56] я предпочитаю вложить другое значение, а именно – «любовь». При вед. *mi-th-* «объединять», *mithás* «взаимно», «обоюдно» от *mi-* : *mau-* [Pokorny 1959: 710] «связывать», «соединять» древнеиранский глагол *miθ-* : *maiθ-* примем в значении «объединить(ся)», «составить пару». Соответственно, древнеавестийское прилагательное *maēθa-* в данном месте принято в значении «обоюдный», «взаимный». Станс Y 33. 9 я перевожу следующим образом:

«О Mazda, обоюдная любовь двух взращиваемых, сближаемых Артой
 Пусть с Лучшей Мыслью несет Твоего Духа в благоденствии.
 Обретен союз двоих, души (pl.) которых (du.) согласуются».

В связи с древнеавестийским *maiīā* (Y 33. 9) интересен младоавестийский станс Yt. 19.80, в котором присутствует основа *maiīah-* в чтении *maiīā* (nom.acc.pl.n.). В стансе находятся четыре предложения при подлежащем *daēuiua* (pl.) «дайвы». В этом стансе принято считать сказуемыми четыре глагольные формы – *pataiiən*, *frāuiiōit*, *ap(a) karšaiiən*, *niuuarəzaiiən*, три из которых согласованы в числе и лице с подлежащим *daēuiua* (pl.) «дайвы». Заметим, что в числе глаголов *pataiiən*, *frāuiiōit*, *ap(a) karšaiiən*, *niuuarəzaiiən* только *frāuiiōit* стоит в оптативе. В *pataiiən*, *ap(a) karšaiiən*, *niuuarəzaiiən* я вижу формы, относящиеся к изъявительному наклонению. Глагол *pat-* «падать» имеет две основы презенса *pata-* и *pataiia-* [AW 1979/1904: 819], *páta-* и *patáiia-* [PSD 1954: 150]. По аналогии с *pataiia-* следующие за *pataiia-* основы презенса сочиненных глаголов также имеют исход на *-aiia-* : *ap(a) karšaiiən*, *niuuarəzaiiən*. На мой взгляд, *maiīah-* (Yt. 19.80) значит «страсть, страстное желание», «вожделение», англ. «lust», «(Liebes)-Freude» [Hintze

1994: 341] при вед. *máyas-* «enjoyment, pleasure, delight» [HumbElfSkj 1991, II: 135]. В круге значений *pataiia-* «падать» есть такое, как «падать морально», «греховодничать», англ. «to fall into sin (crime)». В предложении *daēiua ... maiiā* (nom. acc. pl.) *frāuiōit* (opt. act. 3. sg.) глагол не согласуется ни с *daēiua*, ни с *maiā*.

Исследователи, тем не менее, признают форму *frāuiōit* сказуемым и возводят *frāuiōit*, во-первых, к нескольким глагольным корням в поисках более уместного перевода, и, во-вторых, объясняют формы имперфекта изъявительного наклонения – *pataiiēn*, *ap(a) karšaiiēn*, *niuuarəzaiiēn* – как формы оптатива. Несогласованная личная форма оптатива *frāuiōit*, в моем представлении, является вводным словом с модальным значением. Лучшим среди прочих является объяснение *frāuiōit*, принадлежащее Хр. Бартоломе [AW 1979/1904: 932–933]. Хр. Бартоломе вывел *frāuiōit* из **frābait* от *bav-* при арийском **prābhūait* [Там же: 933, ¹⁷⁾]. На пути превращения в вводное слово с модальным значением, оптатив *frāuiōit* подвергся дееимологизации. Как следствие, корень глагола **bav* (< **bhauH*) «становиться» свелся к сонанту [-v-, -uu-]. Оптатив *frāuiōit* примем в значении «может статься», «могло статься»: *vaēnəmnəm ahmat para daēiua pataiiēn / vaēnəmnəm maiiā frāuiōit / vaēnəmnəm ap(a) karšaiiēn / jainiš haca mašiiāka- ēihiiō / āat tā snaodəntiš gəzānā / hazō niuuarəzaiiēn daēiua* (Yt 19.80) – «У всех на виду прежде дайвы греховодничали. Могло статься, (удовлетворяли) страсти у всех на виду, похищали жен у мужей у всех на виду. И их, кричащих, вопиющих, дайвы насильовали».

Г. Моргенштерне, отметив, что этимология *mina* неизвестна, указал на авестийские «*mayā-* ‘pleasure, bliss’, *mayah-* ‘coition’ etc.?» [EVP 1927: 44]. В словаре «A new etymological vocabulary of Pashto» [NEVP 2003] при *mina* со ссылкой на ав. *maiiah* в значении ‘pleasure, satisfaction’ в качестве исходной дана основа **mainā-*. Соотношение **mainā-* f. и ав. *maiiah-* п. не уточнено [Там же: 45].

В индоиранском наряду с абстрактными именами среднего рода на *-as-/ah-* засвидетельствованы абстрактные имена среднего рода с суффиксом *-nas-/nah-*, как то вед. *rék-nas-* «наследство», *ár-nas-* «волна», *áp-nas-* «имущество» / ав. *raēxə-nah-* «наследство», *x^varə-nah-* (*hu-ar-nah-*) «могущество, слава», *varə-nah-* «окраска». Допустим, что наряду с ав. *maiiah-* п. имелась именная основа др.-иран. **mai-nah-* п., как прообраз сегодняшнего имени существительного пшт. *mina*.

В процессе формирования диалектальной базы языка пушту, по мере становления в ней категории женского рода, древняя основа среднего рода **mai-nah-* подверглась преобразованию, в результате которого форма **mai-nah-* получила в исходе формант женского рода – **mai-nā-*. Сопровождающие *mina* f. «любовь», имена деятеля *mayán*, *mayən* т. «влюбленный», «любящий»; *mayna* f. «возлюбленная», «жена» продолжают регулярное медиальное причастие на *-ána-*: *mai-ána-*. Указанная при *mina* историческая основа **mainā-* f. [NEVP 2003: 45] является по сути дела переходной ступенью в последовательности **mai-nah-* п. > **mainā-* f. > *mina* f.

Имена среднего рода, имеющие абстрактное значение, помимо основ с суффиксами *-as-/ah-*, *-nas-/nah-*, образуются также с помощью суффикса *-tra-/dra-*. Обратим внимание на авестийские синонимичные пары имен среднего рода, образованные с помощью суффиксов *-ah-*, *-nah-*, *-dra-*. К таковым относятся: *rafənah-* п. «поддержка» и *rafədra-* (**rafdra-*) п. «поддержка» от *rap-* «поддерживать» [AW 1979/1904, 1508–1510]; *təmah-*, *təmas^o* п. «тьма» и *tədra-* п. «тьма»; *manah-* п. «мысль» и *mədra-* п. «речь». Прибегнуть к этим примерам меня побуждает желание возвести к общему корню афганское *mina* «любовь» из **majnah-* (п.) и перс. *mīhr* «любовь» из **miδra-* (п.).

На пути объединения двух однозначных слов видится, однако, существенное препятствие. Афганское *mina* (из **majnah-*) вместе с вед. *máyas-* п. «счастье», «радость», «удовольствие», «услада»; др.-ав. *maiīā* (Y 33.9) «любовь»; мл.-ав. (Yt. 19.80) *maiiah-* «страсть, страстное желание», «вожделение», согд. *my'kčyk* «счастливым»; вместе с лат. *mi-tis* «мягкий», «нежный»; лит. *mielas* и *mýlas* «приятный», *méilė* f. «любовь», *mýliu*, *mylėti* «любить»; рус. *милый* [Рокоту 1959: 711–712; Фасмер 1986: 622; Трубочев 1992: 33] продолжают корень **mei-*, осложненный ларингалом: и.-е. **meiH-es-* из **meiH-* [LIV 2001: 431]. Тогда как индоиранский лексический комплекс *mitra-/miδra-* выводится из не-

осложненного корня **mei-*. Выводили др.-инд. *mitrá* при вторичном т. «друг» из исходного п. «дружба», ав. «договор»; индо.-иран. *Mitrá-*, *Miθra-* (имя божества) из глагола *mei-* «связывать» [Pokorny 1959: 710]. Э. Бенвенист, приводя ведийские *mitrás* т. Митра и *mitráṃ* п. «договор», «дружба» к корню **mei-* «менять(ся), обменивать(ся)» [LIV 2001: 429; Pokorny 1959: 710], заметил, что значение ведийского *mitráṃ* п. «amitié» не было «l'amitié sentimentale» [Benveniste 1969: 98]. Напротив, Г. Грассманн многими годами раньше видел в качестве источника вед. *mitrá-* т., п. значение «любить» [Grassmann 1873: 1038].

Этимологическая традиция не отделяет *mīhr* «любовь», известное лишь в среднеиранской и новоперсидской передаче, от древнего комплекса имен, как то: др.-инд. *mitrás* т. «друг», «партнер», Митра (имя божества); *mitráṃ* п. «договор», «дружба»; др.-иран. *miθra-* «договор», Митра (имя божества). Но иранской этимологической традиции не было доступно афг. *mina* «любовь». Лексемы – пшт. *mina* «любовь» из **mai-nah-* и перс. *mīhr* «любовь, дружба; доброта, любезность; ласка, нежность» из **mi-θra-* – впервые рассмотрены как состоящие в ближайшем родстве. Объединенные с др.-инд. *mayás*, ав. *maiīah-* единством корня **mai-* : **mi-*, они образуют, по всей видимости, группу родственных древнеиранских существительных среднего рода: **mayah-*, **maynah-*, **miθra-*. Последние, скорее всего, не относятся к корням **mai-* : **mi-* «связывать», **mai-* : **mi-* «менять(ся)» и др., образуя самостоятельную группу производных, предполагающих корень **mai-* : **mi-*. Ничто в этой группе не свидетельствует о необходимости настаивать на присутствии в корне ларингала -H-.

Вед. *ménā* f. «наложница», «любовница», «женщина», «самка», «жена» представлено, например, следующей фразой (в переводе Елизаренковой) – *méne iṃa tanúvā śúmbhamāne* (RV 11, 39,2c) – «Красуюсь телом, как две наложницы». Шефтеловиц [ZII 1923: 276] объединил вед. *ménā* с ав. *mayā* (Yt. 19.80), переведенном у Бартоломе как «Begattung, Beischlaf» [AW 1979/1904: 1141]. Выше я придал форме *mayā* (Yt. 19.80) от *mayah-* значения «страсть, страстное желание», «вожделение». Майрхофер [KEWA 1953–1975, II: 686f; EWA 1986–2001: 379] допускает, что вед. *ménā* вместе с **mena-* «Tausch, Ersatz, Wechsel» (~ лит. *mainas*, ц.-слав. *мена* «мена, обмен») восходит к *MAY²* «менять» [EWA 1986–2001: 314]. Связь вед. *ménā* f. «наложница» с тем *mai-*, который продолжается в пшт. *mina* «любовь», *mīhr* «любовь», «дружба», представляется более вероятной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Елизаренкова 1989 – Т.Я. Елизаренкова. Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989.
Трубачев 1992 – О.Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 19. М., 1992.
Фасмер 1986 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1986.
ЭСИЯ 2000–2007 – В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М., 2000; Т. 2. М., 2003; Т. 3. М., 2007.
AW 1979/1904 – Chr. Baetholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. [repr.: Berlin; New York, 1979]
Benveniste 1969 – É. Benveniste. Le vocabulaire des institutios indo-européennes. 1. Économie, parenté, société. 2. Pouvoir, droit, religion. Paris, 1969.
EDIrVb 2007 – J. Cheung. Etymological dictionary of the Iranian verb. Leiden; Boston, 2007.
EVP 1927 – G. Morgenstierne. An etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
EWA 1986–2001 – M. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1986–2001.
Grassmann 1873 – H. Grassmann. Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873.
Hintze 1994 – A. Hintze. Der Zamyād-Yašt. Edition, Übersetzung, Kommentar. Wiesbaden, 1994.
HumbElfSkj 1991 – H. Humbach, J. Elfenbein, P.O. Skjærvø. The Gathas of Zarathushtra. Part I. Introduction – text and translation; Part II. Glossary. Heidelberg, 1991.
KEWA 1953–1975 – M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953–1975.
LIV 2001 – H. Rix (ed.). Lexicon der indogermanischen Verben. Wiesbaden, 2001.
NEVP 2003 – G. Morgenstierne. A new etymological vocabulary of Pashto. Wiesbaden, 2003.
Pokorny 1959 – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
PSD 1954 – A.A. Macdonell. A practical Sanscrit dictionary. Oxford, 1954.
ZII 1923 – I. Scheftelovitz. Zeitschrift für Indologie und Iranistik. 2. 1923.

© 2008 г. И.М. БОГУСЛАВСКИЙ

ТОЛЬКО ЛИ У ГЛАГОЛОВ ЕСТЬ ДИАТЕЗЫ?*

В прототипическом случае актанты (= аргументы) предикатных слов синтаксически им подчинены и выполняют при них функцию субъекта или объекта того или иного типа. Валентности, заполняемые таким образом, называются активными. Различается два типа непрототипических валентностей: (1) актанты синтаксически подчиняют свое предикатное слово (так называемая, пассивная валентность) и (2) актанты не связаны с ним никакой непосредственной синтаксической связью (разрывная валентность). Последние два типа валентностей в основном характерны для неглагольных слов – существительных, прилагательных, наречий и др. С понятием актанта связано, прямо или косвенно, несколько лингвистических понятий. Однако обычно эти понятия опираются лишь на прототипические – активные – типы заполнения валентностей. Если принять в расчет также валентности пассивного и разрывного типа, то область явлений, связанных с актантами, значительно расширяется, и, как следствие, необходимо расширение объема ряда понятий. Мы обсуждаем некоторые из таких явлений и показываем, что понятия *диатезы* и *конверсии* нуждаются в обобщении.

1. ВВЕДЕНИЕ

Большая часть семантических исследований так или иначе посвящена вопросу о том, что означают те или иные языковые единицы. Нас будет интересовать другая проблема: как значения отдельных слов складываются в совокупное значение всего предложения? Пусть нам дано предложение, и требуется построить его семантическую структуру. Очевидно, что для этого надо располагать по меньшей мере двумя вещами. Во-первых, должен иметься словарь, содержащий толкования всех значащих единиц языка и в том числе толкования слов, образующих анализируемое предложение. Во-вторых, нужно знать, как слова данного предложения связаны между собой. При наличии этой информации можно ставить вопрос о том, каким образом из этих толкований образуются значения словосочетаний и всего предложения.

Для того чтобы наши рассуждения были достаточно определенными, следует фиксировать определенный способ представления синтаксической структуры предложения. В соответствии с традицией, принятой в Московской семантической школе, мы будем изображать синтаксическую структуру в виде дерева зависимостей, в котором каждое слово, кроме вершины (обычно, сказуемого), подчинено некоторому слову, называемому его хозяином.

Главным механизмом объединения значений слов является механизм заполнения семантических валентностей. Понятие семантической валентности достаточно хорошо известно, хотя не всеми исследователями понимается одинаково (см., например, обзор разных подходов в [Somers 1987]). Мы будем исходить из концепции Московской семантической школы, согласно которой набор валентностей каждого слова определяется значением слова и его поведением. Говоря несколько огрубленно, у слова усматривается некоторая семантическая валентность *P*, если в ситуации, которую оно называет, есть обязательный участник *P*, обозначение которого может регулярным образом выра-

* Настоящая работа выполнена при поддержке грантов РФФИ 06-04-00090, 07-06-00339 и 08-06-00367, за что выражаем Фонду искреннюю признательность.

жаться при данном слове. Подробнее о валентностях и актантах см. [Апресян 1974; Мельчук 1974; Богуславский 1985; 1996; Mel'čuk 2004a,b].

Часто о валентностях говорят в связи с задачей описания управляющих свойств слов (см., например [Апресян 2006]). Именно эта задача в первую очередь мотивирует создание многочисленных словарей валентностей. Мы, однако, хотели бы сделать другой акцент: валентности являются важнейшим инструментом соединения смыслов слов в предложении, своего рода семантическим клеем, благодаря которому значение предложения образует связную структуру. Мы исходим из того, что если одно из слов в предложении (А) семантически воздействует на другое (Б), то за этим скрывается семантическая валентность: слово Б так или иначе заполняет семантическую валентность слова А. Все связи между элементами в семантической структуре – это связи между предикатами и аргументами, и других семантических связей нет.

Замечание 1. Надо иметь в виду, что далеко не все предикаты, представленные в семантической структуре, соответствуют значениям лексем. Они могут восходить к значению любой значащей единицы языка – лексической, морфологической, синтаксической, интонационной. Это одно из принципиальных положений Московской семантической школы, которая исходит из того, что все типы значащих единиц должны быть истолкованы на едином семантическом метаязыке [Апресян 2005]. Так, например, граммема прошедшего времени в предложении *Он пришел* вносит в значение предложения предикацию 'время его прихода предшествует моменту речи'.

Замечание 2. Утверждение о том, что все связи между элементами семантической структуры суть связи между предикатами и аргументами, не следует понимать в том смысле, что любые связи между словами в синтаксической структуре предложения сводятся к предикатно-аргументным. Синтаксическая связь может кодировать весьма сложный комплекс значений. Мы утверждаем лишь, что образ этого комплекса в семантической структуре, как и любого другого комплекса значений, образован сочетанием предикатов и аргументов. Например, синтаксическая связь между существительным и числительным в сочетании *десять страниц* не является предикатно-аргументной. Однако семантическая структура этого сочетания ('количество страниц равно десяти') образована предикатом 'количество' и его двумя аргументами 'страницы' и 'десять'.

Общий механизм объединения значений слов в значения более крупных текстовых единиц состоит в следующем. Толкование каждого валентного слова содержит переменные, соответствующие его валентностям. Например, глагол *отомстить* содержит в своем толковании четыре переменных:

(1) *X отомстил Y-у за Z W-ом* = 'Человек X, которому Y в какой-то момент в прошлом причинил зло Z, помня это зло и зная, что он будет удовлетворен, только если причинит не меньшее зло Y-у, причинил Y-у зло W' [Апресян 2004: 736].

Для семантической интерпретации предложения необходимо для каждого валентного слова найти слова, соответствующие его валентностям (если эти слова в предложении имеются), и подставить их толкования в толкование валентного слова вместо соответствующих переменных. В предложении

(2) *Княгиня Ольга отомстила древлянам за убийство своего мужа*

реализованы только три из четырех валентностей глагола. Значения выражений *княгиня Ольга*, *древляне*, *убийство своего мужа* должны быть подставлены в толкование (1) вместо переменных X, Y и Z. Валентность W остается в этом предложении незаполненной.

Заполнение валентностей не всегда происходит так просто, как в примере (2). Прежде всего, синтаксические позиции актантов могут не совпадать с позициями подлежащего и дополнений (об этом подробнее мы будем говорить ниже). Кроме того, в более спе-

циальном случае валентность слова А заполняется не значением слова Б в целом, а лишь некоторым его компонентом (см. об этом в [Богуславский 1996: 90–115]). На это обстоятельство опирается полезный эвристический прием, которым нередко пользуются лексикографы при поиске адекватного толкования. Необходимо рассматривать всевозможные сочетания слова А с другими словами. Если существует сочетание слова А со словом Б, в котором Б семантически воздействует на А и при этом характеризует смысловой компонент х, то это серьезный аргумент в пользу того, чтобы считать, что х входит в значение А. Проиллюстрируем это положение на примере слова *акцент* в том значении, в котором оно выступает в предложениях типа (3)–(5).

(3) *Мария говорит с южным акцентом.*

(4) *Жан произнес эту фразу с французским акцентом.*

(5) *Он отлично умеет имитировать грузинский акцент.*

Возьмем за основу толкование английского *accent* из прекрасного словаря Longman dictionary of contemporary English, которое вполне можно использовать и для русского *акцент* и которое в явном виде упоминает некоторые важные для нашего рассмотрения компоненты:

(6) ACCENT: the way someone pronounces the words of a language, showing which country or which part of a country they come from ('способ, которым некто произносит слова языка, показывающий, из какой страны или какой части страны он происходит').

Прежде всего, для того, чтобы применить это толкование к каким бы то ни было предложениям, необходимо определить, какие элементы толкования соответствуют валентностям, и снабдить их переменными. В толковании (6) таких элементов, очевидным образом, два. Они иллюстрируются сочетаниями *акцент Марии* и *южный акцент*. Припишем им переменные:

(7) 'способ, которым лицо X произносит слова некоторого языка, показывающий из какой страны Y или какой ее части Y происходит X'.

Найдя актаны X и Y в предложении (3) и подставив их в толкование, мы получим следующую интерпретацию интересующего нас фрагмента этого предложения: 'способ, которым Мария произносит слова данного языка, показывает, что она происходит из южной части страны'. Аналогичным образом, предложение (4) получает толкование 'Жан произнес эту фразу таким способом, который показывает, что он происходит из Франции'. Эти интерпретации в целом отражают значение предложений (3) и (4) довольно верно¹. Однако попытка применить толкование (7) в более широком круге контекстов показывает, что оно явно недостаточно. Как поступать с предложениями, в которых сообщается о степени акцента, такими, как (8) или (9)?

(8) *У него чувствуется легкий эссекский акцент.*

(9) *Она до сих пор говорит с сильным акцентом.*

---

¹ Впрочем, одну неточность, пожалуй, стоит отметить. Произнесение фразы с французским акцентом в действительности показывает не то, что говорящий происходит из Франции, а то, что он произнес эту фразу не так, как это обычно делают носители данного языка, а так, как это типично для французов. Конечно, из этого слушающий может заключить, что говорящий происходит из Франции, но это не является частью значения слова *акцент*, а представляет собой логический вывод.

Толкование (7) не содержит ничего, что могло бы отвечать за то, что акцент может быть больше или меньше. Что собственно мы хотим сказать, когда сообщаем в (8), что у кого-то легкий эссекский акцент? Явным образом, не то, что произношение этого лица слегка показывает, что это лицо из Эссекса. Предложение (7) означает, во-первых, что этот человек произносит слова способом, типичным для жителей Эссекса, а во-вторых, – что этот способ слегка отличается от нормы. Аналогично, в (9) сообщается, что это отличие велико. Именно величина отклонения от нормы и характеризуется прилагательными степени *легкий* и *сильный*. Таким образом, столкновение с сочетаниями типа *легкий* <*сильный*> *акцент* заставляет нас несколько пересмотреть значение самого слова *акцент* и ввести в него компонент, позволяющий мыслить акцент в большей или меньшей степени. Этим компонентом является идея отклонения от нормы. Оно может быть больше или меньше, но оно всегда есть.

Впрочем, само представление о норме допускает некоторое варьирование. Чаще всего под нормой понимается образцовое произношение, на фоне которого любое отклонение воспринимается как ошибка. Однако возможны и такие ситуации, когда нормой считается способ произнесения, обычный в некоторой языковой среде. Тогда акцентом можно назвать и такое произношение, которое отличается от него, возможно, даже в «лучшую сторону».

(10а) *Эти актеры своим хорошим британским акцентом доводили американцев до бешенства («Культура»).*

(10б) *А ведь говорил с ней по-английски, не без оксфордского акцента (А. Найман).*

Толкование, отражающее эти наблюдения, могло бы быть таким:

(11) *X-овый акцент Y-а в языке Z = 'особенности произношения, отличающие речь человека Y на языке Z от речи носителей этого языка и типичные для представителей языка, группы или местности X'.*

Примеры: *французский акцент* (способ произнесения, типичный для французов), *аристократический акцент* (способ произнесения, типичный для аристократии), *южный акцент* (способ произнесения, типичный для жителей Юга).

В примерах, которые обсуждались выше, речь шла о валентностях прилагательных степени (*легкий*, *слабый*, *незначительный*, *сильный*, *заметный* и т.п.). Конечно, прилагательные не являются самыми типичными валентными словами. Однако в данной работе нас будут интересовать именно непрототипические случаи и их соотношение с прототипическими. Поэтому сначала нам придется кратко охарактеризовать валентности разных типов и прототипические способы их заполнения.

2. АКТИВНЫЕ, ПАССИВНЫЕ И РАЗРЫВНЫЕ ВАЛЕНТНОСТИ

С точки зрения синтаксической позиции актанта относительно своего предиката следует различать три типа валентностей: активные, пассивные и разрывные [Boguslavsky 2003]². **Активные** валентности слова *L* заполняются такими элементами предложения, которые синтаксически зависят от *L*. Например, в предложении³

² Как мы увидим ниже, одна и та же валентность может быть активной в одних употреблениях и пассивной или разрывной в других. Поэтому точнее говорить не об активных/пассивных/разрывных валентностях, а об активных/пассивных/разрывных типах заполнения валентности. Однако для краткости мы будем использовать более компактную формулировку.

³ Здесь и ниже подчеркиванием мы будем выделять слово, о валентностях которого идет речь.

(12) *За интенсивной артиллерийской подготовкой [B] последовало наступление [A] по всему фронту*

у глагола *следовать* есть две валентности (*A следует за B*), и обе они заполняются формами, синтаксически подчиненными глаголу – подлежащим и дополнением.

П а с с и в н ы е валентности, наоборот, заполняются элементами, которые сами синтаксически подчиняют *L*. Так предлог *после*, в одном из значений квазисинонимичный глаголу *следовать (за)* и имеющий те же валентности (*A после B*), заполняет эти валентности иначе. Если валентность *B* заполняется, как и в случае глагола, активным образом, то *A* заполняется словом, синтаксически подчиняющим предлог:

(13) *жизнь [A] после смерти [B]* ('жизнь, которая следует за смертью').

Элементы, заполняющие *разрывные* валентности, не имеют непосредственной синтаксической связи со словом *L*. Типичным примером могут служить слова с кванторным значением типа *все, некоторые, многие* и др. В предложении (14) одна из валентностей прилагательного *многие* заполняется определяемым существительным *пенсионеры*, а вторая – глаголом *любят*, который с прилагательным синтаксически не связан (см. подробнее ниже, в разд. 4.1):

(14) *Многие пенсионеры [R] любят [P] работать в саду.*

Для кванторных слов разрывное выражение одной из валентностей является основным (прототипическим) типом заполнения. Однако нередко разрывное заполнение валентности лишь дополняет основной – активный – способ. Массовым источником такого рода ситуаций служат лексико-функциональные глаголы типа *Oper/Func*, которые способны синтаксически оттягивать на себя актанты своего ключевого слова. Так, валентности существительного *давление* могут заполняться не только формами *чего* и *на что*, непосредственно управляемыми этим существительным, но и через «прокладку» лексико-функционального глагола *оказывать*:

(15а) *давление газа на стенки сосуда.*

(15б) *Газ оказывает на стенки сосуда значительное давление.*

(15в) *давление, оказываемое газом на стенки сосуда.*

3. КАНОНИЧЕСКИЕ И НЕКАНОНИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ АКТАНТОВ

Как известно, в наиболее чистом виде валентности представлены у глаголов, которые наилучшим образом приспособлены для того, чтобы выражать актанты. В первую очередь это обусловлено тем, что эти валентности активные. Такие валентности имеют вполне определенные способы оформления актантов. Если у слова несколько валентностей, то их способы выражения, как правило, отчетливо противопоставлены – падежами, предлогами, союзами, порядком слов.

Впрочем, эта закономерность не абсолютна. Есть случаи, когда разные валентности одного и того же предиката оформляются одинаково. Тривиальный пример – родительный субъекта и объекта типа *amor patris* или *приглашение президента*. Ср. также тождественное (беспредложное) выражение валентности содержания и валентности стимула у английского глагола *answer*: *answer something* 'ответить что-то' и *answer the question* 'ответить на вопрос'. В русском языке любопытный пример такого типа демонстрируют слова *достаточно, необходимо* и *нужно*, которые могут оформлять обе своих валентности с помощью союза *чтобы*. В одном случае *чтобы* присоединяется непосредственно, а во втором случае – через связку: *Чтобы А, (было) достаточно <необходимо, нужно>, чтобы В.*

(16а) *Чтобы все взлетело на воздух [А], достаточно, чтобы кто-нибудь поднес спичку [В].*

(16б) *Чтобы доклад был принят [А], необходимо <нужно>, чтобы оба отзыва рецензентов были положительными [В].*

В этом случае, впрочем, тождество союза компенсируется различием в порядке слов: поменять местами *чтобы*-предложения нельзя.

(17) **Чтобы кто-нибудь поднес спичку [В], достаточно, чтобы все взлетело на воздух [А].*

При этом *чтобы*-предложения, вводящие разные валентности, обладают разной степенью свободы передвижения. Предложения, заполняющие валентность А, могут стоять не только до валентного слова (как в (16а, б)), но и после него:

(18а) *Малейшей искры [В] вполне достаточно, чтобы все взлетело на воздух [А].*

(18б) *Два положительных отзыва [В] совершенно необходимы, чтобы доклад был принят [А].*

А предложения, заполняющие валентность В, в препозиции невозможны:

(19а) **Чтобы кто-нибудь поднес спичку [В], вполне достаточно для взрыва [А].*

(19б) **Чтобы оба отзыва рецензентов были положительными [В], необходимо для прохождения конкурса [А].*

Любопытно, что в случае *достаточно* (но не *необходимо*) валентность В может быть выражена посредством сочинения:

(20) *Достаточно, чтобы кто-нибудь поднес спичку, и все взлетит на воздух.*

Таким образом, даже если разные валентности слова маркируются тождественными лексико-грамматическими средствами, язык стремится провести различие другими средствами.

В теории «Смысл – Текст» разработан мощный инструмент описания активных валентностей – модель управления. Это таблица, устанавливающая два соответствия: соответствие между семантическими актантами (СемА) слова и его глубинно-синтаксическими актантами (ГСинтА), которое называется диатезой, и соответствие между глубинно-синтаксическими и поверхностно-синтаксическими актантами (ГСинтА) [Апресян 1974; Мельчук 1974; Melčuk 2004a,b]. Например, модель управления уже знакомого нам глагола *отомстить* выглядит следующим образом. Первая строка таблицы показывает, что семантическому актанту X соответствует 1-й ГСинтА, СемА Y – 2-й ГСинтА и т.д. Вторая строка описывает поверхностный способ выражения каждого из ГСинтА.

Таблица

<i>X отомстил Y-у за Z W-от</i>			
<i>X = 1</i>	<i>Y = 2</i>	<i>Z = 3</i>	<i>W = 4</i>
<i>S им</i>	<i>S дат</i>	<i>за S</i>	1. <i>S твор</i> 2. <i>тем, что ПРЕДЛ</i> 3. <i>ДЕЕПР</i>

Если известна поверхностно-синтаксическая структура предложения, то с помощью модели управления слова легко найти все его семантические актаны. Одно из осложнений, которые здесь возникают, состоит в том, что соотношение между СемА и ГСинтА в общем случае не является взаимно-однозначным. У слова может быть более одной диатезы. СемА слова может реализоваться в разных синтаксических позициях и тем самым соответствовать разным ГСинтА. Множественность диатез привлекла к себе большое внимание исследователей, в первую очередь, в связи с категорией залога. Эту категорию можно определить как морфологически маркированную модификацию базовой диатезы, которая не меняет пропозициональное значение слова⁴. Также хорошо известно, что диатетические различия не обязательно связаны с залоговым противопоставлением. Ср. хрестоматийную пару (21а, б), в которой актаны *корабль* и *зерно* выступают в разных синтаксических позициях, но это различие морфологически не маркировано в глаголе и поэтому не порождает залогового различия:

(21а) Докеры грузили корабль зерном.

(21б) Докеры грузили зерно на корабль.

Другой пример незалогового диатетического различия – так называемое расщепление валентностей, когда одному семантическому актанту соответствует два глубинно-синтаксических:

(21в) Я считаю, что он достоин награды.

(21г) Я считаю его достойным награды.

Надо сказать, что некоторые исследователи усматривают диатетические различия в еще более широком круге ситуаций. Так, Б. Парти [Partee 2005] включает в эту область также вариативную падежную маркировку семантических актантов глагола (типа *Он не получил письмо – Он не получил письма*). Е.В. Падучева говорит о сдвиге диатезы в ситуации расщепления именной группы (типа *Сын Маши пошел в школу – У Маши сын пошел в школу*), когда генитивный актант существительного перемещается в позицию детерминанта [Paducheva 2003].

В случаях типа (21а-г) приходится постулировать две разные модели управления, независимо от того, одно или разные лексические значения глагола усматриваются в этих парах. Однако даже если у глагола имеется две модели управления, практически всегда можно установить, какая из них реализована в конкретном предложении. Так, фрагмент синтаксической структуры «ГРУЗИТЬ + прямое дополнение» сам по себе недостаточен чтобы достоверно указать, какую валентность глагола заполняет прямое дополнение. Если же принять во внимание форму косвенного дополнения (существительное в творительном падеже vs. предлог *на*), то диатеза будет определена однозначно. Таким образом, можно утверждать, что между СемА и ГСинтА существует взаимнооднозначное соответствие с точностью до варьирования диатезы. Общее правило состоит в том, что актаны, заполняющие активные валентности, маркируются в синтаксической структуре однозначным образом, и каждый актант способен занимать только одну синтаксическую позицию относительно своего валентного слова. В какой степени это справедливо для актантов, заполняющих пассивные и разрывные валентности? Ведь в этих случаях аппарат моделей управления неприменим, и трудно говорить о лексико-грамматической маркировке актантов. Попытка проверить это свойство на материале пассивных и разрывных валентностей, предпринимаемая ниже, приводит к любопытным сюрпризам.

⁴ Теория залога, основанная на понятии мены диатезы, восходит к пионерской работе [Мельчук, Холодович 1970] и в дальнейшем развивалась в целом ряде работ. Новейшую версию этого подхода можно найти в [Meřčuk 2006].

4. ТИПОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАПОЛНЕНИЯ ВАЛЕНТНОСТЕЙ

Выше мы видели, что стройная схема описания соответствия между семантическими актантами и их поверхностной реализацией, предлагаемая моделями управления, наталкивается на два осложнения. Первое из них состоит в неединственности диатезы, которая заставляет постулировать для одного слова более одной модели управления. Второе вызвано тем, что синтаксические актанта, описываемые моделями управления, далеко не исчерпывают всех типов синтаксических реализаций семантических актантов.

Для каждого класса предикатов имеется прототипическая синтаксическая позиция для актантов и некоторые непрототипические позиции. Прототипической позицией естественно считать такую, которую занимает актант одновалентного предиката. Если одновалентным является глагол, то его актант скорее всего будет подлежащим (*Иван спит*). Для существительных прототипической позицией будет позиция дополнения в родительном падеже (*сон Ивана, начало концерта*).

Для предикатов с пассивными валентностями прототипической позицией является позиция подчиняющего слова. В случае прилагательного это определяемое существительное (*интересная книга*), в случае наречия – глагол или прилагательное (*бежал быстро, очень быстрый*⁵).

Если у предиката более одной валентности, то остальные актанта занимают другие, непрототипические позиции. Если оставить в стороне управляемые формы, описываемые моделями управления, то можно выделить три позиции, которые может занимать непервый актант. Он может быть выражен:

- подчиняющим глаголом (для существительных и прилагательных),
- зависимым подчиняющего глагола (для наречий),
- зависимым подчиняющего существительного (для прилагательных).

Рассмотрим эти позиции подробнее.

4.1. Подчиняющий глагол

Важным классом слов, одна из валентностей которых заполняется подчиняющим глаголом, являются кванторные слова типа *все, каждый, любой, некоторый, многих, большинство, меньшинство* и др. Эти слова имеют по крайней мере две валентности – R и R. Одна из них (R) в прототипическом случае заполняется существительным, непосредственно связанным с кванторным словом, а вторая (P) – подчиняющим его (возможно, не непосредственно) глаголом [Богуславский 2005]. Например, слово *большинство* сообщает, что та часть целого R, которая обладает свойством P, превышает ту часть R, которая свойством P не обладает.

(22а) *Большинство наших друзей [R] любит [P] путешествовать* (= ‘среди наших друзей тех, кто любит путешествовать, больше, чем тех, кто не любит’).

(22б) *Большинство противников [R] войны проголосовало [P] против консерваторов* (= ‘среди противников войны тех, кто проголосовал против консерваторов, больше, чем тех, кто этого не сделал’).

Актант R синтаксически подчинен валентному слову *большинство*, а P его подчиняет. В примере (14), приводившемся выше, прилагательное *многие* синтаксически подчинено обоим своим актантам. Связь с существительным *пенсионеры* непосредственная, а связь с глаголом *любят* опосредованная.

(14) *Многие пенсионеры [R] любят [P] работать в саду.*

⁵ Способность наречий определять другие наречия можно считать производной от их способности определять прилагательные [Виноградов 1972: 273].

4.2. Зависимое подчиняющего глагола

Этот тип валентностей типичен для наречий и предложно-падежных сочетаний с адвербиальной функцией. Рассмотрим, например, сочетание *по привычке*:

(23) *Иван по привычке рано встал.*

Оно наследует свои валентности от существительного *привычка*: X – тот, кто имеет привычку (*привычка Ивана*) и P – в чем эта привычка состоит (*привычка рано вставать*). Однако если у существительного обе эти валентности являются активными и заполняются зависимыми от него формами, то в сочетании *по привычке* ни одна из них не является активной. Нельзя сказать **по привычке Ивана*, **по привычке рано вставать*⁶. Тем не менее, в предложении (23) эти валентности заполнены. Валентность P заполнена подчиняющим глаголом (*вставать*), а валентность X – его субъектом (*Иван*). В том, что *по привычке* выбирает в качестве носителя привычки именно субъект подчиняющего глагола, можно убедиться с помощью простого теста. Возьмем два предложения, обозначающих одну и ту же ситуацию, но построенных с помощью конверсных предикатов.

(24а) *Иван занял у соседа сто рублей.*

(24б) *Сосед одолжил Ивану сто рублей.*

Введем в эти предложения сочетание *по привычке* в одну и то же позицию и увидим, что тождество обозначаемой ситуации исчезло. В (25а) речь идет о привычке Ивана, а в (25б) – о привычке соседа.

(25а) *По привычке Иван занял у соседа сто рублей.*

(25б) *По привычке сосед одолжил Ивану сто рублей.*

4.3. Зависимое подчиняющего существительного

Рассмотрим предложение (26)

(26) *Любимые авторы Льва Толстого – Тютчев и Буренин (М. Гаспаров. Записи и выписки).*

и обратим внимание на сочетание *Льва Толстого*. Напомним, что в рамках принятой нами грамматики зависимостей синтаксические связи устанавливаются между словами, а не между словосочетаниями. В каждом словосочетании имеется главный элемент, от которого – прямо или опосредованно – зависят другие элементы словосочетания. Именно этот элемент и участвует от лица всего сочетания во внешних синтаксических связях [Mel'čuk 1988]. С этой точки зрения, сочетание *Льва Толстого* (какое бы из имен мы ни выбрали в качестве главного элемента этого сочетания) синтаксически зависит от существительного *авторы*. Никакое другое слово не образует с ним естественного словосочетания. В частности, не может претендовать на роль синтаксического хозяина сочетания *Льва Толстого* и прилагательное *любимые*. Сочетание **любимые Льва Толстого* (для интересующего нас значения слова *любимый*) в русском языке неправильно. С другой стороны, семантически сочетание *Льва Толстого* связано не со словом *авторы*, а именно со словом *любимые*. *Любимые авторы Льва Толстого* – это авторы, которых Лев Толстой любит больше других. Таким образом, у прилагательного *любимый* име-

⁶ О ситуациях, когда такое все-таки возможно, и о способах описания этих ситуаций см. [Boguslavsky 2005].

ются две семантические валентности (*любимый X Y-a*). Одна из них заполняется подчиняющим существительным (в нашем примере, *авторы*), а вторая – атрибутом при этом существительном (*Льва Толстого*). Помимо этого валентность Y может заполняться и прилагательным, которое также синтаксически подчиняется существительному X:

(27) *мамин [Y] любимый цвет [X]*.

Похожим, хотя и не вполне тождественным образом ведет себя и прилагательное *излюбленный*. У него есть те же две валентности X и Y, первая из них так же заполняется определяемым существительным, а вторая – подчиненным ему прилагательным:

(28а) *излюбленный бандитский [Y] прием [X]* ('прием, который бандиты любят больше других приемов').

(28б) *Он сидел в своей [Y] излюбленной позе [X]* ('в позе, которую он любил больше других поз').

Если признать допустимыми несколько устаревшие употребления прилагательного *излюбленный* типа (29а,б), то окажется, что, в отличие от *любимый*, оно может и самостоятельно подчинять актант по валентности Y. Таким образом, валентность Y является для этого прилагательного не только разрывной, но и активной:

(29а) *Вы опять попадаетесь в излюбленный человеческой мыслью круг* (В. Набоков. Незавершенный роман).

(29б) *Алданова начали упрекать в «сгущении красок», «мрачности тона», «скептицизме», едва ли не в том, что в его романах нет излюбленных критикой описаний хорошей погоды* (В. Ходасевич. По поводу «Ключа»).

В аналогичных сочетаниях со словом *любимый* (*любимые критикой описания природы*) представлено, по-видимому, не прилагательное, а глагол *любить*.

Рассмотрим еще один пример, также иллюстрирующий заполнение валентности прилагательного словом, подчиненным определяемому им существительному. Сопоставим прилагательное *все*, с одной стороны, и прилагательные ряда *всеобщий, поголовный, повальный, тотальный, сплошной*, подробно описанные в Новом объяснительном словаре синонимов [Богуславская 2004: 162–166], с другой. Все эти слова характеризуют очень близкие ситуации, в которых некоторое действие P распространяется на все элементы некоторой совокупности R. Однако между этими двумя группами слов имеется важное различие, касающееся того, как их актанты распределяются между прототипической и непрототипической позициями, и того, какая из возможных непрототипических позиций используется в каждом случае.

Сравним примеры (30а,б) с примерами (31а,б). Легко видеть, что в примерах типа (а) прототипической позиции определяемого существительного соответствует валентность R, а в примерах типа (б) – валентность P. Что касается непрототипической позиции для второй валентности, то она у этих прилагательных тоже разная: в (а) это позиция подчиняющего глагола, а в (б) – это позиция зависимого подчиняющего существительного.

(30а) *Ожидается, что все дела [R] будут пересмотрены [P]*.

(30б) *Ожидается всеобщий пересмотр [P] дел [R]*.

(31а) *Весь багаж [R] проверяется [P]*.

(31б) *Производится тотальная проверка [P] багажа [R]*.

5. РАЗНЫЕ АКТАНТЫ – ОДНА СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ, ОДИН АКТАНТ – РАЗНЫЕ ПОЗИЦИИ

Теперь мы подготовили все необходимое, чтобы показать, что, если принимать во внимание пассивные и разрывные валентности, одна и та же синтаксическая позиция

может соответствовать более чем одной валентности слова, а одна и та же валентность может заполняться словами, занимающими разные синтаксические позиции. В 5.1–5.6 будет продемонстрировано определенное разнообразие актантного поведения нескольких типов слов. Существенно подчеркнуть, что демонстрируемая вариативность совместима с тождеством лексемы, то есть свойственна словам в одном и том же лексическом значении.

5.1. *Большинство, меньшинство и другие: активное и пассивное заполнение одной и той же валентности*

Как уже упоминалось выше, слова *большинство* и *меньшинство* принадлежат к классу кванторных слов. Понятие кванторности в целом и слова *большинство* и *меньшинство* в частности подробно обсуждались в [Богуславский 2005]. Здесь мы воспользуемся некоторыми примерами из этой работы. Слова *большинство* и *меньшинство* обозначают некоторую часть целого R, которая выделяется из него по определенному признаку P:

(32) *большинство R-ов P* = 'часть R-ов, обладающая свойством P и превосходящая по численности ту часть R-ов, которая не обладает свойством P'.

Существительное *меньшинство* толкуется аналогично с естественной заменой компонента 'превосходить по численности' на 'уступать по численности'. Примеры:

(33а) *Большинство противников [R] войны проголосовало [P] против консерваторов.*

(33б) *Он откровенно говорит, что энергетическую реформу поддержит [P] меньшинство его коллег [R] — менее 20 человек из 47 («Независимая газета», пример из Национального корпуса русского языка).*

Как видно из примеров (33а,б), прототипически валентность целого R заполняется активно – существительным в родительном падеже, а валентность признака P – пассивно, группой сказуемого, подчиняющей слова *большинство* и *меньшинство*. Так, в (33а) множество противников войны представлено как целое, в котором выделяется часть, – те противники войны, которые проголосовали против консерваторов. Утверждается, что таких противников войны больше, чем тех, которые проголосовали иначе. Однако в предложении (34) ситуация принципиально другая:

(34) *Чеченская война расколола российское общество на большинство ее противников [P] и меньшинство сторонников [P].*

Здесь *противники войны* уже не составляют то целое, в котором выделяется большая часть. «Быть противником войны» представляет собой признак P, на основании которого в российском обществе выделена более многочисленная часть. Таким образом, в этом предложении валентность P слова *большинство* выражена не пассивно, как в (33а,б), а активно – подчиненным существительным в родительном падеже. Понятно, что в таком случае глагольная группа, которая играет эту роль в прототипических предложениях, в (34) не имеет никакого отношения к валентностям слова *большинство*. Аналогичным образом построены сочетания *меньшинство сторонников* в (34) и *меньшинство сельских жителей* и *большинство городских* в (35).

(35) *Но однопалатный законодательный орган может создать серьезную напряженность, позволяя, например, меньшинству сельских жителей [P] доминировать над большинством городских [P] (Архив «Независимой газеты»).*

У слов *большинство* и *меньшинство* есть и еще один непрототипический способ заполнения валентности Р, тоже активный – с помощью подчиненного определения: *сельское меньшинство* ('сельских жителей меньше, чем городских'), *мужское большинство* ('мужчин больше, чем женщин').

Подобное явление можно наблюдать и на других словах со значением части. Так, в предложении (36а) именная группа *общемировые запасы*, зависящая от слова *процент*, обозначает то целое, от которого берутся проценты, в то время как в (36б) слово *спирт*, стоящее в той же позиции, обозначает с в о й с т в о, которым обладает выделенная часть целого: 6% содержимого настойки есть спирт. Аналогичным образом противопоставлены выражения в паре (37а,б).

(36а) *Запасы урана на якутских месторождениях составляют почти 6% общемировых запасов.*

(36б) *Настойка содержит 6% спирта.*

(37а) *Верхушка компании СИБУР арестована.*

(37б) *Непродуманная политика сколачивания верхушки богачей.*

5.2. Строгий и другие: активное и нулевое заполнение одной и той же валентности

В русском языке имеется класс прилагательных, имеющих валентность на лицо, являющееся пациенсом эмоционального отношения или определенного способа поведения: *беспощадный, благожелательный, добрый, заботливый, покладистый, снисходительный, строгий, требовательный* и др. Чаще всего эти прилагательные управляют формами *к кому* или *с кем*:

(38а) *Стюарты были строги к своим детям <со своими детьми>.*

(38б) *Беспощаден к пятнам и добр к одежде* (из рекламы стирального порошка).

Если эта валентность не заполнена, то предложение, естественным образом, не несет никакой информации о пациенте:

(39а) *Стюарт очень строг.*

(39б) *строгая дама.*

Такие выражения скорее должны пониматься в универсальном смысле: строгость распространяется на всех. Однако в контексте существительных, обозначающих лицо, находящееся в определенном отношении к другим лицам, интерпретация отсутствия актанта меняется:

(40а) *строгая мама*

(40б) *любящие ученики*

(40в) *требовательный начальник*

(40г) *услужливый сосед.*

Здесь пациент прилагательного определен вполне однозначно. Это лицо (или группа лиц), с которым лицо, обозначенное существительным, находится в соответствующем отношении: мама строга к своим детям, ученики любят своего учителя, начальник требователен по отношению к своим подчиненным, а сосед проявляет услужливость по отношению к людям, рядом с которыми он живет.

Заслуживают особого комментария высказывания типа (41), в которых, несмотря на наличие атрибутивного сочетания, вполне естественно универсальное понимание.

(41) *Наша строгая мама выставила его за дверь.*

Дело в том, что сформулированное выше правило описывает предпочтительную интерпретацию «по умолчанию». Это не противоречит тому, что контекст может преодолеть это предпочтение и навязать стандартное универсальное понимание.

В предложениях (40а-г) мы имеем дело с необычным типом соотношения семантической и синтаксической структуры. В синтаксической структуре пациенсная валентность прилагательного не заполнена, так же, как и объектная валентность существительного. Однако в семантической структуре обе эти позиции не пусты, а заполнены кореферентными переменными. Семантическая структура сочетания (40а) выглядит следующим образом:

Итак, приведенные примеры показывают, что валентности прилагательных обсуждаемого класса могут быть заполнены двойко: прототипически, посредством подчиненной предложной группы (ср. (38а,б)) и непрототипически – посредством переменной, кореферентной другой переменной, заполняющей одну из валентностей определяемого существительного (ср. (40а-г)). Это же можно сказать и о самих этих существительных типа *мама*, *учитель*, *сосед* и др. Им свойственны как управляемые актанты типа *мама Маши*, так и непрототипическое заполнение валентности кореферентной переменной типа *строгая мама*.

5.3. *Тщетно*: различные семантические роли подчиняющего глагола

В стандартном случае семантическая роль глагола относительно наречия, с которым он синтаксически связан, состоит в том, что глагол заполняет валентность наречия. Так, темпоральные наречия типа *сейчас*, *тогда*, *потом*, *вскоре*, *сегодня*, *вчера*, *завтра* и др. имеют валентность на некоторое событие, которому они приписывают временную характеристику. Именно эту валентность и заполняет глагол, подчиняющий такое наречие: *Сейчас мы знаем [P] об этом больше, чем раньше*. Более сложная картина наблюдается в случае наречия *тщетно* и некоторых его синонимов, таких, как *напрасно*, *безуспешно*, *безрезультатно*, *впустую*, *зря*, *без толку*, *впустую*⁷. Мы ограничим наше рассмотрение наречием *тщетно*, которое в первом приближении обозначает неудавшуюся попытку. Типовым примером может служить (42):

(42) *Она тщетно старалась скрыть смущение.*

В ситуации, обозначаемой этим наречием, имеется три участника: субъект X, цель Q, которой он хочет достичь, и действия P, которые он для этого предпринимает. Это слово можно истолковать следующим образом:

(43) *тщетно* (X, P, Q) = ‘предпринимая действия P, X пытается сделать так, чтобы имело место Q, но Q не начинает иметь место’.

⁷ Относительно наречия *напрасно* наблюдения, близкие к тем, которые излагаются ниже, были сделаны в [Зализняк Анна 2006: 116–121]. Богатый материал и тонкие наблюдения по всей этой группе наречий содержатся в [Левонтина 2004а: 603–609].

Ни один из трех участников ситуации *тщетно* не открывает активной валентности, то есть ни одна валентность не заполняется словом, синтаксически подчиненным наречию *тщетно*. Синтаксические потенции наречия ограничиваются его связью с подчиняющим глаголом. С полной определенностью можно только сказать, что субъект этого глагола заполняет валентность X наречия. Что касается остальных двух валентностей, P и Q, то ситуация с ними менее прозрачная. Обе они так или иначе также связаны с подчиняющим глаголом, но более сложным образом. Посмотрим поближе, какую семантическую роль может играть этот глагол по отношению к наречию. С этой точки зрения можно выделить два класса предложений.

В предложениях первого класса глагол, подчиняющий *тщетно*, дублирует компонент попытки, содержащийся в толковании наречия, ср. (44). В [Левонтина 2004а: 604] такие употребления признаются первичными.

(44) *Он тщетно старался найти ключи.*

В этом предложении глагол выражает только саму попытку, а цель Q выражена подчиненным инфинитивом. Именно он сообщает о том, что субъекту не удалось сделать.

Помимо самой попытки, в значение глагола могут входить и другие компоненты толкования *тщетно*. В предложении (45)

(45) *Он тщетно искал ключи*

мы уже не найдем отдельного слова, выражающего цель субъекта. Здесь цель ('найти ключи') выражена в глаголе вместе со значением попытки: 'искал' – это 'старался найти'. Следующий шаг на пути включения в значение подчиняющего глагола компонентов значения наречия демонстрирует пример (46). В глаголе *убеждать* выражена уже не только сама попытка и цель Q, но и упомянуты действия P, с помощью которых субъект пытался достичь цели.

(46) *Он тщетно убеждал ее выйти за него замуж* 'он тщетно пытался сделать так, чтобы она согласилась [Q] выйти за него замуж, приводя [P] доводы в пользу этого решения'.

Здесь в значении глагола содержится, с одной стороны, указание на цель (*убеждает* значит 'старается убедить', а *убедить в Z* – это 'сделать так, чтобы адресат согласился, что Z хорошо или истинно'), а с другой стороны, сообщается, что для достижения этой цели субъект приводил какие-то доводы.

В предложениях второго класса подчиняющий глагол не имеет ничего общего ни с тщетной попыткой, ни с целью, которой субъекту не удалось достичь. Глагол выражает исключительно действия P, выполняемые с целью добиться цели, остающейся за кадром.

(47а) *Он тщетно часами бродил под ее окнами.*

(47б) *Он тщетно тряс замок – ничего не помогало.*

В чем состоит неудача субъекта в этих предложениях? Какой цели ему не удалось добиться? Ясно, что это не действия *бродить под окнами* и *трясти замок*. Эти действия ему осуществить как раз удалось. Имеется в виду, что это – те действия P, которые субъект предпринимал в попытке достичь некоей цели, непосредственно в предложении не названной.

Таким образом, глагол, подчиняющий наречие *тщетно*, может выполнять относительно него целую гамму семантических ролей, которые, в частности, включают в себя валентности Q и P.

5.4. Единственный: различные семантические роли определяемого существительного

Предложения с прилагательным *единственный* сообщают, что в некотором универсуме R существует объект Q , обладающий свойством P , и что в R нет других объектов с этим свойством. Непосредственный семантический вклад *единственный* в значение предложения можно сформулировать в виде следующего толкования:

(48) *единственный* (Q, R, P) = 'в множестве R -ов или области R не существует такого объекта, отличного от Q , который обладал бы свойством P '.

Типовая конструкция, в которой были бы заполнены все три валентности прилагательного, обнаруживается в предложении (49):

(49) *Новотель – единственная гостиница, которая находится поблизости от аэропорта.*

Его значение можно разделить на две части: (а) значение, выражаемое помимо прилагательного *единственный* – 'Новотель – гостиница, которая находится поблизости от аэропорта', и (б) значение, вносимое в предложение непосредственно этим прилагательным – 'среди всех гостиниц нет ни одной, отличной от гостиницы Новотель, которая находилась бы поблизости от аэропорта'. Валентности Q слова *единственный* соответствует *Новотель*, валентности R – *гостиница*, а валентности P – пропозиция (x) *находится поблизости от аэропорта*. Прототипически валентность Q заполняется подлежащим при связочном глаголе, валентность R – определяемым существительным, а валентность P – рестриктивным определением при этом существительном.

Здесь мы сталкиваемся с первым обстоятельством, свидетельствующим о необычности валентных свойств слова *единственный*⁸. Как известно, атрибутивная (в широком смысле) и связочная конструкции реализуют одну и ту же валентность прилагательного. Ср. *усталый отец – отец был усталым*. В обоих случаях объекту 'отец' предсказывается свойство 'быть усталым', то есть при переходе от одной конструкции к другой семантическое отношение между существительным и атрибутом не изменяется. Если же перед нами предложение, содержащее, как связочную, так и атрибутивную конструкции, такое, как *Отец был опытным врачом*, то в нем, очевидным образом, прилагательное заполняет свою валентность определяемым существительным, но никак не подлежащим.

В случае прилагательного *единственный* ситуация усложняется. В предложении (49) определяемое существительное и подлежащее оба заполняют валентности прилагательного, и притом разные.

Приведем еще несколько примеров разной структуры на заполнение валентностей *единственный*. Все три валентности одновременно реализуются относительно редко. Чаще всего в предложении можно обнаружить только две или одну.

(50) *Когда Агамемнон отправился в Троянский поход, Эгисф [Q], единственный уцелевший [P] из сыновей Фиеста [R], обольстил Клитемнестру и подбил ее убить мужа 'среди сыновей Фиеста нет никого, кроме Эгисфа, кто бы уцелел'.*

(51) *Охранник [Q] единственный не растерялся и поднял тревогу [P] 'охранник не растерялся и поднял тревогу, и кроме него нет никого, кто бы не растерялся и поднял тревогу'.*

(52) *Единственный охранник [P] не растерялся и поднял тревогу 'охранник не растерялся и поднял тревогу, и кроме него нет никого, кто был бы охранником'*⁹.

⁸ Подробный разбор валентных свойств слова *единственный* содержится в [Богуславский 1996: 202–226].

⁹ В действительности, это и некоторые последующие предложения устроены несколько сложнее. В них определяемому существительному соответствуют сразу две валентности слова *единственный* – Q и P . Однако чтобы не загромождать изложение, здесь мы отвлечемся от этого осложнения, а обсудим его ниже, в 5.6.

Возвращаясь к канонической конструкции (49), нельзя не обратить внимание на то, что достаточно лишь немного изменить структуру предложения, и распределение слов между валентностями прилагательного *единственный* изменится.

(53) *Новотель – единственная гостиница поблизости от аэропорта.*

Это предложение описывает ту же ситуацию, что и (49), но представляет ее несколько иначе. Наиболее естественная интерпретация (53) состоит в том, что в окрестностях аэропорта нет другой гостиницы. Таким образом, здесь произошел сдвиг валентностей. Если в (49) универсумом R, в котором выделялся единственный объект, было множество гостиниц, а признаком P, на основании которого в этом множестве выделялся Новотель, была близость к аэропорту, то в (53) эти две валентности меняются местами. Теперь уже универсумом являются окрестности аэропорта, а признаком – бытие гостиницей.

Это различие в актантах вызвано различием в синтаксической структуре. Рестриктивный модификатор определяемого существительного (*которая находится поблизости от аэропорта*) предназначен играть роль P, в то время как локативный атрибут (*поблизости от аэропорта*) заполняет валентность R. Аналогичный сдвиг валентностей можно видеть в паре (54)–(55):

(54) *Он остановился в единственной приличной [P] гостинице [R]* ‘он остановился в приличной гостинице, и среди всех гостиниц нет другой, которая была бы приличной’.

(55) *Он остановился в единственной в городе [R] гостинице [P]* ‘он остановился в гостинице, и в городе нет другой гостиницы’.

Приведенные предложения показывают, что в различных синтаксических условиях одна и та же валентность (R) может иметь два способа заполнения, пассивный и разрывной, а одна и та же синтаксическая позиция (определяемое существительное) может соответствовать двум разным валентностям прилагательного *единственный*, R и P.

Примечательно, что если модификатор существительного, содержащий слово *единственный*, выделен интонационно и пунктуационно, то добавляется и третья, последняя логически мыслимая возможность: существительное заполняет его валентность Q. Предложения (56)–(58) демонстрируют все эти три возможности.

(56) *Это лекарство [R], единственное по-настоящему эффективное [P], появилось в продаже совсем недавно* = ‘это лекарство появилось в продаже совсем недавно; это лекарство по-настоящему эффективно, и среди всех лекарств нет другого, которое было бы по-настоящему эффективным’.

(57) *Гостиница [P], единственная в городе [R], была забита до отказа* = ‘гостиница была забита до отказа; в городе не было другой гостиницы (= не было ничего другого, что было бы гостиницей)’.

(58) *Кончилась гроза [Q], единственное в мире [R], чего боялся [P] храбрый пес* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) – ‘кончилась гроза; храбрый пес боялся грозы; нет ничего в мире, кроме грозы, чего бы он боялся’.

Эти примеры, показывающие, что определяемое существительное способно заполнять любую из трех валентностей прилагательного *единственный*, могут навести на мысль, что возможно все, что угодно, и что в этой области нет никаких твердых правил. Это не так. Различные актантные структуры примеров (56)–(58) опираются на закономерные свойства русских конструкций.

Чтобы это продемонстрировать, мы сведем конструкции (56)–(58) к конструкциям с уже известными свойствами, следя за тем, чтобы предикатно-аргументные связи слова *единственный* не менялись.

Обособленные определения, представленные в предложениях (56)–(57), сохраняют основные свойства обычных определений, включая предикатно-аргументные. Однако, как мы видели на примерах (49) vs. (53) и (54) vs. (55), в случае атрибутивной конструкции существительное, подчиняющее прилагательное *единственный*, заполняет разные валентности (R или P) в зависимости от того, есть ли при нем рестриктивный модификатор.

Что касается предложения (58), то в нем прилагательное *единственный* субстантивировано. Чтобы свести это предложение к предложению с определением, введем в него определяемое существительное широкой семантики, в результате чего значение предложения не изменится:

(59) *Кончилась гроза, единственная вещь в мире, которой боялся храбрый пёс.*

Мы получили предложение с обособленным приложением, которое соотносится со связочным предложением (60):

(60) *Гроза – единственная вещь в мире, которой боялся храбрый пёс.*

Это предложение уже совпадает по структуре с канонической связочной конструкцией (49), в которой подлежащее заполняет валентность Q:

(49) *Новотель – единственная гостиница, которая находится поблизости от аэропорта.*

5.5. Бесплатно и другие: различные семантические роли зависимого подчиняющего глагола

Глагол *платить* имеет четыре хорошо противопоставленных валентности: X = «кто платит?», Y = «сколько платит?», Z = «кому платит?», и W = «за что?». Что происходит с этими валентностями, когда предикат 'платить' входит в состав значения наречия? Рассмотрим наречие *бесплатно*, толкуемое словарями как 'без оплаты'.

(61) *Пенсионеры пользуются городским транспортом бесплатно.*

Валентность Y предиката 'платить' при *бесплатно* выражена быть не может, поскольку она уже заполнена внутри толкования наречия ('не платится ничего'). Валентность W реализуется посредством подчиняющего глагола: в (61) речь идет о плате (точнее, об отсутствии платы) за пользование городским транспортом. Субъект оплаты выражен субъектом подчиняющего глагола (*пенсионеры*), а получатель остается не выраженным.

Суущественно, что субъект подчиняющего глагола может с равным успехом выражать и валентность Z:

(62) *Мы рассылаем проспекты бесплатно.*

Таким образом, позиция субъекта при глаголе, подчиняющем *бесплатно*, соответствует как валентности субъекта, так и получателя оплаты. Если кто-то делает нечто бесплатно, то он либо не платит, либо не получает оплаты за это действие. Одно и то же действие в принципе может осмысляться и как получение, и как оказание услуги. Так, в контексте приключений Тома Сойера предложение (63) неоднозначно.

(63) *Он красил забор бесплатно.*

Впрочем, реальная неоднозначность возникает очень редко. Чаще всего из контекста понятно, представляет ли собой выполняемое действие оказание или получение услуги.

Если субъект подчиняющего глагола соответствует одному из двух участников акта оплаты (субъекту или получателю), то что можно сказать о позиции второго из них? Он, если и присутствует в предложении, то не связан никакими синтаксическими ограничениями.

Возникает законный вопрос: является ли двойственность позиции субъекта подчиняющего глагола лингвистическим фактом? Нужно ли в описании слова *бесплатно* отмечать то обстоятельство, что валентности субъекта и получателя платежа выражаются субъектом подчиняющего глагола? Может быть, это просто контекстуальная неопределенность, которой не место в лингвистическом описании? На эти вопросы нужно со всей определенностью ответить: указанная двойственность является важным актантным свойством слова *бесплатно* и заслуживает фиксации в его словарной статье. Одни адвербиальные выражения обладают той же особенностью, что и наречие *бесплатно*, а другие – отличаются от него по этому признаку [Левонтина 2004б: 18]. К первой группе можно отнести слова *даром, задаром, задарма, за (просто) так, за здорово живешь, за красивые глаза*, а также *за (сколько-то), частично дорого и дешево*¹⁰:

- (64а) *«Теперь начинаю понимать, – думал я, – какое количество охотников ходит даром в театр в Москве»* (М. Булгаков. Театральный роман) [‘не платя’].
- (64б) *Оскорбленному мужу стало совестно, что из-за него приказчик даром трудился, даром восхищался, улыбался, терял время* (А.П. Чехов. Мститель) [‘не получая платы’].
- (65а) *Бери задаром* (Б. Пастернак. Доктор Живаго) [‘не платя’].
- (65б) *Прежде в парикмахерской за кулисами мастерам щипцы подавал, задаром нищих брил* (В. Гиляровский. Москва и москвичи) [‘не получая платы’].
- (66а) *Можно ли отремонтировать машину за 1000 рублей?* [‘заплатив такую сумму’].
- (66б) *Он за 1000 рублей сделает вам что угодно* [‘получив такую сумму’].
- (67а) *Где можно дешево пообедать?* [‘заплатив небольшую сумму’].
- (67б) *Он может дешево отремонтировать тебе машину* [‘получив небольшую сумму’].
- (68а) *Все одеты чисто, модно, дорого и немножко безвкусно* (В. Кунин. Трое на шоссе) [‘заплатив большую сумму’].
- (68б) *Устанавливаем стеклопакеты дорого и качественно* (из объявления) [‘получив большую сумму’].

Ко второй группе слов, имеющих ограничения на интерпретацию субъекта подчиняющего глагола, относятся два синонима *бесплатно* – *безвозмездно* и *за спасибо*, а также разговорно-сниженные выражения *на халяву* и *на дармовщину*. Первые два из них предпочтительно употребляются в значении ‘не получая платы’, ср. (69)–(70). Последние, напротив, употребляются лишь в значении ‘не платя’, ср. (71).

- (69а) *Профком безвозмездно предоставил шахтерам путевки в санаторий.*
- (69б) *?? Шахтеры безвозмездно получили в профкоме путевки в санаторий.*
- (70а) *За спасибо профи не играют.*
- (70б) *?? Он целый год за спасибо пользовался нашим инвентарем.*
- (71а) *Будут знать неплатежеспособные бабушки, как пить на халяву воду акционерного общества!* [пример из Национального корпуса русского языка]
- (71б) * *Он на халяву <на дармовщину> починил нам забор.*

¹⁰ *Дорого* и *дешево* употребляются в основном с глаголами типа *стоить, купить, продать, обойтись, ценить* и т.п., при которых они заполняют валентность цены. Чисто обстоятельственные употребления, интересующие нас в данном контексте, для этих наречий нетипичны.

Синонимы, различающиеся обсуждаемым свойством, имеются не только в русском языке. Так, испанские наречия со значением ‘бесплатно’ – *gratis* и *gratuitamente* – тяготеют каждое к той или другой интерпретации:

(72a) *Te lo haré gratuitamente* ‘я сделаю это для тебя бесплатно’ [‘не возьму платы’].

(72b) *Los estudiantes estudian gratis* ‘студенты учатся бесплатно’ [‘не вносят платы’].

5.6. *Только и единственный*: сдвоенное заполнение валентности

В этом разделе речь пойдет о случаях, когда одно и то же слово одновременно участвует в заполнении двух разных валентностей. Интересующие нас слова очень близки по смыслу, но резко противоположны по валентным свойствам. Это прилагательное *единственный*, о котором мы говорили в 5.4, и частица *только*. Оба слова имеют три валентности: объект Q, область или множество объектов R, из которого выбирается Q, и свойство P.

Начнем со слова *только*. В зависимости от интонации предложение (73) имеет две интерпретации.

(73) *Отец пьет только красное вино.*

Если интонационно выделено прилагательное *красное*, то предложение означает, что отец не пьет никаких вин, кроме красного. Если же фразовое ударение падает на конечную именную группу, то предложение сообщает, что отец не пьет никаких других напитков, кроме красного вина. Иначе говоря, в первом случае красное вино (Q) выделяется во множестве вин (R), в то время как во втором случае – тот же объект выделяется во множестве, гораздо более обширном, но менее определенном и эксплицитно не названном – множестве всего, что можно пить. Из этих двух осмыслений нас интересует сейчас только первое, специфика которого хорошо видна именно на фоне второго. Она состоит в том, что в предложении заполнены как валентность Q (*красное вино*), так и валентность R (*вино*), и при этом слово *вино*, представленное в предложении лишь один раз, участвует в заполнении их обеих.

Перейдем к прилагательному *единственный*. Оно также допускает совместное выражение двух валентностей в одном слове, но валентности эти другие – Q и P. Вернемся к предложению (52), о котором уже шла речь в 5.4.

(52) *Единственный охранник не растерялся и поднял тревогу.*

Мы утверждаем, что существительное *охранник* совмещает в себе две валентности слова *единственный*. Чтобы показать это, представим значение предложения (52) в виде двух компонентов. Компонент (52a) описывает значение предложения за вычетом слова *единственный*, а компонент (52б) содержит пропозицию, описывающую семантический вклад слова *единственный*. Очевидным образом, (52б) представляет собой толкование (48) слова *единственный* с заполненными валентностями (за исключением валентности R, которая в этом предложении не заполнена).

(52a) ‘охранник не растерялся и поднял тревогу’.

(52б) ‘не было никого, отличного от (этого) о х р а н н и к а [Q], кто обладал бы свойством б ы т ь о х р а н н и к о м [P]’.

Легко видеть, что смысл ‘охранник’ входит в пропозицию (52б) дважды – в составе актантов Q и P, причем в разных денотативных статусах. Актант Q имеет тот же статус, что и вхождение этого существительного в основную часть предложения (52a), то есть в данном случае – конкретно-референтный (‘этот охранник’). В качестве актанта P существительное имеет предикативный статус (‘быть охранником’). Еще нагляднее это раз-

личие проявляется в предложении (74), в котором присутствует эксплицитный показатель конкретно-референтного статуса (*этот*). Здесь валентность *Q* заполняет именная группа *этот охранник* целиком, а валентность *P* лишь ее вершинное существительное *охранник*.

(74) *Этот охранник, единственный во всем здании, не растерялся и поднял тревогу.*

(74а) 'этот охранник не растерялся и поднял тревогу'.

(74б) 'во всем здании не было никого, отличного от этого охранника, кто обладал бы свойством быть охранником'.

6. КОНВЕРСИЯ

«Лексическая конверсия – явление по существу залоговое» [Апресян 1974: 264, цит. по 2 изд.]. Если залог – это грамматикализованная мена диатезы, то конверсия представляет собой лексикализацию этой мены. О конверсии говорят тогда, когда слова, обозначающие одну и ту же или близкие ситуации, различаются тем, какие синтаксические позиции занимают выражения, заполняющие их валентности. Канонические примеры конверсивов: *покупать* – *продавать*, *выиграть* – *проиграть*, *владеть* – *принадлежать*, *любить* – *нравиться*. Конверсные отношения усматриваются и тогда, когда актанты, затронутые конверсией, присоединяются к предикату через связку: *Иванов – учитель моего сына vs. Мой сын – ученик Иванова*, *Москва севернее Киева vs. Киев южнее Москвы*, *Пять больше трех vs. Три меньше пяти*. Ниже мы покажем, что с учетом пассивных и разрывных валентностей разнообразие синтаксических позиций актантов конверсивов заметно больше.

6.1. *Все vs. всеобщий* и другие

В 4.3 мы сопоставляли прилагательное *все*, с одной стороны, и прилагательные ряда *всеобщий*, *поголовный*, *повальный*, *тотальный*, *сплошной*, с другой. Было показано, что при сходстве лексического значения эти слова различаются тем, в каких синтаксических позициях стоят выражения, заполняющие их валентности. Напомним один из примеров:

(30а) *Ожидается, что все дела [R] будут пересмотрены [P].*

(30б) *Ожидается всеобщий пересмотр [P] дел [R].*

Если у прилагательного *все* валентность *R* выражена определяемым существительным, а валентность *P* – сказуемым, то у прилагательного *всеобщий* позиция определяемого существительного зарезервирована для валентности *P*, в то время как валентность *R* выражена зависимым этого существительного.

6.2. *Все* (прилагательное) vs. *все* (существительное)

Предложение (75) допускает два прочтения:

(75) *Захожу, а в каптерке все мои дружки* (В. Белов. Привычное дело).

(75а) 'в каптерке (были) все мои дружки' = 'все, кто мои дружки, были в каптерке'; R = 'мои дружки'; P = 'были в каптерке'.

(75б) 'в каптерке все (были) мои дружки' ≈ 'все, кто был в каптерке, – мои дружки'; R = '(кто) был в каптерке'; P = 'мои дружки'.

В прочтении (75а) предложение означает, мои дружки в полном составе собрались в каптерке, а в прочтении (75б) утверждается, что в каптерке не было посторонних. В соответствии с этим предложение (75) имеет разный лексический состав и разную синтак-

сическую структуру. В (75а) *все* является прилагательным, глагол *быть* имеет значение 'находиться' и подчиняет именную группу *все мои дружки*, а в (75б) *все* является существительным и служит подлежащим при связке.

6.3. *Все vs. только, всё*

Парадоксальным образом, конверсным оказывается соотношение между такими разными словами, как *все* и *только*.

(76) *Здесь лежат [P] все мои документы [R]* ('все, что является моим документом, лежит здесь').

(77) *Здесь лежат [R] только мои документы [P]* ('все, что лежит здесь, является моим документом').

Ср. также частицу *всё*, синонимичную *только*:

(78) *Здесь лежат [R] всё мои документы [P]* ('все, что лежит здесь, является моим документом').

6.4. *Часто vs. многие и другие*

Как пронизательно заметила Т.В. Булыгина, наречия типа *часто, редко, всегда, иногда, иной раз, обычно* и т.п. «иногда обнаруживают глубинную связь с именным, а не глагольным компонентом предложения, выступая в качестве синонимов присубстантивных кванторов *многие, немногие, все, некоторые, иной, большинство* и т.п.» [Булыгина 1980: 351]. Вот ее примеры:

(79а) *Любил я часто, чаще ненавидел* (Лермонтов).

(79б) *Любил я многих, но было больше тех, кого я ненавидел.*

(80а) *Лингвисты редко обладают математическими способностями.*

(80б) *Немногие лингвисты обладают математическими способностями.*

(81а) *Математики иногда прекрасно разбираются в лингвистике.*

(81б) *Некоторые математики прекрасно разбираются в лингвистике.*

(82а) *В русском языке прилагательные всегда согласуются с существительными.*

(82б) *В русском языке все прилагательные согласуются с существительными.*

(83а) *Люди обычно не любят критики.*

(83б) *Большинство людей не любит критики.*

Принимая во внимание различие синтаксических позиций членов этих пар, их точнее называть не синонимами, а конверсивами.

6.5. *Большинство vs. в большинстве (своем) и другие*

Систематическим источником конверсных отношений интересующего нас типа служит адвербиальная деривация:

(84а) *Большинство предприятий госсектора убыточны.*

(84б) *Предприятия госсектора в большинстве своем убыточны.*

(85а) *Он сказал, что до деревни было только пятнадцать километров.*

(85б) *По его словам, до деревни было только пятнадцать километров.*

(86а) *Я считаю, что он преувеличивает.*

(86б) *По-моему, он преувеличивает.*

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги.

Образцовым, каноническим типом валентностей являются активные валентности, в первую очередь глагольные. Эти валентности предполагают, что выражения, которые

их заполняют, синтаксически подчинены предикатному слову. Если ввести в рассмотрение и другие типы валентностей (пассивные и разрывные), то в дополнение к этим стандартным позициям актантов появляются три других: подчиняющее слово, его зависимое и его подчиняющее.

Расширение типологии валентностей приводит к тому, что некоторые привычные понятия оказываются слишком узкими и требуют обобщения. Явления, которые они описывают, следует мыслить в более широком контексте. В первую очередь это относится к самому понятию актанта. Этот термин давно уже закрепился для обозначения выражений, заполняющих именно активные валентности (см., например [Mel'čuk 2004a,b]), и настолько «прирос» к ним, что представляется целесообразным ввести более широкое понятие, для которого актант будет лишь частным случаем. В качестве такого понятия мы в свое время предложили использовать понятие сферы (или области) действия (СД), охватывающее любой фрагмент предложения, значение которого заполняет некоторую валентность предикатного слова [Богуславский 1980; 1985]. Тогда глубинно- и поверхностно-синтаксические актанты, описываемые моделями управления (см. раздел 3 выше), оказываются разновидностью глубинно- и поверхностно-синтаксических СД, а сами модели управления предстают как частный случай СД-правил.

В настоящей статье мы рассмотрели еще два тесно связанных между собой понятия, объем которых также напрямую определяется тем, насколько широко понимается валентность. Это понятия диатезы и конверсии.

Если признать, что активные валентности не исчерпывают всего спектра возможностей, то приходится признать также и то, что соответствие между СемА и ГСинтА, традиционно называемое диатезой, является частным случаем соответствия между СемА и ГСинтСД. Это более широкое соответствие представляет интерес потому, что для него, так же, как и для диатезы, свойственна неединственность, то есть ситуация, при которой одна валентность может заполняться выражениями, имеющими разные синтаксические позиции, а одна синтаксическая позиция может обслуживать разные валентности. Однако в отличие от мены глагольной диатезы, которая находит формальное выражение в категории залога, различие в ГСинтСД не имеет морфологической маркировки, что делает это явление менее заметным и более трудным для обнаружения и исследования.

Другое важное отличие отсутствия взаимно-однозначного соответствия между СемА и ГСинтСД от традиционных случаев неединственности глагольной диатезы состоит в следующем. Когда у глагола имеется более одной диатезы, одна из них, как правило, является первичной, а остальные являются производными. От предложения с основной диатезой часто можно перейти к предложению с производной диатезой, в большей или меньшей степени сохраняя пропозициональное значение. Единицы, описанные выше в разделе 5, такого варьирования, как правило, не допускают. Неединственность не обязательно влечет возможность варьирования.

Понятие конверсии так же, как и диатеза, апеллирует к синтаксическим позициям, которые занимают актанты, и, как было показано в разделе 6, эти позиции следует выбирать из более обширного списка, чем это принято.

Расширение круга фактов, покрываемых понятиями диатезы и конверсии, является непосредственным следствием признания того обстоятельства, что помимо активных валентностей существуют валентности пассивные и разрывные. Вместе они образуют широкий и разнообразный класс явлений, объединенных концепцией валентности как универсального средства соединения значений слов в предложении. Это несколько не препятствует тому, чтобы видеть в этом широком классе специфические подклассы, требующие и специфических инструментов описания. Например, для описания важнейшего подкласса валентных слов – слов с активными валентностями – разработано понятие управления, которому посвящена огромная литература. Ничуть не подвергая сомнению плодотворность изучения управления, мы считаем тем не менее полезным видеть, что оно охватывает лишь один из типов соотношения между предикатным словом и выражением, заполняющим его семантическую валентность. Усматривая общность между диатезой как специфически глагольным явлением и более широким соответствием

между СемА и ГСинтСД, мы несколько не размываем границы весьма богатой и содержательной области глагольного залога и не пытаемся «протащить» в нее чуждый ей материал. Наша цель – лишь показать, что возможен более общий взгляд на проблему соответствия между семантическими актантами и их синтаксическими позициями, при котором и глагольные залоговые, и вариативность семантических функций существительного относительно прилагательного, и многие другие явления, продемонстрированные выше, предстают как разные грани одного и того же интереснейшего феномена – механизма соединения значений слов в предложении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 2004 – Ю.Д. *Апресян*. Словарная статья *отомстить* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Апресян 2005 – Ю.Д. *Апресян*. О московской семантической школе // ВЯ. 2005. № 1.
- Апресян 2006 – Ю.Д. *Апресян*. Глагольное управление revisited // *Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu* / Pod red. I. Bobrowskiego, K. Kowalik. Kraków, 2006.
- Богуславская 2004 – О.Ю. *Богуславская*. Словарная статья *всеобщий* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Богуславский 1980 – И.М. *Богуславский*. О понятии сферы действия предикатных слов // ИАН СЛЯ. 1980. Т. 39. № 4.
- Богуславский 1985 – И.М. *Богуславский*. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.
- Богуславский 1996 – И.М. *Богуславский*. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Богуславский 2005 – И.М. *Богуславский*. Валентности кванторных слов // Квантификативный аспект языка. М., 2005.
- Булыгина 1980 – Т.В. *Булыгина*. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Виноградов 1972 – В.В. *Виноградов*. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
- Зализняк Анна 2006 – Анна А. *Зализняк*. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Левонтина 2004а – И.Б. *Левонтина*. Словарная статья *напрасно* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Левонтина 2004б – И.Б. *Левонтина*. Словарная статья *безвозмездно* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Мельчук 1974 – И.А. *Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М., 1974.
- Мельчук, Холодович 1970 – И.А. *Мельчук*, А.А. *Холодович*. Залог (Определение. Исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4.
- Boguslavsky 2003 – I. *Boguslavsky*. On the passive and discontinuous valency slots // Proceedings of the 1st International conference on Meaning-Text theory. Paris, École Normale Supérieure, June 16–18, 2003.
- Boguslavsky 2005 – I. *Boguslavsky*. Actant properties of adverbial derivatives // East West encounter: Second International conference on Meaning-Text theory. M., 2005.
- Mel'čuk 1988 – I. *Mel'čuk*. Dependency syntax: Theory and practice. New York, 1988.
- Mel'čuk 2004a – I. *Mel'čuk*. Actants in semantics and syntax I: actants in semantics // Linguistics. V. 42(1). 2004.
- Mel'čuk 2004b – I. *Mel'čuk*. Actants in semantics and syntax II: actants in syntax // Linguistics V. 42(2). 2004.
- Mel'čuk 2006 – I. *Mel'čuk*. Aspects of the theory of morphology. Berlin; New York, 2006.
- Paducheva 2003 – E. *Paducheva*. Diathesis: some extended applications of the term // Proceedings of the 1st International conference on Meaning-Text theory. Paris, École Normale Supérieure, June 16–18, 2003.
- Partee 2005 – B. *Partee*. Diathesis alternations and NP semantics // East West encounter: Second International conference on Meaning-Text theory. M., 2005.
- Somers 1987 – H.L. *Somers*. Valence and case in computational linguistics. Edinburgh, 1987.

© 2008 г. Л.Э. КАЛНЫНЬ

ОСОБЕННОСТИ КОНСОНАНТНОЙ СИНТАГМАТИКИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ/ДИАЛЕКТАХ

В статье показано, что правила консонантной синтагматики в славянских языках/диалектах определяются звуковым пространством разного типа (или разными рамочными единицами). С одной стороны, это конкретное сочетание согласных, различающихся своей артикуляцией. А с другой – фонетическое слово, как общее пространство движения звукообразующего шума. Синтагматические решения в фонетическом слове имеют иную логику, чем в конкретном сочетании, и отражают синтагматические новации, возникшие на фоне тех преобразований звуковой линейной последовательности, которые были вызваны падением редуцированных.

В изучении славянской фонетики, начиная с праславянского состояния, значительное внимание уделялось правилам сочетания звуков в линейной последовательности. В славянских языках/диалектах на протяжении истории менялось пространство синтагматических определений. До падения редуцированных гласных таким пространством был слог, имевший однотипное устройство (открытый, восходящая сонорность) и унифицированный в отношении высоты тона (палатальная, велярная просодемы). Это, по мнению С.Б. Бернштейна, имело диагностическое значение для придания звуковой последовательности статуса сочетания. Он пишет: в праславянском «сочетанием согласных» можно считать только тавтосиллабические комбинации звуков, а звуки, разделенные слоговой границей, образуют «простое соседство» и к ним нельзя относить правила синтагматики, актуальные в слоге [Бернштейн 1961: 131, 137].

Падение редуцированных гласных не только изменило слоговую структуру слова, сделав допустимыми закрытые слоги, но и нарушило актуальные ранее правила консонантной синтагматики. Утрата слабых редуцированных гласных, в частности, провоцировала появление сочетаний согласных, которые ранее были синтагматически запрещены. В результате слово- и формообразования согласные могли появляться в таких позициях, которые ранее вообще отсутствовали и поэтому не могли соотноситься с какими-либо синтагматическими правилами. В ситуации, когда слово перестало быть последовательностью только открытых слогов, в соседстве друг с другом оказались согласные, различающиеся по любому из консонантных признаков – участие голоса, высота тона (палатализованность ~ веляризованность), место и способ образования, уровень сонорности. Изменилось и пространство синтагматических решений – это был уже не слог, а сегмент, образованный рядом стоящими звуками, безотносительно к границе слога.

Синтагматическая ситуация, возникшая после падения редуцированных, отличалась от праславянской количеством фонетических изменений, происходящих в слове. В праславянской фонетике в звуковой последовательности происходили: «воздействие гласных и *j* на согласные», «воздействие *j* и шипящих согласных на последующие гласные». В консонантных сочетаниях чаще всего происходило то, что А. Мейе называет «редукция сочетания», т.е. утрата одного согласного (*damь < dadmь, osa < opsa* и др.) [Мейе 1951: 71, 95, 102]. Более редки изменения по способу и месту образования (*tt > st*, возможно *tl > kl, dl > gl*) [Бернштейн 1961: 190]. После падения редуцированных в славянских языках/диалектах происходили более разнообразные синтагматические изменения в звуковой цепи. В особенности это касается консонантных сочетаний.

Некоторые из вновь возникших сочетаний согласных могли ощущаться как произносительно неудобные (тем более, если они противоречили ранее актуальным правилам синтагматики) и поэтому подвергались преобразованиям. Такими преобразованиями формировались новые правила сочетания согласных. О содержании этого процесса можно судить по тем изменениям, которые отражены в консонантных сочетаниях в современных славянских языках/диалектах. При этом надо отметить, что вновь возникшие правила сочетания согласных оказались весьма индивидуализированы в отдельных языках и диалектах. Как один из примеров этого, можно привести результаты изменения сочетания *dn* в разных славянских диалектах – н.-луж. *parnuś, sturńa, pśelńica*; словац. *gńes, gnu, honni, pannút, slobono*; хорв. *lno, bò:lńok, gláhna, 'lasna (= gladna)*; болг. *utkrábnъl* и др.

При сочетании согласных в линейной последовательности распространены изменения, направленные на снижение артикуляционного контраста между согласными. Наиболее очевидно это достигается путем **ассимиляции** согласных. Ассимиляция может иметь прогрессивную направленность, когда второй согласный уподоблялся первому (действие произносительной инерции), и регрессивную, при которой приоритет имела артикуляция второго согласного (действие принципа антиципации). При этом одинаковое сочетание согласных могло подвергаться изменениям в разных направлениях в разных диалектах. Таково, например, разное изменение сочетаний смычных зубных с фрикативными согласными. В македонском смычка распространяется на второй согласный – *odzadi, nadzornik, potčepnit, otči (= otši), otcičit* [FO 1981: № 101], *da go ot'cee, ot'cega, ot'chie, nadč'u'vee* [Vidoeski 1970: 87]. В белорусском полесском говоре наоборот, фрикативность распространяется на первый согласный – *ац стакáна, пац'с'евáйом, ач шáпк'і, адж жóнк'і*. Факты ассимиляции согласных достаточно полно каталогизированы в имеющихся описаниях славянской фонетики.

В славянских языках/диалектах представлены и такие изменения консонантных сочетаний, которые эксплицированы увеличением артикуляционного контраста между согласными. Это – **диссимиляция** согласных.

Логика ассимиляции и диссимиляции сегментов звуковой последовательности находятся в разном отношении к представлению о произносительном удобстве, на которое, по определению, должны ориентироваться линейные фонетические изменения. Целью таких изменений в принципе не должно быть усложнение артикуляции звукового ряда. Можно полагать, что линейный сегмент, компоненты которого по своей артикуляции не сильно различаются, является более удобным для произношения в сравнении с сегментом, состоящим из более контрастных единиц.

Однако в славянской фонетике имеются такие проявления консонантной синтагматики, логика которых не вполне совпадает с их фонетической экспликацией. Изменение может **внешне** выглядеть как увеличение контраста между согласными, а **по существу** является ассимиляцией и реализует произносительное упрощение.

Такого типа явление отмечено в севернорусском говоре (Холмогорский р-н). Здесь происходит мена *n > n'* перед *š, ž* – *омма́н > омма́н'шык, ц'інга́ > зац'ін'жыла, жена́ > жéн'шчына*. Внешне это выглядит как диссимиляция согласных по высоте тона (замена твердого согласного мягким перед следующим твердым согласным). Однако в действительности – это ассимиляция согласных по месту образования. Мена *n > n'* в этом случае является следствием сближения места затвора носового согласного с зоной образования переднеязычного спиранта. Но затвор, характерный для *n'*, не сочетается с корональной формой языка, присущей *n*, и поэтому корональная форма заменяется дорсальной. В результате получается артикуляционное уподобление, сопровождаемое в то же время усилением контраста между согласными по высоте тона. Этот пример свидетельствует не только о несовпадении мотивировки ассимиляции и ее аудитивно воспринимаемого результата, но и об определенной иерархии признаков, по которым происходит уподобление. Контраст по высоте тона оказывается менее значимым на фоне приоритетного значения признака места образования.

Похожая ситуация отражена в хорватских говорах в виде изменения $n, l > \acute{n}, \acute{l}$ после задненебных смычных g, k – *gní:zdo, gnò:j, glístina* [FO 1981: № 45], *g'lu:xi, g'le:tva, klin, klá'či* [FO 1981: № 31], *kle:'pac, g'ledati, 'lib, k'li:ška* [FO 1981: № 37], *'legne, na'takneš, 'nikne, k'nga, g'netav* [FO 1981: № 69]. В основе этого изменения лежит прогрессивная ассимиляция по месту образования – передвижение n, l по направлению к задненебным g, k помещает сонант в палатальную зону.

Обычно как диссимилиация интерпретируется изменение $mn > vn$ – словен. *lakovnica, vnođugo, vnožina, spláunom* (< plamenom) *spōvnit se* [Ramovš 1924: 94]; хорв. *gúvno, távno, tavnica* [Peco 1983: 257], *slò:vnica, dù:vna* [FO 1981: № 42], болг. *зевнѝк, пѝтѝвно, стрѝвно, плѝвник, тевнѝ, стѝвна* [Умленски 1965: 61]; укр. *шѝвний, зоўноў* (= со мной), *теўний, запѝнути* [Жилко 1955: 95], сев.-русск. *внѝго, т'евнѝтѝ, надо внѝй*. Однако и это изменение можно считать ассимиляцией по месту образования, поскольку билабиальная артикуляция заменяется лабиодентальной, а дентальное сближение свойственно согласному n .

Один из примеров допустимости альтернативной интерпретации для таких консонантных изменений, которые имеют вид прогрессивной диссимилиации, имеется в белорусских говорах. Это – изменение сочетания фрикативных согласных в последовательность 'фрикативный + аффриката', т.е. $ss > sc, zz > zʒ, šš > šč, žž > žʒ$: *ты с'м'ijél'c'ц'la, /c'ц'él'eloc' мѝлакѝ, валѝ/c'ц'la, кал'c'ц'лѝ ат касѝ, рал'c'ц'ыпѝ мукѝ, мѝл'з'дз'ly* (Inst sg), */здз'ádз'i* (< зз), */ш ч'ышкѝй* (< ш#ш < с#ш), */ш ч'ум'ixѝй, /ж дж'ѝнкѝй* (< ж#ж < с#ж) [Крывіцкі, Падлужны 1984: 177]. Можно полагать, что такое произношение является следствием достаточно высокого уровня напряженности фрикативных согласных. Напряженность усиливается в последовательности одинаковых согласных, а это ведет к образованию смычки между первым и вторым согласным. В этих условиях сочетание фрикативных согласных как бы приобретает свойства дифтонгоида, т.е. нерасчлененной последовательности, поскольку нельзя решить, каким из двух согласных обусловлено появление смычки. Здесь трудно применить понятие ассимиляция/диссимилиация – равновероятно приспособление первого согласного ко второму и второго к первому.

В белорусских говорах имеется и противоположное изменение в сочетании фрикативного согласного со смычным, когда вторая смычная артикуляция заменяется фрикативной (прогрессивная ассимиляция). Это – *с':эны* (< сцены), *кас':эй* (касцей), *кас:ы* (касцы), *р'эш:а* (< рещча impreg) и под. [Там же: 178]. Такое слияние двух согласных в один долгий возможно на фоне более низкой напряженности согласных, чем это имеет место в рассмотренных выше примерах.

Логика многочисленных изменений консонантных сочетаний в славянских диалектах определяется взаимодействием артикуляции рядом стоящих звуков. В синтагматическом аспекте консонантное сочетание в слове выступает в виде замкнутого пространства. В этом можно видеть сходство с праславянской ситуацией, где таким замкнутым пространством был слог. Но после падения редуцированных слово перестало ассоциироваться с последовательностью однотипных слогов, и слог перестал быть той рамочной единицей, в пределах которой реализовались правила синтагматики. Натуральной единицей членения звучащей речи стало фонетическое слово, т.е. линейная последовательность, ограниченная с обеих сторон паузой. Как ранее в организации слога, в основе фонетического слова лежит программа, регламентирующая звуковую организацию этого сегмента речи. Фонетическое слово стало той рамочной единицей, которая в принципе могла влиять на синтагматику составляющих слово звуков.

Действительно, в славянской фонетике представлены такие изменения консонантных сочетаний, логика которых может ассоциироваться именно с пространством фонетического слова в целом, а не только с пространством конкретного сочетания звуков в слове.

Проявление этого можно видеть в таких изменениях консонантных последовательностей, когда согласные, локализованные в передней зоне ротовой полости, заменяются заднеязычными согласными (g, k, x, h).

Современным славянским диалектам достаточно известно изменение $d, t > g, k$ перед сонорными согласными.

В словенских говорах – $gnə, g'na:r$ (=denar) [FO 1981: № 10], $k'na:ta, g'nar:, k'tačim, k'lije$ [FO 1981: № 17], $k'na:la, 'pɔ:kle, g'nar$ [FO 1981: № 18], $'ve:gne, g'na:ko, gnes, g'le:sna, g'la:n, 'mekla$ [FO 1981: № 149]; $g'lu:mp, g'le:itva, k'la:čijo, 'ku:kla$ (= tolklja), $g'na:r, g'nie:s$ [Koletnik 2001: 111];

в хорватских – $'maqla, glɔn, g'laka, kmī:ca$ [FO 1981: № 29], $měkla, nâkle, glēhtvę$ [Peco 1980: 175]; $měknut, mēknija$ [Finka 1995: 648];

в сербских – $gläko, glëto, pëklja. gláhna, nah njôm$ [Peco 1980: 31, 97];

в македонских – $g'tobok, g'leto, k'tanik, k'leit, k'nočko$ [FO 1981: № 99];

в болгарских – $zág'n'a, sprég'n'a, prég'n'o$ [БДА III: К. 63, с. 64];

в словацких – $klčiem, klknút, glhí, sveklo, glžen, mgli$ (=mdlý), $gnu, gněs, istokne, ožlknút'$ [Stanislav 1958: 545], произношение $kíct', klk, klmačit', klatí, glho, gložba, glžava$ предлагается объяснять контрастом между слоговым l (т.е. $l̥$) и предшествующими t, d [Pauliny 1963: 170];

в украинских говорах – в материалах ОЛА отмечено в некоторых говорах произношение gno, hno (*дъно); в [АУМ III: 247] $gl'a, gmit'po, gn'in'po$; в гуцульском говоре (Путьильский р-н) $klúmok, doklá, m'íklá, sv'íkla$ (Gen світло), $ukl'ílose$.

Замена губного взрывного согласного задненебным перед губным сонорным, т.е. $bt > gt$, свойственна некоторым русским говорам. Так, в вологодском говоре – $огмануў, огмоц'іў, огморóз'іwc'e, огм'іраў, óгморок$. В этом говоре такое же изменение происходит перед лабиодентальным губным согласным – $огвал'ілас'e, огв'ернула, óгв'іл'і$ (= обвили).

Перечисленные изменения увеличивают артикуляционный контраст по месту образования между рядом стоящими согласными. Первый согласный из передней зоны перемещается в заднюю зону, как бы перескакивая через промежуточные этапы – передне-небный и палатальный ряды. Надо отметить, что перемещение зубного согласного перед n в передне-небный или палатальный ряд не является чем-то невероятным. Так, в серболуж. говорах отмечено произношение $járnuś$ (*vędnuti) [SS T.3: 276], $sturnia$ [SS T.5: 127], $parnuś, spórny, pšern'ica$ [Калнынь 1967: 175]. В хорватском говоре $dn > jn$ – $zājni, srėjni$ [Peco 1980: 97].

Замена зубного (переднеязычного) согласного задненебным (заднеязычным) внешне выглядят как диссимиляция, увеличивающая расстояние между локальными рядами первого и второго согласных. При рассмотрении механизма изменения перечисленных сочетаний надо учитывать их артикуляционную специфику. Сочетания $[p, b + m], [t, d + n], [t, d + l]$ артикулируются как один согласный. Имеется специальное терминологическое обозначение таких артикуляций. М.В. Панов определяет bt, dn как «губная и зубная щелчковая артикуляция», а tl, dl как «взрывно-боковой звук» [Панов 1967: 37, 38]. О. Брок для тех же артикуляций использует термины «носовой» и «боковой взрыв» [Брок 1910: 144].

Слитность артикуляции рядом стоящих согласных создает благоприятные условия для артикуляционной унификации соответствующего сегмента, т.е. ассимиляции, которая достаточно известна в славянских диалектах в рассматриваемых сочетаниях. Изменение $dn > nn$ фиксируется в восточнославянских диалектах, польских [OF 1983: 92], чешских [Navránek 1934: 140], болгарских [БДА II: К. 109], $dn > nn > n$ в словацких [ASIJ I: К. XXV; Stanislav 1958: 549] и др. Изменение $dl > ll > l$ отмечено в словацких [ASIJ I: К. XXV; Селищев 1941: 72], в словенских [Weiss 2001: 336], в украинских гуцульских и др.

Для расподобления тех же компонентов сегмента надо преодолеть артикуляционную слитность их произношения, что должно иметь особую мотивацию. Возможно следующее объяснение.

Изменение $[d > g, h], [b > g], [t > k]$ перед n, l, m могло произойти с целью перестройки артикуляции консонантной последовательности в соответствии с естественным направ-

лением движения шума в фонетическом слове, т.е., в конечном счете, для упрощения произношения. Имеется в виду следующее. Начало звукодвижения (образования звука) вообще локализуется в задней зоне речевого аппарата и далее реализуется путем преодоления преград, образуемых в его передних частях. Переключение зубного смычного в назальный или латеральный сонант осуществляется путем некоторого перемещения языкового сближения с зубами спереди назад (от *t, d* к *n, l*) т.е. навстречу движению воздушной струи, образующей шум. Изменение [*d > g*], [*t > k*] перед *n, l* означает, что подход к сонантам переместился из передней части ротовой полости в ее заднюю часть. Это соответствует естественному направлению движения шума при образовании консонантной последовательности. То же относится к изменению *bt > gt*.

Коррекция направления движения шума при образовании консонантного сочетания выражается также в замене фрикативного зубного и передненебного согласного задне-небным перед аффрикатой.

Так, в болгарских говорах – *zróxče* (< шч), *nóxče* (< жч), *móxče* (= мостче) [Иванов 1977: 125]; *praхч'ица*, *sv'ixч'ица*, *nóхч'и*, *ч'úхч'иц'и*, *c'áках ч'и* (< ш#ч), *хч'уп'иш*, *ш'ex' ч'áса*, *вахч'арв'ену* (< шч < сч), *ах ч'этох* (< з#ч), а также *сх > хц* – *сах ц'áр*, *сьх ц'úган'ан*, *б'их ц'иш'а* [Калнынь, Попова 1993: 157].

Изменение зубного и передненебного спиранта в *x* означает перемещение подхода к аффрикате из передней части ротовой полости в ее заднюю часть. Это ведет к тому, что развитие шума движется по каналу звучания от более задней и простой артикуляции (фрикативной) к более сложной и передней (аффрикативной) происходит в соответствии с естественным направлением шумопрохождения, а не навстречу ему.

В сербских говорах изменение *s, š, z, ž* перед аффрикатой в заднеязычный спирант имеет вид произношения глухого фарингального спиранта $\hat{h}$ перед глухим согласным и звонкого задненебного γ перед звонким. Локализация спиранта в фарингальном ряду максимально приближает артикуляцию первого согласного сочетания к месту начала звукодвижения. Это – *'vuko:ĥci*, *p'raĥci*, *m'tadĥcu*, *g'roŷze*, *gvo:ŷze*, *beŷ zece* [FO 1981: № 75]; *lí:ĥca*, *klà:ĥce*, *pùĥcim*, *ĥcèt*, *gùĥče*, *bá:ĥča*, *brè:ŷze* [FO 1981: № 78], а также *seléxce* (< šc), *piléxce* [FO 1981: № 50].

В сербском говоре к такому же типу относится изменение *šč > kč* – *'gukče*, *ko'žukče*, *o'rakče*, *'dakčica* [FO 1981: № 81]. В этом случае перемещение первого компонента сочетания в заднюю зону звукообразования сопровождается изменением его способа образования – фрикативность заменяется взрывностью.

Рассмотренные факты славянской фонетики могут послужить основанием для следующих выводов.

После падения редуцированных в славянских языках/диалектах преобладающей тенденцией в консонантной синтагматике является ассимиляция, т.е. уменьшение артикуляционного контраста между согласными. При этом приоритетное значение может получать один из признаков согласного – часто это м е с т о о б р а з о в а н и я. В таком случае может увеличиться контраст между согласными по другим признакам, что создает эффект опосредованной (или – менее значимой) диссимиляции (*nš > n'š*, *gn > gń*, *tn > vn*).

Но изменение места образования согласного определяется не только удобством произношения конкретного сочетания. После падения редуцированных гласных изменился тип линейной последовательности, в которую были включены консонантные сочетания – не слог, а фонетическое слово. В соответствии с этим коррекция звукообразования могла ориентироваться на удобство произнесения слова, а не только отдельного сочетания. Это удобство достигалось организацией движения артикуляции в соответствии с естественным направлением движения шума. Именно так можно объяснить перемещение согласных из передней зоны ротовой полости в задненебный/фарингальный ряд. Нельзя усматривать в этом результат взаимовлияния артикуляций двух согласных в рамках сегмента, равному сочетанию согласных – слишком велико расстояние между исходным согласным и его заменой. То, что в этом случае может происходить расподобление рядом стоящих звуков, имеет второстепенное значение, поскольку главной явля-

ется ориентация на коррекцию направления движения шума. Термин *диссимилиация согласных* в применении к таким изменениям не отражает содержание явления.

Таким образом, можно считать, что особенность консонантной синтагматики в славянских языках/диалектах состоит в том, что ее правила определяются звуковым пространством разного типа (или разными рамочными единицами). С одной стороны, это замкнутое пространство конкретного сочетания согласных, различающихся своей артикуляцией. А с другой – фонетическое слово, как пространство движения звукообразующего шума. Синтагматические решения в фонетическом слове имеют иную логику, чем в конкретном сочетании. Консонантные изменения, связанные с фонетическим словом, вероятно, отражают синтагматические новации и встречаются в славянской фонетике реже, чем изменения в конкретных сочетаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АУМ III – Атлас української мови. Ч. 3. Київ, 2001.
Бернштейн 1961 – С.Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
БДА – Български диалектен атлас. Т. I–IV. София, 1964–1978.
Брок 1910 – О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
Жилко 1955 – Ф.Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.
Иванов 1977 – Й.Н. Иванов. Български преселнически говори. София, 1977.
Калнынь 1967 – Л.Э. Калнынь. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком диалектном языке. М., 1967.
Калнынь, Попова 1993 – Л.Э. Калнынь, Т.В. Попова. Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации // ИСД. 2. М., 1993.
Кривіцкі, Падлужны 1984 – А.А. Кривіцкі, А.І. Падлужны. Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.
Мейе 1951 – А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.
Панов 1967 – М.В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.
Селищев 1941 – А.М. Селищев. Славянское языкознание. М., 1941.
Умленски 1965 – И. Умленски. Кюстендилският говор. София, 1965.
ASIJ I – Atlas slovenského jazyka I. Vokalizmus a konsonantizmus. Uvod. Komentare. Bratislava, 1968.
Finka 1995 – B. Finka. Glasovna oblježja govora mjesta Sukošana kod Zadra // Македонски јазик. Год. XL–XLI, 1989–1990. Скопје, 1995.
FO 1981 – Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
Havránek 1934 – B. Havránek. Nářečí česká. Praha, 1934.
Koletnik – M. Koletnik. Slovenskogoriško narečje. Maribor, 2001.
OF 1983 – Opisy fonologiczne polskich punktów «Ogólnosłowiańskiego językowego atlasa». A. Basara, J. Basara. Zeszty II. Wrocław, 1983.
Pauliny 1963 – E. Pauliny. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
Peco 1980 – A. Peco. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd, 1980.
Peco 1983 – A. Peco. Govor Podveležja // Basanskohercegovački dijalektološki zbornik. Kn. V. Sarajevo, 1983.
Ramovš 1924 – F. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika. Ljubljana, 1924.
SS – Sorbische Sprachatlas. Т. 1–13. Bautzen, 1965–1990.
Stanislav 1958 – J. Stanislav. Dejiny slovenskeho jazyka I. Bratislava, 1958.
Vidoeski 1970 – B. Vidoeski. Grupy konsonantyczne s(z), š(ž) + c, č w dialektach macedońskich // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Т. 9. 1970.
Weiss 2001 – P. Weiss. Fonološki opis posavskega govora kraja Spodnje Kraše // Jezikoslovni zapiski 7. 1–2. Ljubljana, 2001.

© 2008 г. Т. НЕССЕТ

**ОБЪЯСНЕНИЕ ТОГО, ЧТО НЕ ИМЕЛО МЕСТА: БЛОКИРОВКА
СУФФИКСАЛЬНОГО СДВИГА В РУССКИХ ГЛАГОЛАХ***

Известно, что русские глаголы с непродуктивным суффиксом *-a-* мигрируют в класс глаголов с продуктивным суффиксом *-aj-*. Так, рядом с формой настоящего времени *каплет* (с суффиксом *-a-*) возникла форма *капает* (с суффиксом *-aj-*). Однако почему такому «суффиксальному сдвигу» подвергаются не все глаголы с суффиксом *-a-*? В статье предложено объяснение блокировки суффиксального сдвига на основе взаимодействия трех факторов: упрощения, соответствия целевой категории и обобщений, касающихся результата (*product-oriented generalizations*).

По традиции историческое языкознание описывает изменения, происходящие в языке, и пытается объяснить, почему они происходят. Но что оно может сказать по поводу изменений, которые не происходят? Можно ли их объяснить? Настоящая статья посвящена трем случаям блокировки происходящей сейчас перемены в системе русского глагола, которую я называю «суффиксальным сдвигом». Показано, что особую важность представляют три фактора: упрощение, соответствие целевой категории и обобщения, касающиеся результата (*product-oriented generalizations*). Несмотря на то, что ни один из этих факторов, взятый в отдельности, не сумел бы послужить достаточным основанием блокировки суффиксального сдвига, в совокупности они представляют рациональное объяснение того, почему она происходит. Это и будет показано в статье.

Кроме попытки объяснить блокировку суффиксального сдвига, настоящая статья предлагает возможные предпосылки для будущих изменений. Несмотря на то, что до сих пор суффиксальный сдвиг не происходил у корней с щелевыми согласными на конце, мы покажем, что глаголы этого типа подвержены большему риску, чем другие глаголы современного русского языка, у которых суффиксальный сдвиг не наблюдается. Если суффиксальный сдвиг начнет распространяться на новые классы глаголов, то, согласно нашему анализу, особенно высока вероятность такого изменения для глагольных корней с щелевыми согласными на конце; более того, именно они первыми подпадут под него.

Значение данного исследования выходит за рамки русского и славянского языкознания. Во-первых, мы покажем, что изучение блокировок – продуктивное направление исторического языкознания и что упрощение, соответствие целевой категории и обобщения, касающиеся результата, – важные факторы блокировки лингвистических изменений и в других языках. Во-вторых, данное исследование подчеркивает важность целевой категории для языкового изменения: все гипотезы в этой работе относятся именно к целевой категории. В-третьих, изучение соответствия целевой категории демонстрирует ту важность, которую приобретают размеры морфологических классов при языковых изменениях. Более точно: предложенный здесь анализ предполагает, что категориальный класс должен быть в три раза крупнее категориального класса, конкурирующего с

---

* Автор благодарит П. Иосада, В. Плунгяна, С. Соколову, Л. Янду и рецензента «Вопросов языкознания», а также слушателей конференций в Бергене, Кракове и Копенгагене за их замечания, касающиеся более ранних версий данной статьи. Спасибо также Е. Романовой за подготовку русского текста и Университету Тромсё за финансовую поддержку.

ним, чтобы быть в состоянии «переманивать» его членов. И последнее, не менее важное замечание: данное решение проблемы блокировки суффиксального сдвига представляет аргументы в пользу таких направлений лингвистической мысли, как когнитивное языкознание, которое обеспечивает необходимое применение обобщений, касающихся результата.

В первом разделе приводится обзор суффиксального сдвига в русских глаголах, со второго по четвертый – рассматривается упрощение, соответствие целевой категории и обобщения, касающиеся результата, в пятом – подводится итог исследования, выполненного в данной работе.

1. СУФФИКСАЛЬНЫЙ СДВИГ В РУССКИХ ГЛАГОЛАХ

У подавляющего большинства русских глаголов за корнем следует глагольный суффикс. Пять таких суффиксов, /aj/, /ej/, /ova/, /i/ и семельфактивный /ni/ образуют продуктивные классы глаголов, в то время как остальные группы непродуктивны¹. В подобной ситуации языковед-историк ожидал бы, что глаголы из непродуктивного класса будут переходить в продуктивные. Такое ожидание имеет все основания. Как известно по материалам славянского языкознания, во многих глаголах непродуктивный суффикс /a/ заменяется на продуктивный /aj/. Нетрудно понять, почему это происходит. Эти два суффикса омонимичны в формах инфинитива и прошедшего времени. В таких формах, где за глагольным суффиксом идет словоизменительное окончание, начинающееся на согласный, оба суффикса выглядят как /a/. Глядя на такие инфинитивы как *делать* и *капать* и их формы прошедшего времени *делал* и *капал*, абсолютно невозможно заключить, что глагол *делать* содержит суффикс /aj/, а *капать* принадлежит к непродуктивному классу глаголов с суффиксом /a/. Очевидно, омонимия в инфинитиве и прошедшем времени послужила основой диахронического изменения, вследствие которого продуктивный суффикс вытесняет свой непродуктивный «конкурент» в остальных глагольных формах. По терминологии Андерсена [Andersen 1973], это является примером абдуктивного изменения. Основываясь на фактах омонимии в инфинитиве и прошедшем времени, носители языка делают «ложный» вывод о форме суффикса в настоящем времени и в повелительном наклонении. В результате происходит суффиксальный сдвиг. В качестве иллюстрации, рассмотрим нижеследующие примеры, демонстрирующие формы настоящего времени 3-го лица множественного числа глагола *капать*. Заметим, что когда *капать* используется в качестве переходного глагола, то принимает только форму с суффиксом /aj/ [Зализняк 1977]²:

(1) Слезы *каплют* одна за другой на клавиши (Гончаров 1856 – суфф. /a/).

(2) Слезы в щипки *капают* (Битов 1969 – суфф. /aj/).

Форма *каплют* в (1) представляет первоначальную, непродуктивную модель. Согласно (морфо)фонологическим правилам русского языка, во избежание зияния происходит усечение суффикса /a/ перед окончанием, начинающимся на гласный. С другой стороны, в (2) наблюдается инновативный суффикс /aj/. Несмотря на то, что некоторые авторы относят суффиксальный сдвиг уже к XI веку [Волков 1958], здесь мы имеем дело с современным языковым изменением, в результате которого возникает конкуренция между суффиксами /a/ и /aj/. По наблюдению Х. Андерсена, тщательно исследовавшего суффиксальный сдвиг, синхронная форма изучаемых глаголов «содержит все признаки

¹ По общепринятой практике, примеры, приведенные в виде фонемной транскрипции, помещаются в косые скобки. Для удобства читателя, между корнем и словообразующим суффиксом ставится дефис, а перед словоизменительным окончанием – знак плюс: /del-aj+ut/. Когда звуковая форма примера не играет роли, пример просто печатается курсивом.

² Примеры взяты из Национального корпуса русского языка, размещенного по адресу <http://www.ruscorpora.ru>.

изменения, происходящего в данный момент» [Andersen 1980: 297]. Что касается глагола *капать*, то, по мнению Зализняка [Зализняк 1977], обе формы – и консервативная в (1), и новаторская в (2), приемлемы в современном литературном русском языке.

Суффиксальный сдвиг в русских глаголах широко описан во многих исследовательских работах по историческому языкознанию, психолингвистике, стилистике, социоллингвистике и диалектологии (например [Andersen 1980; Gagarina 2003; Gor, Chernigovskaya 2001; 2003a-c; Kiebzak-Mandera et al. 1997; Крысин 1974; Tkachenko, Chernigovskaya 2006] и др.). Мною исследованы все глаголы с суффиксом /a/ из русской академической грамматики [Шведова 1980], извлечены все примеры, содержащие необходимые глаголы, из Национального корпуса русского языка и создана база данных, насчитывающая приблизительно 20 000 примеров. Она позволяет изучать факторы, как способствующие суффиксальному сдвигу, так и препятствующие ему или вовсе его блокирующие. Любопытно, что блокировка не удостоилась должного внимания исследователей, занимавшихся проблемой суффиксального сдвига ранее; упор делался на факторы, способствующие суффиксальному сдвигу. Таблица 1, содержащая некоторые результаты исследования базы данных, показывает, что форма глагольного корня играет важную роль в процессе блокировки. У слогообразующих корней суффиксальный сдвиг часто происходит, если корень оканчивается на губной или заднеязычный согласный, или если конечный согласный – зубной взрывной. Однако у глаголов, оканчивающихся на зубной щелевой или /j/, суффиксального сдвига не происходит. Кроме того, блокировка наблюдается и у неслогообразующих корней. Возникает вопрос – почему? Почему суффикс /aj/ несовместим с категориями (г)-(е) в табл. 1, которые для простоты восприятия я буду называть «оканчивающиеся на щелевой», «оканчивающиеся на /j/» и «неслогообразующие»? Почему не замечены такие, вполне возможные, глагольные формы как */maz-aj+ut/ от *мазать*? Почему корни, оканчивающиеся на /j/, не сочетаются с /aj/ и не образуют возможные, но не встречающиеся формы настоящего времени как */laj-aj+ut/ от *лаять*? Почему такие формы настоящего времени, как */br-aj+ut/ не конкурируют с /b'er+ut/ у глаголов с неслогообразующими корнями, например, *брать*? В предлагаемой читателю статье (разделы 2–4) мною предложены три гипотезы.

Таблица 1

Суффиксальный сдвиг у русских глаголов с суффиксом /a/³

Тип корня	Суффиксальный сдвиг	Пример
а. Слогообразующий, оканчивающийся на заднеязычный согласный	2 (17) из 20 глаголов	/dv'ig-a + t'/
б. Слогообразующий, оканчивающийся на губной	4 (7) из 9 глаголов	/kap-a + t'/
в. Слогообразующий, оканчивающийся на зубной взрывной	2 (10) из 31 глагола	/pr'at-a + t'/
г. Слогообразующий, оканчивающийся на зубной щелевой	не описан: 0 (0) из 12 глаголов	/maz-a + t'/
д. Слогообразующий, оканчивающийся на /j/	не описан: 0 (0) из 20 глаголов	/laj-a + t'/
е. Неслогообразующий	не описан: 0 (0) из 13 глаголов	/br-a + t'/

³ В качестве материала для исследования послужили глаголы из [Шведова 1980: 653 и далее]. Цифры в таблице относятся только к глаголам без приставок и суффикса -ся. Цифры демонстрируют, сколько изучаемых глаголов каждого типа с суффиксом /a/ подвергаются суффиксальному сдвигу на практике (что отражено в моей базе данных). Такие утверждения как «X (Y) из Z глаголов» указывают что X из общего количества глаголов, равному Z, подвергаются суффиксальному сдвигу в 50% случаев или чаще в найденных примерах. Цифра в скобках отражает количество глаголов, у которых вообще отмечался суффиксальный сдвиг.

2. БЛОКИРОВКА И УПРОЩЕНИЕ

Тот факт, что корни, оканчивающиеся на щелевой согласный и /j/, а также неслогообразующие корни не подвергаются суффиксальному сдвигу, предполагает, что глаголам с такими корнями недостает характеристик, которые бы послужили толчком для интересующего нас диахронического процесса. Что могло бы послужить таким толчком? Один из возможных ответов на этот вопрос указывает на то, что языковое изменение невозможно без упрощения. Следуя этой идее, мы не стали бы искать языковое изменение там, где не произошло упрощения.

(3) **Гипотеза упрощения:** Суффиксальный сдвиг происходит только в том случае, когда он приводит к упрощению.

Вероятно, языковые изменения не всегда приводят к упрощению (части) грамматики (см., например [Lass 1997: 252 и далее]), кроме того, неясно, что именно считается простым. Однако детальное обсуждение этих вопросов выходит за рамки настоящего исследования. Нам же достаточно заметить, что очень распространенным способом упрощения грамматики вследствие языкового изменения является аналогическое сглаживание морфонологических чередований. Его иногда называют «Второй универсалией Манчака» (см. [McMahon 1994: 79]):

(4) Вторая универсалия Манчака: Внутрипарадигматические чередования чаще исчезают, чем появляются⁴.

Отличительной чертой спряжения глаголов с суффиксом /a/ является ряд морфонологических чередований, традиционно называемых «смягчением»⁵. В формах настоящего времени и повелительного наклонения, в которых словоизменительное окончание начинается с гласной, суффикс /a/ усекается, а конечный согласный корня подвергается смягчению. Например, *капать* демонстрирует чередование твердого и мягкого звуков /p/ ~ /pʲ/ (ср. 3 л. мн. ч. настоящего времени /kapl'+ut/), а в глаголе *мурлыкать* чередуются /k/ и /č/ (ср. 3 л. мн. ч. настоящего времени /murlič+ut/). У глаголов с суффиксом /aj/, с

Следует заметить, что два изолированных глагола *стонать* и *сосать* не исследовались мной. Также не анализировались глаголы типа *мерить*, *мучить*, имеющие наряду с формами второго спряжения *мерит*, *мучит* формы первого спряжения *меряет*, *мучает* [Еськова 1989: 54 и далее]. В современном русском языке глагол *лазить* с суффиксом /i/ конкурирует с глаголом *лазять* с суффиксом /aj/. Это изменение можно объяснить с помощью анализа, предложенного в [Nesset 2000] для иконичности глаголов движения. Автор утверждает, что в таких парах как *ползти* – *ползать* глагол однонаправленного движения – *ползти* – семантически маркирован, поскольку он описывает движение в одном направлении к цели, в то время как значение немаркированного ненаправленного глагола *ползать* не включает указание направления. По моему наблюдению, ненаправленные глаголы движения всегда принадлежат к менее маркированной (более продуктивной) модели, чем однонаправленные члены пары. Такие современные формы как *лазять* можно объяснить как средство усиления иконичности, поскольку ненаправленный глагол сочетается с максимально немаркированным глагольным суффиксом /aj/.

⁴ Во французском оригинале: «L'alternance du radical est plus souvent abolie qu'introduite» [Mańczak 1963: 22]. Читателю следует обратить внимание на слово «plus souvent» («чаще») во «Второй универсалии Манчака», не исключаяющей появления новых чередований внутри парадигм. Примером из русского языка является чередование *с* ~ *о* в таких глаголах, как *сечь*, где форма *сёк* заменила *сек* [Иткин 1994: 132].

⁵ Полный обзор феномена смягчения в русском языке не является целью данного исследования. Мы отсылаем читателя к работам (например [Шведова 1980; Isačenko 1982; Timberlake 2004]). Подробное изучение смягчения с упором на его парадигматический аспект см. [Andersen 1995].

другой стороны, смягчение не происходит. Глагольный суффикс не усекается перед окончаниями, начинающимися с гласного, а конечные согласные корня не чередуются, как видно из новых форм настоящего времени, например, /*kap-aj+ut/* и /*murlik-aj+ut/*, там, где корни остаются неизменными. Другими словами, суффиксальный сдвиг приводит к исчезновению чередования с участием палатализации, и с этой точки зрения данный процесс обуславливает упрощение системы спряжения русского глагола. Существует, однако, одно исключение. Корни, оканчивающиеся на /*j/*, не демонстрируют чередования согласных, поскольку /*j/* не может чередоваться. У глагола *лаять* корень выглядит как /*laj/* в прошедшем времени, например, /*laj-a+l/*, и в настоящем времени, /*laj+ut/*. Согласно гипотезе (3), суффиксальный сдвиг предположительно будет иметь место только тогда, когда в результате возникает упрощение. По нашему прогнозу, корни, оканчивающихся на /*j/*, подвергнутся блокировке, поскольку такие глаголы не демонстрируют чередования с участием палатализации, и, следовательно, не могут претерпевать упрощение в ходе суффиксального сдвига. Прогноз подтверждается фактами. Как мы видели в разделе 2, суффиксальный сдвиг последовательно блокируется в корнях, оканчивающихся на /*j/*.

А что происходит с неслогообразующими корнями и корнями, оканчивающимися на щелевые? Глаголы с суффиксом /*a/* и неслогообразующими корнями или корнями с конечным щелевым демонстрируют чередования с участием палатализации, а значит, суффиксальный сдвиг, действительно, приведет к упрощению их личных форм. Возможные, но незасвидетельствованные формы настоящего времени */*br-aj+ot/* и */*maz-aj+ot/* не содержат чередования и поэтому проще, чем соответствующие существующие формы /*b'er'+ot/* и /*maž+ot/*.

Тем не менее суффиксальный сдвиг здесь не происходит. Так как гипотеза упрощения в (3) не может это объяснить, у нас есть два выхода. Либо мы должны пересмотреть гипотезу таким образом, что она будет затрагивать и неслогообразующие корни, и корни с конечным щелевым; либо нам нужно более подробно рассмотреть эти две группы глаголов. Предлагаю последовать обеим стратегиям. В остальной части данного раздела речь пойдет о релятивизированном варианте гипотезы упрощения, а в других разделах – обратимся к дополнительным гипотезам.

Моя идея проста. Чередования с участием палатализации могут иметь разную степень сложности, и именно это, вероятно, влияет на суффиксальный сдвиг. Рассмотрим релятивизированную гипотезу, базирующуюся на различиях в степени сложности.

(5) Релятивизированная гипотеза упрощения: Вероятность суффиксального сдвига обусловлена высокой степенью упрощения.

Гипотеза (5) – релятивизированная версия (3), так как (5) принимает во внимание различные степени упрощения. Чтобы оценить предпосылки сказанного в примере (5), нам нужно рассмотреть некоторые подтипы чередования с участием палатализации в русских глаголах. Существует два главных типа, традиционно известных как «переходное» и «простое» («непереходное») смягчение («transitive softening» и «plain softening» [Лайтнер 1965]). Примерами переходного типа служат /*t/* ~ /*č/* и /*s/* ~ /*š/*, в то время как /*t/* ~ /*t'/* и /*s/* ~ /*s'/* демонстрируют простое смягчение. По-видимому, будет справедливо заметить, что простое смягчение характеризуется более низкой степенью сложности, чем переходное. Простое смягчение всего лишь добавляет вторичную артикуляцию. Например, /*s/* и /*s'/* идентичны с той лишь разницей, что последний звук палатализован, то есть произносится с вовлечением дополнительной, палатальной, артикуляции в дополнение к зубной первичной артикуляции. При переходном смягчении перемена согласной более серьезна, поскольку меняется первичное место образования. Больше количество признаков подвергается изменению, и, значит, это чередование более сложное. Не все варианты переходного смягчения, однако, одинаково сложны. В то время как для /*s/* ~ /*š/* характерна только перемена места артикуляции, чередование /*t/* ~ /*č/* также затрагивает признаки способа артикуляции (manner features), так как здесь взрывной чередуется со

смычно-щелевым⁶. В традиционных терминах можно сказать, что чередование /s/ ~ /š/ представляет собой чистую палатализацию, в то время как /t/ ~ /č/ – сочетание палатализации и лениции⁷. Я признаю, что чередования, построенные исключительно на палатализации менее сложны, чем чередования, сочетающие в себе палатализацию и леницию. Предлагаю следующую иерархию степеней сложности (см. табл. 2).

Таблица 2

Степени сложности

Степень сложности	Тип смягчения	Изменение признака	Примеры
3	Переходное смягчение (взрывные/губные)	Первичное место/способ артикуляции	t ~ č, p ~ pʲ
2	Переходное смягчение (щелевые)	Первичное место	s ~ š
1	Простое смягчение	Вторичное место	s ~ sʲ
0	Нет чередования по мягкости-твёрдости	Нет	j ~ j

Прежде чем приступить к обсуждению предпосылок данной иерархии, следует сделать замечание о губных звуках. Как видно из табл. 2, они помещены на самом высоком уровне сложности, то есть занимают ту же позицию, что и взрывные, демонстрирующие палатализацию и леницию. Утверждение, что чередование /p/ ~ /pʲ/ строится на палатализации, не требует подтверждений, поскольку /pʲ/ палатализован. Но является ли чередование /p/ ~ /pʲ/ примером лениции? По крайней мере частично это зависит от определения. Однако сходства очевидны. Сочетание звуков /pʲ/ похоже на такие аффрикаты, как /č/. – оно начинается с взрывного и заканчивается несмычным согласным. Другими словами, чередования типа /p/ ~ /pʲ/ вызывают изменения признаков и места, и способа артикуляции, поэтому они и находятся на вершине иерархии.

Иерархия в табл. 2 позволяет нам оценить предпосылки относительной гипотезы упрощения в (5), которая соотносит суффиксальный сдвиг с высокой степенью сложности. Это означает, что суффиксальный сдвиг скорее произойдет ближе к верхней границе иерархии, чем к нижней. Этот прогноз действительно подтверждается фактами. Суффиксальный сдвиг наблюдается у глаголов третьей степени сложности, но блокируется в корнях с конечным щелевым (степень сложности 2), в односложных корнях (степень сложности 1) и в корнях с конечным /j/ и степенью сложности 0 (чередования совсем не происходит).

3. БЛОКИРОВКА И СООТВЕТСТВИЕ ЦЕЛЕВОЙ КАТЕГОРИИ

Так как суффиксальный сдвиг преобразует глаголы с суффиксом /a/ в глаголы с суффиксом /aj/, мы можем назвать глаголы с суффиксом /a/ «исходной» категорией, а гла-

⁶ Звонкие лингвальные взрывные чередуются с щелевыми, например, /d/ ~ /ž/ и /g/ ~ /ž/. Так как щелевые сильнее отличаются от взрывных, смычно-щелевые, звонкие взрывные предположительно демонстрируют более сложные чередования, чем глухие взрывные. Однако различия в чередованиях с участием палатализации звонкими и глухими взрывными не играют большой роли для данного исследования.

⁷ Мною используется термин «палатализация» в широком смысле для обозначения чередований с палатальным, палатализованным или постальвеолярным согласным. Лениция (ослабление) может определяться как процесс, который «увеличивает доступность голосового тракта для прохождения воздуха» [Lass 1984: 177]. Заметьте, что я считаю аффрикацию примером лениции. Фактическое подтверждение см. у [Bybee 2001: 80].

голы с суффиксом /aj/ «целью» суффиксального сдвига. В предыдущем разделе была проиллюстрирована важность целевой категории, так как суффиксальный сдвиг происходит всякий раз, когда целевая категория претерпевает упрощение относительно исходной категории. В этом разделе обратимся к дополнительной гипотезе, которая также будет направлена на объяснение целевой категории.

(6) Гипотеза о соответствии целевой категории: суффиксальный сдвиг происходит только тогда, когда он соответствует целевой категории.

Идея в (6) такова, что суффиксальный сдвиг происходит только в том случае, если в результате возникают глаголы, соответствующие целевому классу. Другими словами, суффиксальный сдвиг блокируется всякий раз, когда в результате появились бы глаголы, не соответствующие классу с суффиксом /aj/. Вначале рассмотрим неслогообразующие корни. Как упоминалось в разделе 1, глаголы с суффиксом /aj/ представляют продуктивную модель, которая включает тысячи глаголов. Однако у глаголов с суффиксом /aj/ корни образуют слоги. Другими словами, гипотеза (6) правильно предсказывает блокировку суффиксального сдвига для неслогообразующих корней.

Что можно сказать о корнях, оканчивающихся на /j/, и соответствии целевой категории? Хотя класс с суффиксом /aj/ содержит большое количество глаголов, глагольные корни с конечной /j/ очень немногочисленны. Зализняк [Зализняк 1977] упоминает только нижеследующие.

(7) Глаголы с суффиксом /aj/ и корнем на /j/: *обаять, ваять, паять, зиять, влиять, сиять, обувать.*

Заметим, что у всех этих глаголов ударение падает на глагольный суффикс. Сочетание корней с конечным /j/ и ударением на корне не встречается в целевом классе. В исходной категории, с другой стороны, у 17 из 20 глаголов ударение падает на корень:

(8) Глаголы с суффиксом /a/ и корнем с конечным /j/: *ба́ять, бле́ять, ве́ять, гра́ять, зате́ять, ка́яться, ла́ять, леле́ять, ма́яться, наде́яться, ре́ять, се́ять, сме́яться, та́ять, ха́ять, ча́ять. чу́ять, возлиа́ть, вопиа́ть, де́яться.*

У глаголов с корневым ударением суффиксальный сдвиг привел бы к несуществующей модели как глаголы с суффиксом /aj/, корнем с конечным /j/ и корневым ударением. Другими словами, у глаголов с корневым ударением суффиксальный сдвиг не соответствует целевой категории. Гипотеза (6) верно предсказывает блокировку суффиксального сдвига у корней под ударением, оканчивающихся на /j/, но оставляет три глагола – *смеяться, возлиять* и *вопить* – без анализа.

Гипотеза (6) верна по отношению к неслогообразующим корням и частично верна в своем анализе блокировки корней, оканчивающихся на /j/. Однако соответствие целевой категории не может помочь нам в понимании поведения корней с конечными целевыми, которые не подвергаются суффиксальному сдвигу. Корни с конечными целевыми не часто встречаются среди глаголов с суффиксом /aj/, хотя Зализняк [Зализняк 1977] приводит список из 28 глаголов, поэтому мы не можем сказать, что здесь существует несоответствие суффиксального сдвига целевой категории. Можно ли пересмотреть гипотезу? Рассмотрим следующее.

(9) Релятивизированная гипотеза соответствия целевой категории: Суффиксальный сдвиг тем более вероятен, чем сильнее корни в целевой категории по сравнению с исходной.

За этим слегка неуклюжим утверждением скрывается простая идея. Вместо того чтобы рассматривать только целевую категорию, мы сравниваем целевую и исходную ка-

тегории. Если данный тип корня силен в целевом классе и слаб в исходном, вероятность суффиксального сдвига возрастает. Если же, напротив, корень слаб в целевой категории и силен в исходной, возрастает вероятность блокировки суффиксального сдвига. Под термином «сила» я подразумеваю частоту типа (type frequency). Другими словами, классы, содержащие много глаголов, – сильные, в то время как классы с небольшим количеством членов – слабые. Важность частоты типа для морфологических классов не вызывает больших сомнений (см., например [Wurzel 1984; 1989; Bybee 1985; 2001]). Что можно сказать по поводу частоты употребления (token frequency)? Возможно, глаголы, встречающиеся нечасто, не способствуют силе категории, поскольку такие глаголы редко активизируются в ментальной грамматике носителей языка. Однако также хорошо известно, что частая встречаемость отдельной единицы связана с заучиванием наизусть. Глаголы, заученные наизусть как единое целое, непосредственно активизируются в ментальной грамматике, то есть сам класс остается не задействован. Ниже я не беру во внимание частоту употребления. Как мы увидим позже, частоту типа дает достаточно точную картину.

Таблица 3 сравнивает силу корней различных типов в исходной и целевой категориях. Цифры были получены следующим образом. В Национальном корпусе русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>) были найдены все формы всех глаголов с суффиксом /a/, перечисленных в русской академической грамматике [Шведова 1980: 653 и далее]. Как упоминалось в разделе 1, в результате была составлена база данных с приблизительно 20 000 примерами. При составлении табл. 3 глаголы, формы которых менее чем на 50% содержат суффикс /aj/, классифицировались как /a/-глаголы. Цифры, описывающие /a/-глаголы с различными видами корней, даны во второй колонке справа. Колонка с /aj/-глаголами в табл. 3 содержит все эти глаголы плюс глаголы с суффиксом /aj/, представленные у [Зализняк 1977]. Крайняя правая колонка представляет соотношение между целевой и исходной категориями, то есть частоту типа для целевой категории, поделенную на частоту типа для исходной категории. Назовем это «относительным коэффициентом силы». Если коэффициент высок, согласно гипотезе (9), высока и вероятность суффиксального сдвига. Если, напротив, коэффициент низок, вероятным исходом будет блокировка суффиксального сдвига. Читатель может сравнить коэффициенты для корней с блокировкой и корней с суффиксальным сдвигом на рис. 1.

Таблица 3

Относительная сила исходной и целевой категорий

Тип корня	/aj/-глаголы	/a/-глаголы	/aj/ : /a/
Слогообразующий с конечным заднеязычным	195	18	10.8
Слогообразующий с конечным губным	53	5	10.6
Слогообразующий с конечным зубным взрывным	92	29	3.2
Слогообразующий с конечным зубным щелевым	28	12	2.3
Слогообразующий с конечным /j/	6	20	0.3
Неслогообразующий	1	13	0.1

Таблица 3 и рисунок 1 демонстрируют довольно хорошую корреляцию между суффиксальным сдвигом и коэффициентом относительной силы. Коэффициент высок для слогообразующих корней, оканчивающихся на зубные и заднеязычные. Таким образом, мы нашли верные предпосылки для суффиксального сдвига. У неслогообразующих корней и корней на /j/ коэффициент очень низок, так что для них мы можем прогнозировать блокировку – и опять наш прогноз справедлив. Корни, оканчивающиеся на ще-

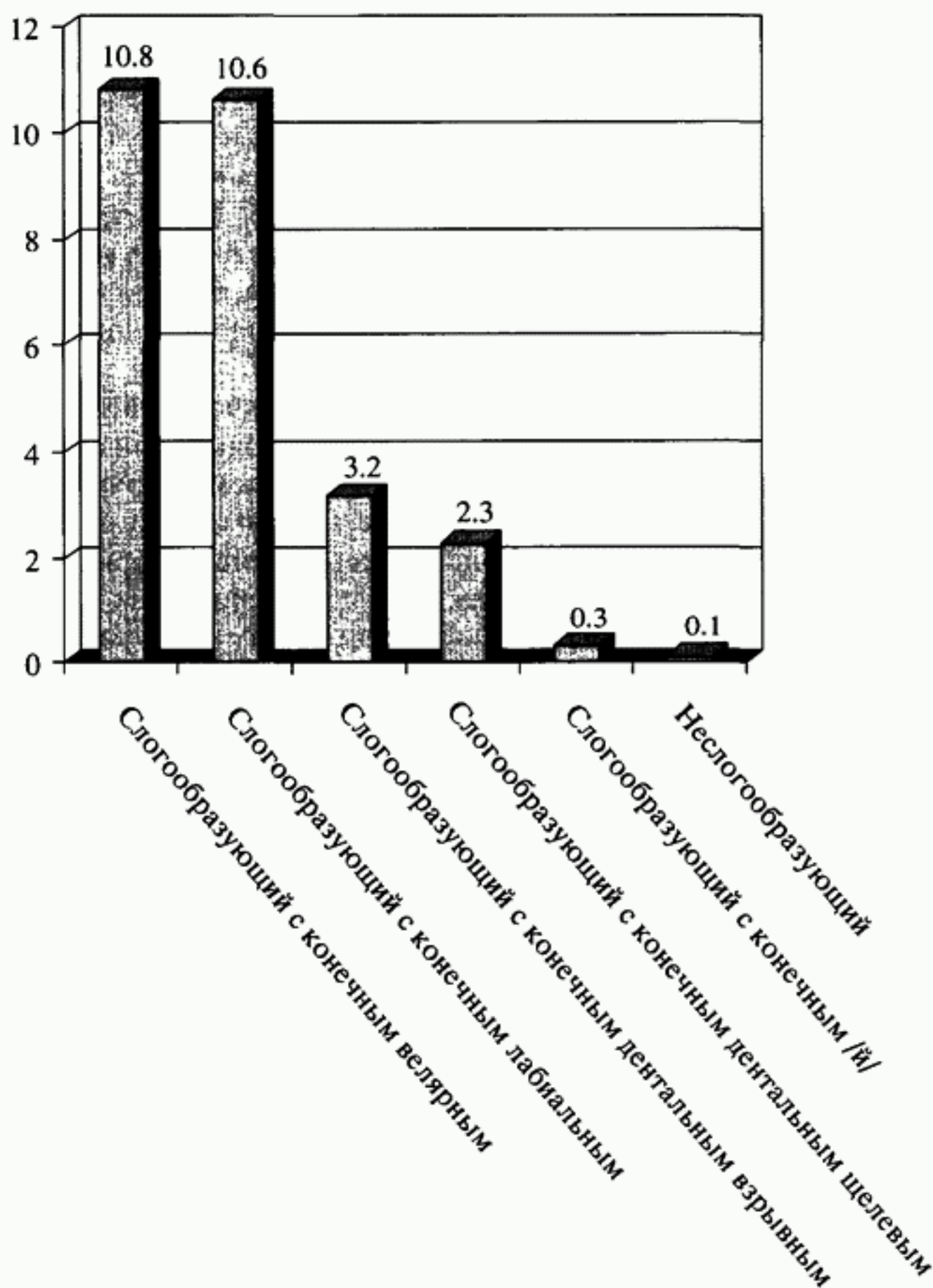

Рис. 1. Коэффициент относительной силы для разного типа корней.

левые, находятся на третьем месте с конца по высоте коэффициента, так что в целом табл. 3 подтверждает мысль о том, что относительное соответствие целевой категории облегчает блокировку суффиксального сдвига⁸.

Необходимо внимательнее взглянуть на слогообразующие корни, оканчивающиеся на зубные взрывные и щелевые. А ргіогі можно предположить, что целевой класс нач-

⁸ Данные в табл. 3 и рис. 1 отражают современное состояние языка. Было бы интересно сравнить современные коэффициенты с соответствующими коэффициентами более ранних периодов. В частности известно, что значительное количество глаголов звучания на *-кать* (*ика́ть*, *каркать* и др.) теперь являются /aj/-глаголами, а раньше относились к категории /a/-глаголов. Изучение диахронного развития коэффициентов представляет собой интереснейшую задачу для будущих исследований, но, к сожалению, выходит за рамки данной статьи. Между тем, знание о диахронном развитии не входит в лингвистическую компетенцию поколения, в настоящее время осваивающего русский язык. Поскольку данные в табл. 3 и рис. 1 отражают ситуацию, предстоящую этому поколению, эти же данные позволяют выдвинуть прогнозы о дальнейшем развитии /a/- и /aj/-глаголов.

нет притягивать новых членов, если он больше, чем исходный класс. Однако данные в табл. 3 говорят о том, что критическая масса близка к показателям, почти в три раза превосходящим численность исходной категории. Конечно, цифры в табл. 3 так малы, что сейчас было бы преждевременно строить окончательные выводы, особенно в свете того, что наш фактический материал не позволяет контролировать воздействие таких факторов, как упрощение, которое обсуждалось в разделе 2. Несмотря на эти недостатки, изучение относительной силы у исходной и целевой категорий дает ясную предпосылку для будущих исследований: для того чтобы создать ситуацию языкового изменения, целевые классы должны примерно в три раза превосходить исходные категории по численности⁹.

Здесь следует упомянуть еще одно наблюдение. Как видно из табл. 3, коэффициент относительной силы для корней с конечным щелевым довольно близок к коэффициенту для корней с зубными взрывными на конце (которые демонстрируют суффиксальный сдвиг). Из этого следует, что распространение суффиксального сдвига скорее затронет корни с конечным щелевым, чем односложные корни и корни с /j/ на конце. У лингвистов будущего будут все возможности, чтобы проверить, так ли это. Сейчас же мы можем заключить, что суффиксальный сдвиг в русских глаголах является некоторым доказательством того, насколько важно соответствие целевой категории для языкового изменения. Более того, гипотеза соответствия целевой категории дает предпосылки для будущих исследований¹⁰.

4. БЛОКИРОВКА И ОБОБЩЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ РЕЗУЛЬТАТА

Понятие «обобщение, касающееся результата» («product-oriented generalization») связано с соответствием целевой категории постольку, поскольку оба имеют отношение к конечной категории. Чтобы объяснить, что такое обобщение, касающееся результата, в качестве отправной точки полезно использовать традиционное лингвистическое правило $A \rightarrow B$. Это правило берет входную (исходную) информацию со свойством A и меняет A на B . Обобщения такого рода касаются исходной категории. Обобщения, касающиеся результата, напротив, описывают выходную информацию, то есть, B , без уточнения, произошла ли эта информация от A или нет. [Bybee, Slobin 1982] показывают, что обобщения, касающиеся результата – важные факторы языкового изменения. В английском языке существует класс сильных глаголов типа *spin* – *spun* «крутить» и *string* – *strung* «низать», который привлек довольно много новых членов со времен древнеанглийского. Интересен глагол *hang* «висеть», у которого образовалась новая форма прошедшего времени *hung*. Этот глагол оказался в классе сильных глаголов явно не благодаря (исходной) форме настоящего времени, так как у *hang* в этой форме не такой гласный, как у *spin* и *string*. Вместо того, утверждают [Bybee, Slobin 1982], носители языка пользуются обобщением, касающимся результата, а результатом здесь является форма прошедшего времени. Согласно этому обобщению соответствующий класс сильных глаголов содержит определенный гласный, за которым следует заднеязычный и/или носовой согласный.

⁹ Данной гипотезе не противоречит известный факт, что довольно малочисленные классы слов могут привлекать новые члены [Bybee 2001: 28–29], поскольку частота типа (type frequency) – только один из целого ряда факторов, определяющих продуктивность морфологических классов. Другими факторами являются, например, фонологическая гомогенность класса и частота экземпляра (token frequency) его членов [Bybee 2001: 130 и далее].

¹⁰ Заметим вскользь, что суффиксальный сдвиг у корня с конечным щелевым наблюдается и у глагола с суффиксом /i/ *лазить*, который, как говорилось в сноске 3, конкурирует с /aj/-глаголом *лазать*. Возможно, что настоящий суффиксальный сдвиг с /i/ на /aj/ может представлять собой модель сходного сдвига с /a/ на /aj/ среди глаголов с корнями, оканчивающимися на щелевые.

Для форм настоящего времени в русском языке, которые являются целевой категорией в данном исследовании, можно сформулировать обобщение, касающееся результата:

(10) Формы настоящего времени в русском языке имеют структуру /...Vj+V.../

Заглавная буква V представляет любой гласный, а + – морфемную границу между основой и словоизменительным окончанием. Таким образом, обобщение в (10), касающееся результата, гласит, что исследуемые формы содержат в себе сочетание гласный-/j/, за которым следует окончание, начинающееся с гласного. Хотя эта схема и не охватывает все русские глаголы, она способна охарактеризовать огромное количество глаголов, включающее три из пяти продуктивных классов. Глаголы с продуктивными суффиксами /aj/, /ej/ и /ova/ образуют формы настоящего времени с качествами, описанными в примере (10). Это показано в табл. 4, где соответствующая цепочка сегментов выделена жирным шрифтом.

Таблица 4

Глагольные классы с /...Vj + V.../ в настоящем времени

Суффикс	Инфинитив	3 л. мн. числа настоящего времени
/aj/	/d'el-a + t'/	/d'el- aj + ut/
/ej/	/krasn'-e + t'/	/krasn'- ej + ut/
/ova/	/obraz-ova + t'/	/obraz- uj + ut/
/a/ (корень с конечным /j/)	/laj-a + t'/	/laj + ut/

Более того, табл. 4 показывает, что обобщение в (10) охватывает также корни на /j/ с суффиксом /a/. Настоящее время глаголов типа *лаять* состоит из таких форм как, например, /laj+ut/, в которых проявлена комбинация из гласного и *й* с последующим начальным гласным словоизменительного окончания. Этот факт может помочь нам в объяснении того, почему суффиксальный сдвиг блокируется в корнях с конечным /j/. Рассмотрим следующую гипотезу.

(11) **Гипотеза об обобщениях, касающихся результата:** Суффиксальный сдвиг происходит только тогда, когда обобщение, касающееся результата, еще не выполнено.

Это один из вариантов принципа, который гласит «Не сломалось – не чини». Другими словами, не следует добавлять /j/, если один такой звук уже имеется. Как мы видели, корни с конечным /j/ как, например, *лаять* уже содержат комбинацию гласного и /j/ перед начальным гласным окончания, так что суффиксального сдвига не требуется. Гипотеза в (11) предполагает, что для корней с конечным /j/ произойдет блокировка суффиксального сдвига – и это предположение подтверждено фактами.

Здесь нам следует спросить, играет ли гипотеза в примере (11) какую-либо роль для неслогообразующих корней и корней, оканчивающихся на щелевые? Такие формы настоящего времени, как *берут* и *лгут* от неслогообразующих *брать* и *лгать* не подчиняются обобщению в примере (10), так что ничто не может остановить суффиксальный сдвиг в неслогообразующих корнях. Таким же образом форма настоящего времени корня с конечным щелевым *мазать*, *мажут* не соответствует сказанному в примере (10). Но это вовсе не означает, что мы теперь должны отказаться от гипотезы в (11). Из этого следует только одно: в случае с односложными корнями и корнями, оканчивающимися на щелевые, суффиксальный сдвиг, вероятно, блокируется по причинам, не связанным с обобщениями, касающимися результата.

Гипотеза, приведенная в (11), включает в себе определенный смысл для лингвистической теории: не все направления теоретического языкознания применяют обобщения, касающиеся результата. Классическим примером может послужить Классическая порождающая фонология, разработанная Хомским и Халле [Chomsky, Halle 1968], которая использует трансформационные правила типа А → Б. Как было указано выше, такие правила описывают исходную категорию и характеризуют процессы, происходящие с этой исходной категорией.

Направление, принципиально облегчающее анализ обобщений, касающихся результата, называется теория оптимальности [Prince, Smolensky 2004]. Ограничения маркированности (markedness constraints) как, например, ONSET (ПРИСТУП), то есть, требование, по которому слоги должны начинаться с согласного, представляют собой условие правильного построения поверхностных структур.

Другая теория, ясно объясняющая обобщения, касающиеся результата, – это когнитивная лингвистика. Рассмотрим рис. 2, основанный на разновидности когнитивной лингвистики, которую Лэнгекер [Langacker 1987; 1991] называет «Когнитивной грамматикой». Узлами в сети (network) являются схемы (schemas), которые представляют обобщения, касающиеся результата и описывающие формы настоящего времени русских глаголов. Самая верхняя схема описывает обобщение, приведенное в (10). Схемы ниже полностью совместимы с самой верхней, но имеют более узкую направленность: они уточняют, какой гласный предшествует /j/. Во втором ряду сверху помещаются три схемы, так как три гласные /a, e, u/ встречаются в подходящем контексте. Заметьте, что эта информация не может содержаться в самой верхней схеме, поскольку /a, e, u/ не составляют естественный класс сегментов. Рис. 2 позволяет нам рассмотреть последствия, касающиеся глаголов с суффиксом /a/ и корнем на /j/. Если обобщение, касающееся результата, изложенное в (10), касается глаголов этого типа, вероятно, такие глаголы продемонстрируют тот же гласный перед /j/, что и другие глаголы, то есть, /a, e, u/. Факты демонстрируют, что так оно и есть, в чем читатель может сам убедиться, обратившись к (8). В нижней части рис. 2 приводятся по примеру для каждого из трех продуктивных суффиксов /aj/, /ej/ и /ova/ (делают, краснеют и образуют), а также три примера для глаголов с суффиксом /a/ и корнем с конечным /j/ и одним из тех же трех гласных, предшествующим /j/: лают, сеют и чуют.

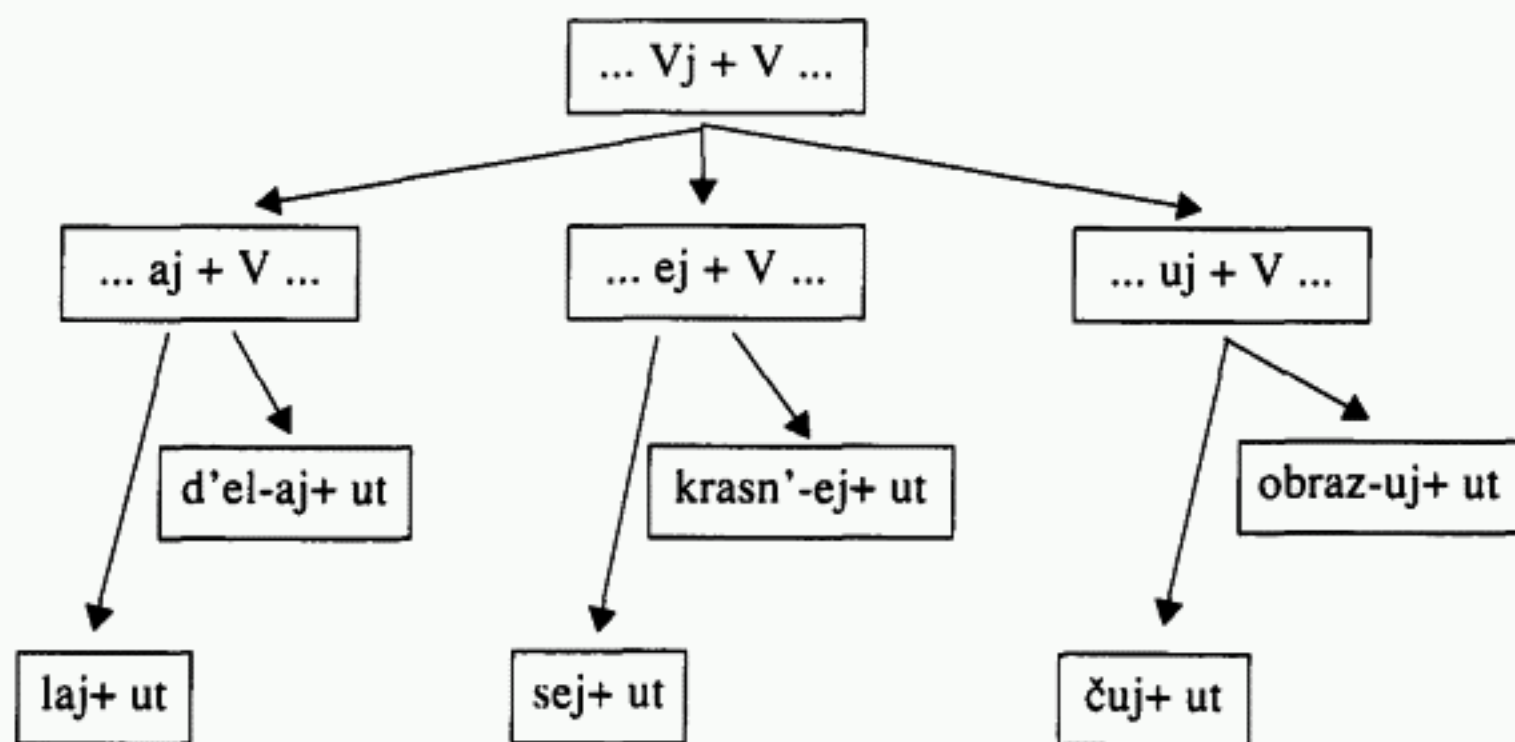

Рис. 2. Система классов на основе форм настоящего времени.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье мы показали, что русские глаголы с суффиксом /a/ часто подвергаются суффиксальному сдвигу и что суффиксальный сдвиг систематически блокируется в односложных корнях, а также в корнях с конечным /j/ или щелевым согласным. Чем объясняется эта блокировка? Мы рассмотрели три гипотезы: упрощение, соответствие целевой категории и обобщения, касающиеся результата. Эти гипотезы не являются взаимоисключающими, напротив, они, скорее, дополняют друг друга. Если мы принимаем одну из них, нам не нужно отказываться от других двух. Например, мы увидели, что гипотезы упрощения и обобщения, касающиеся результата, решают проблему корней с конечным /j/, в то время как гипотеза соответствия целевой категории справляется с односложными корнями. В итоге нам требуются все три гипотезы, чтобы можно было бы объяснить блокировку суффиксального сдвига в русских глаголах.

Для рассмотрения корней с конечными щелевыми мы ввели релятивизированные гипотезы упрощения и соответствия целевой категории, то есть, имели дело со степенями упрощения и соответствия целевому классу. Таким образом видно, что по отношению к обеим гипотезам проявление блокировки слабее у корней с конечным щелевым, чем у односложных корней и корней с конечным /j/. Этот результат означает, что корни, оканчивающиеся на щелевой, находятся в позиции более уязвимой, чем односложные корни и корни, оканчивающиеся на /j/. Если суффиксальный сдвиг будет распространяться на новые глаголы, анализ, предложенный в данной статье, предсказывает, что глаголы с конечным щелевым будут более подвержены суффиксальному сдвигу и что данный процесс затронет этот класс глаголов прежде односложных корней и корней с конечным /j/.

Значение настоящей статьи выходит за рамки русского и славянского языкознания. Прежде всего, было показано, что систематическое изучение блокировки – это благодарная область изучения внутри исторической лингвистики, позволяющая нам формулировать и проверять гипотезы о языковых изменениях. Исследование подчеркивает важность целевой категории для языковых изменений, поскольку все гипотезы, обсуждаемые в данной статье, относятся именно к целевой категории. Предложенный анализ соответствия целевой категории предполагает, что целевая категория должна в два-три раза превосходить по численности исходную категорию, чтобы привлекать новых членов из исходного класса. Это предположение заслуживает того, чтобы проверить его с большим количеством данных, где было бы возможно проконтролировать воздействие и других факторов. Наконец, факты, приведенные в статье, показывают преимущества таких направлений языкознания, как когнитивная лингвистика, которая использует обобщения, касающиеся результата. Эта концепция способствует принципиальному объяснению и языковых изменений, и блокировки языковых изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков 1958 – А.Г. Волков. Классы глаголов древнерусского языка // Вестник МГУ. Сер. историко-филол. 1958. Т. 2.
- Еськова 1989 – Н.А. Еськова. К интерпретации некоторых фактов русской глагольной морфологии // ВЯ. 1989. № 5.
- Зализняк 1977 – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Иткин 1994 – И.Б. Иткин. Еще раз о чередовании е ~ 'о в современном русском языке // ВЯ. 1994. №1.
- Крысин 1974 – Л.П. Крысин (ред.). Русский язык по данным массового обследования. М., 1974.
- Лайтнер 1965 – Т.М. Лайтнер. О циклических правилах в русском спряжении // ВЯ. 1965. № 2.
- Шведова 1980 – Н.Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. 1. М., 1980.
- Andersen 1973 – Н. Andersen. Abductive and deductive change // Language. 1973. № 49.
- Andersen 1980 – Н. Andersen. Russian conjugation: Acquisition and evolutive change // E.C. Traugott (ed.). Papers from the 4th International conference on historical linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1980.

- Andersen 1995 – *H. Andersen*. Consonant reduction in Russian // H. Birnbaum, M.S. Flier (eds.). *The language and verse of Russia // Honor of Dean S. Worth on his sixty-fifth birthday*, 19–30. M., 1995.
- Bybee 1985 – *J. Bybee*. *Morphology*. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Bybee 2001 – *J. Bybee*. *Phonology and language use*. Cambridge, 2001.
- Bybee, Slobin 1982 – *J. Bybee, D. Slobin*. Rules and schemas in the development and use of the English past tense // *Language*. 1982. № 58.
- Chomsky, Halle 1968 – *N. Chomsky, M. Halle*. *The sound pattern of English*. New York, 1968.
- Gagarina 2003 – *N. Gagarina*. The early verb development and demarcation of stages in three Russian-speaking children // D. Bittner, W.U. Dressier, M. Kilani-Schoch (eds.). *Development of verb inflection in first language acquisition: A cross-linguistic perspective*. Berlin; New York, 2003.
- Gor, Chernigovskaya 2001 – *K. Gor, T. Chernigovskaya*. Rules in the processing of Russian verbal morphology // G. Zybatow, U. Junghanns, G. Melhorn, L. Szucsich (eds.). *Current issues in formal Slavic linguistics*. Frankfurt am Main, 2001.
- Gor, Chernigovskaya 2003a – *K. Gor, T. Chernigovskaya*. Formal instruction and the acquisition of verbal morphology // A. Housen, M. Pierrard (eds.). *Current issues in instructed second language learning*. Berlin; New York, 2003.
- Gor, Chernigovskaya 2003b – *K. Gor, T. Chernigovskaya*. Mental lexicon structure in L1 and L2 acquisition: Russian evidence // *GLOSSOS* № 4, 1–31, summer 2003.
- Gor, Chernigovskaya 2003c – *K. Gor, T. Chernigovskaya*. Generation of complex verbal morphology in first and second language acquisition: Evidence from Russian // *Nordlyd*. № 31.6. 2003.
- Isačenko 1982 – *A.V. Isačenko*. *Die russische Sprache der Gegenwart. Formenlehre*. Munich, 1982.
- Kiebzak-Mandera et al. 1997 – *D. Kiebzak-Mandera, M. Smoczynska, E. Protassova*. Acquisition of Russian verb morphology: the early stages // W.U. Dressier (ed.). *Studies in pre- and protomorphology*. Wien, 1997.
- Langacker 1987 – *R.W. Langacker*. *Foundations of cognitive grammar*. V. 1. Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.
- Langacker 1991 – *R.W. Langacker*. *Foundations of cognitive grammar*. V. 2. Descriptive application. Stanford, 1991.
- Lass 1984 – *R. Lass*. *Phonology*. Cambridge, 1984.
- Lass 1997 – *R. Lass*. *Historical linguistics and language change*. Cambridge, 1997.
- Mańczak 1963 – *W. Mańczak*. Tendances générales du développement morphologique // *Lingua*. 1963. № 12.
- McMahon 1994 – *A. McMahon*. *Understanding language change*. Cambridge, 1994.
- Nesset 2000 – *T. Nesset*. Iconicity and prototypes: A new perspective on Russian verbs of motion // *Scando-Slavica*. 2000. № 46.
- Prince, Smolensky 2004 – *A. Prince, P. Smolensky*. *Optimality theory. Constraint interaction in generative grammar*. Oxford, 2004.
- Timberlake 2004 – *A. Timberlake*. *A reference grammar of Russian*. Cambridge, 2004.
- Tkachenko, Chernigovskaya 2006 – *E. Tkachenko, T. Chernigovskaya*. Focus on form in the acquisition of inflectional morphology by L2 learners: Evidence from Norwegian and Russian. Paper presented at The second biennial conference on cognitive science, St. Petersburg, June 9–13. 2006.
- Wurzel 1984 – *W.U. Wurzel*. *Flexionsmorphologie und Natürlichkeit*. Berlin, 1984.
- Wurzel 1989 – *W.U. Wurzel*. *Inflectional morphology and naturalness*. Dordrecht; Boston; London, 1989.

© 2008 г. В.В. ШАПОВАЛ

НОВЫЕ «ЦЫГАНИЗМЫ» В РУССКИХ ЖАРГОННЫХ СЛОВАРЯХ

На основе источниковедческого и текстологического анализа описаний 186 потенциальных цыганизмов, впервые представленных в двух словарях русского жаргона 1992 г., доказывається, что весь данный материал скопирован из немецкого источника и не имеет отношения к русским жаргонам.

В 1992 г. вышло в свет два словаря, описывающих лексику современного русского уголовного жаргона: «Словарь жаргонных слов и выражений» Л.А. Мильяненкова [М]; «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона» Д.С. Балдаева, В.К. Белко, И.М. Исупова [Б]. Последний во втором издании 1997 г. под авторством одного Д.С. Балдаева имеет название «Словарь блатного воровского жаргона» [Б, I; Б, II]. В них опубликован значительный по объему новый материал. Особенно тщательной проверки требуют слова, примеры употребления которых в устной речи найти не удастся. В данной статье анализируются потенциальные цыганизмы, впервые описанные в двух указанных словарях. Их рассмотрение представляется важным по ряду причин:

1) это уже второй случай включения в словарь русского жаргона значительного по объему цыганского материала единым списком; в первый раз около 150 цыганских слов и фраз были включены в словарь С.М. Потапова 1927 г. [Потапов 1927; Баранников 1931; Шаповал 2007а];

2) новые слова цыганского происхождения в 1992 г. опубликованы сразу в двух словарях жаргона, между которыми наблюдается как явное совпадение в составе материала, так и существенное различие в его трактовке, что нуждается в критическом осмыслении;

3) этот материал все еще остается за пределами внимания исследователей, в последние годы рассматривавших цыганизмы в русском жаргоне [Грачев 1997: 82–85; Елистратов 2000: 643–645; 2005: 645–646];

4) тем не менее, он уже частично отражен в словарях, описывающих специфические пласты русской лексики [Мокиенко 1995; Мак-Киенго 1997; БСЖ; СРБ; Ломтев, Истомин 2004; Ширянов; Walter 2003]; постепенно включается в научный оборот и получает этимологические объяснения, не учитывающие сомнительную словарную историю этих слов, напр.: *осуня* 'мрачный человек' [БСЖ: 401], *хова* 'рука' [Отин 2006: 284];

5) этот экзотический материал некритично цитируется в дилетантской лексикографии Интернета, романтизирующей мир криминала [Братва; В законе; Законы; Привет] и др.;

6) некоторые слова, восходящие к сомнительным фиксациям словарей, порой включаются в тексты современных детективов (напр.: *драо* 'цыганский яд' [Разумовский 1997: 93]), откуда, как показывает словарная практика последних лет, необычные слова, уже формально подкрепленные употреблением в художественной литературе, легко могут проникать в научные издания.

Между тем определение статуса и происхождения уникальных лексических феноменов, в том числе и словарных фиксаций, является существенным фактором повышения научности и реалистичности описания лексического состава общенародного русского языка, см. [Добродомов 1988: 21–36].

Слова из ряда цыганских диалектов в словарях жаргона в 1992 г. представлены с пометами *мн.* и *ин.* Между трактовкой авторами двух словарей этих помет обнаруживается заметное противоречие, хотя сами пометы зачастую относятся к одним и тем же словам, в частности, цыганского происхождения¹. Помета *мн.* у Л.А. Мильяненко-ва маркирует, по мнению автора, слова «международного» жаргона, не употреблявшегося в СССР: «Существовал и международный жаргон, но он как-то совсем не приживался [применялся? – В.Ш.], особенно в последнее время, когда были такие сложности с выездом за границу» [М: 74]. Также в примечании: «*Мн.* – слово или выражение из международного жаргона» [М: 76, прим.**]. Авторы-составители «Словаря тюремно-лагерно-блатного жаргона» Д.С. Балдаев, В.К. Белко и И.М. Исупов пометой *ин.* (иностранное) маркируют слово, вошедшее в русский жаргон из языка одного из народов СССР: «Лексика, вошедшая в словарь (около 11 000 единиц), собиралась практически на всей территории бывшего СССР (этим, кстати, объясняется и появление в словаре слов с пометой "иностранное") в период с середины 1950-х гг. по настоящее время» [Б: 9]; также в списке сокращений: «*ин.* – иностранное» [Б: 13; Б, I: 9]. Неустрашимое противоречие между пометами *мн.* и *ин.*, регулярно относящимися в двух словарях к одному и тому же слову, свидетельствует о том, что по крайней мере одна из них используется некорректно. Мы вернемся к уточнению смысла помет после анализа материала.

Пока же напомним, что на основе анализа небольшой части этого материала нами уже был сделан предварительный вывод: «Для пополнения ряда русских жаргонных словарей был использован неустановленный словарь немецкого криминального жаргона (Gaupersprache)» [Шаповал 2001: 26]. В настоящей работе мы опираемся на материалы сводного словаря немецких жаргонов З.А. Вольфа 1956 г., собравшего материал словарей и др. источников за период с 1342 г. [W]. З.А. Вольф является также и автором сводного словаря немецких и др. европейских цыганских диалектов [Wolf 1960], где, правда, не были учтены источники на языках, использующих кириллицу, напр., [ЦРС]. Цыганский материал очень широко, но не всегда корректно был подан в немецком словаре криминального жаргона В. Польцера 1922 г., адресованном работникам правоохранительных органов. О нем мы можем судить по цитатам в словаре З. Вольфа. Основатель индоевропейской этимологии А.Ф. Потт оставил и двухтомник «Die Zigeuner in Europa und Asien», где впервые была предпринята масштабная попытка систематизации данных по цыганскому языку в историческо-лингвистическом аспекте [Pott 1845]. Материалы из этого труда впоследствии активно, но не всегда оправданно цитировались авторами немецких жаргонных словарей, на что по необходимости обращается внимание ниже в тех случаях, когда эти слова, в конце концов, оказались переписанными в русские жаргонные словари последних десятилетий. Детально проследить историю цитирования, предшествующую появлению слова в русском словаре, не всегда возможно, поскольку это отдельная и порой весьма масштабная задача, не относящаяся прямо к предмету русской лексикографии. Чтобы не выходить за пределы объекта, при привлечении доказательств «литературного» характера лексикографических заимствований было решено ограничиться лишь наиболее весомыми единичными доводами из их «немецкой» предыстории.

Анализ всего списка слов цыганского происхождения в двух словарях предпринимается с целью уточнения границ неотмеченного цитирования немецкого источника. Для этого необходимо обнаружить и оценить различные приметы, позволяющие отличить фиксацию слова, взятого непосредственно из устной речи, от вторичного описания, скопированного из другого словаря.

¹ В тех же словарях пометами *мн.* и *ин.* снабжены немецкие, еврейские и др. слова, также имеющие параллели в словарях немецкого жаргона [Шаповал 2001: 26–29].

I. В списке слов с пометами *мн.* и *ин.* имеется 17 слов из различных цыганских диалектов, описания которых уже в немецком жаргонном словаре содержали идентифицируемые ошибки, что делает эти фиксации сомнительными, а факт произвольного письменного заимствования их в русские словари несомненным.

¹ «**Вуравель** (*мн.*) – вошь» [М: 99; Б: 49; Б, I: 74; БСЖ: 112]². Имеется точная параллель в сводном словаре немецкого жаргона, описанная со ссылкой на словарь В. Польцера 1922 г. (цитируемый З. Вольфом с условным сокращением «1922 Po»): $\Leftarrow^3$ «**Wurawel** [6283] Laus <вошь>: 1922 Po...» [W: 346]. З. Вольф указывает, что в действительности цыг. *wurawel* обозначает «летает». А.Ф. Потт в своем классическом труде о цыганах описывает это слово так: «**Wurawel** (volat <лат. 'летает'>) Sz., vgl. Laus.-Wend. wogać (agare) <ср. лужицкое 'пахать'>» [Pott, II: 79]. (Подчеркивание здесь и далее всюду мое. – В.Ш.) Этимологическое сближение цыганского глагола с «лужицко-вендским» *wogać* 'пахать' ошибочно. При этом славянский язык сокращенно обозначен как «Laus.-Wend.». Первая часть сокращения *Laus.<itz->* 'лужицкое' (совр. нем. *sorbisch*) визуально совпадает с немецким *Laus* 'вошь', оно и было принято за толкование. Сокращение «Sz.» у Потта означает, что слово взято им из «Путешественных записок» акад. Василия Зуева, впервые (в один год со словарем П.С. Палласа) опубликованного в России источника по цыганскому языку, где читаем перевод фразы, данный цыганами в Белгороде: «Ета птица летаетъ тихо. Откадай чирикли вуравель на фарте» [Зуев 1787: 182]. Форма *вуравель* похожа на каузатив *вуравэл 'заставляет летать', но, судя по контексту, здесь ее значение не каузативное: *вурá^wэл – 'летает'. В истории настоящего-будущего времени от глагольных основ на -а, к каковым принадлежит и данная основа со значением 'лета́й', по одной из гипотез, до стяжения гласных на стыке основы и окончания реконструируются формы типа: **урня́* -эс 'летаешь', **урня́*-эл 'летает'. Затем стяжение гласных в финали приводит к появлению особого типа спряжения: *урня́*-с 'летаешь', *урня́*-л 'летает'. Запись В. Зуева «вуравель» 'летает', вероятно, отражает состояние глагольной формы до стяжения гласных. Больше такой грамматический архаизм нигде не фиксировался. Сравнение с данными В. Зуева позволяет утверждать, что транслитерация *вуравель* с -ь на конце в словарях 1992 г. отражает немецкую запись *Wurawel* и также может быть оспорена.

Таким образом, *вуравель* 'вошь' – это лексикографическая мнимость «в кубе»: цыганский гапак из русского источника 1787 г., в 1845 г. вошедший в научный труд на немецком языке, (а) в 1922 г. был необоснованно перенесен оттуда в немецкий жаргонный словарь, где (б) получил несуществующее значение, после чего (в) был опрометчиво переписан в русские жаргонные словари в 1992 г. Все этапы накопления ошибок в данном случае четко документированы.

Анализ источников уже одного этого слова приводит нас к важным для понимания дальнейшего выводам: а) в немецкий жаргонный словарь цыганские слова брались из научных описаний, а не из речи преступников; б) следовательно, для оценки достоверности описания важно выяснить хронологию и локализацию первичного описания слов; в) описания этих слов в русских словарях порой имеют такие признаки цитирования, которые позволяют установить цепочку текстологической преемственности между опубликованными источниками; г) наличие этих признаков обычно дает основания говорить о невозможности устного заимствования.

² Возможная ошибка в чтении начального [ш-]: «**Цэро** (*мн.*) – голова» [М: 270; Б: 275; Б, II: 135; БСЖ: 661]. $\Leftarrow$ Русские словари 1992 г. опять прямо или опосредованно

² С целью облегчения внутренних отсылок все рассматриваемые цыганские слова пронумерованы (это надстрочные индексы перед началом соответствующего абзаца, данные полужирным шрифтом). Если описание слова в двух изданиях словаря Д. Балдаева отличается от описания Л. Мильяненкова только отсутствием знака ударения и заменой пометы *мн.* на *ин.*, оно отдельно не цитируется. Разъяснения в цитатах, помещенные в угловые скобки, принадлежат автору статьи.

³ Знаки $\Leftarrow$ и $\Rightarrow$ указывают направление письменного заимствования из словаря немецкого жаргона. Ссылки на сводный словарь З. Вольфа и др. носят условный характер. Какой именно немецкий словарь был использован и один ли словарь, неизвестно.

цитируют В. Польцера, ср.: «**Scharm** [4818] *m* Kopf <голова>... *Zero, Sero, Seru*: 1922 Po...» [W: 279]. Триада *Zero, Sero, Seru* напоминает триаду: «**Széro** *m*. Kopf... Schero, *czero*, *cheru* Alter пг. 16.» [Pott, II: 221], где запись *czero* является вероятным источником «исправленной» записи *Zero* у В. Польцера. А.Ф. Потт через Alter'a цитирует «Сравнительные словари» П.С. Палласа, у которого кириллицей: «16. Голова. Шеро́, Черо, Херу» [Паллас₁, I: 51]. Поскольку начальный согласный в цыг. *шэрó* / *šero* 'голова' – шипящий фрикативный, а не аффриката [ЦРС: 151; Деметер 1990: 177], остается заподозрить, что запись *черо* отразила неправильное чтение (напр., «по-испански» французского) *ch-* [ш-] или опечатку в *sz-*.

В итоге фантастическая запись *черо* П.С. Палласа, пройдя по словарям, завершила свои лексикографические мытарства в 1992 г. обратной кириллической транслитерацией в виде дважды мнимого *цero*.

Славянская по происхождению лексика, прямо или опосредованно заимствованная в цыганские диалекты, а затем из научных описаний внесенная в немецкие жаргонные словари, образует в анализируемых русских выписках хорошо опознаваемую группу (⁹⁴ *пламена*⁴, ⁴⁷ *фодро*). Три слова имеют неточности, унаследованные от немецкого словаря:

³ «**Вóхин** (мн.) – окно» [М: 98; Б: 48; Б, I: 71; БСЖ: 108]. ← «**Wochin** [6263] *f* Fenster <окно>: 1922 Po. – Zig.» [W: 345]. Однако ранее у А.Ф. Потта: «*Wôchnin* Fenster <окно>... Laus.-Wend. w o k n o» [Pott, II: 77]. Сомнительное *Wochin* вместо *Wôchnin* (от лужицк. *wokno*) появляется только у В. Польцера, так что и здесь весьма вероятно заимствование несуществующего слова в русские словари письменным путем.

⁴ «**Дéца** (мн.) – нитка» [М: 113; Б: 68; Б, I: 110; БСЖ: 156]. «**Deza** [1004] *f* Schnur <шнур, леска>: 1922 Po. – Zig. *dítsa f* Angelschnur <цыг. 'леска удочки'>»; «**Buditscha** [753] Angel <удочка>: 1922 Po...» [W: 79, 66]. А.Ф. Поттом отражено в разных вариантах цыг. из чешск. *udica* [≈ удица]. Цыганское посредство, в частности, проявилось в том, что начальный гласный, трактуемый как артикль, подвергся афферезе: *udica* > *o* [≈*u*] *dica* > *dica*: «*d e z z a* Angelschnur <леска>» [Pott, II: 262, 78]. Неточная цитата из А.Ф. Потта *Deza* 'Schnur' также появляется у В. Польцера, откуда в русских словарях *деца*. Толкование 'нитка' уже не связано с рыбалкой, а отражает, по всей видимости, перевод изолированного слова *Schnur*.

⁵ Мн. число цыганского слова славянского происхождения ¹³¹ *народос* 'приятель' было зафиксировано З. Вольфом также со ссылкой на В. Польцера в виде: «**Nebudy** [3831] *pl*. Blutsfreunde <побратимы>: 1922 Po» [W: 229]. Отсутствие этимологического комментария у З. Вольфа свидетельствует о том, что он не узнал за этой записью формы мн. числа *Národy. При ее копировании, видимо также еще В. Польцером, произошло переразложение графических элементов букв: первый элемент *a* принят за букву *e*, второй элемент *a* и знак долготы над ним приняты за вертикальную мачту *b*, петля к которой усмотрена в начальном элементе *ч*-образного немецкого рукописного *r*, последний элемент этого *r* и *o*, написанная с разрывом в правой верхней части, дали *u*. Так в немецком жаргонном словаре 1922 г. возникло несуществующее слово. ⇒ В русских словарях к нему добавилось фантастическое толкование: немецкое «*Blutsfreunde* <побратимы>» было переведено излишне буквально по частям и с игнорированием мн. числа как '*кровный друг', а затем подкорректировано по доминирующей сочетаемости как 'кровный враг': «**Нéбуди** (мн.) – кровный враг» [М: 177; Б: 153; Б, I: 275; Мак-Киенго 1997: 141; БСЖ: 380]. Возможно, ошибке перевода поспособствовало сходство нем. *Freund* 'друг' и *Feind* 'враг'.

⁶ У В. Польцера также отдельно приведены формы ед. и мн. чисел в случае: «**Bloc-ка** [569] Gitter <решетка>» и «**Blocki** [571] Fenster <окно>» [W: 57], ср.: словацко-цыг.

⁴ Все анализируемые слова сгруппированы по типам выявляемых примет цитирования и пронумерованы. Внутренние перекрестные отсылки с надстрочным индексом перед словом (напр., «¹³¹ *народос*») означают, что оно рассматривается в соответствующем месте статьи: ¹³² «**Народос**...

«**blaka** (*okno*)» и «**blaki** (*okna*)» [Šebková, Žlunayová 1998: 28], цыг. (с афрезой начального гласного, как в ⁴ *деца*) от венг. *ablak* 'окно', из слав. *ob-olk-ъ. ⇒ Уникальная неточность немецкого толкования отражена и в русских словарях: «**Блю́ка** (*мн.*) – решетка» [М: 86; Б: 30; Б, I: 39].

Ошибки в записи цыганских слов из немецких словарей перешли в русские:

⁷ Диакритика в *š* утрачена у В. Польцера, если это не запись «по-венгерски» с *-s* [-ш]: «**Ладс** (*мн.*) – стыд» [М: 153; Ломтев, Истомина 2004: 128]. ⇐ «**Laz** [3167] *f*, **Lads** Schande <стыд>: 1922 Po... – Zig. *ladš f* Scham, Schande, Schimpf <цыг. 'стыд, позор'>» [W: 195], цыг. *ладж* [-д'ж' / -ч'] (жен. род) 'стыд'.

⁸ Либо диакритика утрачена у В. Польцера, либо запись *Selo* следует читать «по-венгерски» с *s* [-ш-]: «**Сéло** (*мн.*) – веревка; полицейский» [М: 229]; «**СЕЛО** (*ин.*) – веревка» [Б: 221; Б, II: 34; БСЖ: 533]. ⇐ «**Schello** [4863] *m* Seil, Strick <канат, веревка>... *Selo m* Gendarm <жандарм>: 1922 Po...» [W: 282]; «**Szelo m. der Strick**» [Pott, II: 231]. З. Вольф поясняет, что конные жандармы получили это цыганское название в Австро-Венгрии от арканов (*die Fangschnüre*) в экипировке. Таким образом, вероятный «венгерский след» в неточном прочтении слова указывает на списанную цитату, а «австро-венгерский след» во вторичном значении делает его заимствование устным путем в современный русский жаргон маловероятным как по географическим, так и по хронологическим причинам.

^{9–10} Диакритика в **č(h)uri* 'нож' утрачена у В. Польцера: «**Цу́ри** (*мн.*) – нож» [М: 271; Б: 276; Б, II: 136; БСЖ: 663]. Ср.: «**Шо́рин** (*мн.*) – нож» [М: 283; Б: 292; Б, II: 166; БСЖ: 700; Ломтев, Истомина 2004: 294]. ⇐ «**Tschuri** [5949] *f* Messer <нож>... *Curi, Sjuri*: 1922 Po; *Schorin, Schorie*: 1922 Po...» [W: 334; Pott, II: 210]. Записи *цури* и *шорин* фонетически далеки от *чху́ри*, *чюри*, *шюри* (жен. род) 'нож' в цыг. диалектах России.

¹¹ Диакритика над *ž* или *ž* утрачена в немецком источнике? Ср.: «**Цунга́ло** (*мн.*) – доносчик, изменник» [М: 271]; «**ЦУНГАЛО** (*ин.*) – доносчик, предатель» [Б: 276; Б, II: 136; БСЖ: 663]. ⇐ «**Sung m** [5707] Geruch <запах>... *Sungaló m* Stänker, Verräter <кляузник (букв.: 'вонючка'), предатель>: 1845 Po; *Zungaló*: 1922 Po» [W: 324]. А.Ф. Потт считал, что Дж. Борроу напрасно счел однокоренными слова *Sung* 'запах' и *Sungaló* 'Traitor, he-goat, Traidor, sabrón als Stänker <предатель, козел как вонючка>', употребленное последним в евангельском переводе (*προδοτής* 'предатель' [Лк 6. 16] и др.) [Pott, II: 220, 227; Wogrow 1843, II: *110]. В. Польцер ошибочно добавил к *Sungaló* еще и *Zungalo*. Обе записи неточно отражают слово с начальным звонким: влашско-цыг. *жюнгало́* 'отвратительный'; латышско-цыг. (устар.) «**džungaló**... 'dirty, mean, pitiless, base, disgusting, ugly, filthy, indecent, obscene <грязный, ничтожный, безжалостный, низкий, отвратительный, уродливый, гнусный, неприличный, оскорбительный>'» [Manush 1997: 55] и др. На месте *z* в *Zungalo* вероятно *ž* или *ž*. Возможно, дело не в диакритиках. Замена X (знака для [dž]) на Z могла произойти при дилетантском копировании записи А. Пухмайера: «**Xungalo** Adj. garstig <отвратительный> Pchm.» [Pott, II: 219]. Частное толкование субстантива 'доносчик, изменник / предатель', восходящее к евангельскому переводу Дж. Борроу, на фоне заметно более широкой семантики исходного цыганского прилагательного надежно доказывает факт письменного заимствования записи *цунгало*, подкрепляемый и оплошностями транслитерации.

¹² Сомнительное *z* [ц] на месте [ж']: «**Уцло** (*мн.*) – виновник» [М: 257]. ⇐ «**uzlo** [6013] schuldig <виновный>: 1922 Po...» [W: 337], ранее с диакритикой (апострофом): «**Uz'lo** Adj. Schuldig...» [Pott, II: 76], т.е. [užlo / уж'ло].

¹³ Сомнительное *z* [ц] на месте [ж]: «**Цули́мо** (*мн.*) – должник» [М: 271; Б: 276; Б, II: 136; БСЖ: 663]. ⇐ «**zulimo** [6402] schuldig <виновный, задолжавший>: 1922 Po» [W: 351]. Ср. ловарск.: **unžulimo** *n m* debt, borrowed thing, borrowed money⁵ <долг, взятое в долг, одолженные деньги>. Диакритика также утрачена у В. Польцера.

⁵ Цыганские слова в латинской транслитерации, если нет иных отсылок, взяты из базы лексикографических данных сайта ROMLEX [<http://romani.uni-graz.at/romlex>].

¹⁴ Сомнительный начальный *z-* [ц-] на месте [ж-]: сербское *жут* 'желтый', в цыганском морфологическом оформлении – **жу́то / žuto*, уже в немецком словаре дано без диакритики над *ž-*: «**Zuto** [6412] *m* Gelber <желток>; *zutoi* gelb <желтый>: 1922 Po» [W: 351]. ⇒ «**Цу́то** (мн.) – желтый» [М: 271; Б: 276; Б, II: 136]. При русско-цыганских контактах [ж] обычно не вызывает трудностей.

¹⁵ Сомнительный начальный *z-* [ц-] на месте [з-]: «**Цамэ́рта** (мн.) – пистолет, ружье» [М: 270; Б: 274; Б, II: 133; БСЖ: 658]. ⇐ «**Zammereta** [6309] *f* Pistole <пистолет>: 1922 Po...» [W: 347]; ранее только с *s-* [≈ з-]: «**Sammerètta** Pistole... Etwa mit weichem *s* und von Pers. زنبورة *zambūra* *m.* 1. A hornet, large bee. 2. A small gun. <...> Das Suff. möglicher Weise das eines Frz. Dem.» <Скорее со слабым *s* и от персидск. *zambūra* *m. p.* '1. Шершень, большая пчела. 2. Носимое огнестрельное оружие'... По всей вероятности, с франц. суффиксом диминутива» [Pott, II: 238]. Начальный *z-* [ц-] в позднейших немецких словарях, возможно, под влиянием этимологических параллелей А.Ф. Потта, где *z-* = [з-]. Утрата *é* в **цамерэ́та*, видимо, вызвана тем, что знак ударения при копировании русской транслитерации был принят за знак зачеркивания [Шаповал 2003а: 98–110; 2006а: 421–423].

¹⁶ Смещение *r – s* в иностранном источнике. «**Осу́ня** (мн.) – мрачный» [М: 184]; с произвольным уточнением толкования: «**ОСУНЯ** (ин.) – мрачный человек» [Б: 163; Б, I: 294]; а также с народно-этимологической версией: «**ОСУНЯ**, -и, м. Угол. Шутл.-ирон. Мрачный, угрюмый человек... <От осунуться>» [БСЖ: 401]. ⇐ «**osuné** [3994] *f*inster <темный, мрачный>: 1922 Po. – Zig.» [W: 236]. У З. Вольфа не было сомнений по поводу цыганского происхождения слова, поскольку оно взято В. Польцером из книги А.Ф. Потта. Однако сомнения последнего проигнорированы, хотя, комментируя «*Osuné* Adj. Obscure, dark. Oscúro <тёмный> Bw.» [Wogrow 1843, II: *84], А.Ф. Потт отметил, что запись *osuné* в словаре, который составил Дж. Борроу (Bw.), противоречит двум употреблениям в его же переводе Евангелия на диалект испанских цыган: *oruni, oruné* (Лк 9.45; Лк 23.45), а также варианту [≈хурунэ]: «**Juruné** Adj. Dark, obscure. Oscúro» [Pott, II: 73, 172; Wogrow 1843, II: *66]. Невозможностью заимствования несуществующего слова *osuné* в немецкий жаргон определяется и призрачность «русского» *осу́ня*.

^{17–18} Немецкое чтение [x] испанского *ch* [ч]: «**Хова** (мн.) – рука» [М: 267]; без пометы ин.: «**ХОВА** – 1. Рука...» [Б: 270; Б, II: 125; БСЖ: 651]. ⇐ «**Chova** [895] *f* Hand <рука>: 1922 Po; 1845 Po. – Zig.» [W: 74]. Взято у А.Ф. Потта, который вслед за Дж. Борроу описал исп.-цыг. слово с начальным [ч-] в разделе «Palatale und Sibilanten. *Tsch* (Sp. und Engl. *Ch*, Russ. **Ч**)»: «**Chova** *f.* Hand. Mano. <рука> Sskr. *tsharpat'a* (the palm <ладонь>). Bw. Zu *tshova* *v* (geben? <давать? – точнее: 'ставлю, кладу; лью'. – В.Ш.) – *Chuvia* *s* pl. *Fisty-cuffs*. *Puñados* <горсти>, wie *churdiña*. <Dagger-blow 'удар кинжала'> *Puñalada* <удар кинжалом, колотая рана>» [Pott, II: 176, 205; Wogrow 1843, II: *41, *43].

Ср. с правильным [х-]: «**Хера́ми** (мн.) – браслет» [М: 266; Б: 268; Б, II: 122; БСЖ: 646]. ⇐ «**Cherami** [864] *Armband* <браслет>: 1922 Po» [W: 72]. Ранее в испанской графике с *j-* [х-]: «**Jerámi** *f.* Bracelet. Manilla» [Pott, II: 171; Wogrow 1843, II: *62]. Оба слова специфичны для описания этого исп.-цыг. диалекта начала XIX века. Их появление в немецком словаре начала XX века с разнобоем в чтении испанской латиницы указывает на непрофессиональное копирование и дискредитирует обе фиксации якобы немецких жаргонизмов 1922 г., а их повторение в русских словарях конца XX века с той же ошибкой указывает на вторичное цитирование. *Хова* 'рука' и *херами* 'браслет' не относятся к лексике русского жаргона.

Е.С. Отин недавно писал о слове *хова* 'рука': «Глагол *ховать* 'прятать что-либо' хорошо известен в русских диалектах... Именно от него образовались такие отглагольные флексийные существительные-омонимы, как... хова 'рука'...» [Отин 2006: 283–284]. Думается, словари 1992 г. в данном случае не заслуживают полного доверия. Описание одного из омонимов *хова* 'рука' пришло в них из печатного немецкого источника.

¹⁹ Сомнительное [a] на месте исходного [o]: «Лáко (мн.) – легкий» [М: 153; Б: 125; Б, I: 222; БСЖ: 308; Ломтев, Истомин 2004: 129]. ⇐ «lako [3065] leicht <легкий>: 1922 Po. – Zig. láko leicht, gering <легкий, нетрудный>» [W: 191], общецыг. локхó, lókhó 'light, easy' [Manush 1997: 82; Valtonen 1972: 736]. Опечатка (a вместо o) возникла в немецких словарях при цитировании П.С. Палласа: «Alter nr. 214. Lakó, lató (Levis <легкий>)» [Pott, II: 328], но: «214. Легокъ. Локó, Лотó» [Паллас, II: 270].

Итак, описания 17 слов списка в русских словарях содержат уникальные ошибки, которые возникли в немецких словарях не позднее 1922 г. Эти слова никак не могли быть заимствованы из цыганских диалектов в русский жаргон второй половины XX в. устным путем, поскольку в таком виде и порой в указанном значении никогда не существовали.

Выше мы уже обращали внимание на неточности толкований, совпадающие в русских и немецких словарях (¹ вуравель, ⁶ блока). В четырех случаях подобные ошибки оказываются главным доказательством неотмеченного цитирования:

^{20–21} Глагольной форме *mérta* 'умирает, умрёт' приписано значение 'смерть': «Мéрла (мн.) – смерть» [М: 167; Б: 140; Б, I: 249; БСЖ: 347; Ломтев, Истомин 2004: 147], ср. также: «Мерíбен (мн.) – смерть» [М: 167; Ломтев, Истомин 2004: 147]. ⇐ «Meriben [3545] m Tod <смерть>... Merla Tod: 1922 Po...» [W: 215]. Ср.: «Alter nr. 71. Möribö, merla, moias' (Mors <смерть>)» [Pott, II: 448], ранее в «Сравнительных словарях» П.С. Палласа: «71. Смерть. Мэрибэ, Мерла, Моіась» [Паллас, I: 224]. Конечный -н является факультативным в мэрибэ(н) 'смерть' [ЦРС: 75, 157].

²² Не отражено первичное значение прилагательного: «Пáро (мн.) – ноша» [М: 190]; «Пáро (ин.) – ноша, груз» [Б: 170; Б, I: 308; БСЖ: 420]. ⇐ «Paro [4051] m Last <груз>: 1922 Po...» [W: 93], общецыг. пхарó 'тяжелый, трудный' / pharo 'heavy' [Hamp 1988: 21]. «Pchàro schwer <'тяжелый', ср. толкование производного существительного:>... O p a g e r e n... Last <груз>» [Pott, II: 379]. Игнорируется придыхание в [пх-].

Еще в двух случаях расплывчато описано лексическое значение. Они также совпадают в русских и немецких словарях:

²³ «Мура́ди (мн.) – нож; бритва» [М: 171; Б: 145; Б, I: 259; БСЖ: 361]. ⇐ «Muradi [3729] f Messer, Rasiermesser <нож; бритва>: 1922 Po...» [W: 225]. Это причастие жен. рода от глагола муравáв 'брею', точное значение – 'бритва', ср.: 'das Scheermesser <половинка ножниц, нож с односторонней заточкой (?)>' [Pott, II: 442]; (совр. техн.) 'резак гильотины'.

²⁴ «Тáто (мн.) – горячий, теплый» [М: 245; Б: 242; Б, II: 74; БСЖ: 582]. ⇐ «tato [5768] warm, heiß <теплый, горячий>: 1922 Po...» [W: 327], цыг. tamó/tató – 'теплый' (не 'горячий'), ср. у А.Ф. Потта: только 'warm' [Pott, II: 283].

Каждый из четырех случаев ошибочной грамматической или расширительной семантической трактовки мог возникнуть независимо, однако независимое появление всего «квартета» неточностей в русских и немецких словарях практически исключено. Ср. примеры суженной семантической трактовки: ⁷⁸ лиль, ⁴¹ фасдель, ¹¹ цунгало.

II. Порой русская транслитерация передает немецкую запись, отклонившуюся от реального звучания цыганского слова:

²⁵ «Ба́фен (мн.) – пить» [М: 83; Б: 25; Б, I: 30; БСЖ: 54]. ⇐ «bafen [234] trinken <пить>: 1922 Po... – Zig. piyáv <sic!> trinken <цыг. 'я пью'>» [W: 40; AL 1862: 522; Pott, II: 342]. Восприятие цыганского непридыхательного [п-] как слабого (звонкого) [b-] характерно для немецкого языка. Следы морфологического освоения в русском языке отсутствуют.

²⁶ «Брэ́ко (мн.) – берег; грудь» [М: 88; Б: 34; Б, I: 46]. Утрата звонкости [г] в цыг. (из слав.) брэ́го (муж. род) 'берег', смешение его с иранизмом бэ́рк / брэ́к (жен. род) 'пазуха' и неточность в толковании последнего указывают на немецкий источник: ⇐ «Breko [684] 1. Ufer, Land <берег, земля (суша)>; 2. Brust <грудь>: 1922 Po...» [W: 63], также: «Prèko Damm, Ufer» [Pott, II: 416].

²⁷ «Глітшин (мн.) – ключ» [М: 104; Б: 56; Б, I: 88; БСЖ: 127]. Немецкая запись цыг. (из греч.) *klidzin, ср.: севернорусско-цыг. *кльды́н* (м.р.) ‘ключ/замок’. ⇐ «**Klitzsch** [2722] *f* Vorlegeschloß, Schloß <навесной замок, замок>... *Glitschin*: 1922 Po... Die Wurzel ist aber poln. *kleć* elendes Haus <Корень все же из польского *kleć* ‘жалкий дом’>» [W: 171; Pott, II: 122]. Вопреки З. Вольфу не имеет отношения ни к чешскому *klíč* ‘ключ’, ни к польскому *kleć* ‘хижина, шалаш’ < *klěť [ЭССЯ, 10: 25–27].

²⁸ «Край (мн.) – лошадь» [М: 147; Б: 116; Б, I: 204]. ⇐ «**Grey** [1913] *Pferd* <лошадь>... *Krei*: 1922 Po...» [W: 122]. Цыганским диалектам России перебивка звонких-глухих обычно чужда: цыг. *грай*, *граст* (муж. род) ‘лошадь’. Однако в 1927 г. С.М. Потапов включил в свой словарь жаргона в составе искаженной цыганской фразы единичную запись *крастен* (=грастэн, вин. мн. ‘лошадей’) [Потапов 1927: 53; Баранников 1931: 147]. Видимо, эта запись, как следует из диалектной привязки цыганского материала у А.П. Баранникова, отражает восприятие цыганского начального г-взрывного в зоне украинского / южнорусского фрикативного г.

^{29–30} Ед. ч. м. р. *биболдó*: «**Бильбóльдо** (мн.) – некрещеный; еврей» [М: 84]; «**БИЛЬ-БАЛЬДО** (ин.) – некрещеный» [Б: 28; Б, I: 36; БСЖ: 61]. Цыг. мн. число *биболдэ* толкуется как ед. число, звонкие [б] переданы как глухие: «**Пипóльте** (мн.) – еврей» [М: 194; Б: 175; Б, I: 319]. ⇐ «**Biboldo** [450] *m* Jude <еврей>... *Pipolte*... *Babolde*...» [W: 51; AL 1862: 584, 521]. Запись *бильбóльдо* может быть неточной транслитерацией *Babolde* (обусловленной прочтением лат. -a- или -á- со знаком ударения как -il- > -иль-) > *Bilbolde > *бильбольде.

³¹ Исходное [б-]: «**Пор** (мн.) – кусты» [М: 203; Б: 187; Б, I: 339; БСЖ 482]. ⇐ «**Porr** [4313] *m* Busch, Gesträuch <кустарник>: 1922 Po... – Zig. *hor m* Busch, Hecke, Gestrüpp <куст>» [W: 253]. А.Ф. Потт приводит записанное немцем «*dikno p<orr>*» ‘Hecke <куст>’ [Pott, II: 358], которое отражает цыг. *tikno horr ‘маленький куст’ с обратным распределением звонкости инициальных взрывных.

Эти шесть случаев смешения звонких-глухих (как и ⁵⁰ *гако*, ⁵³ *ци* и др.) надежно объясняются немецким посредством. Все эти слова в идентифицируемых записях из различных источников по цыганскому языку представлены в немецких словарях жаргона. В русские словари они были включены одномоментно. Подобная преемственность может быть объяснена только письменным заимствованием словарных цитат.

Помимо ошибок самих немецких словарей, запечатленных в русских выписках, известной ценностью для идентификации источника обладают и неточности русской транслитерации, исказившие исходную немецкую запись. Рассматривая эти неточности, важно различать два типа ошибок прочтения по их природе: визуальное смешение букв как графических символов (напр.: *I – J*, *av – ow*) и неправильную фонетическую трактовку букв (напр.: *v = [ф]*, *š = [с]*).

III. Визуальное смешение букв и их элементов.

³² Смешение прописных рукописных *I* [и] – *J* [й]: «**Иáро** (мн.) – яйца; мука» [М: 129; Б: 94; Б, I: 167; БСЖ: 228]; ‘яйца’ понято как анатомическое ‘*testiculi*’ [Мак-Киенго 1997: 99]. ⇐ «**Jaro** [2328] *m* Ei <яйцо>: 1922 Po... Zig. *járo m* Ei» [W: 144]. В переводе толкования «Ei» ошибочно выбрано мн. число. Толкование ‘мука’ могло быть добавлено в результате ошибочного отождествления *uaro* ‘яйцо’ со столь же неточной транслитерацией *uaro: «*Jařo m*, Mehl <[йар*о] ‘мука’>» [Pott, II: 50–51], у А.Ф. Потта чешское ř обозначено как *r* со знаком долготы.

³³ «**Иаг** (мн.) – огонь» [М: 129; Б: 94; Б, I: 167; БСЖ: 228]. ⇐ «**Jack** [2305] *f* Feuer <огонь>... *Jag*: 1922 Po...» [W: 142], читается [йаг / йак].

³⁴ Переразложение графических элементов букв *av – ow*: «**Тасоваф** (мн.) – душить» [М: 245]. ⇐ «**tasavav** [5763] *würgen* <душить, топить>: 1922 Po...» [W: 327]; «*Tasavav* Ich *würge*» [Pott, II: 287] – ошибочно переписано как *Tasowav, затем прочитано «по-немецки»: *w = [в]*, *v = [ф]*.

³⁵ Графическая метатеза: «Граль (мн.) – страх» [М: 107; Б: 59; Б, I: 94; БСЖ: 137]. ⇐ «Gral [1891] Getreide, Korn, Frucht <зерно, хлеб (в зерне), плод>...» [W: 121]⁶. Перевод 'страх' – результат прочтения на месте *Frucht* 'плод, фрукт' слова *Furcht* 'страх'. Ср. с той же ошибкой: «Gral *m* Furcht» [Колесниченко 2006: 18]. Перевод сделан по краткой выписке «Gral *Furcht», не содержащей синонимов типа «Getreide, Korn». Слово *граль* 'страх' является призрачным.

IV. Неправильная фонетическая трактовка букв латиницы и их сочетаний.

В немецком источнике были представлены записи цыганских слов средствами латиницы различных языков, но при транслитерации предпочтение отдавалось чтению по правилам немецкого языка. Это является достаточно весомой приметой неотмеченного цитирования.

³⁶ Чтение буквы *v* «фау» как [ф]: «Фуз (мн.) – конопля» [М: 263; Б: 263; Б, I: 113]; отсюда с пометой «н а р к о манское»: «ФУЗ, -а, м. Нарк. Конопля» [БСЖ: 633; Ширянов; Walter 2003: 166]. ⇐ «Vuš [6136] Hanf <конопля>; Vuštengero *m* Flachs <лён>: 1922 Po. – Zig.» [W: 340]. Чтение слова *вуш* как *фуз* ошибочно: *v* прочитано как [ф], диакритика над *š* игнорируется, а *s* читается как [з]. (Русский технический термин иного происхождения *фуз* значит 'осадок в растительном масле'.)

³⁷ «Фалéшо (мн.) – работник» [М: 258]; «ФАЛÉШО (ин.) – работник по дому, двору» [Б: 99; Б, I: 177; БСЖ: 620]. ⇐ «Valeto [6022] *m* Knecht <слуга>: 1922 Po... – Zig. *waléto* Dinner, Knecht <цыг. 'слуга'>» [W: 337], от франц. *valet* 'слуга' [Pott, II: 82]. Транслитерация *фалето возникла из-за неверного чтения *v-*, а после смешения *m* – *ш* была прочитана как *фалешо*. Так в русских жаргонных словарях 1992 г. появилось оригинальное призрачное слово, имеющее мало общего как с французским прототипом, так и с цыганским посредником XIX в.

³⁸ «Фалáсо (мн.) – немного» [М: 258; Б: 258; Б, II: 105; БСЖ: 620]. ⇐ «*valaso* [6020] etwas <нечто; кое-что>...» [W: 337], с начальным [в-] – полукалька венг. *valami* 'кое-что' (венг. *mi* 'что' = цыг. *so*).

³⁹ «Фáреко (мн.) – кто-то» [М: 258; БСЖ: 621]. ⇐ «*valako* [6019] jemand <некто>: 1922 Po; *vareko*: 1922 Po, 1821 K 131. – Zig.» [W: 337]. Частица цыганских неопределенных местоимений *vare-*, *váрэ-* (от румынск. *oare-*) [Manush 1997: 128], *ко* – 'кто', ср.:¹⁵¹ *нико*.

⁴⁰ «Фаст (мн.) – рука» [М: 259; Б: 259; Б, II: 107; БСЖ: 622]. ⇐ «*Vast* [6029] *m* Hand <рука>: 1922 Po... Zig. *wast m* Hand <цыг. 'рука'>...» [W: 337; Pott, II: 86].

⁴¹ «Фáсдель (мн.) – открывать» [М: 259; Б: 259; Б, II: 107]. ⇐ «*vasdel* [6028] öffnen <открывать>: 1922 Po» [W: 337]. Частное толкование 'открывать' – из немецкого словаря: вообще же исконно цыг. глагол *ha(z)del* [Manush 1997: 61] и его этимологически прозрачный вариант в ряде диалектов *vazdel* (из *vast* 'рука' + *del* 'дает' [Uhlik 1977: 339]) имеют более широкое значение 'поднимает'.

⁴² «Фéрмо (мн.) – яма» [М: 259; Б: 260; Б, II: 107; БСЖ: 624]. ⇐ «*Vermo* [6074] *m* Grube <яма>...» [W: 338], от венг. *verem* 'яма'. А.Ф. Потт цитирует: «*Wermo, gere* (fovea <яма>) Alter nr. 119» [Pott, II: 81], т.е. «Сравнительные словари» под ред. акад. П.С. Палласа, где кириллицей по-цыгански ранее было напечатано *вермо*: «119. Яма. Вермо, Гере» [Паллас₁, I: 376], ср. ¹ *вуравель*, ² *цери*.

⁴³ «Филамó (мн.) – молния» [М: 260; Б: 260; Б, II: 108; БСЖ: 626]. ⇐ «*Vilamo* [6113] *m* Blitz <молния>: 1922 Po. – Zig.» [W: 339]; от венг. *villám* 'то же'.

⁴⁴ «Фóди (мн.) – душа» [М: 261; Б: 261; Б, II: 110]. ⇐ «*Vódi* [6119] *f* Seele <душа>... Zig. *wódi f* Gehirn, Verstand <мозг, разум>» [W: 340]; цыг. *vodi* 'душа' [Pott, II: 78], мужского рода (вопреки З. Вольфу), ср.: украинско-цыг. «*води* <...> *m* душа, сердце» [ЦРС

⁶ Хотя З. Вольф сближает *Kral / Gral* и т.п. 'зерно, плоды' (с 1726 г.) с цыг. из слав. *краль* 'король' (в смысле «хлеб всему голова»), однако вероятнее романское происхождение, ср. лат. *cerealis* 'зерновой'.

1938: 21, 37]; севернорусско-цыг.: «Оди́ – душа, сердце, нутро (м. р.)» [Патканов 1900: 176]. Ср. то же слово без артикля *o-*: ⁵³ *ци*.

^{45–46} «Фудар (мн.) – дверь» и «Удар (мн.) – ворота, дверь» [М: 262, 255; Б: 263, 253; Б, II: 113, 96; БСЖ: 633, 609]. ⇐ «**Udar** [5980] *m* Tüg [дверь]: 1922 Po; **Vúdar**: 1922 Po... – *Zig. wúder m Tüg*» [W: 335]. (Ср. то же во мн. числе: ⁸⁴ будара.)

⁴⁷ «Фóдро (мн.) – постель» [М: 261; Б: 261; Б, II: 110; БСЖ: 629]. Цыг. из слав., напр.: старослав. одръ 'ложе' [Фасмер, III: 123–124] и др. ⇐ «**Vadras** [6015] *Vein* <постель>: 1845 Po; **Vodros**: 1597 K 34. – *Zig.*» [W: 337]. Источники З. Вольфа трудно счесть жаргонными: труд А.Ф. Потта, который *vadras* и *hadras* 'bed <постель>' взял у Харриота (из описаний цыганского диалекта Англии) [Pott, II: 78], и старейший трактат о цыганском языке 1597 г. Бонавентуры Вулканиуса, переведенный на латынь с французского: «64. **Vodros** Lectus <ложе>», цит. по: [Kluge 1901: 115; Костов 1956: 411]. Немецких источников у З. Вольфа нет. Отсутствие конечной *-s* в русской записи может указывать на иной диалект, где им. пад. ед. числа в европейских заимствованных существительных без *-s*, напр.: *vodro* 'bed' (Австрия, Венгрия, Словакия). Начальный [ф-] в любом случае сомнителен.

⁴⁸ В этот же ряд можно добавить: «Руф (мн.) – волк» [М: 223; Б: 213; Б, II: 20; БСЖ: 516]. ⇐ «**Ruv** [4704] *m* Wolf <волк>: 1922 Po, 1821 K 131. – *Zig.*» [W: 272]. Хотя оглушение в финали возможно в севернорусско-цыг. и других диалектах цыганского языка: *ру[ф]* [Вентцель 1964: 36], – однако недвусмысленная помета Л. Мильяненкова – *мн.* – исключает заимствование из устного источника.

Анализируемый список содержит не менее 12 примеров неверного чтения в основном начального цыганского [в-] как [ф-], см. также: ¹²⁴ фезаво. Совпадения с немецким словарем жаргона позволяют интерпретировать их как неточные транслитерации цитат из него. Вместе с тем *v* читается и как [в]: ⁹¹ *гав* и мн. др.

Выбор чтения латинской *c* то как [к], то как [ц] опирается на неясные основания. Возможно, транслитерация выполнялась несколькими лицами.

^{49–50} Ошибочное чтение латинского *c* как [ц] (?): «Цак (мн.) – друг, соучастник» [М: 269]; «ЦАК (ин.) – 1. Друг. 2. Сообщник» [Б: 53; Б, I: 84; БСЖ: 120]. Из того же источника: «Гáко (мн.) – друг; дядя» [М: 101]; «ГАКО (ин.) – 1. Дядя. 2. Друг» [Б: 53; Б, I: 84; БСЖ: 120]. ⇐ Толкование 'друг > сообщник' в русских выписках смело распространено на оба варианта слова: «**Gako** [1619] *m* Onkel, Freund <дядя, друг>: 1922 Po. – *Ga(c)k Vetter* <кузен>... *Zig. gácko Vetter, Verwandter* <цыг. 'кузен, родственник'>» [W: 109]. Цыг. *как* (м. р.), *ка́ко* (зват. п.) 'дядя' [ЦРС 1938: 58] дано А.Ф. Поттом также и в виде «*Gack Vetter* <кузен>» [Pott, II: 91]. В *Ga(c)k* начальная *G* ошибочно принята за *C*, откуда *цак*.

⁵¹ «Цáлизен (мн.) – смерть» [М: 270; Б: 274; Б, II: 130; БСЖ: 658]. ⇐ «**Calisen** [810] *Tod* <смерть>: 1922 Po» [W: 68]. В словаре А.Ф. Потта в разделе «2. Consonanten. a) Gutturale. К (С, Q)» с начальным [к-]: «**Calisen** f. Death. Muerte <смерть>. Sskr. *kâla*. Bw. Die Vergleichung mit *Kâla*, Beinamen des Todesgottes Yama, ist so zweifelhaft, als sie, wenn wahr, interessant wäre <Сравнение с *Kâla*, именованием божества смерти Яма, столь же сомнительно, сколь оно было бы интересным, будь оно верным>» [Pott, II: 90, 124]. Как видим, Дж. Борроу [Borrow 1843, II: *27] цитируется со сдержанным скепсисом в отношении его этимологических попыток.

⁵² Ошибочное чтение латинского *c* как [к]: «Нинко (мн.) – немец» [М: 179; Б: 155; Б, I: 279; БСЖ: 383]. ⇐ «**Ninco** [3883] *m* Deutscher <немец>: 1922 Po» [W: 231], из слав. *něťсьь: [нѣмцо] > [≈нинцо]. На польский источник цыг. *[n'ip'so] указывает [n'] на месте [m'] (польск. диалектн. *Nieńcy* 'немцы') и [i] (или [y]?) на месте *e*-закрытого. Такое сочетание черт наблюдается, например, в мазовецких говорах, см. [Klemensiewicz, Lehr-Spławinski, Urbańczyk 1981: 152–153, 85–86].

⁵³ Начальный [д'ж'-]. Северное чтение диграфа *cz*: «Ци (мн.) – сердце» [М: 270; Б: 275; Б, II: 135; БСЖ: 661]. ⇐ «**Tschi** [5941] *m* Herz <сердце>... **Czi**: 1922 Po. – *Zig. dši m*,

dši m Herz <цыг. 'сердце'>» [W: 334; Pott, II: 216], севернорусско-цыг. «ди м душа, сердце» [ЦРС 1938: 37]; латвийско- и финско-цыг. *dži m*. 'soul / heart <душа / сердце>' [Manush 1997: 54; Valtonen 1972: 41] и др. Запись *Czi* [≈чи?] отражает немецкое восприятие цыганской звонкости. Запись *ци* является механической суммой чтения немецких букв: *cz i = ц ц и*. Ср.: ⁴⁴ *фоду*.

⁵⁴ «**Цүвли** (мн.) – женщина» [М: 271; Б: 276; Б, II: 136; Мак-Киенго 1997: 236; БСЖ: 662; СРБ: 377]. ⇐ «*Czuvli* [922] *f* Weib <баба>: 1922 Po... – Zig. *dšúwli f* Hündin, Weib <цыг. 'сука, баба'>» [W: 75]. Немецкая запись неточно отражает звонкую начальную аффрикату [dž/dž']. Замена *x* (знака для [dž]) на *z* могла произойти у В. Польцера и при копировании записи А. Пухмайера: «*Xuvli* ein Weibsbild <баба, бабенка> Pchm.»; «*Xukli f*. Hündin Pchm.» [Pott, II: 215, 213]. З. Вольф смешивает эти паронимы в духе известного в ряде диалектов каламбура.

⁵⁵ «**Цёппо** (мн.) – грудь» [М: 270; Б: 275; Б, II: 135; Мак-Киенго 1997: 236; БСЖ: 660; СРБ: 376]. ⇐ «*Czeppo* [921] *m* Brust <грудь>: 1922 Po; *Черо*: 1845 Po» [W: 75]. Испанско-цыг. «*Черо m*. Breast, bosom Bw.» [Pott, II: 181; Bogtow 1843, II: *37] показывает начальный [ч-].

⁵⁶ Начальный [ч-]: «**Цүци** (мн.) – груди» [М: 271]; «**ЦУЦИ** (ин.) – женские груди» [Б: 276; Б, II: 136]; также: «**ЦУЦИ**, -ей, мн., Угол. Шутл. Женские груди...» [БСЖ: 663]; «**ЦУЦИ**, мн. Жарг. Женские груди» [Мак-Киенго 1997: 236; СРБ: 377]. ⇐ «*Tschutsi* [5950] *f* weibliche Brust, Zitze <женская грудь, сосок>... *Czuzi*: 1922 Po... – Zig. *tšútši(n) f* weibliche Brust, Euter <цыг. 'женская грудь, вымя'>» [W: 334; Pott, II: 180], в России цыг. *чучи́*, *чючи́* (ж. р.) 'женская грудь, сосок' [ЦРС: 146, 147], также *тютү́* 'то же'.

⁵⁷ «**Цанг** (мн.) – колено» [М: 270; Б: 274; Б, II: 133; БСЖ: 658]. ⇐ «*Tschang* [5938] *f* Knie <колени>... *Czang*... *Čang*: 1922 Po...» [W: 334], цыг. *чянг* (ж. р.) 'то же' [Pott, II: 195; Rishi 1974: 10; Manush 1997: 40].

⁵⁸ «**Цик** (мн.) – грязь» [М: 270]; «**ЦИК** (ин.) – грязь, распутица» [Б: 275; Б, II: 135; БСЖ: 661]. ⇐ «*Tschick* [5943] *f* Zigarren- oder Zigarettentstummel <сигарный или сигаретный окурочок>: 1922 Po... *Czik* <Kautabak 'жевательный табак'>: 1922 Po. – Zig. *tsik m* Kot, Schmutz <цыг. 'грязь, нечистоты'>...» [W: 334; Pott, II: 177]. Толкование *цик* взято из этимологической справки?

⁵⁹ «**Цобиханен** (мн.) – ведьма» [М: 271]. ⇐ «*Tschobachani* [5945] *f* Hexe <ведьма>: 1845 Po; *Tzschobachanin*: 1726 <из словаря немецкого жаргона Rotwelsch. – В.Ш.>. – Zig.» [W: 334]. Ближе к русской записи: «*Tzschobichanin*... (Hexe)...» [Pott, II: 190]. Ошибки транслитерации подкрепляют версию письменного заимствования. Ср.: в синти (немецко-цыганском диалекте), литовско- и латышско-цыг. *čovahani* [човахані] *witch* <ведьма>' [Manush 1997: 41], а также со стяжением: польско-цыг. (влашск.) *čochai* [Ficowski 1963: 234], ловарск. *čohaňi*, *čohaji witch*, югославско-цыг. (в Гурбете) *čohani* Hexe 'ведьма' [Uhlik 2006: 31].

То же слово с иным стяжением представлено в русском языке как новый экзотизм *шувани* 'опытная цыганская гадалка'. Взято из переводных сочинений о цыганской магии [Бакленд 2003: 60], откуда пришло в телесериал «Кармелита» (реж. Рауф Кубаев, 2006 г.) и рекламы гадания. Видимо, *шувани* – это «английская» запись *chuvani, прочитанная «по-французски», или иррегулярный случай фонетического изменения. Непридыхательный [č] в [š] не переходит, в отличие от [čh] в некоторых диалектах.

⁶⁰ Начальный [дз-/з-]: «**Цёрво** (мн.) – левый» [М: 270; Б: 275; Б, II: 135; БСЖ: 661]. ⇐ «*zerwo* [6342] link <левый>: 1922 Po...» [W: 348], от греч. ζέρβος 'то же' [Pott, II: 254]. Ср. с оглушением инициальной аффрикаты: финско-цыг. *tserevo* 'left' [Valtonen 1972: 121].

⁶¹ Начальный [ц-], обусловленный немецкой народной этимологией: «**Цүкер** (мн.) – красивый» [М: 271; Б: 276; Б, II: 136]. ⇐ «*schukker* [5182] schön <красивый>... *zucker*: 1922 Po... Zig. *šúker* schön <красивый>» [W: 301]. Там же З. Вольф указывает на влияние нем. *Zucker* 'сахар', ср. иначе [БСЖ: 662].

⁶² Ошибочное чтение *ch* как [ц]: «**Цүлей** (мн.) – мужчина» [М: 271; Б: 276; Б, II: 136; БСЖ: 663]. ⇐ «*Chulei* [901] *m* Mann <мужчина>: 1922 Po. – *Chulai m*, *Cholei Mann*, Wirt <мужчина, хозяин>: 1845 Po. – Zig.» [W: 75]. Цыганское 'хозяин' читается [хула́й] [Pott,

II: 170–171]. Ранее нами для объяснения записи *цулей* предлагалась иная версия, которая не подтвердилась [Шаповал 2003б: 158–161].

Все транслитерации с неверным чтением латинских букв *c* и *z* или диграфов, содержащих *c* и *z*, восходят к немецкому словарю и обусловлены уровнем квалификации лиц, участвовавших в переводе цитат.

Игнорирование диакритик в *č*, *š* – еще одно проявление неустойчивости принципов транслитерации:

^{63–64} В одном случае это является причиной дублирования словарной статьи. Цыг. [ч-] в *čor*, *čёр* (м. р.) ‘вор’: а) «**Чор** (мн.) – вор» [М: 275; Б: 282; Б, II: 147; БСЖ: 675]; б) «**Кор** (мн.) – вор» [М: 144; Б: 112; Б, I: 198; БСЖ: 278]. ⇐ «**Tschor** [5947a] *m* Dieb <вор>: 1922 Po, 1862 AL; *Čor*: 1922 Po... – *Zig. tsor m* Dieb, Räuber <вор, разбойник>» [W: 334; Pott, II: 200–201]. Ошибочное *кор* (прочтение *čor* без учета диакритики) дискредитирует и корректное написание «*чор* – вор», которое в словарях 1992 г. также нельзя считать фиксацией русского жаргонизма.

⁶⁵ Звук $(d)ž / (d)ẓ̌ [≈ч]$ в позиции оглушения: «**Миц** (мн.) – женские половые органы» [М: 168; Б: 141; Б, I: 251; Мак-Киенго 1997: 133; БСЖ: 351; СРБ: 209; Ломтев, Истомин 2004: 149]. ⇐ «**Minsch** [3615] *f* Vulva... *Minč*: 1922 Po... – *Zig. mintš f* Vulva» [W: 218–219]. Диакритика не учтена при транслитерации.

⁶⁶ Цыг. придыхательный *čh- [Pott, II: 181–183] в *чхавó*, *чявó* (м.р.) ‘цыганский парень, сын’ [ЦРС: 146, 147]: «**Каво** (мн.) – ребенок» [М: 132]; со смешением *o* – *a*: «**КАВА** (ин.) – ребенок» [Б: 98; Б, I: 175]; оба варианта [БСЖ: 235]. ⇐ «**Schabi** [4771] *m* Knabe, Sohn, Junge, Kind <мальчик, сын, парень, ребенок>... *Čavo*... 1922 Po...» [W: 278].

⁶⁷ Цыг. придыхательный *čh-: «**Мако** (мн.) – рыба» [М: 162; Б: 134; Б, I: 239; БСЖ: 331; Ломтев, Истомин 2004: 140]. ⇐ «**Маčo** [3354] *m*... Fisch <рыба>: 1922 Po...» [W: 205; Pott, II: 437].

⁶⁸ Цыг. [-ш]: «**Епас** (мн.) – половина» [М: 118; Б: 75; Б, I: 124; БСЖ: 178]. ⇐ «**pasch** [4057], (*j*)*epaš* halb <половина>: 1922 Po...» [W: 238], цыг. *epaиш* из (*j*)*ekx paиш* ‘одна половина’. Ср. ¹⁶⁹ *паиш*.

⁶⁹ «**Ис** (мн.) – тоже» [М: 131]; «**ИС**, союз. Угол. Тоже» [БСЖ: 233]. ⇐ «**iš** [2295] auch <также, тоже>: 1922 Po» [W: 141]. Поскольку диакритика игнорируется, вместо [иш] в русской записи появляется призрачное *ис*. Вероятно, за этим стоит венгерское *is* [иш] ‘also, too <тоже, также>’, возможно, из цыг. речи.

⁷⁰ «**Насáдо** (мн.) – убитый, мертвый» [М: 175; Б: 152; Б, I: 273; БСЖ: 376]. ⇐ «**Našado** [3800] *m* Erschlagener <убитый>: 1922 Po; *naszado* getötet, verloren <умерщвленный, потерянный>: 1821 K 131...» [W: 227], цыг. *нашадо́* ‘погубленный, потерянный’. Ср. также [з] на месте *š* в ³⁶ *фуз*.

Итак, девять случаев неточной транслитерации вызваны недоучетом диакритик над *č*, *š*. Все они имеют корректные параллели в описаниях немецкого жаргона.

Возможно, выполнение транслитерации разными лицами, привело и к колебаниям при выборе чтения *s*:

^{71–72} В цыганском начальный [с-]: «**Зуб** (мн.) – игла...», «**Суб** (мн.) – игла» [М: 127, 242]; без *ин.*: «**ЗУБ** – 1. Игла...», но: «**СУБ** (ин.) – игла» [Б: 93, 237; Б, I: 164; Б, II: 65]; также [БСЖ: 227, 573]. ⇐ Дважды транслитерировано: «**Sub** [5696] *f* Nadel <игла>... *Zig. sūw f*» [W: 323]; в России цыгане произносят [сув / суф].

^{73–74} Начальный [с-]: «**Зунг** (мн.) – запах», «**Сунг** (мн.) – запах» [М: 128, 243]; «**ЗУНГ** (ин.) – запах», но: «**СУНГ** (ин.) – дурной хлеб» [Б: 93, 237; Б, I: 164; Б, II: 66; БСЖ: 227, 574], по ошибке толкование ‘хлеб’ могло быть взято от *сумарь*, *сумак* ‘хлеб’ или под. ⇐ Дважды транслитерировано: «**Sung** [5707] *m* Geruch <запах>...» [W: 324], цыг. [сунг].

⁷⁵ Начальный [з-]. Транслитерация *зор не представлена, что в данном случае доказывает, что слово списано, а не услышано: «**Сор** (мн.) – сила; яд» [М: 237; Б: 230; Б, II:

51; БСЖ: 555]. ⇐ «**Sor** [5392] *f* Stärke, Kraft, Gewalt, Macht <сила, мощь, власть>: 1922 Po...»; «**Sor** [5393] *f* Gift <яд>: 1922 Po...» [W: 311]. Зор 'сила' А.Ф. Потт считал иранизмом, отличая от него ныне малоизвестный в цыганском иранизм-пароним *So(h)r*, зор 'яд' [Pott, II: 253], напр., синти: *zor*.

Доказательством письменного заимствования является также *-ль* в точном соответствии с *-l* в немецком словаре, что затрудняет признание описаний ряда общецыганских слов с пометой *мн. (ин.)* фиксациями устной речи, ср. в кириллической записи цыг. *Дэвэл, Дел* 'бог' и т.п.:

⁷⁶ «**Буль** (*мн.*) – зад у человека» [М: 90]; «**БУЛЬ** (*ин.*) – ягодицы, задница» [Б: 35; Б, I: 48; Мак-Киснго 1997: 59; СРБ: 91; БСЖ: 81] ⇐ **Puhl** [4384] *f* After <зад>... *Bul*: 1922 Po...» [W: 256; Pott, II: 422].

⁷⁷ «**Дэвель** (*мн.*) – бог» [М: 111; Б: 65; Б, I: 105]. ⇐ «**Devel** [1002] *m* Gott <бог>...» [W: 79]. Та же транслитерация *Девель* 'бог' (по-цыгански) появляется в переводе труда Э. Тайлора о первобытной культуре [Тайлор 1989: 404].

⁷⁸ «**Лиль** (*мн.*) – письмо; паспорт» [М: 156; Б: 127; Б, I: 227; БСЖ: 316]. ⇐ «**Liel** [3238] *m* Brief, Pass ... *Lil*: 1922 Po...» [W: 198]. Выбор только двух толкований из ряда возможных: 'book / книга' [Manush 1997: 81]; 'list (papír) / лист (бумаги)' [Romsko-1998: 169]; 'документ' [ЦРС: 69] и др. – дополнительно доказывает связь между русскими и немецким словарем.

⁷⁹ «**Маль** (*мн.*) – товарищ» [М: 162]; «**МАЛЬ** (*ин.*) – товарищ, друг, приятель» [Б: 134; Б, I: 240; БСЖ: 333]. ⇐ «**Mahl** [3365] *m* Kamerad, Genosse, Kumpan <товарищ>... *Mal*: 1922 Po...» [W: 205; Pott, II: 453].

⁸⁰ «**Моль** (*мн.*) – вино» [М: 169; Б: 143; Б, I: 253; БСЖ: 355]. ⇐ «**Mol** [3658] *f* Wein <вино>...» [W: 221; Pott, II: 455]. Ср. также: ²⁹ *бильбальдо / бильбольдо*, ⁹² *валыши*, ¹ *вуравель*, ³⁵ *граль*, ³⁰ *пипольте*, ⁴¹ *фасдель* и др.

Ошибки при дальнейшем копировании необычных слов в кириллической транслитерации и их толкований также искажали исходный вид записей, сохраняя при этом существенные идентифицирующие признаки немецкого оригинала.

V. Ошибки при копировании заглавного слова:

⁸¹ Смешение русск. *e – c*: «**Бёре** (*мн.*) – год» [М: 84; Б: 27; Б, I: 33; БСЖ: 59]. ⇐ «**Bers** [421] *Jahr* <год>: 1922 Po...» [W: 50]. Запись *Bers* должна читаться по-венгерски [бэрс]. При копировании *берс было прочитано ошибочно по принципу предпочтения открытых слогов: *бере* (ср. ¹¹⁷ *мусе*).

⁸² Смещение русск. *a – u*: «**Гланда** (*мн.*) – нож» [М: 104; Б: 56; Б, I: 88; БСЖ: 127]. ⇐ «**Glandi** [1815] *Messer, Dolch* <нож>: 1922 Po... – *Zig. glandúno adj. vorderer, hier im Sinne von "Spitze"* <цыг. 'передний', здесь в значении "острие">» [W: 117]. А.Ф. Потт дает без этимологии и только со ссылкой на Дж. Борроу (испанско-цыг.): «**Glandí** *f.* A knife. Cuchillo. Вw.» [Pott, II: 146; Вогтов 1843, II: *55]. Запись *гланди в порядке народной этимологии сближена с *гланда*.

⁸³ «**Хохавабе** (*мн.*) – ложь, обман» [М: 269]; «**ХОХА ВАБЕ** (*ин.*) – ложь, обман» [Б: 271; Б, II: 128]; оба варианта [БСЖ: 654]. ⇐ «**Hohavibe** [2201] *m* Lüge, Betrug <ложь, обман>: 1922 Po... – *Zig. chocheren m Lüge*» [W: 138]; точнее: цыг. *хоха(в)ибэ(н)* 'то же'. Произошло ошибочное копирование *хохавибэ как *хохавабе*, а затем в одном из словарей разделение записи на два графических слова⁷. Ср. также смешение *a – u* в ⁵⁹ *цобиханен*.

⁷ Такое произвольное разбиение встречалось ранее в проникшей в словарь русского жаргона записи цыг. *хасимэ* 'пропащий': *хаш мех* 'смерть' [ТСУЖ: 190; Бронников 1990: 47], описано со ссылкой на ТСУЖ с ошибочным усечением: «**ХАШ**, -а, м. Угол. Смерть», а также с опечаткой: «**Хаш меш**. То же» [БСЖ: 644].

⁸⁴⁻⁸⁵ К ошибкам прочтения, вызванным трактовкой знака ударения как знака зачеркивания буквы (см. ¹⁵ *цамерта*), можно отнести запись будра: «Будара (мн.) – дверь» [М: 89]; но без пометы *ин.* и с утратой буквы *á*: «БУДРА – <...> 2. Дверь» [Б: 35; Б, I: 48]; оба варианта [БСЖ: 79]. ⇐ «*Butter* <'Aufpasser'> geht jedoch zurück auf *zig. budara m Tur* (besonders deutlich zeigt das die Form *Buttwader* <'von Gaunern aufgestellte Wache'>) und bedeutet die von der Tür des Einbruchobjekts aufgestellte Wache der Gauner» <*Butter* 'страж, надзиратель' восходит все же к цыг. budara (м. р.) 'дверь' (особенно ясно это показывает форма *Buttwader* 'охрана, выставляемая ворами') и означает охрану, которая установлена ворами у двери объекта взлома» [W: 67–68]. Из этого комментария ясно, что З. Вольф не считает цыг. *budara* (муж. род) 'дверь' <точнее: мн. число ударá, *вударá* 'двери'. – В.Ш.> словом немецкого жаргона, но приводит его исключительно в качестве этимологической параллели. Так что русск. *будара* 'дверь' не может считаться даже переводом немецкого жаргонизма, а его спорная трансформация будра – тем более. Ср.: ⁴⁵ *фудар*.

VI. Ошибки при копировании толкования.

⁸⁶ «Алав (мн.) – платье, одежда» [М: 77; Б: 17; Б, I: 15; БСЖ: 33]. ⇐ «*Alav* [60] *Flamme, Feuer* <пламя, огонь>: 1922 *Ro*, 1845 *Ro*; *Alaw*: 1845 *Ro* – *Zig.*» [W: 33]; от иранского *ālāw* 'огонь' [Hancock 1995: 43; Pott, II: 58–59].

⁸⁷⁻⁸⁸ «Ланга (мн.) – платье», «Ланго (мн.) – пламя» [М: 153]; «ЛАНГА (ин.) – платье»; «ЛАНГО (ин.) – 1. Пламя...» [Б: 125; Б, I: 222; БСЖ: 309; Ломтев, Истомин 2004: 129]. ⇐ «*Lango* [3100], *Langa* *Flamme* <пламя>: 1922 *Ro*» [W: 192], венгерско-цыг. *lango* из венг. *lang* 'пламя'. Смешение толкований 'пламя' и 'платье' произошло при копировании русского перевода толкования слов *алав* и *ланга*, чем доказывается факт цитирования малопонятного материала.

Соседство с вышеупомянутым *Lango, Langa* в немецком словаре слова *lango* («*lango* [3099] *hinkend* <хромой>: 1922 *Ro*, 1845 *Ro*...» [W: 192]) и объединение в русских словарях омонимов 'пламя' и 'хромой' («Ланго (мн.) – хромой» [М: 153]; «ЛАНГО (ин.) – 1. Пламя. 2. Хромой» [Б: 125; Б, I: 222; БСЖ: 309; Ломтев, Истомин 2004: 129]) позволяют распространить вывод о списывании и на последнее слово.

⁸⁹ Смещение *д* – *з*: «Вудер (мн.) – зверь» [М: 99; Б: 49; Б, I: 74; БСЖ: 112]. ⇐ «*Udar* [5980] *m Tür* <дверь>... *Wuder*: 1755... – *Zig. wüder m Tür*» [W: 335]; «*Wuder m. Thür* <дверь>» [Pott, II: 78]. Ошибка в толковании могла быть вызвана как смешением рукописных *д* и *з* в переводе «дверь», так и *ü* – *ie* в немецком *Tür* (*Tier* <зверь>).

⁹⁰ Толкование '*водка' искажено как 'возка': «Лабарди (мн.) – возка» [М: 152]. ⇐ «*Lovina* [3288] *f Bier* <пиво>: 1922 *Ro*... *Zig. lowina f Bier* <цыг. *ловина* 'пиво'>. – *Vielleicht hierher labardi Branntwein*, (uberhaupt:) *Getränke* <Возможно, отсюда и *лабарди* 'водка', вообще: 'напиток'>» [W: 201]. Вопреки З. Вольфу почтенное славянское заимствование в цыганский язык *ловина* (*lauena* 'пиво', 1547 г. [Kluge 1901: 91]) исторически не связано с субстантивированным причастием женского рода *labardi* 'водка, горелка' от словацко-цыг. глагола *labarel* 'жжёт' (*labarel pálit* <жечь>, *labard'i pedoralek sigarety* <окурки сигареты> [Romsko- 1998: 162, 161]). Ср. у русских цыган: германизм *бравинта* [ЦРС: 17; Manush 1997: 35] и его синоним *хачкирды* 'водка' [Андроникова 2006: 613], букв. 'горелая, горячая', где последнее – также причастие ж. р. от синонимичного глагола *хачкирэл* 'жжёт'.

⁹¹ Смещение *н* – *ь*: «Гав (мн.) – деревья» [М: 101; Б: 53; Б, I: 83]. ⇐ «*Kaff* [2405] *n Dorf* <деревня>... *Gav*: 1922 *Ro*... – *Zig. gāw m Dorf*» [W: 148; Pott, II: 134], ср. севернорусско-цыг. *гав* (м. р.) 'село, деревня' [ЦРС: 30]. В сводном словаре русского жаргона одесское *ловить гавов* 'ротозейничать' ошибочно отнесено к этому *гав* 'деревья' [БСЖ: 119], надо: русск. диалектн. в форме вин. пад. мн. числа от *гáва* 'ворона'.

VII. Ошибки осмысления толкования.

⁹² Неразличение 'пациент' – 'болезнь': «Вальши (мн.) – венерический» [М: 92]; «ВАЛЬШИ (ин.) – венерически больной» [Б: 39; Б, I: 56; БСЖ: 88]. ⇐ «*Waldtscho*

[6150] *m* Franzose <француз>... *Wälschi* venerisch <букв. 'французская', к *dukh* / *дукх* (ж. р.) 'болезнь'. – *В.Ш.*: 1845 *Ро*» [W: 341; Pott, II: 83].

⁹³ «**Мат** (мн.) – почему?» [М: 165]; «**МАТ?** (ин.) – почему?» [Б: 138; Б, I: 245; БСЖ: 340]. ⇐ «**matt** [3456] *warm* <теплый>» (сближаемое З. Вольфом без особой уверенности с цыг. *mató* 'пьяный') [W: 203]. Очевидная в русском толковании ошибка, возникшая под влиянием нем. *warum* 'почему', доказывает, что перевод выполнялся уже по рукописи без обращения к печатному немецкому источнику и что в словари Л. Мильяненкова и Д. Балдаева и др. включены копии одного перевода немецких выписок. *Мат* 'почему' является призрачным словом.

⁹⁴ Источник слова *Plamena* – один из славянских языков Центральной Европы (ср. русск. *пламенá* – редкое мн. число от *пламя*). В немецкий словарь жаргона оно было взято в 1922 г., вероятно, как термин цыган-кузнецов: «**Plamena** [4221] *Blasebalg* <мехи кузнечные>: 1922 *Ро*» [W: 248]. ⇒ В русском переводе этой словарной статьи накопились неточности: «**Плáмена** (мн.) – мех» [М: 195] звучит двусмысленно; далее происходит уточнение, но ошибочное: «**ПЛАМЕНА** (ин.) – мех, меховое изделие [Б: 176; Б, I: 320]; оно и закрепляется в сводном словаре: «**ПЛАМЕНА**, -ы, ж., а также в знач. собир. Угол. Мех, меха, меховые изделия...» [БСЖ: 439].

⁹⁵ Весьма запутанный случай: «**Ун** (мн.) – возьми» [М: 256]; «**УН** (ин.) – возьми (обращение)» [Б: 255; Б, II: 99]; «**УН**, неизм., Угол. Возьми (предложение чего-л.)» [БСЖ: 612]. Это искаженная по причине смешения *n* – *n* запись «*у $\underline{n}$ – 'на'», в которой толкование сочтено междометием и заменено синонимичным 'возьми'. ⇐ Ср. описание английского слова *up*, принятого З. Вольфом за цыганское: «**up** [6006] *auf* <вверх>: 1922 *Ро*. – *Zig. upré oben* <цыг. 'вверху'>» [W: 336]. Цыганское наречие никогда не подвергается подобному усечению: «**Upré oben**» [Pott, II: 74]; «**opre 1** *naňoťe* <наверху>» [Romsko- 1998: 196]; *opré* и *upré* 'вверх, кверху' [ЦРС: 138] и др.

⁹⁶ Иногда переосмысление носит откровенно конъюнктурный характер. «**Harta(s)** [2075] *m* (*Kupfer-)Schmied* <медник>: 1922 *Ро*» [W: 132]. ⇒ «**Хáртас** (мн.) – кузнец» [М: 265]; затем перетолковывается в криминальном духе: «**ХАРТАС** (ин.) – человек, изготавливающий инструменты для взлома запоров» [Б: 267; Б, II: 120; БСЖ: 643]. Читается, видимо, по-венгерски [хá^oрта^oш].

⁹⁷ Исходное «**Harumpascha** [2079] *m* *Gaunerhauptmann* <главарь воров>: 1922 *Ро*... *Ung. harambaša Räuberhauptmann* <венг. 'главарь разбойников'>» [W: 132] переведено точно, но осмыслено как словосочетание с *pašá* 'глава восточного государства': ⇒ «**Харум паšá** (мн.) – предводитель воровской шайки» [М: 265]; затем теряется помета *ин.* и добавляются фантастические детали (*азиат*, поскольку *pašá*, и современный термин *воровская семья*, который создает иллюзию реальности и актуальности номинации): «**ХАРУМ-ПАША** – азиат-главарь воровской **семьи**» [Б: 267; Б, II: 120; БСЖ: 644].

⁹⁸ «**Мúкле** (мн.) – свободный; выпущенный из мест лишения свободы» [М: 171]; «**МУКЛЕ** (ин.) – 1. Человек, освободившийся из ИТУ. 2. Свободный человек [Б: 145; Б, I: 258; БСЖ: 360]; «**Мукле**. Освободившийся преступник» [Ломтсв, Истомин 2004: 153]. ⇐ Ср. с более широким значением, но также в незамеченной форме мн. числа: «**Muckle** [3708] *frei, losgelassen, erlöst* <свободный, выпущенный, избавленный>: 1922 *Ро*...» [W: 223], грамматически точнее [Pott, II: 434].

VIII. Неточности комплексного типа: реинтеграция выписок, привлечение материала постороннего русского словаря.

^{99–100} Две позиции из словаря немецкого жаргона, о которых мы можем судить по сводному словарю З. Вольфа, отчасти проясняют противоречивый материал русских словарей 1992 г.: «**Cháro** [841] *m* *Teig* <тесто>: 1922 *Ро*, 1821 *К* 131.– *Zig.*» [W: 70; Pott, II: 159]; «**Charo** [842] *m* *Säbel, Degen, Schwert* <сабля, шпага, меч>: 1922 *Ро*... *Zig. cháro m Säbel, Degen, Schwert*...» [W: 70]. ⇒ «**Кáро** (мн.) – меч, тес $\underline{т}$ ь» [М: 135; БСЖ: 245]; «**КАРО** (ин.) – 1. Меч...» [Б: 101; Б, I: 180], в результате смешения *k* – *x*, *o* – *ь* из

*харо – меч, тесто = «**Charo** – Schwert, Teig». «**Хáро** (мн.) – сабля» [М: 265; Б: 267; Б, II: 120; БСЖ: 643], очевидно, из «**Charo** – Säbel».

¹⁰¹ «**Лóли** (мн.) – монета» [М: 158]; но без пометы: «**ЛОЛИ** – 1. Монета...» [Б: 129; Б, I: 230; БСЖ: 320; Ломтев, Истомина 2004: 134]. ⇐ «**lolo** [3264] got <красный>: 1922 Po... *Loli* Goldstück <золотая (монета), червонец, букв.: красная>: 1922 Po» [W: 200].

В ряде описаний слов с пометами *мн./ин.* на фоне ранее выявленных случаев неотмеченного цитирования «Толкового словаря» В.И. Даля в тех же словарях 1992 г. [Шаповал 2001: 29–33; 2003в: 302–304; 2005: 225–231; 2006б: 177–179] можно заподозрить контаминацию выписок из немецкого словаря и словаря Даля:

¹⁰² «**Пúшум** (мн.) – шерсть; волна» [М: 215; Б: 201; Б, I: 365; БСЖ: 492]. ⇐ «**Puschum** [4409] *m* Wolle, Naag <шерсть, волосы>: 1922 Po...» [W: 258; Pott, II: 366]. Возможные источники толкования 'волна': а) необоснованное влияние омонимии *вóлна* 'шерсть' – *волна́* [Даль, I: 233]; б) смешение немецкого: Wolle <шерсть> – *Welle <волна>; в) смешение записей *волосы* – *волны*. В цыганских диалектах России широко известно *пушум* (жен. род) 'блоха' и под. Омоним или пароним 'шерсть' распространен за пределами бывшего СССР.

¹⁰³ «**Лен** (мн.) – река» [М: 155]; «**ЛЕН** (ин.) – 1. Река. 2. Шея» [Б: 126; Б, I: 225; БСЖ: 313; Ломтев, Истомина 2004: 131]. ⇐ «**Len** [3208] *f* Fluß <река>: 1922 Po...» [W: 197], цыг. *лэнь* (жен. род) 'река, озеро' [ЦРС: 70] и др.; исконное из индийского лексического фонда [Valtonen 1972: 75]. Толкование 'шея' из русск. диалектн: «**ЛЕН** м. *вост.* сухожилие, связки шейных позвонков; затылок, шиворот, шейная хребтина» [Даль, II: 248]. Ср. также: ¹⁶⁴ *кам* в значении 'шаман'.

IX. Неосмотрительное цитирование этимологического комментария к жаргонному слову из немецкого словаря в качестве русского жаргонизма также порой приводило к появлению призрачных единиц описания. Начнем со слова, имеющего к цыганскому языку лишь весьма косвенное отношение.

¹⁰⁴ «**Пáдрес** (мн.) – арест; рай» [М: 189], стоит не по алфавиту, на этом месте должно быть *пардес. У Д. Балдаева и др. алфавитный порядок исправлен: «**ПАДРЕС** (ин.) – 1. Арест. 2. Рай» [Б: 168; Б, I: 305]; только 'арест' [БСЖ: 415]. ⇐ «**Paradies** [4040] *n* Gefängnis, Arbeitshaus <тюрьма (тюремное заключение), работный дом>: 1922 Po...; *Pardes*: 1922 Po... 1862 AL... – Jidd. *Pardes* Paradies <еврейск. 'рай'>» [W: 237–238]. Вероятно, Avé-Lallemant слово *Pardes* включил в уже готовый словарь: «**Pardes** (pardes), das Paradies, die Hauptwache, Arrestlocal» <рай, гауптвахта, арестантская> [AL 1862: 581], – поскольку в указателе «Deutsch-alphabetisches Wortregister zum Jüddischen Wörterbuch» слово отсутствует [AL 1862: 503]. Однако в «Jüddischdeutsches Wörterbuch mit Abbréviationen» оно представлено: ןַרְדֵּס, Pardes, der Baumgarten, angepflanzeter Wald, Park, Luftpark, Paradies, παράδεισος» [AL 1862: 436].

В связи с этим вспоминается еще один *Pardes* (не очень частое слово) из сочинения А.Ф. Потта о цыганах, где представлены этимологические соображения к редкому цыг. слову *Perdas* 'чужак' (см. ¹²³ *пердас*): «Vgl. Hind. **پرديس** [Sskr. *pa r a d e ś a*, worin man, war sehr zweifelhaft, die Quelle von: **Paradies** hat finden wollen] **pardes** m. Remote or foreign country – {Ср. индийск. <pardes> [санскритское *pa r a d e ś a*, откуда пытались вывести слово *Paradies* 'рай', что весьма сомнительно] **pardes** m. отдаленная или чужая страна} [Pott, II: 355]. Возможно, соседство немецкого *Paradies* и индийского *pardes*, возникшее у А.Ф. Потта ради опровержения их связи, послужило мнемоническим толчком для Avé-Lallemant'a: «Слово *пардес* (на персидском 'сад', ср. *парадиз*) встречается в библейских и талмудических источниках, однако почти никогда оно не означает небесной обители» [КЕЭ 1994: 53].

Из словарной статьи З. Вольфа, процитированной выше, следует, что, по его мнению, употребление немецкого *Paradies* в качестве жаргонного названия 'тюрьмы' является семантической калькой переносного употребления еврейского *Pardes* 'рай'. При этом значение 'рай' (справедливо опущенное в сводном словаре [БСЖ: 415]) не

является жаргонным, оно приписано несуществующему слову *падрес* из этимологического комментария.

Далее неотражение цыг. придыхательного [тх-] в русской транслитерации дает основания полагать, что либо цитируемый русскими словарями 1992 г. немецкий словарь не вполне учтен в сводном словаре З. Вольфа, либо, что вероятнее, по крайней мере в двух случаях цитируется этимологическая справка, где придыхание было обозначено апострофом и проигнорировано в кириллической транслитерации.

¹⁰⁵ «**Тан** (мн.) – сукно» [М: 245; Б: 241; Б, II: 74; БСЖ: 580]. ⇐ «**Tchan** [5775] *m* Tuch <платок>... *Tschan*: 1922 Po... – Zig. *t'an m* Tuch, *Gewebe* <платок, ткань>» [W: 327]. Похоже, что запись *тан* и толкование из этимологического комментария.

¹⁰⁶ «**Тувало** (мн.) – табак» [М: 252; Б: 249; Б, II: 87; БСЖ: 601]. ⇐ «**Tchuv** [5779] *m* Rauch <дым>... *tchivalo f* <?> *Tabak* <табак>: 1922 Po... – Zig... *t'íveli* *Rauchtabak* <курительный табак>» [W: 327]; от *тхувало* (муж. род!) – ‘дымный’, *тхувалы* (жен. род!) – ‘дымная’. Немецкая запись, игнорирующая придыхание и могущая дать *тувало* (муж. род), у З. Вольфа не представлена, есть близкая (жен. род).

¹⁰⁷ «**Түло** (мн.) – толстый» [М: 252; Б: 249; Б, II: 88]. ⇐ «**tchulo** [5778] *dick* <толстый>: 1922 Po... *tullo*: 1827 Vi, 1755 K 95. – Zig. *t'ũlo* *dick, fett*» [W: 327]. Не исключено, что запись *туло* из этимологического комментария.

¹⁰⁸ Один раз [тх] отражено как *тхв*: «**Тхван** (мн.) – место» [М: 253]. ⇐ «**Than f** [5815] *Ort, Platz* <место>: 1922 Po...» [W: 328]; запись *тхан была трансформирована в *тхван* при копировании из-за клавиатурной ошибки: в момент удара по клавише «а» была нажата и соседняя клавиша «в».

Цитирование этимологического комментария немецкого словаря в качестве русского жаргонизма можно заподозрить также в ⁸⁴ *будара*, ¹¹⁵ *ма пен*, ⁵⁸ *цик*.

Х. Контекстуальными приметами письменного заимствования из одного словаря в другой могут служить уникальные особенности построения словарной статьи: цитирование в русских словарях элементов гнездовой словарной статьи, или соседних словарных статей, или же оказавшихся рядом в выписках из него.

¹⁰⁹ «**Бар** (мн.) – камень; сын» [М: 82]; «**БАР** (ин.) – 1. Сын. 2. Камень» [Б: 24; Б, I: 28; Ломтев, Истомина 2004: 20]. ⇐ а) «**Bar** [301] *m* *Stein* <камень>: 1922 Po, 1726 K 77. – Zig. *bar m* *Stein, Mauer* <цыг. ‘камень, стена’>» [W: 43]; З. Вольф в этимологической справке смешивает два цыганских слова, совпадающих только в форме им. пад. ед. числа: цыг. *бар* (муж. род) ‘камень’ и цыг. *бар* (жен. род) ‘ограда (стена)’ [Pott, II: 409, 410; Rishi 1974: 6]; б) «**Bar** [302] *m* *Sohn* <сын>... *Jidd. bar Sohn*» <еврейск. ‘сын’>» [W: 43; AL 1862: 522]. Независимое соединение двух омонимов разного происхождения в русских словарях не вполне исключено, однако Л. Мильяненков дает их в том же порядке, что и З. Вольф (ср. ¹¹⁸ *рат*).

^{110–111} «**Дром** (мн.) – дорога» [М: 116; Б: 71; Б, I: 115; БСЖ: 168] – это общецыганское слово, только пометы *мн.* и *ин.* указывают на его связь с экзотическим списком. Однако оно идет в паре с: «**Дрoме** (мн.) – улица» [М: 116; Б: 71; Б, I: 115; БСЖ: 168]. ⇐ «**Drom** [1097] *m* *Strasse, Weg* <улица, путь (дорога)>: 1922 Po... *Dromme*...» [W: 83], где *Dromme* – уникальная запись то ли односложного *drom* (записанного как бы «по-французски» с неммым *-e*), то ли основы косвенных падежей ед. числа *droméh-* (севернорусско-цыг. *дромэс-*). Два слова вместе с парой толкований, как будто наугад разделенной между ними в русских словарях, довольно однозначно указывают на связь с немецким словарем.

^{112–113} «**Ек** (мн.) – один» [М: 118]; «**ЕК** (ин.) – один (числ.)» [Б: 75; Б, I: 123; БСЖ: 117]; «**Еквар** (мн.) – раз» [М: 118]. ⇐ Гнездовая словарная статья при выписке была разделена: «**ek** [1184] *ein(s)* <один>; *ekvar* *einmal* <один раз>: 1922 Po. – Zig.» [W: 87]. Транслитерация неточна: надо *эк, ср. однако: «***Jek** (unus)» [Pott, II: 48] и др. Хотя ранее цыг. *йек(х)* ‘один’ встречалось в русском словаре жаргона в составе «*дешуйек* –

одиннадцать» [Потапов 1927: 44], преемственности здесь нет: в словарях 1992 г. *ек* является цитатой из иноязычного словаря.

^{114–115} Минимальный контекст, заметно повышающий вероятность письменного заимствования, восстанавливается и в другом случае: «**Ма** (мн.) – нет» [М: 161; БСЖ: 327; Ломтев, Истомина 2004: 136]; «**Ма пен** (мн.) – не говори» [М: 161]. ⇐ «**ma** [3336] nicht <не 'нет', а 'не'>: 1922 Ro. – Zig. *ma* nicht, überhaupt: Prohibitivpartikel. <цыг. 'не', в основном запретительная частица> *Ma pehen!* <*pchen [пхэн]' – В.Ш.> sage nicht!: 1922 Ro. – Zig. *ma pen!* sage nicht! <цыг. 'не говори'>» [W: 203; Pott, II: 434]. *Ma pen* воспроизводит не запись жаргонного немецкого *Ma pehen!*, а игнорирующую придыхание запись *ma pen!* [ма́ пхэн] из этимологической справки.

¹¹⁶ В отличие от *ма* толкование цыг. *на* 'нет (слово-предложение)' соответствует предполагаемому источнику: «**На** (мн.) – нет» [М: 172; Б: 148; Б, I: 265; БСЖ: 367]. ⇐ «**na** [3755] nein <нет>...» [W: 226]. Однако севернорусско-цыг. *на* сегодня значит обычно 'не', *нат* – 'нет!', *нанэ* – 'нет (не имеется)'.

¹¹⁷ Две выписки были постепенно объединены в русских словарях: а) цыганское «**Musi** [3741] *m* Hand <рука>: 1922 Ro;... *Mossin m* Arm <рука от плеча>... Zig. *músi(n) m, músni* Arm»; б) немецкое «**Muß** [3744] *f* Mädchen, Frau, Dime <девка, женщина, шлюха>... *Musse f* Weib <баба>, *Mutter* <мать>... *Meis f* Vulva, Dime <вульва, шлюха>» [W: 225]. ⇒ Транслитерация второго слова *мусс была трансформирована в *мусе* (ср. ⁸¹ *бере*), что привело к паронимии с *муси*. Л. Мильяненков дает два слова: «**Муси** (мн.) – рука»; «**Мусе** (мн.) – мать; женщина; проститутка; женские половые органы» [М: 171], – хотя и здесь уже представлено непонимание структуры гнездовой статьи, в действительности: 'мать' = *Musse*; 'женщина' = *Muß*; 'проститутка' = *Muß, Meis*; 'вульва' = *Meis*. Этот же материал частично дан без смещения паронимов позднее: «**Муси**. 1. Руки <sic! мн. ч.>...»; «**Мусе**. 1. Проститутка. 2. Женские половые органы» [Ломтев, Истомина 2004: 154]. Однако у Д. Балдаева и др. эти две выписки были слиты воедино: «**МУСЕ, МУСИ** (ин.) – 1. Рука. 2. Женщина. 3. Проститутка. 4. Женские ласки <sic!>» [Б: 145; Б, I: 259]. Сводный словарь частично восстанавливает потери Д. Балдаева по Л. Мильяненкову: «**МУСЕ; МУСИ**, неизм., ж. Угол. 1. Мать. Мильяненков, 171; 2. Женщина. Мильяненков, 171; ББИ, 145; Балдаев, I, 259. 3. Проститутка. Мильяненков, 171; ББИ, 145; Балдаев, I, 259. 4. Женские ласки. ББИ, 145; Балдаев, I, 259. 5. Рука. Мильяненков, 171; ББИ, 145; Балдаев, I, 259» [БСЖ: 362]. В «Словарь русской брани» этот материал включен частично: «**МУСЕ (МУСИ)**, ж. Жарг. 1. Проститутка. 2. Женские ласки» [Мак-Киенго 1997: 137; СРБ: 216]. *Муси* 'рука от плеча' известно в ряде цыганских диалектов России: крымско-цыг., урсарский *musi* arm (from a shoulder to fingers), латвийско-цыг. *musnik* 1. arm 2. elbow. Однако описания мнимого слова *муси / мусе*, судя по эклектической полисемии, восходят к немецкому словарю, корректность цитирования которого ощутимо падает по мере удаления от протографа.

¹¹⁸ «**Рат** (мн.) – кровь; ночь» [М: 220]; «**РАТ** (ин.) – 1. Ночь. 2. Кровь» [Б: 208; Б, II: 13; БСЖ: 505]. ⇐ Эти омоформы индийского происхождения в цыганском совпадают только в им. п. ед. ч. и различаются по роду: «**Rat** [4495] *m* Blut <кровь>...»; «**Rat'** [4496] *f* Nacht <ночь>...» [W: 262].

¹¹⁹ «**Бибі** (мн.) – тетка (кличка у цыган)» [М: 84]; «**БИБИ** (ин.) – тетка (обращение у цыган)» [Б: 28; Б, I: 35]. ⇐ «**Bibi** [448] *f* Muhme (Anrede der Zigeunerginnen untereinander) <тетя (обращение к женщинам у цыган)>» [W: 51; Pott, II: 405]. Две русские версии толкования похожи на варианты перевода с немецкого. Маловероятно независимое пояснение термина родства как обращения с совпадением даже в расстановке скобок.

¹²⁰ «**Рáni** (мн.) – благородная дама» [М: 219]. ⇐ «**Raj** [4469] *m* Herr <господин>... *Ráni f* vognette Frau <знатная дама>: 1922 Ro, 1821 K 131» [W: 261]. Толкование к *рани* 'госпожа, барыня, начальница' у Л. Мильяненкова копирует двусловное толкование В. Польцера, взятое у А. Пухмайера (сокращение: К 131).

¹²¹ При копировании иногда происходит пропуск части текста, для критического анализа словарей лакуны такого рода имеют важное значение [Шаповал 2007б: 365–367]. «**Пéлики** (мн.) – опасность» [М: 191; Б: 172; Б, I: 311; БСЖ: 426]. ⇐ Условной па-

раллелью в словаре З. Вольфа являются два слова, стоящие рядом: «**Pelcki** [4107] *pl.* Spielkarten <игральные карты>: 1922 Po, 1821 K 131. – Zig. *péltska f* Spielkarte <цыг. ‘игральная карта’>» и «**Peliši** [4108] Gefahr <опасность>: 1922 Po» [W: 241; Pott, II: 261]. Предположение о контаминации слова из одной словарной статьи, прочитанного как **Peleki / Peliki* > пелики, и толкования из другой удовлетворительно объясняет результат: *пелики* ‘опасность’.

¹²² Неоправданная речевыми примерами метонимия: «**Пélo** (*мн.*) – мужской половой член» [M: 191; Б: 172; Б, I: 311; Мак-Киенго 1997: 154; БСЖ: 426; СРБ 2003: 245]. ⇐ «**Pelo** [4112] *m* Hode <testiculus>; *Pello m, pl. Pelle Scrotum* <мн. ч. ‘мошонка’>; *Pele pl. Testikel, Genitalien* <мн. ч. ‘testiculi, гениталии’>: 1922 Po. – Zig.» [W: 241], ср.: ‘testiculus’ [Valtonen 1972: 91]. В русских словарях толкование ‘мужской половой член’ является переводом фрагмента толкования «Genitalien», перенесенным с формы мн. числа на форму ед. числа, стоящую в начале словарной статьи.

XI. Одним из ресурсов верификации сомнительного материала явилась, как это ни парадоксально, графика бесписьменного языка. Почти каждый исследователь прошлого начинал описание конкретного цыганского диалекта с разработки алфавита, поэтому практически все системы записи имеют свои уникальные особенности, которые иногда «проступают» даже через кириллическую транслитерацию. Это в ряде случаев позволяет точно указать печатный источник, из которого списано то или иное слово. Например, ¹ *вуравель*, ² *цero*, ¹⁹ *лако*, ²⁰ *мерла*, ⁴² *фермо* опосредованно восходят к словарю П.С. Палласа.

Единственным источником сведений о ряде слов для А.Ф. Потта послужило только описание цыганского диалекта в Северном Гемпшире (Великобритания) по наблюдениям 1818–1819 гг. полковника Дж. Харриота (J.S. Harriot). Эти слова как цыганские из книги А.Ф. Потта неосмотрительно были включены в словари немецкого жаргона, откуда и переписаны в русские жаргонные словари 1992 г.:

¹²³ «**Пéрдас** (*мн.*) – чужой» [M: 192; Б: 172; Б, I: 313; БСЖ: 427]. ⇐ «**Perdas** [4125] *m* Fremder <чужак>: 1922 Po, 1845 Po. – Zig.» [W: 242]; «**Perdas** Stranger, foreigner u.s.w. <чужак, иностранец и т.д.> Harriot...» [Pott, II: 355]. Ср. ¹⁰⁴ *надрес*.

¹²⁴ «**Фезáво** (*мн.*) – хромой» [M: 259; Б: 259; Б, II: 107; БСЖ: 623]. ⇐ Ср. с [в-]: «**vesavo** [6102] *krüppelig, lahm* <увечный (кривой), хромой>: 1922 Po, 1845 Po. – Zig.» [W: 339], также из книги Харриота [Pott, II: 85].

Диалект испанских цыган (*caló*) уже Дж. Борроу застал в состоянии заметной испанизации, которая кардинально усилилась позднее. Слова, записанные около 200 лет назад, порой уже исчезли и в самом диалекте, но цитируются, часто неточно, в русских словарях (⁸² *гланда*, ¹⁶ *осуня*, ¹⁷ *хова*, ¹⁸ *херами*, ⁵¹ *цализен*). Из того же источника также:

¹²⁵ «**Драó** – яд, употребляемый цыганами» [M: 116]; с сокращенным толкованием: «**ДРАО** (*ин.*) – яд» [Б: 71; Б, I: 115]; также [БСЖ: 166]. ⇐ Источник толкования Л. Мильяненкова находим у З. Вольфа: «**Drao** [1082] *m* ein geheimnisvolles Gift der Zigeuner, mit dem sie angeblich Krankheit und Tod herforrufen können <таинственный яд у цыган, при помощи которого они умеют якобы вызывать болезнь и смерть>: 1922 Po, 1845 Po; *Drei, Drie, Dry*: 1922 Po. – Zig.» [W: 82]; «**Drao m.** Venéno. The Gitanos apply this word to a certain mixious preparation, which they are in the habit of casting in the mangers of cattle, to cause sickness and death. <испанские Gitanos применяют это слово к известному снадобью, которое у них в обычае подбрасывать в ясли скоту, чтобы вызвать болезнь или смерть> Pers. *زهر* (poison) <[захр], см. ⁷⁵ *cop* ‘яд’. – В.Ш.>. Vid. Grao [II. 147] Bw.» [Pott, II: 317; Borrow 1843, II: *46]; «**Grao m.** Poison. Venéno. Sanskr. gara. Bw. s. drao» [Pott, II: 147; Borrow 1843, II: *56]. Как видим, А.Ф. Потт не связывал *grao / drao* с цыг. *драб* ‘зелье’ (которое в виде *Trab* сближал со слав. *трава*) [Pott, II: 316–317]. Форма *drao* характерна для *калó*, архаичного испанского жаргона на основе цыганского: «*caló: drao* ‘veneno’ <яд>» [Becker-No 1993: 77]. Мотив искусного отравления животных присутствует уже в грузинском житии св. Георгия – первом свидетельстве о секте

атинган (Athinganoi), название которой нередко связывается с этнонимом *цыган* [Деметер, Бессонов, Кутенков 2000: 15; Soulis 1961: 145; Romové 1998: 10; Ficowski 1965: 9].

Недавно экзотизм *драо* (нескл., ср. рода) появился в переводе фантастического романа (пионерского «фанфика») Сьюзан Кей «Призрак» (1989 г.). В лондонском издании: *the ancient practice chiving dray <?> / the vial of drao* [Kay 1991: 114–115], в переводе: старинный обычай *убийственного драо* / пузырек с *драо* [Кей, II: гл. 4]. Ф. Разумовский отдал дань этому романтическому мифу в фантастическом детективе «Прокаженный»: «Неплохо работают "драо" – цыганский яд, "бита" – железный наладонник, а также токаревский ствол калибра 7.62» [Разумовский 1997: 93].

¹²⁶ «**Лило** (мн.) – смешной» [М: 156; Б: 127; Б, I: 227; БСЖ: 316]. ⇐ «**lilo** [3242] *närgisch* <смешной>...» [W: 198], ранее: «**Lilo** m. Fool, madman. Loco <сумасшедший>... Bw...» [Pott, II: 340; Vogrow 1843, II: *69]. Похоже на цыг. влашск. *дилó* 'глухой'. О замене начального *d-* на *l-* в этом диалекте писали [Vogrow 1843, II: *4; Bakker 1995: 134].

¹²⁷ «**Рандар** (мн.) – грабить» [М: 219; БСЖ: 500]; «**РАНДАР** (ин.) – 1. Писать. 2. Грабить» [Б: 206; Б, II: 10]. ⇐ «**randar** [4481] *schreiben* <писать>: 1922 Po, 1945 Po...»; «**randar** [4482] *gauben* <грабить>: 1922 Po, 1845 Po...» [W: 262]; оба значения выводимы из первообразного *randaf* 'kratzen / скрести' [Pott, II: 276–277; Vogrow 1843, II: *100], ср. севернорусско-цыг. *рандáv* '1. бороную. 2. царапаю' [ЦРС: 115]. Западнороманская заимствованная форма инфинитива на *-ar* критически сужает географию бытования слова *рандар* практически до Иберийского полуострова.

Некоторые слова или их значения из числа приводимых А.Ф. Поттом по описанию А. Пухмайера 1821 г. (у З. Вольфа – «К 131», у А.Ф. Потта – Pchm) относятся к чешскому цыганскому диалекту, почти исчезнувшему к 1945 г. [Kenrick, Ruxon 1972: 135; Guu 1998: 25]. Они могли проникнуть в русские словари 1992 г. только письменным путем:

¹²⁸ Иногда даже толкование, состоящее из одного слова, представляет собой сильный контекст для идентификации источника: «**Ефта** (мн.) – неделя» [М: 119; Б: 76; Б, I: 124; БСЖ: 178]. ⇐ «**efta** [1146] *sieben* <семь>: 1922 Po, 1821 K 131. – *Efta* Woche <неделя>: 1821 K 131. – *Zig. éfta sieben* <цыг. 'семь'> [W: 86]. Вторичное значение 'неделя' из книги А. Пухмайера [Pott, II: 62].

¹²⁹ «**Кариоло** (мн.) – мясо» [М: 135; Б: 101; Б, I: 180; БСЖ: 244]. ⇐ «**Karialo** m. das Fleisch <мясо> Pchm.» [Pott, II: 118]; «**Karialo** [2476] *m* Fleisch: 1922 Po, 1821 K 131. – *Zig.*» [W: 153]. Смешение *o* – *a* в кириллице, как в ⁶⁶ *каво* / *кава*, ²⁹ *бильбальдо*, *бильбольдо* и др.

¹³⁰ «**Мүри** (мн.) – гусь» [М: 171]. ⇐ «**Muri** [3733] *f* Gans <гусь>: 1922 Po, 1821 K 131. – *Zig.*» [W: 225]; «**Mur'i** *f.* eine Gans Pchm.» [Pott, II: 451]. Российский цыган, для которого 'гусь' – *пани́н* (жен. род), поймет *мүри* как 'ягоды'. И здесь у А.Ф. Потта указан тот же источник.

¹³¹ «**Народос** (мн.) – приятель» [М: 175]; «**НАРОДОС** (ин.) – приятель, товарищ» [Б: 151; Б, I: 272; БСЖ: 376]; 'друг' [Ломтев, Истомин 2004: 162]. ⇐ «**Narodos** [3798] *m* Freund <друг>: 1922 Po, 1821 K 131... – *Zig.*» [W: 227]; «**Narodos** m. der Freund <друг>, *n a r o d e s k é r i* und *n a r o d o s k i ň a* *f.* die Freundin <подруга> Pchm. – Etwa eig. popularis aus Böhm. *národ* (Volk)?» <Очевидно, 'народный' из чешского?> [Pott, II: 323]. В современном словаре цыганского языка, изданном в Чехии, *narodos* значит только 'národ <народ>' [Romsko- 1998: 397], как и *нарóдо* в цыганских диалектах России. Данные словаря З. Вольфа о слове *narodos* 'друг (не из цыган!)' после 1945 г., к сожалению, имеют лишь историческую ценность.

¹³² «**Пирано** (мн.) – возлюбленный» [М: 194]. ⇐ «**Pirano** [4205] *m* Geliebter <возлюбленный>: 1922 Po; 1821 K 131. – *Zig.*» [W: 247]. *Pirano* из А. Пухмайера, ср.: ловарск., кэлдэрарск. *piratno* sweetheart, beloved one (male).

¹³³ С ошибочным мн. ч. в толковании: «**Про** (мн.) – ноги» [М: 210; Б: 195; Б, I: 355; БСЖ: 480]. ⇐ «**Pro** [4365] *m* Fuß <ступня, нога>: 1922 Po, 1821 K 131...» [W: 255]; ср.

совр. западнословацко-цыг.: «*pro m* reg. *zár. poňa*» [Romsko- 1998: 222]. В различных цыганских диалектах России тот же корень имеет вид: *пир-*, *пунрр-*.

¹³⁴ Тот же тип оформления заимствования, что и в *народос*: «**Сáсос** (мн.) – немец» [М: 226; Б: 217; Б, II: 28; БСЖ: 525]. ⇐ «**Sasos** [4741] *m* Deutscher <немец>: 1922 Ро; 1845 Ро...» [W: 274]; «Pchm» [Pott, II: 241], от венг. *szász* ‘немец, саксонец’. Ср. в синти: *saso* German (person).

¹³⁵ Редкий пример точной передачи в русской записи [ц-]: «**Цáкло** (мн.) – стекло» [М: 270; Б: 274; Б, II: 133; БСЖ: 658]. ⇐ «**Steklo** [5566] *m* Glas, Fensterscheibe <стекло, оконное стекло>: 1922 Ро; *Caklo*: 1922 Ро, 1821 К 131. – Zig.» [W: 317], А.Ф. Потт берет *Caklo* у А. Пухмайера [Pott, II: 255, 69].

К книге А. Пухмайера в конечном счете восходят ⁷⁰ *насадо*, ⁵ *небудуи*, ¹²⁰ *рании*, ³⁹ *фареко*, ⁹⁹ *харо*, а также ряд слов без особых примет цитирования.

ХII. Шансов для признания устного заимствования практически нет и тогда, когда немецкий словарь отражает уникальную или редкую запись слова:

¹³⁶ «**Ак** (мн.) – глаз» [М: 77; Б: 17; Б, I: 15; БСЖ: 32]. ⇐ «**Akh** [58] *f* Auge <глаз>: 1922 Ро... – Zig. *jak f* Auge» [W: 33]. Конечное придыхание утрачивается и в речи, так что игнорирование *-h* в транслитерации *ак* не показательно. Однако в цыганских диалектах России (как и других [Wolf 1960: 105, № 1213]) произносится начальный [j-]: [йак^x].

¹³⁷ «**Бинг** (мн.) – черт» [М: 84; Б: 28; Б, I: 36]. ⇐ «**Beng** [405] *m* Teufel <черт>... *Bing*...» [W: 49; Pott, II: 407]. *Bing* (в немецких источниках фиксируемое с 1791 г.) маловероятно для цыганских диалектов России, где *бэнг*, *бенг* (муж. род) ‘черт’. У Я. Гашека в рассказе «Цыганская история» (1905 г.) в речи цыганки из Венгрии: «– Ничего, совсем ничего, ...просто госпоже приказнице везде чудится бинг, черт» [Гашек 1983: 174].

¹³⁸ «**Ирет** (мн.) – поздно» [М: 131; Б: 96; Б, I: 171; БСЖ: 233]. ⇐ Ср. запись с подобным же расплывчатым толкованием: «**iret** [2293] *adj.* spät <поздний>: 1922 Ро» [W: 141], – по которой З. Вольф, похоже, не опознал цыганское (напр., влашское *эрят* ‘этой ночью’). Ср. ¹¹⁸ *рат* ‘ночь’. В. Польцер дал еще одну запись с теми же отклонениями в идентификации гласных: «**esterel** [1242] *angreifen, raschen* <брать, хватать>: 1922 Ро...» [W: 90]. В стандартной записи – *астарёл* ‘ловит, хватает, останавливает’.

¹³⁹ Морфологические признаки, критически снижающие вероятность устного заимствования в русский язык, можно усмотреть в тех случаях, когда запись немецкого словаря несет специфические черты, локализуемые географически вне России: «**Амэн** – мы» [М: 78]; «**АМЕН** (ин.) – мы (местоим.)» [Б: 18; Б, I: 17; БСЖ: 35; Ломтев, Истомин 2004: 10]. ⇐ «**amen** [76] *wig, uns* <мы, нас>: 1922 Ро. – Zig. *ámen wig* <цыг. ‘мы’>» [W: 33]. Замсна именительного падежа *амэ / ате* [ЦРС: 9; Pott, II: 48] основой косвенных падежей *атеп* характерна для словацкого диалекта цыганского языка [Šebková, Žlanaová 1998: 33].

¹⁴⁰ Словообразовательные особенности для уточнения возможности устного заимствования в анализируемом списке малоинформативны. Приведем лишь один пример: «**Бáли** (мн.) – свинья» [М: 81; Б: 23; Б, I: 26; Ломтев, Истомин 2004: 18]. ⇐ «**Balo** [277] *m* Schwein... *Bali* <свинья>: 1922 Ро... » [W: 43; Pott, II: 420]. Обычно в диалектах России выступают суффиксальные производные, напр.: севернорусско-цыг. *балычэ* ‘боров’ и др., хотя в сэрвском (Украина, Юг России) *бали* (жен. род) ‘свинья’ [ЦРС: 11]. Однако это слово дано у Л. Мильяненкова с пометой *мн.* и имеет параллель в немецком словаре.

Лексические затруднения для признания устного заимствования связаны с тем, что в русских жаргонных словарях 1992 г. оказались такие цыганские слова и в таком наборе, что для их заимствования надо было бы привлечь несколько разных диалектов, порой вообще не представленных в России и достаточно сильно разбросанных географически (от Испании до Великобритании). Однако все они были собраны ранее вместе в немецком жаргонном словаре. Например, из диалекта немецких цыган синти:

¹⁴¹ «**Бúкло** (мн.) – висячий замок» [М: 89; Б: 35; Б, I: 47; БСЖ: 80]. ⇐ «**Buklo** Schloss <замок>... *B u k l i Schnalle* <щеколда> (Ngr. *μλοῦκλα Schnalle*)» [Pott, II: 397]; «**Buklo**

[759] *m* Tür-, Anlegeschloß <дверной, висячий замок>: 1922 Po... – Zig. *búklo m* Anlegeschloß» [W: 66], синти: *buklo* padlock.

¹⁴² «Гу́стрин (мн.) – перстень» [М: 109; Б: 62; Б, I: 97; БСЖ: 145]. ⇐ «Gustrin [1989] *f* Ring <кольцо>: 1922 Po...» [W: 126], синти: *gustêri, gustêrin* ring, circlet. Того же происхождения, что и *ангрусти* (см. ниже) в других диалектах.

¹⁴³ «Па́ки (мн.) – наказание» [М: 188; Б: 168; Б, I: 306; БСЖ: 415]. ⇐ «Paki [4017] *f* Strafe...» [W: 237], синти: *paki* punishment.

¹⁴⁴ «Ста́на (мн.) – сарай» [М: 239]; «СТАНА (ин.) – 1. Сарай. 2. Сеновал» [Б: 233; Б, II: 59; БСЖ: 582] = «Stana [5520] *f* Stall <сарай>...» [W: 315], синти: *staña* stable. См. также: ³ *вохин*, ⁹² *вальши*, ⁷⁵ *зор* 'яд' и, вероятно, *дамук* (ниже).

Какие-то из цыганских слов с пометой *мн.* известны и в цыганских диалектах, появившихся на территории России во второй половине XIX и в течение XX века (напр., в ловарском, кэлдэрарском). Описания этих слов в словарях 1992 г. не имеют явных признаков неотмеченного цитирования, однако систематические совпадения с немецким жаргонным словарем свидетельствуют о том, что и эти слова, вероятнее всего, были выписаны из него вместе с остальными, первоначально – в качестве слов «международного» жаргона:

¹⁴⁵ «Бино́ (мн.) – грех» [М: 84; Б: 28; Б, I: 36]. ⇐ «Bino [478] Sünde <грех>: 1922 Po» [W: 53], ср.: ловарск. *bino n m* sin, словацко-цыг. *binos* 'грех' [Romsko- 1998: 50].

¹⁴⁶ «Даб (мн.) – рана, удар» [М: 109]; «ДАБ (ин.) – 1. Удар. 2. Рана» [Б: 63; Б, I: 101; БСЖ: 146] = «Dab [923] *m* Hieb, Wunde <удар, рана>... Zig. *dab m* Schlag <удар>» [W: 75]. Употребляется в составе составного глагола *дэ даб* 'ударь'.

¹⁴⁷ «Мирго́ (мн.) – яд, отравка» [М: 168; Б: 141; Б, I: 251; БСЖ: 351; Ломтев, Истомин 2004: 149]. ⇐ «Mirgešnoi [3616] <прил. 'ядовитый'> *Mirgo* Gift <яд>: 1922 Po» [W: 219], ловарск. *mirgo n m* poison, от венг. *méreg (mérég-)* 'яд'.

¹⁴⁸ «Па́ту (мн.) – постель» [М: 190; Б: 171; Б, I: 310; БСЖ: 423]. ⇐ «Patu [4078] Bett <кровать>: 1922 Po» [W: 239], цыг. (напр., ловарск. *pato*), от румынск. *pat* (ср. род) 'то же'.

¹⁴⁹ «Талпа́ (мн.) – подошва» [М: 245]; без пометы ин.: «ТАЛПА – подошва» [Б: 241; Б, II: 73; БСЖ: 580], в ряде цыг. диалектов из румынского, ср.: «Talpa [5743] *f* Fußsohle <подошва>: Po 1922... Zig.» [W: 326; Pott, II: 286].

¹⁵⁰ «Хинто́ва (мн.) – автомашина, телега» [М: 267]; «ХИНТОВА (ин.) – 1. Автомашина. 2. Телега» [Б: 267; Б, II: 123]. ⇐ «Hintova [2169] *f* Kutsche, Wagen <повозка, телега (совр. перевод *Wagen* как 'автомашина' для цыган 1922 г. малореален). – В.Ш.>: 1922 Po...» [W: 137]; «Hlintova *f.* eine Kalesche <(четырёхместный) экипаж> Pchm... Ung. hintó» [Pott, II: 176], ловарск. *hintova* carriage, coach; ср. кэлдэрарск. *hîntevo* carriage.

Трудно точно локализовать следующий морфологический вариант слова:

¹⁵¹ «Нико́ (мн.) – никто» [М: 179; Б: 155; Б, I: 278; БСЖ: 383]. ⇐ «niko [3881] niemand <никто>: 1922 Po» [W: 231], ловарск. и др. *niko pron indef* nobody, однако севернорусско-цыг. *никон* 'никто'.

Цыганские слова в венгерской записи, очевидно, стоят за: ⁸ *село*, ³⁸ *фаласо*, ⁸¹ *бере*. Венгерские слова в цыганском морфологическом оформлении (⁸⁸ *ланго*, ⁴³ *филамо*) образуют значительную, но также вряд ли локализуемую группу слов, потенциально относимых к любому цыганскому диалекту, имеющему (порой уже лишь историческое) отношение к Венгрии или сопредельным регионам:

¹⁵² «Кедо́ (мн.) – туман» [М: 137; Б: 103; Б, I: 183; БСЖ: 250]. ⇐ «Kedo [2542] *m* Nebel <туман>: 1922 Po... Zig.» [W: 158; Pott, II: 100], цыг. от исконно венг. *köd* 'туман' [EWU-II(4): 813].

¹⁵³ «На́до (мн.) – труба» [М: 173; Б: 149; Б, I: 267; БСЖ: 369]. Характерно совпадение неточностей в толковании: ⇐ «Nado [3779] Rohr, Röhre <труба>: 1922 Po» [W: 226], цыг. от венг. *nád* 'камыш, тростник'.

¹⁵⁴ «Фало́ (мн.) – стена» [М: 258; Б: 258; Б, II: 105; БСЖ: 620]. ⇐ «Falo [1280] *f* Wand <стена>: 1922 Po. – Zig.» [W: 92], цыг. от венг. *fal*.

¹⁵⁵ «Федело́ (мн.) – крыша» [М: 259; Б: 259; Б, II: 107; БСЖ: 623]. ⇐ «Fedelo [1309] Dach <крыша>: 1922 Po» [W: 93], цыг. от венг. *fedel*.

XIII. В ряде случаев описаны слова, которые представлены в таком же виде в цыганских диалектах России и в принципе могли бы быть заимствованы в русский жаргон. Однако их включение в список слов с пометой *мн.* на фоне вышерассмотренных цитат указывает на тот же источник. Совпадения с немецким словарем являются решающими и для этого материала:

¹⁵⁶ «**Барó** (*мн.*) – большой, старший» [М: 82; БСЖ: 52] = «**Bare** [310] *m* Herr <господин>... *Zig. baro* groß, *wichtig* <цыг. 'большой, важный'>», «**baro** [324] *adj.* groß...» [W: 44]. Особое толкование получает производное сущ. *баро* (муж. род) 'старший (в семье, общине)' [Шаповал 1999: 103–108].

¹⁵⁷ «**Бахт** (*мн.*) – счастье» [М: 83; Б: 25; Б, I: 31; БСЖ: 54] = «**Bacht** [227] *f* Bast Glück <счастье>... *Zig. háçt f* Glück» [W: 39], общецыг. иранизм [Pott, II: 398; Rishi 1974: 5].

¹⁵⁸ «**Бут** (*мн.*) – много» [М: 90; Б: 36; Б, I: 49; БСЖ: 83] = «**but** [793] *viel* <много>...» [W: 67; Pott, II: 400]. Отмечалось ранее в русском словаре жаргона: *бут* 'много' (в составе не вполне читаемой фразы) [Потапов 1927: 21].

¹⁵⁹ «**Гад** (*мн.*) – рубаха» [М: 101; Б: 53; Б, I: 83; БСЖ: 119] = «**Gad** [1613] *m* Hemd <рубашка>...» [W: 108; Pott, II: 132].

¹⁶⁰ «**Гив** (*мн.*) – хлеб» [М: 103; Б: 55; Б, I: 87; БСЖ: 126], ⇐ «**Gieb** [1787] *Getreide* <зерно>... *Giv*,... *Gerste* <ячмень>: 1922 *Ро*... *Zig. gîw m* Getreide» [W: 116]; «**Div** [1037] *Korn, Weizen* <зерно, злаки>: 1922 *Ро*» [W: 80]. Толкование 'хлеб' для цыг. *гив*, *див* можно принять только как 'хлеб в зерне'.

¹⁶¹ Пометы *мн.* / *ин.* иногда позволяют уточнить этимологию: «**ДАД**, -а, м. *Угол.*, *мол.* Отец. Мильяненков, 109; ББИ, 63; Балдаев, I, 101. *Сквозь полудрёму я слышал, как ворчит мой дад* <...>. Берджес. Юность, 1991, № 3, 20⁸. < От англ. *dad*» [БСЖ: 146]. От жаргонного англицизма *дад* следует отличать омоним иного происхождения: «**Дад** (*мн.*) – отец» [М: 110]; «**ДАД** (*ин.*) – отец» [Б: 63; Б, I: 101] = «**Dad(e)** [939] *m* Vater <отец>...» [W: 75]. Ранее в русском словаре жаргона: цыг. *дат* 'отец' [Потапов 1927: 41; Баранников 1931: 154].

¹⁶² «**Дай** (*мн.*) – мать» [М: 110; Б: 63; Б, I: 101; БСЖ: 146] = «**Daj** [938] *f* Mutter <мать>...» [W: 76]; ранее в русском словаре жаргона: цыг. (сэрвское или влашское) *дей* 'мать' [Потапов 1927: 42; Баранников 1931: 154].

¹⁶³ «**Дар** (*мн.*) – боязнь, страх» [М: 110; Б: 63; Б, I: 102; БСЖ: 147] = «**Dar** [960] *f* Furcht <страх>...» [W: 77; Pott, II: 262].

¹⁶⁴ «**Кам** (*мн.*) – солнце» [М: 133; БСЖ: 240]; «**КАМ** (*ин.*) – 1. Солнце. 2. Шаман, колдун» [Б: 99; Б, I: 177] = «**Kam** [2443] *m* Sonne <солнце>... *Zig. k'am m* Sonne» [W: 151; Pott, II: 152], цыг. *кхам* (муж. род) 'солнце', с придыхательным [кх-]. Толкование 'шаман', вероятно, из «Толкового словаря» В.И. Даля [Даль, II: 83].

^{165–166} «**Кáар** (*мн.*) – половой член» [М: 132; Б: 98; Б, I: 175; Мак-Киенго 1997: 101; БСЖ: 235; СРБ: 164]; вариант того же слова «**Кар** (*мн.*) – половой член» [М: 134] возникает в результате «расщепления» сокращенной записи *Ka(a)r*: «**Gari** [1651] *m* Penis... *Ka(a)r*... *Zig. kâr m, kâro* Penis...» [W: 110]. Отмечено в русском жаргоне: *кар* (м. р.) 'penis' [Быков 1994: 97], что дискредитирует помету *мн.*

¹⁶⁷ «**Ловé** (*мн.*) – деньги» [М: 157; Б: 129; Б, I: 229; БСЖ: 306] = «**Lowo** [3292] *Geld* <деньги>... *Lowe*...» [W: 201]. Широко известно как русское жаргонное: *ловэ* (мн. числа) 'деньги' [БСЖ: 306, 319], что дискредитирует помету *мн.*

¹⁶⁸ «**Ме** (*мн.*) – я» [М: 166]; «**МЕ** (*ин.*) – я (местоим.)» [Б: 139; Б, I: 246; БСЖ: 344] = «**me** [3486] *ich* <я>...» [W: 212].

¹⁶⁹ «**Паш** (*мн.*) – половина» [М: 191; Б: 171; Б, I: 311; БСЖ: 424] = «**pasch** [4057], (*j*)*eraš* halb <половина>... *Zig. als subst.* bedeutet das Wort «Teil, Anteil» <цыг., как сущ. значит "часть, доля">» [W: 238; Pott, II: 363]. См.: ⁶⁸ *енас*.

¹⁷⁰ «**Пер** (*мн.*) – живот» [М: 192; Б: 172; Б, I: 312; БСЖ: 427] = «**Per** [4122] *m* Bauch <живот>...» [W: 242].

⁸ Перевод Е. Синельщикова, в англ. тексте *rarara*. – В.Ш.

¹⁷¹ «**Ром** (мн.) – мужчина, цыган» [М: 222]; «**РОМ** (ин.) – 1. Цыган. 2. Мужчина» [Б: 211; Б, II: 18; БСЖ: 513] = «**Rom** [4627] *m* Mann, Zigeuner <мужчина, муж; цыган>...» [W: 269]. Значение 'муж' потерялось, похоже, при переводе нем. *Mann*, кстати, стоящего ранее первичного значения 'цыган', ср. [ЦРС: 120; Деметер 1990: 135].

¹⁷² «**Руп** (мн.) – серебро» [М: 223; Б: 213; Б, II: 20; БСЖ: 516] = «**Rup** [4689] *m* Silber <серебро>...» [W: 272].

¹⁷³ «**Форо** (мн.) – город» [М: 261; Б: 261; Б, II: 110; БСЖ: 630] = «**Foro** [1516] *m* Stadt <город>...» [W: 104; Pott, II: 393]. Значение 'рынок' не отмечено.

Как видим, в основном это односложные общецыганские слова.

XIV. Еще десять общецыганских слов отличаются лишь сдвигом ударения с последнего слога (у Л. Мильяненкова) и некоторыми особенностями записи, но в принципе легко узнаваемы.

¹⁷⁴ «**Кабни** (мн.) – беременная женщина» [М: 132; Б: 98; Б, I: 175; Мак-Киенго 1997: 101; БСЖ: 235 СРБ: 164] = «**kabni** [2393] *schwanger, trächtig* <беременная>... *Zig. k'ábni trächtig*...» [W: 147; Pott, II: 149]. Игнорируется придыхание в начальном [кх-].

¹⁷⁵ «**Кало** (мн.) – цыган, черный» [М: 133]; «**КАЛО** (ин.) – цыган» [Б: 99; Б, I: 176; БСЖ: 239] = «**kalo** [2437] *schwarz* <черный>... *Zig. kálo schwarz*... *Kalo m* Zigeuner <цыган>...» [W: 150; Pott, II: 106]. Первичное значение прилагательного у Д. Балдаева не отмечено.

¹⁷⁶ «**Карик** (мн.) – куда?» [М: 135] = «**karik?** [2477] *wohin?* <куда?>...» [W: 153]. Вопросительный знак в толковании не вполне обычен, зато имеет соответствие в немецком источнике.

¹⁷⁷ «**Маро** (мн.) – хлеб» [М: 163; Б: 136; Б, I: 242; БСЖ: 337] = «**Maro** [3418] *m* Brot <хлеб>... *Zig. máro m* Brot...» [W: 208; Pott, II: 440–442]. Ранее в русских словарях жаргона: *маро* 'хлеб' [Бронников 1990: 24], *мáрo* 'то же' [ТСУЖ 1991: 103], что дискредитирует помету *мн.*

^{178–179} «**Муло** (мн.) – смерть, дух, вампир» [М: 171]; «**МУЛО** (ин.) – 1. Смерть. 2. Дух, призрак» [Б: 145; Б, I: 258]; только 'смерть' [БСЖ: 363; Ломтев, Истомин 2004: 153], а также: «**Мурдало** (мн.) – падаль» [М: 171]; «**МУРДАЛО** (ин.) – падаль» [Б: 145; Б, I: 259]. = «**Mulo** [3722] *tot* <мертвый>... *Mulo m* Geist, Gespent <дух, привидение>... *Murda-lo m* Aas <падаль>...» [W: 224]. У З. Вольфа даны как однокоренные. Л. Мануш относил *муло* 'мертвый' к индийскому лексическому фонду, а *мурдало* 'падаль' считал иранизмом [Manush 1997: 88, 89]. Толкование 'смерть' ошибочно: по созвучию *tot* <мертвый> и *Tod* <смерть>?

¹⁸⁰ «**Нанго** (мн.) – голый» [М: 175; Б: 151; Б, I: 270; БСЖ: 374; Ломтев, Истомин 2004: 161] = «**nango** [3793] *nackt* <голый>...» [W: 227].

¹⁸¹ «**Пани** (мн.) – вода» [М: 189; Б: 169; Б, I: 307; БСЖ: 417] = «**Pany** [4031] *f* Wasser <вода>... *Zig. ráñi f* Wasser...» [W: 237], цыг. *паньы* и т.п. – муж. род.

¹⁸² «**Пиро** (мн.) – свобода» [М: 194; Б: 175; Б, I: 319; БСЖ: 437] = «**piro** [4208] *frei* <свободный>...» [W: 247], с начальным [ph-]: севернорусско-цыг. *псирó*, латышско-цыг. *pširó* 'открытый, свободный' [Manush 1997: 105] и др.

¹⁸³ «**Ракли** (мн.) – девушка» [М: 218; Б: 205; Б, II: 9; БСЖ: 500; Мак-Киенго 1997: 176] = «**Rakli** [4472] *f* Mädchen <девочка, девушка>...» [W: 261]. Русские и немецкие словари перекликаются неточностью в толковании: цыг. *раклы* и т.д. – 'девушка не из цыган' [ЦРС: 115; Деметер 1990: 132] и др. Ср. имеющую богатую историю в русской региональной речи соотносительную форму муж. рода, представленную с единственной этимологической пометой у Л. Мильяненкова: «**Ракло** (цыг.) – парень; вор; дурак» [М: 218].

¹⁸⁴ «**Чукел** (мн.) – собака» [М: 276; Б: 282; Б, II: 149; БСЖ: 677] = «**Schuckel** [5174] *m* Hund... *Tschukkel* 1922 *Ro*...» [W: 300], цыг. *джюкэл* (муж. род) 'то же'.

^{185–186} «**Шабни** (мн.) – мальчик» [М: 277; Б: 284; Б, II: 153; БСЖ: 679] = «**Schabi** [4771] *m* Knabe, Sohn, Junge, Kind <мальчик, сын, парень, ребенок>...» [W: 276]. См. слово с тем же корнем ⁶⁶ *каво*. Возможно, *Schabi* – это результат освоения мн. числа *чявэ*, ко-

торое, кстати, как и немецкое *киндер* 'дети' в русском, стало употребляться в значении ед. числа. У Л. Мильяненкова представлено также и соотносительное существительное женского рода *чяй* 'девушка-цыганка; дочь' («*Czaj f Tochter, Mädcl, Frau* <дочь, девушка, женщина>: 1922 Ро...» [W: 276]): «**Чай** (мн.) – девушка, занимающаяся для видимости торговлей, при этом выслеживающая кого-то» [М: 272]. В последнем случае детализированное ситуативное толкование позволяет надеяться на обнаружение источника, пока не идентифицированного.

Начальное ударение в двусложных словах могло быть позаимствовано из неустановленного немецкого словаря. Сводный словарь З. Вольфа дает в э т и м о л о г и ч е с к о й справке с начальным ударением цыганские слова, тождественные словам: *кабни, кало, маро, пани*, а также заглавное немецкое жаргонное *Rákli (ракли)*. Игнорирование придыхания также сближает записи цыганских слов в русских и немецких словарях: *кабни, пуро*.

Отметим, что в сводном немецком словаре жаргона З. Вольфа содержится заметно больше цыганских слов, нежели представлено в списке с пометой *мн.* (например, на букву *т*- – 46 слов, из них в словаре Л. Мильяненкова на букву *м*- представлено только 14 цыганских слов). Принципы отбора не описаны, возможно, просто цитируется немецкий словарь меньшего объема. Как видим, некоторые из рассмотренных слов ранее отмечались в русских словарях жаргона, поэтому использование пометы *мн.* сомнительно по меньшей мере для части списка. Наличие же регулярных и довольно точных параллелей с немецким словарем, несколько подкрепляя помету *мн.*, подрывает доверие к помете *ин.*: маловероятно, чтобы собиратель русского жаргона второй половины XX века, приводя цыганские слова, которые в принципе можно услышать в России, ухитрился практически не выйти за рамки, ранее довольно широко намеченные немецким словарем.

Помимо этих 186 слов, описание которых демонстрирует зависимость от немецкой жаргонной лексикографии, следует сказать еще о девяти словах с пометой *мн.*, которые также имеют отношение к цыганскому языку, однако в доступных нам описаниях немецкого жаргона параллелей не находят.

«**Ангрусти** (мн.) – кольцо» [М: 78; Б: 18; Б, I: 17; БСЖ: 36]. Нет точного соответствия в словаре З. Вольфа, где описан иной вариант слова: «**Angustri** [99] *f Ring, Reif* <кольцо> 1922 Ро...» [W: 34], ср., напр.: «**angrust'i ž prsten**» [Romsko- 1998: 30]; *ангруксты́* 'кольцо, перстень' [ЦРС: 9] и др. – иранизм, исторически связанный с исконно цыг. *ангүшт* 'палец' [Valtonen 1972: 21; Rishi 1974: 3].

«**Вучко** (мн.) – небольшой» [М: 99; Б: 49; Б, I: 74; БСЖ: 112]. Ср.: «**Wutscho** [6693] *klein* <маленький>: 1922 Ро...» [W: 346]; А.Ф. Потт описал это слово только по одному источнику и считал его исконно индийским [Pott, II: 77]. Вероятная вставка *-к-* в *вучко* неясна.

Ряд общецыганских слов из списка с пометами *мн./ин.* не имеет параллелей в жаргонном словаре З. Вольфа: «**Коро** (мн.) – слепой» [М: 144; Б: 112; Б, I: 198], ср., напр.: «**koro slepý**» [Romsko- 1998: 155]; в севернорусско-цыг. диалекте предпочтительно уменьшительное *корорó* 'слепой' [ЦРС: 63].

«**Курко** (мн.) – воскресенье» [М: 151; Б: 122; Б, I: 216; БСЖ: 302], ср.: «**Kurgsko Sonntag** <воскресенье>» [Pott, II: 116], севернорусско-цыг. *куркó* '2. уст<арелое⁹>. воскресенье' [ЦРС: 65].

«**Сап** (мн.) – змея» [М: 226; Б: 216; Б, II: 27], ср.: «**Sap m.** (*serpens* <змея>)» [Pott, II: 234], *сап* (муж. род) 'змея, уж' [ЦРС: 124].

Выписки с пометой *мн.* (даже без параллелей в немецких жаргонных словарях) довольно надежно соотносятся со специфическим материалом цыг. диалектов в Германии: «**Дамук** (мн.) – большой палец» [М: 110; Б: 63; Б, I: 102; БСЖ: 147]. Связано с цыг.: «**Dumuk** [1115] *f Faust* <кулак>: 1922 Ро...» [W: 84]. *Дамук* указывает на цыг. диа-

⁹ Словарь 1938 г. составлялся в годы введения календарной шестидневки. – В.Ш.

лект в Германии: *damuk* 'Daumen' <большой палец> [Wolf 1960: 80, № 598]. Значение 'большой палец руки' у слова *damuk* вызвано семантическим влиянием нем. паронима *Daumen* 'большой палец'. Географически это достаточно далеко от России.

«**Бревуль** (мн.) – вечер» [М: 88; Б: 34; Б, I: 46]. Ср.: «*I brewul* der Abend <вечер>...» [Pott, II: 418]. Это также уникальная фиксация, обычно: *бельвель* (жен. род) 'вечер', напр.: «90. Вечерь. Бельвэль, Рати» [Паллас₁, I: 285].

«**Мушнав** (мн.) – я должен» [М: 172]. У З. Вольфа нет. Ср. совр. словацко-цыг. «*mušinel* musit <долженствовать>» [Romsko- 1998: 185], скорее из слав. *musiti 'долженствовать', чем прямо из нем. *müssen* 'то же'. Вероятно, при транслитерации *mušinav 'долженствую' не учтена диакритика над *š*, а затем *si* в *мусинав ошибочно прочитано как *ш*.

Цыганские слова общего распространения удается опознать даже в искаженном виде: «**Пáfарт** (мн.) – полночь» [М: 190]; «**ПАФОРТ** (ин.) – полночь» [Б: 171; Б, I: 310]; оба варианта [БСЖ: 423]. Это общецыг. *paš + *rat* 'пол + ночь' (см.: ¹⁶⁹ *paui*, ¹¹⁸ *rat*), видимо, искаженное при транслитерации: игнорируется диакритика над *š*, при копировании латиницы *a* подвергается переразложению на *o* и *ч*-образное *r*. Получившееся из *pasrat *pasrort / *паспорт при дальнейшем копировании в кириллице по причине визуального смещения *sp* – *ф* было прочитано как *пафорт*.

На фоне выявленных выше параллелей можно опознать возможную выписку из немецкого словаря, даже если она приведена без соответствующих помет: «**Кекерáшка** – воровка» [М: 137]; «**КЕКЕРАШКА** – вор (воровка-) инвалид» [Б: 103; Б, I: 183; БСЖ: 250], ср.: «*Kekeraschka* [2559] *f* Elster, (in übertragenem Sinne auch:) Diebin <сорока, переносно также: воровка>: Po 1922» [W: 159], ср. у польских цыган: *kakaras-ka* 'сорока' [Ficowski 1963: 232], также кэлдэрарск., ловарск., финско-цыг. и др.

ВЫВОДЫ

1. Гипотеза о немецком лексикографическом источнике в разной степени подкрепляется минимум для 186 позиций списка новых «цыганизмов», впервые представленных в словарях русского жаргона 1992 г. с пометами *мн.* и *ин.* В целом, думается, удалось подтвердить единство этого слоя компиляции и очертить его границы. Его ядро составляют описания несуществующих слов из немецкого словаря: ¹ *вуравель*, ² *цери* и т.д. К ним добавляются описания, существенно искаженные в русских словарях: ³⁶ *фуз*, ³⁷ *фалешо*, ⁶² *цулей* и проч. Эти новые искажения также не совместимы с реальностью слова. Однако примерно половина проанализированных слов не имеет ярких текстологических примет неотмеченного цитирования. О немотивированном заимствовании этой части списка в русские словари жаргона из немецкого источника свидетельствует: а) наличие весьма точных параллелей в немецких жаргонных словарях, б) их появление в русских словарях единым списком, в) отнесение их к «международному» жаргону Л. Мильяненковым.

2. Концепция «международного» жаргона, представленная в книге Л. Мильяненкова, даже при отсутствии внятных отсылок к литературе может быть предположительно интерпретирована как отголосок идеи общегерманского криминального жаргона, в прошлом имевшего распространение в немецкоязычных странах. Правда, цыганский материал в словари немецкого жаргона изначально вносился из академических описаний, копировался довольно небрежно, без учета хронологии и порой включал материал цыганских диалектов, географически отдаленных от германского ареала. Это не могло не сказаться и на качестве цитат, представленных в русских словарях.

3. В словаре Л. Мильяненкова имеется 19 единиц, не вошедших в словарь Д. Балдаева и др.: ¹⁵⁷ *баро*, ¹¹³ *еквар*, ⁶⁹ *ис*, ¹⁶⁷ *кар*, ⁷ *ладс*, ⁹⁰ *лабарди*, ¹¹⁴ *ма*, ¹¹⁵ *ма пен*, ²¹ *мерибен*, ¹³⁰ *мури*, ¹³¹ *мушнав*, ¹⁴⁹ *пирано*, ¹²⁰ *рани*, ³⁴ *тасоваф*, ¹⁰⁸ *тхван*, ¹² *уцло*, ³⁹ *фареко*, ⁵⁹ *цобиханен*, ¹⁸⁶ *чай*. Обратных случаев, когда бы последний словарь описывал цыганское слово с пометой *ин.*, не включенное Л. Мильяненковым в список с пометами *мн.*, нет.

Однако около 160 цыганских слов с пометой *мн.* было автоматически воспроизведено с пометой *ин.* в двух изданиях словаря Д.С. Балдаева и соавторов в качестве жаргонных слов, якобы обнаруженных в СССР во второй половине XX века. Это решение представляется абсолютно произвольным.

4. После публикации в вышеназванных источниках этот материал без полномасштабной проверки уже в качестве слов современного русского жаргона и других неформальных вариантов был частично внесен в сводный «Большой словарь русского жаргона» (154 слова) и другие словари, напр.: 12 слов [Мак-Киенго 1997]; 8 слов [СРБ]; 22 слова [Ломтев, Истомин 2004]; 1 слово [Ширянов; Walter 2003].

5. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что до 17% цыганизмов из списка 1992 г. были справедливо отвергнуты при составлении сводного словаря. Это свидетельствует о больших возможностях традиционного критического инструментария академической лексикографии, который позволяет отсеять сомнительный материал иногда даже без обращения к первоисточнику описания по результатам внутренней критики вторичного источника.

Проведенный анализ позволяет заключить, что **список новых слов цыганского происхождения**, представленных в двух жаргонных словарях 1992 г. с пометами *мн.* [М] и *ин.* [Б; Б, I; Б, II], **следует трактовать как прерывистую цитату** со следами многослойного произвольного редактирования, заимствованную из неустановленного сводного описания лексики немецкого криминального жаргона. Слова с пометой *мн.* не относятся к русскому жаргону. Включение этого материала в русские словари жаргона с пометами «*ин.*», «*угол.*», «*жарг.*» является необоснованным. Их неосторожное цитирование в качестве новых русских жаргонизмов стало ошибкой, грозящей превратиться в традицию.

В свое время Ф.И. Буслаев в статье «Отзывы иностранцев о русском национальном искусстве» убедительно разоблачил слово *codopr* (якобы название храма у русских) как оптическое недоразумение, возникшее в результате вольного чтения русского *соборъ* «по-латыни» [Буслаев 1908, 1: 194–205; Чурмаева 1984: 81]. Если бы в таком же «разрозненном» виде дошла крупица сведений о религии малоизученного народа, то и над пресловутым *кодопром* долго бы ломали копья и головы альтернативные академические школы. В рассмотренном нами случае многое также объясняется малоизученностью привлеченного или, скорее, не вполне сознательно вовлеченного материала. Информативная ценность лингвистического источника всегда относительна, что демонстрирует и проанализированный материал, критический разбор которого позволяет выявить скрытые приметы произвольного цитирования иноязычного словаря, не имеющего отношения к заявленному объекту описания.

Текстологическую типологию ошибок прочтения, наметившуюся в процессе анализа лексикографических описаний цыганизмов, в перспективе планируется уточнить на более обширном материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андроникова 2006 – И.М. Андроникова. Язык цыганский весь в загадках: народные афоризмы русских цыган из архива И.М. Андрониковой. СПб., 2006.
- Б – Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. Одинцово, 1992.
- Б, I; Б, II – Д.С. Балдаев. Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. М., 1997.
- Бакленд 2003 – Р. Бакленд. Цыгане. Тайны жизни и традиции. М., 2003.
- Баранников 1931 – А.П. Баранников. Цыганские элементы в русском воровском аргю // Язык и литература. Т. VII. Л., 1931.
- Братва – Братва: Чисто русский проэкт // [Электронный ресурс:] <http://www.bratok.com/dictionary>.
- Бронников 1990 – А.Г. Бронников. 10 000 слов: Словарь уголовного жаргона. Пермь, 1990.
- БСЖ – В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- Буслаев 1908 – Ф.И. Буслаев. Сочинения. Т. 1. СПб., 1908.
- Быков 1994 – В.Б. Быков. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1994.

- В законе – В законе: Криминальная жизнь // [Электронный ресурс:] <http://www.vzakone.net>.
- Вентцель 1964 – Т.В. Вентцель. Цыганский язык. М., 1964.
- Гашек 1983 – Я. Гашек. Цыганская история / Пер. В. Савицкого // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. 1983.
- Грачев 1997 – М.А. Грачев. Русское аргю. Нижний Новгород, 1997.
- Даль 1955 – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Деметер, Бессонов, Кутенков 2000 – И.Г. Деметер, И.В. Бессонов, В.Н. Кутенков. История цыган – новый взгляд. Воронеж, 2000.
- Деметер 1990 – Р.С. Деметер, П.С. Деметер. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэарский диалект) / Под ред. Л.Н. Черенкова. М., 1990.
- Добродомов 1988 – И.Г. Добродомов. Несобранные слова русского языка (на материале произведений Н.С. Лескова) // История слова в текстах и словарях: Межвуз. сб. научн. трудов. Ставрополь, 1988.
- Елистратов 2000 – В.С. Елистратов. Словарь русского аргю. М., 2000.
- Елистратов 2005 – В.С. Елистратов. Толковый словарь русского сленга. М., 2005.
- Законы – Законы преступного мира // [Электронный ресурс:] <http://www.dom-turma.h12.ru>.
- Зуев 1787 – В.Ф. Зуев. Путешественные записки Василия Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787.
- Кей–II – С. Кей. Призрак (Фантом). (Переводчик не указан.). Ч. II. Гл. 4 // [Электронный ресурс:] <http://gerrybutler.aesthetic.ru/words/lib/kay/kay10.htm>.
- КЕЭ 1994 – Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. Иерусалим, 1994.
- Колесниченко 2006 – И.И. Колесниченко. Rotwelsch-Wörterbuch. Словарь немецких арготизмов. М., 2006.
- Костов 1956 – К. Костов. Цигански думи в българските тайни говори // Известия на Института за български език. Кн. IV. София, 1956.
- Ломтев, Истомин 2004 – А.Г. Ломтев, П.А. Истомин. Словник корпоративного жаргона представителей преступного мира и маргиналов. Ставрополь, 2004.
- М – Л.А. Мильяненко. По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. СПб., 1992.
- Мак-Киенго 1997 – У. Мак-Киенго. Словарь русской брани. Калининград, 1997.
- Мокиенко 1995 – В.М. Мокиенко. Словарь русской бранной лексики (матизмы, обценнизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями). Berlin, 1995.
- Отин 2006 – Е.С. Отин. «Все менты – мои кенты...» (Как образуются жаргонные слова и выражения). М., 2006.
- Паллас, I, II – П.С. Паллас. Сравнительные словари всех языков и наречий. Ч. I–II. СПб., 1787–1789.
- Патканов 1900 – П.С. Патканов. Цыганский язык. Грамматика и руководство к практическому изучению речи современных русских цыган / Сост. П. Истомин (Патканов). М., 1900.
- Потапов 1927 – С.М. Потапов. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927.
- Привет – Привет из зоны // [Электронный ресурс:] <http://www.a-zona.narod.ru>.
- Разумовский 1997 – Ф. Разумовский. Прокаженный. СПб., 1997.
- СРБ – В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Словарь русской брани (матизмы, обценнизмы, эвфемизмы). СПб., 2003.
- Тайлор 1989 – Э.Б. Тайлор. Первобытная культура. М., 1989.
- ТСУЖ 1991 – Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991.
- Фасмер – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- ЦРС – А.П. Баранников, М.В. Сергиевский. Цыганско-русский словарь / Сост. А.П. Баранников, М.В. Сергиевский. М., 1938.
- Чурмаева 1984 – Н.В. Чурмаева. Ф.И. Буслаев. М., 1984.
- Шаповал 1999 – В.В. Шаповал. Цыганский барон // Рр. 1999. № 4.
- Шаповал 2001 – В.В. Шаповал. Текст источника как объект анализа для историка и филолога. М., 2001.
- Шаповал 2003а – В.В. Шаповал. Об одном типе ошибок прочтения, не отраженном в классической текстологии // Гуманитарные науки: Сб. статей. Вып. 21. М., 2003.
- Шаповал 2003б – В.В. Шаповал. Мнимое слово русского жаргона *цулей* «мужчина» в свете гимназического арготизма *кулей* «(школьный) товарищ» у Е.Д. Поливанова (научная статья) // Шестые Поливановские чтения. Ч. IV. Смоленск, 2003.
- Шаповал 2003в – В.В. Шаповал. Как не нужно цитировать Даля // Русское слово: диахронический и синхронический аспекты. Мат-лы междунар. науч. конф. Орехово-Зуево, 2003.

- Шаповал 2005 – В.В. Шаповал. Псевдоархаизмы в словарях жаргона // Известия Уральского гос. пед. ун-та. Лингвистика. Вып. 16. Екатеринбург, 2005.
- Шаповал 2006а – В.В. Шаповал. Знак ударения как источник ошибок прочтения // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. Мат-лы науч. конф. Москва, 26–28 января 2006 г. М., 2006.
- Шаповал 2006б – В.В. Шаповал. Мнимые неологизмы в жаргонных словарях // Русская академическая нсография. Мат-лы междунар. конф. СПб., 2006.
- Шаповал 2007а – В.В. Шаповал. Цыганские элементы в русском воровском аргот? (размышления над статьей акад. А.П. Баранникова 1931 г.) // ВЯ. 2007. № 5.
- Шаповал 2007б – В.В. Шаповал. Пропуски при копировании как признак словарного плагиата // Единство гуманитарного знания: новый синтез. Мат-лы XIX междунар. науч. конф. Москва, 25–27 янв. 2007 г. М., 2007.
- Ширянов – Наркоманский словарь / Сост. Б. Ширянов // [Электронный ресурс:] <http://imperi-um.lenin.ru/EOWN/eown7/dictionary>.
- ЭССЯ 1983 – Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 10. М., 1983.
- AL 1862 – F.C.B. *Avé-Lallemant*. Das Deutsche Gaunerthum in seiner... Ausbildung... Bd. 4. Leipzig, 1862.
- Bakker 1995 – P. Bakker. Notes on the Genesis of Calo and other Iberian Para-Romani Varieties // Y. Matras (ed.). *Romani in Contact: The History, Structure, and Sociology of a Language*. Amsterdam, 1995.
- Becker-Но 1993 – A. Becker-Но. Les princes du jargon. Un facteur négligé aux origines de l'argot des classes dangereuses. Paris, 1993.
- Borrow 1843 – G. Borrow. The Zincali; or, an Account of the Gypsies of Spain by George Borrow. V. I–II. London, 1843.
- EWU-II(4) – Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Hrsg. L. Benkő. Bd. II. Lief. 4. Budapest, 1999.
- Ficowski 1965 – J. Ficowski. Cyganie na polskich drogach. Kraków, 1965.
- Guy 1998 – W. Guy. Ways of looking at Roma: The case of Czechoslovakia (1975) // D. Tong (ed.). *An interdisciplinary reader*. New York; London, 1998.
- Hamp 1988 – E. Hamp. Archaisms in Romani // Papers from the eighth and ninth annual meetings: Gypsy lore society, North American chapter. New York, 1988.
- Hancock 1995 – I. Hancock. On the migration and affiliation of the domba: Iranian words in Rom, Lom and Dom Gypsy // Y. Matras (ed.). *Romani in contact. The history, structure and sociology of a language*. Amsterdam, 1995.
- Kay 1991 – S. Kay. Phantom: The passionate story of the man behind the mask. London, 1991.
- Kenrick, Puxon 1972 – D. Kenrick, G. Puxon. The destiny of Europe's Gypsies. London, 1972.
- Klemensiewicz, Lehr-Spławiński, Urbańczyk 1981 – Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławinski, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1981.
- Kluge 1901 – F. Kluge. Rotwelsch. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprache. Bd. I. Rotwelsches Quellenbuch. Strassburg, 1901.
- Manush 1997 – L. Manush. *Romany-Latvian-English etymological dictionary*. Riga, 1997.
- Pott 1845 – A.F. Pott. Die Zigeuner in Europa und Asien. Bd. I–II. Halle, 1845.
- Rishi 1974 – W.R. Rishi. Multilingual Romani dictionary. Chandigarh, 1974.
- ROMLEX – Romani lexicon // [Электронный ресурс:] <http://romani.uni-graz.at/romlex>.
- Romové 1998 – Romové v Byzanci. Praha, 1998.
- Romsko-1998 – M. Hübschmannová, H. Šebková, A. Žigová. Romsko-český a česko-romský kapesní slovník. Praha, 1998.
- Šebková, Žlnayová 1998 – H. Šebková, E. Žlnayová. Nástin mluvnice slovenské romštiny (pro pedagogické účely). Ústí nad Labem, 1998.
- Soulis 1961 – C.S. Soulis. The Gypsies in the Byzantine Empire and the Balkans // *Dumbarton Oak Papers*. № 15. Washington, 1961.
- Uhlik 1977 – R. Uhlik. Kompozitne verbalne lokucije u romskom // Godišnjak Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Kn. XV (Centar za balkanološka ispitivanja. Kn. 13). Sarajevo, 1977.
- Uhlik 2006 – R. Uhlik. Von den Hexen. Märchen der Gurbet-Roma. = E Čoxanend'i. Gurbetond'e paramiča. Klagenfurt; Celovac, 2006.
- Valtonen 1972 – P. Valtonen. Suomen mustalaiskielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1972.
- W – S.A. Wolf. Wörterbuch des Rotwelsch. Deutsche Gaunersprache. Mannheim, 1956.
- Walter 2003 – H. Walter. Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslang. Frankfurt-a.-Main, 2003.
- Wolf 1960 – S.A. Wolf. Grosses Wörterbuch der Zigeunersprache (romani tšiw): Wortschatz deutscher und anderer europäischer Zigeunerndialekte. Mannheim, 1960.

© 2008 г. П. М. АРКАДЬЕВ, Г. Е. КРЕЙДЛИН, А. Б. ЛЕТУЧИЙ

**СЕМИОТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕЛА И ЕГО ЧАСТЕЙ
I. ПРИЗНАК «ФОРМА»**

В статье ставится задача комплексного семиотического описания частей тела человека, учитывающего данные как естественного языка, так и языка тела. Для ее решения в качестве альтернативы традиционному лексикографическому описанию предлагается принципиально новый «признаковый» подход: выделяются признаки частей тела (форма, размер, ориентация, движения и проч.) и указываются те значения, которые они принимают в вербальном языке и в невербальных соматических кодах. Значения этих признаков сопоставляются и представляются в виде единой базы данных, отражающей семиотическую репрезентацию тела и его частей. В качестве примера одного из таких признаков в статье подробно рассматривается признак формы частей тела. Показано, что признак формы является комплексным и содержит большое количество аспектов статического и динамического характера, релевантных для семиотической концептуализации частей тела. В заключение статьи вводится важное понятие эталонной формы части тела.

§ 1. ВВЕДЕНИЕ**I. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ. СЕМИОТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕЛА И ЕГО ЧАСТЕЙ¹**

Изучая общение людей, нужно обращать внимание не только на то, что говорят люди, но и как они это говорят. Важно понять, какими звуками или интонацией мы пользуемся, как ведем себя, какие выполняем движения во время разговора, как ориентируем свое тело, как, наконец, смотрим на собеседника. Во всех этих действиях ведущая роль отводится телу. А потому не случайно, что и само тело и его отдельные части, такие, как руки, ноги, голова, живот, плечи и др., представляют собой объекты, которые интересуют и лингвистов, и специалистов смежных наук. Мы имеем в виду прежде всего такую новую область знаний, каковой является *н е в е р б а л ь н а я с е м и о т и к а* – комплексная наука, изучающая телесные, или соматические, знаки и их использование в коммуникации.

В отличие от естественных и некоторых гуманитарных наук, лингвистику и невербальную семиотику интересует, однако, не тело человека как физический или биологический объект, а семиотическая концептуализация тела и его частей, то есть то, как человеческое тело и его части представлены в естественном языке и языке тела, причем не с точки зрения специалиста-ученого, а с точки зрения обычного, «наивного» человека.

Семиотическая концептуализация является формальным аналогом понятия семиотической картины мира, где под семиотической картиной мира, точнее, некоторой его области, понимается ее описание на языке знаков, причем не только языковых, но и неязыковых (знаков цветов, гербов, знаков языка веера, одежды, телесных знаков и очень многих других). Семиотическая концептуализация, или, что в известном смысле одно и

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 07-04-00203а.

то же, семиотическая картина мира, представляет собой естественное расширение хорошо известного в лингвистике понятия языковой картины мира, или языковой концептуализации (см. о понятии языковой концептуализации мира в работах [Булыгина, Шмелев 1997; Апресян 1995; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]). Такое расширение необходимо потому, что нас интересует не только отображение тела в естественном языке, но и в различных невербальных кодах, главным образом, в телесных семиотических кодах.

Настоящая работа представляет собой фрагмент большого проекта, посвященного сопоставлению вербальных и невербальных знаковых кодов и построению семиотической концептуализации человеческого тела. Телесные знаковые коды, иначе называемые языками тела (*body languages*), представляют собой совокупность нескольких знаковых систем. Это собственно жесты, то есть знаковые движения рук, ног, головы, плеч, мимики, или выражения лица, знаковые статические положения (позы) и знаковые телодвижения, взгляды и комплексные знаковые формы – манеры поведения (см. [Крейдлин 2002]). Ниже мы остановимся только на одном естественном языке – русском – и на одном невербальном семиотическом коде – русском языке тела. Наша цель – показать, как человеческое тело и его части отражаются в русской культуре посредством основных репрезентирующих ее семиотических кодов.

Для этого прежде всего необходимо решить три задачи: (1) выявить сходства и различия вербальных и невербальных кодов; (2) описать особенности этих кодов и сформулировать правила их совместного функционирования в человеческой коммуникации и (3) создать семантический метаязык, в рамках которого основные характеристики вербального и невербальных языков можно будет представить в единообразном виде.

Мы утверждаем, что без анализа вербальных и невербальных знаковых единиц, категорий и моделей поведения и без их сравнительного изучения невозможно адекватно описать, как представлено тело в разных языках и культурах.

Между тем в науке до недавнего времени складывалась следующая ситуация. Лингвисты, изучавшие поведение человека в акте коммуникации, даже в случаях, когда это было явно необходимо (см. далее), крайне мало внимания обращали на невербальные семиотические коды, занимаясь главным образом вербальным языком. В свою очередь, специалисты в области семиотики не проявляли должного интереса к естественно-языковому описанию тела и телесного поведения. Тем самым, и те и другие упускали из виду многие значимые аспекты концептуализации тела и его репрезентации в разных семиотических кодах.

Сопоставительный подход, как нам представляется, открывает новые возможности и позволяет получить результаты, важные для изучения и аналитического описания обоих видов кодов. Дело в том, что между единицами вербального и невербального знаковых кодов существует не только семантическая, но и функциональная общность. Отметим ее наиболее существенные проявления.

Во-первых, подавляющее большинство невербальных семиотических знаков, включая собственно жесты, мимику, позы и т. д., имеют закрепленные за ними естественно-языковые номинативы, и нередко таких номинаций бывает более чем одна. Ср. пары выражений, члены которых описывают одно и то же действие или состояние: *потупить взор* и *опустить глаза*, *нахмуриться* и *нахмурить брови*, *голосовать* и *поднять руку*, *встать по стойке смирно* и *встать руки по швам*. Многие из этих выражений носят характер полусвободных единиц. Однако в русском языке существует и огромное число свободных выражений, описывающих свойства тела и телесное поведение человека. Вообще, в письменных текстах передать черты внешнего облика и особенности поведения человека можно только в словесной форме. Помимо прямых вербальных описаний, хотелось бы выделить особо описания косвенные, такие как типичные авторские ремарки к текстам пьес, которые указывают на внешность и коммуникативное поведение персонажей.

Во-вторых, об общности вербального и невербальных знаковых кодов говорит тот факт, что некоторые естественно-языковые высказывания невозможно ни понять, ни воспроизвести без определенного жестового сопровождения; они без жестов как бы не

существуют. Ср. выражения *Вон там, Во какие огурцы!, Во!* (поднимая вверх большой палец) или *Вон отсюда!* Но и за пределами приведенных примеров обязательного сочетания вербального и невербального кодов условия и контексты употребления жестовых и словесных единиц во многом идентичны или сходны (ср. [СЯРЖ 2001]).

В-третьих, многие языковые единицы структурно или семантически соотносены со знаковыми или незнаковыми движениями тела и его частей (ср. образование *жестовых фразеологизмов* в типа *махнуть рукой <на всё>* или сочетаний типа *навести уши; его передернуло; бить поклоны*): с одной стороны, языковое сочетание получает новое прочтение, с другой стороны, незнаковое движение (например, взмах руки) становится жестом, то есть получает фиксированное значение. См. об этом подробно [Крейдлин, Козеренко 1999; Крейдлин 2002].

В-четвертых, в некоторых текстах номинации жестов и физиологических незнаковых движений бывают аналогичными языковым единицам с той же функцией. Рассмотрим лишь один пример. Мужчина предлагает женщине занять свободное место, указывая на него рукой. Этот жест можно передать словами: *Он предложил ей сесть; Он показал ей на стул; Он кивнул ей головой на стул; Он сказал ей «Садитесь»* и многими другими. В этом ряду одни выражения являются непосредственными обозначениями данного жеста, другие отражают реально исполняемое движение лишь косвенным образом, а третьи могут обозначать и жестовое, и словесное предложение сесть. В частности, таково высказывание *Он предложил ей сесть*. Оно может или указывать на непосредственно исполняемый жест, или описывать слова человека (какие точно, мы не знаем), содержащие предложение сесть. Заметим, что в данном случае глагол речи *предложить* описывает на самом деле не речь, а жестикуляцию (ср. также *Он поглядел на меня, спрашивая моего согласия*, где похожим образом используется глагол *спросить*).

В осуществляемом нами проекте мы хотим показать, что в результате сопоставления вербальных и невербальных семиотических кодов можно получить описание фрагмента единой семиотической картины мира намного более полное и точное, чем описание, к которому можно было бы прийти, анализируя либо естественный язык, либо язык тела, взятые в отдельности сами по себе. Задача сопоставительного анализа знаковых кодов является насущной и важной еще и по той причине, что репрезентация тела или его частей в одном естественном языке и одном невербальном знаковом коде может быть соотносена с их репрезентацией в другом языке и соответствующем невербальном коде. А это открывает дорогу к межкультурному сопоставлению и построению типологии способов репрезентации тела в разных языках и невербальных семиотических кодах.

Единообразие представления двух языков – естественного языка и языка тела – как связанных между собой семиотических кодов, а тем самым, большие удобство и надежность их сопоставительного анализа – в нашей работе достигаются построением единого формата, пригодного для описания обоих кодов. На основе этого формата можно решать и другие актуальные задачи: рассматривать и сопоставлять друг с другом отдельные релевантные семантические подсистемы (например, поле дисфункций и аномалий, связанных с частями тела), устанавливать взаимовлияние разных характеристик одной части тела, выявлять и описывать различные пути и способы метафоризации обозначений частей тела и т.д.

2. МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

При исследовании невербального кода мы опирались на разнообразные данные, как вербальные, так и невербальные.

Материалом для исследования вербального кода нам послужили тексты русской художественной литературы и публицистики XIX–XXI веков и тексты, широко представленные в сети Интернет². Кроме того, изучались данные различных языковых словарей – толковых и фразеологических.

² В частности, мы пользовались материалом Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Анализ невербального кода проводился на основании данных, полученных в ходе наблюдений за невербальным поведением людей русской культуры в естественных условиях повседневной бытовой коммуникации. Использовался и материал языковых текстов, отражающих такое поведение. Широко привлекалась нами информация, содержащаяся в жестовых словарях и описаниях жестов, прежде всего, в [СЯРЖ 2001].

Основными объектами исследования для нас послужили языковые и невербальные единицы разной природы. Из языковых единиц это слова, обозначающие части тела, свободные и фразеологические сочетания с ними, словообразовательные производные от названий частей тела, а также номинации жестов и незнаковых движений тела и его частей. Последние образуют своеобразный мостик между двумя анализируемыми кодами, поскольку занимают, с одной стороны, промежуточное положение между невербальными и вербальными единицами (потому что соотносятся с обоими кодами), а с другой стороны, между свободными и несвободными сочетаниями. По номинациям жестов и незнаковых движений мы часто можем реконструировать сами жесты и движения. К рассматриваемым нами единицам невербального кода относятся жесты разных семиотических классов (жесты рук, ног, головы, плеч, позы, взгляды, выражения лица и другие). При необходимости мы рассматриваем также и незнаковые действия, осуществляемые частями тела или с частями тела.

Особое место в проводимом описании занимает такой любопытный объект, как *с и м в о л и з а ц и я* данной части тела или связанных с ней действий и положений. Поясним, что мы имеем в виду.

Некоторые части тела могут выступать в естественном языке и невербальных знаковых кодах в особых контекстах, отражающих роль этих частей тела в данной культуре. Широко известно, например, какую роль в русской культуре играют части тела «рука» или «голова»³. Об этом свидетельствует огромное количество сочетаний с соответствующими словами, причем не только свободных, но и идиоматических. Мы говорим *Здесь видна рука Кремля; Он – правая рука начальника; руки матери* (особый символ материнства); *городской голова; Она – моя головная боль; головное учреждение; Ну ты голова!* и др. И во всех таких выражениях подчеркивается важность и главенство данных частей тела, в частности, они могут обозначать человека в целом (чего, например, не могут «щеки» или «затылок»). Мы стремимся обнаружить и представить эксплицитно наиболее важные, культурно значимые свойства и функции изучаемых частей тела. Например, полное описание единицы *плечо* должно, по нашему мнению, включать в себя информацию о том, что согласно древним представлениям за левым плечом человека стоит или скрывается смерть⁴. Отсюда получает объяснение символический жестовый акт **трижды плюнуть через левое плечо**⁵: с помощью этого жеста человек как бы пытается уничтожить или хотя бы преуменьшить действие злых сил, стоящих за левым плечом. А такая часть тела, как *зад*, тоже символически осмысливается, но, в отличие от руки, сердца или головы, как «плохая часть тела». Это создает основу для разного рода обценных и сленговых выражений типа *задница; пошел в зад!* и т.п.

3. МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

С формальной точки зрения построенное нами представление является упорядоченным множеством признаков, принимающих в общем случае разные значения для разных частей тела. Такой способ представления – назовем его «признаковым» – является универсальной и удобной схемой описания единиц разной природы и разных кодов,

³ О части тела «голова» см. [Аркадьев 2002; Гудков, Ковшова 2007].

⁴ О части тела «плечо» см. [Крейдли, Летучий 2006; Гудков, Ковшова 2007].

⁵ Здесь и далее сами жесты отмечаются жирным шрифтом, а их номинации – курсивом. Кавычки при указании жеста обозначают то, что жест в данном языке тела не имеет стандартной номинации.

освобожденной от конкретной специфики кодов. Тем самым создается естественная база для сопоставления не только разных единиц внутри естественного языка, но и единиц разных кодов.

Априорной альтернативой выбранному признаковому подходу был бы «лексикографический» подход: построить словарное представление единиц разных кодов на одном или на нескольких удобных метаязыках и потом приступить к сопоставлению построенных описаний. Мы, однако, по этому пути не пошли, и вот по какой причине.

Как нередко бывает, сам характер решаемой задачи диктует наиболее естественный путь и способ ее решения. Действительно, если словарные описания единиц разных кодов являются адекватным способом решения таких задач, как, например, перевод с одного языка на другой, то для того, чтобы показать, как конкретная часть тела представлена сразу в двух кодах, описываемый путь непригоден.

Дело в том, что если бы мы пошли по лексикографическому пути, то нам бы пришлось сопоставлять одну или несколько единиц одного словаря (например, толкового) с одной или несколькими единицами другого словаря (например, жестового), и о полноте и точности получаемого таким образом сравнительного описания говорить бы не пришлось. В самом деле, исчислить все выражения, например, со словом *рука* и все жесты руки, а затем сопоставить их друг с другом практически невозможно, а ничего иного «лексикографический» подход нам сделать бы и не позволил.

Еще одним недостатком «лексикографического» подхода является то, что он не решает задачи единообразного описания определенного фрагмента семиотической картины мира, то есть того, как тело и его части представлены в разных языках и невербальных кодах. Скорее таким путем можно описывать фрагмент языка, то есть исходной точкой являются языковые выражения, а не части тела. Решая задачу описания концептуализации тела, в качестве отправного пункта исследования уместно и логично взять важнейшие характеристики отобранных объектов, характеристики, которые должны наиболее адекватно отражать свойства тела и телесного поведения. Мы полагаем, что именно «признаковый» подход дает возможность решить эту задачу. А вот если бы мы остановились на «лексикографическом» подходе, то нам, напротив, пришлось бы иметь дело с более или менее случайным набором неязыковых и языковых выражений, вклад которых в семантику движений и действий частей тела и их номинаций не очень ясен или весьма незначителен.

«Признаковый» подход основан на выделении признаков и их значений для каждой из описываемых единиц. При этом, если признаки, релевантные для частей тела, могут, хотя бы отчасти, быть выявлены априори, то значения этих признаков, фиксируемые для разных частей тела, сильно различаются. Получить набор значений для каждого признака можно только путем непосредственного анализа большого эмпирического материала.

§ 2. ФОРМАТ ОПИСАНИЯ

1. ПРИЗНАКИ И ИХ ЗНАЧЕНИЯ

Формат описания образуют два множества – множество признаков, характеризующих тело и его части, и множество значений этих признаков. На сегодняшний день оба множества являются для нас открытыми, и пока мы можем указать только те признаки и их значения, без которых описание концептуализации по меньшей мере одной части тела было бы заведомо неполным и неточным.

Сразу же оговоримся: не следует думать, что каждый из таких признаков важен для всякой части тела. Например, *ц в с т* является значимым признаком лишь для очень немногих частей тела, например, для *глаз, лица, волос* или *кожи* (например, при описании внешности человека обычно говорят о цвете его глаз или волос), но не является таковым для *ног, спины* или *живота*. Точно так же редко говорят о *р а з м е р е бока* или о *д е й с т в и я х пальцев ног*, хотя бок и пальцы ног могут характеризоваться по этим при-

знакам. Кроме того, даже если признак и является существенным для данной части тела, это еще не означает, что в рассматриваемых кодах все значения этого признака равноправны, то есть выражаются в равной степени. В общем случае, выражение значения признака, относящегося к некоей части тела, чаще всего указывает на ее нестандартное свойство или поведение. Например, в русском языке есть сочетания *длинные руки* и *короткие руки*, но сомнительны выражения (вне контекста противопоставления) *нормальные руки* или *руки нормальной длины*. Аналогичным образом, для лба фиксируется только аномальная температура: допустимы сочетания *холодный* или *горячий лоб*, но не, скажем, сочетание *лоб нормальной температуры*. Странно употреблять по отношению к телу и его частям такое прилагательное цвета, как *телесный*, ср. *грудь телесного цвета*, *ее щеки телесного цвета*.

Фиксация нестандартного значения признака для некоторой части тела часто является основанием для разного рода семантических и прагматических следствий. Например, из того, что у *X-а горячий лоб*, можно сделать вывод, что у *X-а температура*, а то, что *лицо X-а покраснело*, может свидетельствовать об определенном эмоциональном состоянии *X-а*.

Языковые выражения, обозначающие нестандартное для данной части тела значение признака, часто, хотя и не всегда, подвергаются идиоматизации. Так, единицы *длинный язык* или *кривые руки* говорят не о физических свойствах *языка* и *рук*, а о свойствах человека – соответственно, болтливости и неумении делать что-то руками. В то же время фраза *У него длинные руки* может употребляться как в прямом, так и в переносном смысле.

Сами признаки и их значения были по большей части обнаружены нами в результате обработки большого эмпирического материала, о котором мы говорили выше во Введении. Мы исходили из следующей рабочей гипотезы: для получения достаточно полного набора релевантных признаков и их значений, следует, прежде всего, подвергнуть анализу те части тела, для описания которых существует большое число языковых выражений, и те части тела, которые активно участвуют в образовании и исполнении жестов. Мы предполагаем при этом, что изучение остальных частей тела, менее активно и частотно представленных в вербальных и невербальных кодах, не приведет к существенному пополнению множества признаков. Что же касается связанного с ним множества значений признаков, то оно в ходе анализа каждой новой части тела обычно меняется, часто значительно увеличиваясь в размерах.

Общим для всех признаков является то, что они приложимы к единицам как вербального, так и невербального кодов, и выбор именно таких признаков диктуется стоящей перед нами задачей. Не все эти признаки, однако, оказываются равноценными. Одни из них являются более важными, другие – менее важными в том смысле, что, судя по примерам, первые выступают в достаточно представительном наборе и языковых, и жестовых единиц (далее: первая группа признаков), тогда как вторые приложимы преимущественно к единицам только одного из кодов (вторая группа признаков).

Например, признаки, связанные с функционированием частей тела, в частности с их способностью двигаться, относятся к первой группе. Действительно, с одной стороны, они имеют первостепенное значение для жестового кода, а с другой стороны, важны для многих языковых единиц, причем не только свободных, но и фразеологических (ср. *задирать голову*; *шевелить мозгами*). А признак формы, о котором подробно пойдет речь ниже, принадлежит, скорее, ко второй группе: он крайне важен для представления частей тела в вербальном коде, но является периферийным для невербального кода. В противоположность форме, признак ориентации части тела, указывающий ее направленность относительно говорящего или слушающего или других частей тела, крайне важен для внутренней организации и использования в коммуникации жестовых знаков, но менее важен для языковых знаков (и потому тоже относится ко второй группе признаков, см. [Крейдли, Переверзева 2007]). Например, одному русскому выражению *поднять руку* могут соответствовать самые разные по

смыслу и по физической реализации жесты: одно дело поднять руку для приветствия (жест **поднять руку 1**), а другое – сигнализировать этим желание что-то сказать (жест **поднять руку 2**).

Отметим здесь одно немаловажное обстоятельство: роль и характер проявления признаков в вербальном и невербальном кодах, как правило, разные, и это касается признаков обеих групп. Если в вербальном коде признаки тела или частей тела обычно фиксируются посредством тех или иных языковых единиц, то в невербальном коде такие признаки не фиксируются (исключение составляет класс иконических жестов, которого мы коснемся чуть позже), а используются (например, то, что плечи имеют протяженность в горизонтальном измерении, позволяет **положить руку на плечо** или **положить голову на плечо**).

2. ТИПОЛОГИЯ ПРИЗНАКОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЙ

Признаки, описывающие части тела, делятся на два основных класса: функциональные и формальные. Функциональные признаки являются динамическими: они характеризуют способность части тела выполнять различные действия, например, способность двигаться, совершать определенные действия (брать, ходить, носить, смотреть, думать и др.) и конкретные способы реализации этой способности, а также нарушения нормального функционирования тела или его частей. Формальные признаки являются, напротив, в прототипическом случае статическими: они характеризуют физические свойства тела и его частей, такие как морфологические характеристики (например, твердость), геометрические характеристики (форма, размер), структурные характеристики (наличие частей, внутренняя структура), топографические характеристики (расположение относительно других частей тела и степень их связности) и др. Многие из указанных физических характеристик могут в ряде случаев изменяться и участвовать тем или иным образом в движениях и действиях частей тела; это, однако, не умаляет важности противопоставления формальных и функциональных признаков.

Еще одним важным делением признаков частей тела, причем как формальных, так и функциональных, связано с тем, как они воспринимаются органами чувств. Хотя последнее деление не совпадает с разбиением признаков на формальные и функциональные, можно отметить, что одни органы чувств лучше реагируют на наличие или проявление формальных свойств, а другие – функциональных. Например, слух в большей степени ориентирован на функциональные свойства: мы слышим *звук шагов, треск суставов, хлопанье в ладоши* или *по плечу, шелест потираемых рук*. Зрением же воспринимаются характеристики обоих типов. Так, глазами можно увидеть не только форму или размер любой видимой части тела, но и ее движение. Похожим на зрение образом ведет себя осязание. С одной стороны, оно реагирует на формальные характеристики, такие как *текстура* (свойство поверхности данного органа), *твердость/мягкость*, *размер*, *форма*. С другой стороны, тактильные ощущения возникают у человека, когда к некоторой части его тела применяются определенные действия и жесты, например, **шлепки, поцелуи, похлопывания**; тем самым, в сферу осязания попадают и функциональные характеристики. Что же касается запахов и вкусовых ощущений, то они характеризуют части тела в гораздо меньшей степени, и потому мы здесь их обсуждать не будем.

В данной статье мы подробно остановимся на одном из важнейших формальных признаков тела и частей тела – на признаке «форма»⁶.

⁶ О признаке «формы» в более широком лингвистическом контексте см. [Кобозева 2000].

§ 3. ПРИЗНАК «ФОРМА» И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

С признаком формы связаны такие свойства части тела, как то, является она прямой или кривой (ср. *прямые ноги* и *кривые ноги*), плоской или объемной (*плоская грудь* и *полная грудь*; *плоскостопие*), есть ли у нее углы и выступы (*горбатая спина*, *угловатые плечи*). Признак формы, таким образом, является комплексным и имеет несколько аспектов, а потому его с самого начала можно было бы – в соответствии с выделяемыми аспектами формами – разложить на ряд более мелких признаков. Так, в русском языке часто отражается такой аспект формы, как ее особенности в разных измерениях (или плоскостях): в плоскости «верх-низ», в плоскости «лево-право», в плоскости «перед-зад» и в других измерениях. Например, в сочетании *согнутая* или *горбатая спина* фиксируется особая форма спины в плоскости «перед-зад», в сочетании *кривая спина* – в плоскости «лево-право», а в сочетании *прямая спина* описывается форма в обоих измерениях.

Значения признака «форма» можно разделить также на геометрические (имеющие общий семантический компонент 'X имеет форму абстрактного геометрического тела/фигуры Y', например, форму шара, круга, прямой и т.п.) и негеометрические. Первые, как правило, выражаются в русском языке в сочетаниях существительных с прилагательными (*круглая голова*), а вторые обычно образуют с названиями частей тела сравнительные или антитезисные конструкции, ср. *глаза как блюдца*, *ухо ракушкой*. И геометрические и негеометрические характеристики формы могут обозначаться прилагательными с формантами *-видный*, *-идный*, *-образный*, ср. *яйцеобразная* (или *яйцевидная*) голова.

1. ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ И НЕГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

Среди геометрических значений (или, иначе, способов представления) формы выделяются такие стандартные значения, как *круг* (*круглая голова*), *овал* (*овальное лицо*), *квадрат* (*квадратные глаза*). Часто эти значения являются эталонными для частей тела (о понятии эталонного значения формы см. подробнее п. 3.3). Например, голова в нормальной ситуации является *круглой*, а лицо – *овальным*. Многие имена частей тела характеризуются прилагательными *прямой* и *кривой*, в большом числе случаев, однако, относящимися по смыслу не к самой части тела, а к некоторой части этой части тела. Ср. сочетание *прямой нос*, выражающее то, что часть носа, именуемая *спинкой*, имеет форму прямой линии, а также сочетание *кривой рот*, где кривизна характеризует губы.

Прилагательные, обозначающие геометрические формы, в сочетаниях с названиями частей тела обладают рядом интересных свойств. Их необычность проявляется, по меньшей мере, в двух отношениях.

Во-первых, эти прилагательные часто получают нестандартную интерпретацию (стандартная интерпретация сочетания прилагательного, обозначающего геометрическую форму, например, *круглый*, с существительным X – названием части тела выглядит как 'X в форме круга'). Например, сочетание *квадратные плечи* означает, что плечи образуют с рукой прямой угол; тем самым, от идеальной квадратной формы здесь остается лишь информация об угле.

Во-вторых, нестандартными являются соотношения между обозначениями геометрических форм. Особенно это становится заметным, если обратиться к примерам употреблений некоторых, в прочих случаях квазиантонимичных, прилагательных. Например, прилагательные *прямой* и *кривой*, взятые в близких значениях, не являются антонимичными в сочетании со словом *нос*. Нос мыслится как имеющий форму прямой линии, которая делит лицо на две симметричные части (косвенным подтверждением этому служат стилизованные изображения лица на детских рисунках, схемах или в используемых в интернет-коммуникации знаках-смайликах). Сочетания *прямой нос* и *кривой нос* оба фиксируют отклонения от этой линии, но в разных плоскостях, то есть они отражают разные аспекты признака формы. Интересно, что представление о *прямом*

носе создается у человека, который смотрит на лицо сбоку, а представление о *кривом носе* – у человека, который смотрит спереди. Кроме того, различными являются и сами кодируемые формы: сочетание *прямой нос* обозначает то, что часть носа образует прямую, не изогнутую линию, а сочетание *кривой нос* говорит об отклонении носа от прямой линии вправо или влево. Антонимом *прямому носу* является не *кривой нос*, а нос с какой-то выступающей на нем частью, например, *нос с горбинкой*, а антонима *кривому носу*, строго говоря, нет, поскольку нормальное расположение носа вдоль воображаемой прямой линии русским языком специально никак не фиксируется. Те же самые прилагательные *прямой* и *кривой* ведут себя по-разному и в сочетании с такой частью тела, как *руки*. В повседневном бытовом языке о *прямых руках* не говорят, а сочетание *кривые руки* отражает не только отклонение от нормальной формы, но и то, что руки не могут нормально функционировать и выполнять то, что им следует. Не нужно, однако, думать, что эти прилагательные не способны вообще образовывать антонимическую пару ни с одним названием части тела: сочетания *прямые ноги* и *кривые ноги*, например, являются антонимичными.

Отметим еще один любопытный факт, касающийся прилагательных формы. Их сочетания с именами частей тела могут получать в языке разные эстетические оценки – часто настолько разные, что их можно прямо включать в стандартное описание человеческого тела. Прилагательные формы при этом говорят нам что-то не только о той части тела, к которой они относятся, но и, возможно, о других частях тела или даже о самом теле. Например, *кривые ноги* не только сами по себе оцениваются людьми как некрасивые, но и создают у них негативное представление о теле человека в целом. Сказанное объясняет, почему высказывание [#]*Она была красивая, с кривыми ногами* является со смысловой точки зрения нелепым. Аналогично, *квадратные женские плечи* некрасивы и сами по себе и характеризуют как некрасивое тело их обладателя.

* * *

Негеометрических значений, или негеометрических способов представления формы тела и частей тела, намного больше, чем геометрических. Это связано с тем, что негеометрическое представление части тела является, как правило, результатом сопоставления ее формы с формой некоторого материального объекта, вследствие чего негеометрические формы более разнообразны, конкретны и приближены к реальному миру. Именно разнообразие материальных предметов позволяет передавать сложные телесные формы, не сводящиеся к простым геометрическим формам. Реальные формы частей тела далеки от эталонных геометрических форм и потому более точно и детально описываются сопоставлением с конкретными материальными объектами.

Когда мы приступаем к рассмотрению негеометрических значений формы, сразу встает несколько вопросов и проблем. Среди них: (а) каковы те эталонные объекты, с которыми сравнивается по форме данная часть тела; (б) каковы те типы эталонных объектов, с которыми чаще всего в данной культуре сравниваются части тела; (в) каковы части тела, которые сравниваются с данным материальным предметом или классом предметов (вопрос, в каком-то смысле обратный предыдущему); (г) какими морфологическими и синтаксическими средствами в данном языке могут выражаться негеометрические значения формы; (д) как соотносятся между собой геометрические и негеометрические значения формы данной части тела и сами формы частей тела.

Имена эталонных объектов «извлекаются» из сравнительных оборотов и конструкций с «творительным метафорическим»⁷. Описывая форму данной части тела, следует указывать наиболее употребительные эталоны, и наоборот, при лингвистическом описании предметного имени нужно отмечать его способность служить эталоном сравнения по тем или иным параметрам.

⁷ Ср. описание этой конструкции в недавней статье [Десятова и др. 2008].

Приведем несколько примеров наиболее употребительных негеометрических языковых способов представления формы: *нос картошкой, губы бантиком, грудь колесом, хвост трубой, нос крючком, глаза-щелочки, ноги-тумбы, яйцевидная голова, миндалевидные глаза, крючковатый нос, скрюченное тело, слоновьи ноги, кошачьи глаза, оленья стать, римский нос, античная фигура, лебединая шея*. Именно такие в высокой степени идиоматичные способы выражения сравнения позволяют выявить имена типичных эталонов, поскольку другие способы, например, сравнительные обороты со сравнительными союзами *как, словно, будто* и др., возможны практически с любым объектом, ср. *голова как арбуз, живот как тыква, зад как печь, ноги как ходули, рот как пещера*.

Многие из высокочастотных негеометрических значений признака формы одновременно выражают значения других признаков частей тела. Например, сочетание *глаза-вишенки* передает не только круглую форму объекта, но и его темный цвет (ср. *глаза-пуговицы*, где выражается только круглая форма), ср. неправильное сочетание ^{??}*голубые глазки-вишенки* и правильное *темные глазки-вишенки*.

Априори кажется, что классы эталонных объектов, выделяемые при ответах на вопросы (а) и (б), вообще говоря, различны. Например, в русской культуре разные части тела нередко сравниваются с наиболее употребительными плодами и другими продуктами питания, причем самой разнообразной формы, ср. *нос картошкой, голова как арбуз, глаза-изюминки, яйцевидная голова, миндалевидные глаза*. В этом отношении части тела не уникальны – с теми же эталонами сравниваются и многие другие семантические классы объектов. Очень часто эталонами для частей тела человека оказываются части тела животных. Ср. *лебединая шея, слоновьи ноги, кошачьи глаза, орлиный нос, львиная голова, порослячьи глазки, ослиные уши*, возможно, *козлиная борода*. В отличие от многих других областей языка, базой сравнения здесь выступает имя части тела животного: *орлиный нос* – это *нос* человека, похожий по форме на *нос* орла, *ослиные уши* – это *уши* человека, напоминающие *уши* осла, *лебединая шея* – это *шея*, похожая своей формой (и, видимо, размером) на *шею* лебедя.

Говоря о какой-либо части тела, можно попытаться выделить и описать наиболее характерные, стереотипные для нее в данной культуре эталоны. *Голова*, например, чаще всего сравнивается с *яйцом, арбузом, капустой, репой*. Широко используются описания *нос картошкой, крючком, римский нос* ('нос, как у римлянина'), *орлиный нос*⁸. С вопросом, каковы части тела, которые сравниваются с данным материальным предметом или классом предметов, связана одна примечательная особенность негеометрических способов выражения формы тела и его частей. А именно, в русском языке с одним конкретным объектом сравнивается, как правило, ровно одна часть тела (в качестве исключения из этой общей закономерности назовем слово-эталон *колесо* – возможны сочетания *грудь колесом* и *спина колесом*, но не бывает **руки колесом, *шея колесом* или **живот колесом*)⁹. В то же время геометрические способы выражения формы данным свойством в общем случае не обладают; ср. *кривые руки* и *кривые ноги, круглый живот, круглая голова, круглые глаза, круглые щеки*.

Подчеркнем, что различие между геометрическими и негеометрическими характеристиками частей тела – это различие между *с п о с о б а м и п р е д с т а в л е н и я* (обозначения) формы, но не обязательно различие самих форм. Так, формы, которые обозначаются выражениями *глазки-щелочки* и *узенькие глазки*, весьма схожи, однако существенно, что описываются они разными способами.

⁸ Отметим, что проблема поиска и анализа эталонов в данной культуре, например русской, и переводных соответствий этих эталонов в других культурах представляет собой важную, сложную и до конца не решенную проблему теории и практики перевода.

⁹ Сегодня, однако, у нас еще мало данных для того, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что все подобные сравнения выражают разные значения признака форма – вполне возможно, что разные части тела могут сравниваться и с предметами одинаковой формы.

Посмотрим теперь, как проявляют себя признак формы и различные его значения в невербальном жестовом коде. Из трех семиотических классов жестов (эмблем, иллюстраторов и регуляторов, см. [Efron 1972/1941; Крейдлин 2002]) признак формы является релевантным только для эмблем, то есть для тех телесных невербальных знаков, которые имеют самостоятельное лексическое значение и которые способны передавать его независимо от вербального контекста.

Роль, которую признак формы играет в описании лексики языка тела, проявляется двояким образом. Во-первых, существуют, и их можно выделить и описать, такие жесты, которые обозначают (быть может, одновременно с другими признаками или свойствами) данную конкретную форму. Во-вторых, признак формы участвует в реализации самых разных видов жестов.

Большинство жестов, обозначающих форму, принадлежат к разряду иконических [Крейдлин 2002; 2005]. В языке русских жестов иконические жесты, передающие форму, в основном являются мануальными, причем обычно исполняются двумя руками. С помощью иконических жестов изображаются и формы некоторых отдельных частей тела, и контур самого тела. Иногда часть тела и ее форма изображаются не в точности иконическим способом, то есть его референт не выводится однозначно из физической реализации жеста. Ср., например, изображение женской *груди* посредством особого положения кистей рук, которые не определяют референт в точности. Или, рисуя в воздухе круг, человек может изображать этим разные части тела, но все круглой формы. Это могут быть *голова, глаза* или тело в целом. А форму *круглого* или *овального лица* можно изобразить также иначе, например, с помощью надутых щек или согнутых ладоней, симметрично расположенных около щек. При жестовом изображении *глаз* с помощью рук, располагаемых около глаз, синкретично отображаются форма и размер глаз¹⁰. Подчеркнем, что чем ближе форма к стандартной геометрической, тем легче ее изобразить руками¹¹.

Теперь опишем роль признака формы в исполнении разного рода жестов.

При физической реализации очень многих жестов меняются форма активного органа или его рабочей части¹², и в ряде случаев такое изменение формы вообще является основным компонентом физической реализации жеста. Примерами невербальных единиц, изменяющих форму частей тела, являются мимические жесты (ср. **скривить рот в улыбке, нахмурить брови** и др.), а также жесты других семиотических типов – те, в которых компонент изменения формы является доминантным. Ср. жесты **выпятить грудь, выпятить живот, поклониться, надуть щеки, «предложить руку, чтобы кто-то взял человека под руку»** (рука сгибается в форме кольца) или детский жест «мириться», при исполнении которого мизинцы рук двух детей сцепляются в аналогичной форме.

Если для многих мануальных жестов признак формы не важен, то для другого семиотического класса жестов – п о з – он входит в число основных. Это вытекает из самого понятия знаковой позы (позы в смысле англ. *posture* как намеренно принимаемого положения тела, а не *pose* как физиологически необходимого положения тела). Знаковая поза – это используемое для конвенциональной передачи некоторого смысла знаковое положение тела в целом, а не только какой-то его части (ср. позу **вытянуть руки по швам**, где существенны и положение разных частей тела – *рук, ног, головы* – и сама форма те-

¹⁰ Заметим, что форма и размер очень часто синкретично выражаются также и в естественном языке. Например, сочетание *сделать круглые глаза*, акцентируя внимание на форме, имплицитно передает размер глаз; наоборот, сочетание *сделать большие глаза*, акцентируя внимание на размере, синкретично отображает форму.

¹¹ Важно подчеркнуть, что иконические жесты, изображающие форму человеческого тела, скорее всего, являются интернациональными; во всяком случае, англичане, итальянцы, немцы и французы исполняют их так же.

¹² О понятиях «активный орган» и «рабочая часть органа» см. в [СЯРЖ 2001; Крейдлин 2002].

ла в целом). Форма тела для позы, однако, важна даже в том случае, когда формы отдельных частей тела значения не имеют. Ср. позу вины **стоять с опущенной головой** или свободную позу (позу релаксации) **сидеть, развалившись**, для которых формы отдельных частей тела не существенны, и положение **сидеть в позе мыслителя**, где релевантными являются как форма самого тела, так и формы *рук* и *спины* сидящего.

Конечно, определить в каждом случае по одной лишь физической реализации жеста, будет для него релевантным геометрическое или негеометрическое значение признака формы, невозможно – ведь эти характеристики могут определять одну и ту же форму. Однако иногда сведения о релевантной форме могут дать номинация и функция (функциональное назначение) жеста.

Хотя и очевидно, например, что в номинациях жестов могут участвовать как геометрические, так и негеометрические характеристики формы частей тела (ср. *округлить глаза; скривить рот; надуть щеки; выпрямиться* – геометрические характеристики и *сложить губы бантиком; сесть по-турецки* – негеометрические характеристики), количество жестов, которые получили название по геометрической характеристике, гораздо больше.

Как кажется, преобладание таких жестов можно объяснить. Негеометрические характеристики чаще всего описывают форму предмета через его сходство с другим предметом или классом предметов. Такое сходство обычно осмысляется как свойство, постоянно присущее данному предмету. Кроме того, жесты должны интерпретироваться партнером по коммуникации, а интерпретировать форму той или иной части тела как похожую на непростую форму другого предмета очевидно сложнее, чем интерпретировать ее как простую – скажем, круглую или квадратную.

Тем не менее, стремление к образности и образности в художественном тексте заставляет авторов гораздо чаще прибегать к более ярким негеометрическим, чем к более «строгим» геометрическим признакам формы. Видимо, именно по этой причине негеометрических форм представлено в русском языке больше, чем геометрических.

Иногда информацию о том, какая – геометрическая или негеометрическая – характеристика формы важна для того или иного жеста, дает функциональное назначение жеста. Так, для иконических жестов, передающих форму предмета, более существенной очевидно является негеометрическая характеристика, а именно, сходство между формой части тела и формой изображаемого предмета.

2. ДРУГИЕ АСПЕКТЫ (ПРИЗНАКИ) ФОРМЫ

Помимо деления на геометрические и негеометрические значения формы, существует и ряд других не менее важных разбиений признаков, описывающих форму тела и его частей.

А. Формы частей тела (точнее, отдельные аспекты формы) делятся на постоянные и переменные.

Это деление, как и все прочие рассматриваемые ниже классификационные разбиения, существенно не только с физиологической, но и, что особенно важно для нас, с семиотической и культурной точки зрения. Постоянные аспекты формы характеризуют неизменные формы частей тела и тесно связаны с их концептуализацией в языке и культуре. Переменные аспекты формы участвуют в различных действиях, осуществляемых человеком, в том числе жестовых. Они характеризуют исполнение многих отдельных жестов (ср. **погроzić пальцем**); форма части тела может меняться также при переходе от одного жеста к другому, например, если оба жеста выполняются одной и той же частью тела. Так, при переходе от **смеха** к **плачу** меняется форма рта, а при переходе от жеста **надуть щеки** к жесту **втянуть щеки** – форма щек.

Внутри описанного противопоставления аспектов формы выделяются два более мелких признака, значения которых отвечают на следующие вопросы:

(1) Можно ли выделить у данной части тела такие аспекты формы, которые для одного и того же человека могут быть разными в разные моменты времени? У головы,

например, такие переменные аспекты не выделяются, поскольку в нормальном случае форма головы человека не меняется. Это позволяет приписать человеку постоянную характеристику, называя его, скажем, *круглоголовым*. Напротив, в форме ног выделяются аспекты, которые изменяются при многих знаковых или незнаковых движениях (ср. *выпрямить ноги; скрестить ноги; согнутые ноги; <ходить> на полусогнутых*). Переменными при этом являются не все аспекты формы ног: некоторые из них являются постоянными (ср. *кривые ноги; слоновьи ноги*).

(2) Могут ли аспекты формы данной части тела быть разными для разных людей? Сразу подчеркнем, что этот вопрос, конечно, целесообразно ставить только применительно к тем аспектам формы, которые для данного человека являются постоянными (например, у одних людей *голова* может быть *круглой*, у других – *яйцевидной* и т.д., но для одного отдельно взятого человека форма головы, как отмечалось выше, в норме в течение жизни является постоянной).

Чтобы ответить на вопрос (2), нужно сопоставить форму интересующей нас части тела у разных людей. При сопоставлении мы абстрагируемся от аспектов формы данной части тела, которые в разные моменты времени у одного и того же человека могут быть разными. Например, говоря о форме ног у разных людей, мы отвлекаемся от того факта, что ноги у одного и того же человека в разные моменты времени могут быть *вытянутыми* или *согнутыми*, и независимо от этого ноги одного человека могут характеризоваться как *прямые*, а другого – как *кривые*¹³.

Б. Теперь вновь вернемся к тем аспектам формы, которые могут меняться с течением времени у одного человека. Эти аспекты (и их значения) можно классифицировать в соответствии с теми изменениями (точнее говоря, с типами изменений), которым они могут подвергаться. В частности, в русском языке и языке русских жестов отражается противопоставление *ненамеренно* и *намеренно* изменяемых форм.

К ненамеренным изменениям и к соответствующим аспектам формы и их значениям относятся физиологические изменения (возрастные изменения, изменения, связанные с физическим состоянием человека, с условиями существования человека и т.д.), а также изменения, вызванные воздействием природных сил или ненамеренным воздействием на данную часть тела других людей. Среди аспектов форм, подверженных намеренным изменениям, следует выделить те, значение которых меняется, когда человек меняет форму части своего тела сам, и те, изменения которых вызваны намеренным воздействием на человека других лиц.

Приведем примеры. Сравним, например, языковые высказывания *глаза ее округлились* и *живот ее округлился* – в обоих случаях меняется форма части тела в одном и том же аспекте (близость к круглой форме). Однако первое выражение может обозначать намеренное изменение формы (например, при выражении удивления), а второе – только физиологическое изменение. Некоторые аспекты формы глаз, таким образом, можно изменить намеренно, а те же аспекты формы живота изменяются только ненамеренно.

В. В русском языке по-разному выражается воздействие на свое и на чужое тело, а потому при описании формы уместно выделить отдельный признак *изменение формы своего vs. чужого тела*. Например, сочетание *заламывать руки* может обозначать коммуникативный жест, то есть выразить намеренное воздействие человека на свое тело, в котором руки располагаются перед телом, а форма кистей постоянно меняется. Но у того же сочетания есть и другое значение, отражающее намеренное воздействие одного человека на тело другого (*заламывать руки кому-л.*). В этом случае выражение *заламывать руки* обозначает совсем другое движение, при котором руки другого человека оказываются согнутыми за спиной, и один человек какое-то время удерживает руки другого человека в таком положении. Аналогичное воздействие на

¹³ Очевидно, что деление форм на постоянные и переменные близко к делению предикатов на обозначающие, соответственно, свойства и состояния [Булыгина 1982].

форму и положение с в о и х рук называется в русском языке иначе – *сложить руки за спиной* (человек сам удерживает свои руки в согнутом за спиной положении).

Следующие два признака касаются временной продолжительности изменений формы, с одной стороны, и времени, в течение которого может сохраняться результат этого изменения, с другой.

Г. Рассмотрим первый из этих признаков. Физиологические изменения в общем случае являются длительными, протяженными во времени. Наличие некоторых из этих изменений отражается, например, при помощи выражений с глаголом *расти*, в частности, фиксируется такой аспект изменения формы, как появление чужеродных объектов, ср. *<на спине> растет горб*. В целом данный признак, как правило, не различает аспектов форм, поскольку, как показывает анализ материала, практически все аспекты формы могут изменяться как быстро, так и медленно. Важно, однако, что скорость изменения формы имеет прямое отношение ко многим другим характеристикам человеческого тела и его действий. В частности, скорость изменения формы тесно связана со структурной организацией жестового движения или позы и с трудностью их исполнения. Кроме того, признак 'скорость изменения формы' имеет непосредственное отношение к семантике собственно жеста или позы. Естественные – привычные и простые для него – положения тела взрослый человек может принимать с разной скоростью, тогда как сложные позы (например, *поза лотоса*) ему легче исполнять медленно.

Скорость, а тем самым продолжительность изменения формы, связаны не только с разными структурными свойствами разных частей тела (в частности, одни формы менять труднее, и потому они меняются дольше, чем другие), но и с передаваемыми смыслами. Например, изменения позы, обозначенные глаголами *вскочить* (моментальное действие) и *встать* (может быть как быстрым, так и медленным, то есть не маркированным по времени), имеют разное значение.

Д. Второй признак – длительность, или продолжительность сохранения результирующей формы – имеет прямое отношение к ранее выделенному противопоставлению постоянных и переменных аспектов формы. Некоторые из аспектов формы, которые нами были ранее охарактеризованы как постоянные для одного человека (*кривые ноги, горбатый человек*), в действительности могут являться результатами физиологических изменений, которые, появившись, сохраняются на протяжении всей жизни человека, другие аспекты формы всегда постоянны и с изменениями никак не связаны (ср. *нос с горбинкой, круглая голова, лопухий*).

Переменные аспекты формы могут дифференцироваться также по продолжительности результирующего состояния. Например, изменение формы ног связано, как правило, с изменением положения всего тела и может сохраняться довольно долго (ср. *сесть, подогнув под себя ноги*). Напротив, *руки* не могут долгое время оставаться *сжатыми в кулаки*, а *рот* – быть *открытым*: помимо того, что долго пребывать в таких состояниях сложно физиологически, большая длительность пребывания в этих состояниях не согласуется со смысловой интерпретацией жестов. Действительно, основным значением жеста **сжать руки в кулаки** является выражение актуального сильного желания или прямой угрозы ударить адресата кулаком. Вместе с тем этот жест является невербальным проявлением целого ряда сильных эмоций и чувств, таких как *гнев, ярость, злость* или *ненависть*. Обычно эти эмоции и чувства невербально выражаются с помощью быстрого перехода из одного состояния в другое, в данном случае от спокойного состояния к аффективному. Точно так же жест **открыть рот** выражает сильную эмоцию *удивление*, что объясняет относительно небольшую продолжительность состояния «**открытый рот**».

Признак длительности для жестового кода может быть смыслоразличительным, а именно, в зависимости от того, реализуется данная форма в течение долгого времени или короткого, мы получаем разные жесты. Когда человек сжимает кулаки, то это действие интерпретируется, например, как выражение злости, однако если эта форма рук сохраняется, по мнению адресата, долгое время, то ее интерпретация меняется – тогда мы имеем дело с выражением угрозы, ожесточения и, возможно, желания отомстить.

Краткий поцелуй означает совсем другое, чем **длительный** (или: **долгий**) **поцелуй**, а жестовая форма **взглянуть человеку в глаза** интерпретируется иначе, чем жестовая форма **пристально смотреть в глаза** (более длительное время).

Е. Анализ всех рассмотренных выше оппозиций и введенных признаков с очевидностью показывает, что изменения одних аспектов формы (как и сами эти аспекты) семиотически значимы в значительно большей мере, чем изменения других аспектов формы (и, соответственно, эти другие аспекты). Поэтому представляется уместным ввести в рассмотрение еще один признак **семиотическая значимость/незначимость аспекта формы**, и отнести первые изменения (соответственно, аспекты формы) к семиотически значимым, а вторые – к семиотически незначимым. Например, изменения аспектов формы частей *лица* в большинстве случаев являются семиотически значимыми, поскольку они чаще всего связаны с исполнением каких-либо жестов, прежде всего эмоциональных. Из двух видов положения тела – намеренно принимаемых и физиологически вынужденных к семиотически значимым относятся только первые. И те, и другие положения тела тесно связаны с разными аспектами формы *ног*, и потому большинство аспектов формы ног тоже бывают семиотически значимыми или незначимыми. Поза **положить ногу на ногу** может означать демонстрацию внутренней свободы и раскованности, и, следовательно, такая форма ног является семиотически значимой. С другой стороны, многие люди спят, *подогнув ноги*, и такая форма ног и положение тела семиотически значимыми, видимо, не являются.

Как это обычно бывает с не-знаками, многие аспекты формы, исходно знаками не являющиеся, могут в ряде случаев **означиваться**, то есть приобретать значение. Например, изменение формы тела при вставании со стула в норме не является семиотически значимым, и соответствующее положение не является жестом. Однако существуют этикетные ситуации, при которых одни люди встают перед другими, и в этих случаях изменение формы тела уже является жестовым, а результирующая поза – этикетным жестом.

Многие изменения формы, внешне выглядящие как чисто физиологические, в действительности являются манифестацией внутреннего состояния человека либо его отношения к некоторому лицу или событию, а потому семиотически значимы. Рассмотрим эту разновидность семиотически значимых аспектов формы и их изменений чуть более подробно.

Главной особенностью тех аспектов формы, которые ответственны за выражение внутреннего состояния или отношения к кому-то или чему-то, является их нестандартность по сравнению с обычно принимаемыми формами. В языке изменения формы, которые говорят о внутреннем состоянии и отношении, выражаются в основном экспрессивными, стилистически маркированными словами и сочетаниями слов, такими как *скрючиться; свернуться в клубок; скривиться; расплыться в улыбке; ослабиться; подернуть плечами; глаза на лоб полезли; надуться; ползти на коленях; он весь поник; ломать руки* и др. Многие из этих единиц являются **символами**, так сказать, в медицинском смысле слова, то есть являются проявлениями болезненных психических или физических состояний, ср. *свернуться в клубок (от боли); кривая улыбка; ноги подгибаются*.

К телесным проявлениям внутренних аномалий относится также невозможность для человека изменить те или иные признаки формы так, как ему это нужно в данной момент или в данной ситуации. Когда человек не может *разогнуться*, это может говорить, например, о том, что у него радикулит, или о каких-то иных болезнях тела. Аномальная форма *рта* и неспособность человека ее изменить так, как он хочет, часто свидетельствуют о болезнях полости рта (таких органов, как *губы, язык, зубы* и др.).

3. ЭТАЛОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ АСПЕКТА ФОРМЫ

Чтобы продемонстрировать релевантность выделенных нами признаков для описания концептуализации тела и его частей и системный характер выбранного нами при-

знакового подхода, представляется удобным ввести понятие **э т а л о н н о г о з н а ч е н и я** <данного> аспекта формы. Под эталонным значением некоторого конкретного аспекта формы мы будем понимать значение, обладающее двумя свойствами: оно является (1) наиболее частотным для данного аспекта и (2) в максимальной степени свободным от семантических наслоений – это значение, так сказать, ближе всего к представлению о том, какой должна быть форма части тела в данном аспекте.

Отметим некоторые важные свойства эталонного значения аспекта формы (ниже в скобках указываются основные моменты, которые обсуждаются и комментируются в тексте).

1 (языковое выражение). Эталонные значения аспектов формы в естественном языке обычно выражаются только в тех случаях, когда они либо явно или неявно противопоставлены неэталонным, либо несут существенную в данной ситуации положительную оценку. Например, высказывание *Выпрями спину!* побуждает человека сделать форму спины *прямой*, то есть эталонной, и показывает, что исходно форма спины была *кривой*, неэталонной, тем самым противопоставляя эти две формы¹⁴. Характеризуя внешность человека и оценивая ее, мы можем сказать, что у него *прямые ноги*, *нос правильной формы* или *правильные черты лица* (слово *правильный* и есть выражение эталона), а при описании и оценке внешности часто противопоставляем людей по одинаковым аспектам формы тех или иных частей тела, ср. предложение *У Маши прямая спина, а Вася вечно сутулится*.

2 (оценка). Из сказанного выше ясно, что эталонные значения аспектов формы, как правило, несут положительную оценку. Об этом свидетельствует, в частности употребление оценочного прилагательного *правильный* в применении к эталонным формам. Положительная оценка эталонных значений аспектов формы проявляется также и в особенностях сочетаемости слов и выражений, обозначающих эталонные значения. Рассмотрим некоторые примеры.

Предложения типа *У нее была прямая спина и кривые ноги* являются аномальными, поскольку они отражают одновременно эталонное, а потому положительно оцениваемое, значение формы одной части тела – *спины*, и неэталонное, отрицательно оцениваемое, значение формы другой части тела – *ног*. Выразить этот смысл можно лишь в контексте эксплицитного противопоставления: *У неё была прямая спина, но ноги были кривые*. Рассогласование в оценках в пределах одной сочинительной конструкции приводит к аномалии, если угодно, нелепости этого предложения (и ему подобных)¹⁵. Аномальными также являются сочетания типа *некрасивые прямые ноги*: в данном случае положительно оцениваемое эталонное значение формы, выраженное прилагательным *прямой*, вступает в конфликт со значением отрицательной эстетической оценки, содержащейся в прилагательном *некрасивый*, входящим с прилагательным *прямой* в один адъективный комплекс.

Неэталонные значения аспектов формы нередко оцениваются отрицательно, см. явную отмеченность предложения *Он был высокий, статный, широкоплечий, с кривыми ногами*, где неэталонное, отрицательно оцениваемое значение формы ног плохо сочетается с положительно оцениваемыми свойствами тела.

3 (выражение в невербальном знаковом коде). Физическая реализация многих жестов подразумевает определенное изменение формы части тела, а именно переход от эталонного значения к неэталонному, ср. *поклониться*, *скривить рот*, *округлить глаза* и др. После исполнения жеста часть тела обычно снова принимает эталонную форму (так, поклонившись, человек *выпрямляется*). Как правило, в номинациях жестов эталонная

¹⁴ Такого рода императивные сочетания могут вынуждать человека привести форму некоторой части тела не только в эталонное состояние, но и в состояние, необходимое в некоторой конкретной ситуации для осуществления некоторых действий: например, *Выпрями спину (чтобы я измерил твой рост)*; *Пригнись (чтобы пройти в дверь)*!

¹⁵ См. об этом, в частности, [Вольф 1989].

форма части тела прямо не выражается, однако семантика лексем, входящих в номинацию жестов, может говорить о том, что исходно данная часть тела имела эталонную форму (ср. **скривить рот**, где глагол *скривить* подразумевает исходную эталонную *прямую* форму). Существуют, однако, и такие жесты, физическая реализация которых предполагает как раз принятие эталонной формы (ср. **выпрямиться**), в большинстве случаев, как отмечалось выше, оцениваемой положительно.

Не все эталонные аспекты (признаки) формы могут быть выражены в русском языке. Признак формы носа 'отклонение вбок от воображаемой прямой линии' имеет эталонное нулевое значение. Тот же признак для формы ног тоже имеет нулевое эталонное значение. Однако различие между эталонными аспектами формы здесь есть и состоит в том, что для форм ног эталонный аспект имеет стандартное языковое выражение – *прямые ноги* (лексема **прямые ноги 1**)¹⁶, а для формы носа не имеет.

Посмотрим теперь, к каким классам, образуемым в соответствии с признаками (А)–(Е), принадлежат эталонные значения аспектов формы.

(А) (постоянный/переменный). Эталонные значения свойственны как постоянным, так и переменным значениям формы. См. выше пример с *прямыми ногами* в двух значениях, а также ср. эталонное значение постоянного аспекта формы головы – *круглая голова* – и эталонное значение переменного аспекта формы глаз – *открытые глаза*.

(Б) (вызванные намеренными/ненамеренными изменениями). Намеренные изменения обычно являются семиотически значимыми. Эталонные значения по определению семиотически незначимы и в большинстве случаев возникают в ходе ненамеренных изменений. Однако эталонную форму тело или часть тела могут принимать и после исполнения человеком каких-то намеренных телесных действий. Например, после жестового приветствия **помахать рукой** рука приводится в эталонное положение: рука выпрямляется, пальцы сближаются, и затем рука сразу опускается вниз.

(В) (воздействие на свое / на чужое тело). Воздействия, будь то на свое или на чужое тело, либо приводят к форме, эталонной по данному аспекту, либо, наоборот, меняют эталонное значение аспекта формы на неэталонное.

Теоретически возможны четыре комбинации значений признаков (i) 'воздействие на свое/чужое тело' и (ii) 'результатирующее эталонное/неэталонное значение формы'. Однако на практике одна из четырех возможных комбинаций значений, а именно <воздействие на чужое тело, результирующее значение – эталонное>, встречается крайне редко¹⁷. Причина этого заключается в том, что воздействие на чужое тело, как правило, осуществляется всегда с некоторой целью, и для ее осуществления нужна как раз форма с неэталонным значением. В самом деле, если бы для осуществления этой цели не нужна была бы форма с неэталонным значением, воздействие на тело вообще тогда едва ли понадобилось бы, поскольку обычное положение тела или его части как раз эталонное.

Кроме того, сами цели, ради достижения которых происходит воздействие на чужое тело, тоже обычно являются нетривиальными и нестандартными, и для их реализации нужны нестандартные, неэталонные значения аспекты формы. Согласно определению эталонной формы, такая, например, форма, как *стоять прямо*, в нормальной ситуации является семантически немаркированной, то есть не несет каких-то нетривиальных смыслов, и в силу этого непригодна для достижения многих нетривиальных коммуникативных целей. Наоборот, неэталонные формы, такие, как *стоять навывтяжку*, *согнуться в поклоне* или *откинуться назад*, играют важную роль в коммуникации, обо-

¹⁶ То же выражение имеет и другое значение – лексема *прямые ноги 2*. Эта лексема имеет эталонное значение переменного аспекта формы ног, который можно назвать 'отклонение от прямой линии в направлении «вперед/назад»', и синонимична выражению *выпрямленные ноги*.

¹⁷ Речь идет о прямых воздействиях на человеческое тело – то есть тех физических действиях, которые один человек осуществляет над телом другого, независимо от воли адресата приводя форму тела или части тела адресата в другое состояние.

значая разные отношения жестикулирующего и адресата, и способствуют решению многих коммуникативных, социальных и иных задач. Наконец, воздействие на чужое тело – это своеобразная агрессия, вторжение в личную сферу человека, а агрессия всегда предполагает такое изменение ситуации, которое является нежелательным для адресата (см. выше о негативной оценке неэталонных форм).

Приведем примеры разных комбинаций и типов воздействий вместе с их естественно-языковой или жестовой поверхностной оболочкой:

а) <воздействие на свое тело, возникновение эталонного значения>: *разогнуться; расправить плечи; поднять голову (от стола, от бумаг); Закрой рот!* (сказанное человеку, который от удивления открыл рот).

б) <воздействие на свое тело, возникновение неэталонного значения>: *Нагнись и подними бумажку!; сесть на корточки; сжать кулаки.*

в) <воздействие на чужое тело, возникновение эталонного значения>: *хлопнуть по спине* (чтобы человек сел прямо), *нажать на плечи* (чтобы человек сел).

г) <воздействие на чужое тело, возникновение неэталонного значения>: *заломить руки за спину; силой нагнуть (чью-л.) голову, хлопком по щекам или сжатием щек «сдуть» их (больше нормы), поворачивать нос в разные стороны, положив на открытую ладонь монетку или другой мелкий предмет, согнуть ладонь.*

(Г) (длительность изменения) – (Д) (продолжительность результирующего состояния). Корреляции признака (Г) с эталонностью не обнаруживается, а вот для парного ему признака (Д) она явно имеется. В самом деле, тело или его часть не могут находиться долго в неэталонном состоянии, и это происходит по двум причинам.

Во-первых, принцип физиологического удобства¹⁸ заставляет человека принимать наиболее удобную позу или обеспечивать максимально удобное положение части тела – в большинстве случаев, как мы уже говорили, они совпадают с эталонными значениями. Во-вторых, поскольку неэталонные значения аспектов формы «ответственны» за выражение важных коммуникативных смыслов, однажды их выразив, было бы странно это делать в течение длительного времени (для этого нужны какие-то дополнительные и веские основания) – обычно для восприятия и интерпретации их адресатом, а также для осмысления актуальной коммуникативной ситуации достаточно кратковременного выражения смысла.

Ситуация, при которой человек в обычной ситуации для выражения некоторого смысла сохраняет в течение длительного времени неэталонную форму тела или его части, коммуникативно отмечена. Например, если жестикулирующий в обычной бытовой ситуации хочет выразить уважение или почтение к собеседнику с помощью **поклона**, то его длительное пребывание в соответствующем положении выгладит нарочитым, утрированным, чересчур церемониальным и скорее интерпретируется адресатом жеста как издевательство, чем как почтение или уважение. Если человек долго стоит, **сжав кулаки**, то такое его поведение обычно воспринимается не как простое выражение *злости*, а как *угроза*, желание ударить, отомстить и т.д.

(Е) (семиотическая значимость). Как уже говорилось, среди эталонных значений аспектов формы в силу их большей физиологичности и меньшей семиотической нагруженности преобладают такие, которые не являются знаками. Ср. обычные эталонные положения тела, такие как *стоять, сидеть, лежать*, или обычные эталонные положения частей тела, такие как *открытые глаза, прямые ноги* и др. Разумеется, сказанное вовсе не означает, что эталонные значения аспектов формы ни в одной ситуации не могут быть знаками. Например, неverbальный знак **встать по команде** – это общекоммуникативный жест подчинения или повиновения, при котором тело принимает эталонную форму.

¹⁸ См. об этом принципе в [СЯРЖ 2001].

Завершая обсуждение эталонных значений аспектов формы, отметим еще раз, что нашей задачей здесь было раскрыть природу этого важного понятия и показать, как оно позволяет объяснить некоторые свойства форм в отношении к семиотическим кодам, в частности, наличие или отсутствие семиотической значимости у тех или иных аспектов формы. Понятие эталона (эталонного значения) проясняет или объясняет, например, некоторые особенности языкового функционирования названий частей и положений тела, ср., например, языковые выражения вида *X как-то P* (*Весь он как-то согнулся; Лицо ее как-то болезненно скривилось*), которые описывают неожиданные и необъяснимые отклонения от эталона.

Понятие эталонного значения аспекта формы полезно и для совсем иных теоретических и практических целей. В частности, оно позволяет связать друг с другом языковые и культурные представления о теле и его частях. Действительно, неэталонные значения формы в каждой из известных нам культур обычно не только являются семиотически значимыми, но и предстают также как свойственные людям, находящимся в аномальных психических состояниях, например, испытывающим сильные эмоции. Считается, что изменение психического состояния человека отражается не только и не столько в конкретной форме его тела или части тела, сколько в степени их отклонения от эталонной формы.

§ 4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье был предложен и продемонстрирован малоизвестный или по крайней мере не совсем привычный для лингвистов и специалистов в области невербальной семиотики способ описания семиотической концептуализации тела и его частей, то есть концептуализации одновременно в вербальном и в невербальных телесных знаковых кодах. Это описание предусматривает максимально подробное сопоставление единиц этих кодов и систематический анализ того, как отражаются в рассматриваемых кодах одни и те же семантические признаки. В качестве примера нами был подробно рассмотрен признак формы тела и его частей.

Сопоставление вербального и невербальных кодов обогащает наше представление о строении и содержании каждого из знаковых кодов в отдельности. В частности, было показано, что и в языковом и в неязыковых кодах оказываются релевантными одни и те же противопоставления, в частности, геометрических и негеометрических характеристик формы и постоянных и переменных форм. Но используются эти противопоставления в рассматриваемых кодах, вообще говоря, по-разному.

Обнаружилось, что и для описания жестов в самом широком смысле этого слова, и для описания языковых выражений единого, цельного признака формы тела или части тела недостаточно. Необходимо дробление этого признака на отдельные аспекты, каждый из которых может оказаться существенным (например, для выражения каких-то значений посредством жестов или для естественно-языковой характеристики внешности человека).

Мы полагаем, что предложенный нами признаковый подход к анализу семиотической концептуализации тела и его частей позволит получить новую и содержательную информацию о других признаках тела и его частей и построить более подробный фрагмент семиотической картины мира, объединяющий знаковые репрезентации тела и его частей в разных кодах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

- Аркадьев 2002 – *И.М. Аркадьев*. Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспектах // *Московский лингвистический журнал*. Т. 6. 2002. № 1.
- Булыгина 1982 – *Т.В. Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н. Селиверстовой*. М., 1982.
- Булыгина, Шмелев 1997 – *Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев*. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Вольф 1989 – *Е.М. Вольф*. Функциональная семантика оценки. М., 1989. (2-е изд., дополн. М., 2002.)
- Гудков, Ковшова 2007 – *Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова*. Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. М., 2007.
- Десятова и др. 2008 – *А.В. Десятова, О.Н. Ляшевская, А.А. Махова*. Конструкция с творительным формы «X Y-ом» // *Мат-лы междунар. конф. «Диалог–2008»*. М., 2008.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 – *Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев*. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Кобозева 2000 – *И.М. Кобозева*. Как мы описываем пространство, которое видим: форма объектов // *Мат-лы междунар. конф. «Диалог–2000»*. М., 2000.
- Крейдлин 2001 – *Г.Е. Крейдлин*. Риторика позы // *Язык и культура. Факты и ценности: Сб. статей к 70-летию акад. Ю.С. Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко*. М., 2001.
- Крейдлин 2002 – *Г.Е. Крейдлин*. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М., 2002.
- Крейдлин 2005 – *Г.Е. Крейдлин*. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.
- Крейдлин, Козеренко 1999 – *Г.Е. Крейдлин, А.Д. Козеренко*. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) // *Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия*. М., 1999.
- Крейдлин, Летучий 2006 – *Г.Е. Крейдлин, А.Б. Летучий*. Части тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах // *Русск. яз. в научн. освещении*. 2006. № 6.
- Крейдлин, Переверзева 2007 – *Г.Е. Крейдлин, С.И. Переверзева*. Семиотическая концептуализация тела и его частей. II. Признак «ориентация» (рукопись). 2007.
- СЯРЖ 2001 – *С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев., Г.Е. Крейдлин*. Словарь языка русских жестов. М.: Вена, 2001.
- Efron 1941 – *D. Efron*. *Gesture and environment*. New York, 1941 (2-nd ed.: *D. Efron. Gesture, race and culture*. New York, 1972.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2008 г. О.В. ФЁДОРОВА

**МЕТОДИКА РЕГИСТРАЦИИ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ «ВИЗУАЛЬНЫЙ МИР»:
ШАНС ДЛЯ СБЛИЖЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ***

Как и в «чистой» лингвистике, в современном психолингвистическом мире существует разделение исследователей на два научных лагеря: сторонников традиций «язык как действие» и «язык как продукт». Однако в отличие от «чистой» лингвистики, в среде психолингвистов все большую популярность завоевывает направление исследований, которое объединяет исследователей обеих традиций, а именно, методика регистрации движений глаз «Визуальный мир». В настоящем обзоре мы на нескольких конкретных примерах, взятых как из области речепорождения, так и из области речепонимания, покажем те возможности, которые предоставляет психолингвистам и «чистым» лингвистам эта новая методология.

1. ВВЕДЕНИЕ. ВОЗМОЖНО ЛИ СБЛИЖЕНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ?

Среди большого количества разнообразных течений в современной психолингвистике можно выделить одно основополагающее противопоставление, разделяющее психолингвистический мир на две неравные половины. Для того чтобы помочь читателю быстрее понять суть разногласий между представителями двух психолингвистических традиций, мы начнем обзор с небольшого экскурса в историю хорошо известного всем лингвистам противопоставления функционального и генеративного подходов в «чистой» лингвистике.

1.1. Две исследовательские парадигмы в современной лингвистике

Зарождение функциональной традиции в лингвистике связано с именами Р.О. Якобсона, Н.С. Трубецкого и С.О. Карцевского, которые в 1929 году в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» [Звегинцев 1965] впервые сформулировали основные принципы функциональной лингвистики. Уже само название направления говорит о том, что лингвисты-функционалисты объясняют строение языка функционально, т.е. целями и задачами его использования. Принципиальной для функционального направления явля-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 08-04-00165а «Мультимодальный подход к исследованию грамматики и дискурса»). Автор выражает благодарность С.А. Афонину, Е.В. Печенковой, И.А. Секериной и М.В. Юдиной за критические замечания и ценные советы, высказанные в процессе работы над статьей. Все недостатки, ошибки и неточности, однако, остаются на совести автора.

ется типологическая ориентация исследований – вовлечение в сферу внимания большого числа разноструктурных языков. Важным принципом для исследователей функционального направления является также работа с большими корпусами письменных и устных текстов, возможность для стремительного развития которых появилась в последние годы. Наконец, функциональные лингвисты видят дальнейшее развитие и совершенствование своих исследований в тесном сотрудничестве с представителями других научных дисциплин, объединенных в единую исследовательскую парадигму когнитивной науки, а именно, когнитивными психологами, философами, специалистами в области нейронаук, кибернетики и антропологии. Следует особо подчеркнуть, что, особенно в отечественной традиции, само определение ‘когнитивный’ непосредственно связано с научными работами представителей именно функционального подхода.

История генеративного направления начинается с выхода в 1957 году книги Н. Хомского «Синтаксические структуры» [Chomsky 1957]. Первые версии порождающей грамматики, основанные на трансформационном подходе, в начале 80-х годов сменились господством теории принципов и параметров, которая постулировала наличие универсальных принципов и уникального для каждого языка набора переменных параметров. Наконец, в начале 90-х годов появилась Минималистская программа, максимально упрощающая всю технику прежних версий. Объединяет все перечисленные конкретные модели фундаментальное представление генеративистов о врожденности языковой способности, что обеспечивает ребенку возможность к пяти годам усвоить родной язык. Численный перевес в конкурентной борьбе последователей функционализма и генеративизма в настоящее время явно находится на стороне последних, особенно в американской лингвистике, где лингвисты-генеративисты порой даже не подозревают о существовании другой лингвистики.

В истории полувековой конкуренции между функционалистами и генеративистами известно несколько попыток «наведения мостов» (самая известная работа – [Newmeyer 1998]), однако все подобные попытки неизменно оканчивались явными неудачами. С выходом двух недавних статей самого Н. Хомского [Chomsky 2005; 2006] шансы на сближение подходов, возможно, увеличились. Третий фактор, введенный в работе «Three factors in language design» [Chomsky 2005] в дополнение к двум ранее существовавшим факторам, влияющим на усвоение языка ребенком – (i) врожденному универсальному компоненту и (ii) лингвоспецифическому опыту – это (iii) некоторые общие принципы, характерные для функционирования когнитивных систем в целом, а не исключительно человеческого языка.

Даже с учетом возможного дрейфа последних идей Хомского в сторону функционализма расхождения между генеративным и функциональным мировоззрениями остаются весьма значительными. Я.Г. Тестелец в [Тестелец 2006] выделяет два принципиальных для генеративистики пункта, которые не согласуются с идеями функционализма: (i) философия языка – язык, по мнению Хомского, должен изучаться теми же методами, что и любые другие объекты исследования в области естественных наук; (ii) в генеративистике обязательным является наличие общей относительно формальной теории, которая с большей или меньшей степенью адекватности описывает наблюдаемые языковые факты. Если по первому пункту перспектива некоторого сближения, по мнению Я.Г. Тестельца, возможна, то по второму пункту она гораздо более сомнительна и даже скорее нереальна, так как лингвисты-функционалисты вряд ли когда-нибудь захотят разбираться в том огромном количестве разнообразных теорий, которые к тому же плохо фальсифицируются, т.е. трудно найти такой материал, который бы им противоречил.

Подобные расхождения, однако, не кажутся столь уж серьезными психолингвистам – исследователям, которые занимаются экспериментальной проверкой гипотез относительно языкового и, шире, когнитивного, поведения человека в процессе порождения и понимания речи, так как, во-первых, наблюдение и эксперимент являются общепринятыми методами психолингвистического изучения языка, и, во-вторых, все психолингвисты тестируют в своих исследованиях определенные гипотезы, которые, в свою оче-

редь, связаны с более или менее глобальными психолингвистическими теориями. Видимо, в этом заключается одна из причин того, что сближение традиций в одной конкретной области психолингвистики уже началось.

1.2. Две исследовательские парадигмы в современной психолингвистике

Теперь мы переходим непосредственно к описанию двух конкурирующих традиций в экспериментальной психолингвистике, называя их вслед за автором известной работы Г. Кларком традицией «язык как действие» («*language-as-action*») и традицией «язык как продукт» («*language-as-product*») [Clark 1992].

Психолингвистическая традиция «язык как действие» берет свое начало с работ английских лингвистов-философов Дж. Остина [Austin 1962], П. Грайса [Grice 1957] и Дж. Серля [Searle 1969]. Как пишет Г. Кларк, немного позднее границы этой традиции были расширены работами по дискурсивному анализу (например [Schegloff, Sacks 1973]) и прагматике. В отечественной лингвистике данное направление хорошо известно под названием «теория речевых актов». Психолингвисты, работающие в рамках этой традиции, в основном занимаются изучением речевого взаимодействия собеседников в процессе реальной коммуникации.

Психолингвистическая традиция «язык как продукт» восходит к работам Дж. Миллера [Miller 1962] и Н. Хомского [Chomsky 1957], которые традиционно считаются основоположниками и современной экспериментальной психолингвистики в целом. Г. Кларк называет этот подход «язык как продукт», так как последователи этой традиции занимаются в основном языковыми репрезентациями, т.е. «продуктами» процесса понимания высказывания.

Кроме терминологических различий в самих названиях лингвистических и психолингвистических традиций отметим здесь еще одно важное несовпадение: в отличие от лингвистической парадигмы, где термин «когнитивный» обычно относят к функциональной традиции, в психолингвистической парадигме определение «когнитивный» чаще ассоциируется с традицией «язык как продукт», которая является аналогом генеративной лингвистической парадигмы; для описания же традиции «язык как действие» используется определение «социальный». Тем самым авторы подчеркивают тот факт, что сторонники первого подхода ограничиваются рассмотрением когнитивных процессов речепонимания и речепорождения, а сторонники второго идут дальше и включают в рассмотрение также социальные факторы.

Как и в «чистой» лингвистике, в психолингвистическом мире в настоящее время преобладают сторонники традиции «язык как продукт». Сам Г. Кларк в своей работе пишет, однако, что, начав свою психолингвистическую деятельность в хомскианской традиции, он с течением времени все чаще и чаще стал в поисках объяснений обращаться в стан ее оппонентов. В настоящее время Г. Кларк является одним из самых авторитетных приверженцев традиции «язык как действие». Авторы сборника под красноречивым названием «*Approaches to studying world-situated language use: Bridging the language-as-product and language-as-action traditions*» [Tanenhaus, Trueswell 2005], к которому мы обратимся в следующем разделе, напротив, стараются сохранить нейтралитет и способствовать тем самым сближению традиций в современной психолингвистике.

1.3. Возможен ли компромисс в психолингвистике?

В данном разделе мы более детально рассмотрим методологические принципы, которые считаются основополагающими для данных традиций, выделив вслед за авторами работы [Tanenhaus, Trueswell 2005] по три основных пункта для каждой парадигмы.

Для парадигмы «язык как действие» характерны следующие требования к применяемой исследовательской методике:

- (i) методика проведения эксперимента должна быть связана с диалогом, разворачивающимся в относительно естественном внеязыковом контексте;
- (ii) так как порождение и понимание речи являются неразрывными частями любого процесса естественной коммуникации, методика должна позволять изучать как речепорождение, так и речепонимание;
- (iii) процесс проведения эксперимента не должен прерываться и/или сопровождаться какими-то дополнительными заданиями, нарушающими естественный процесс развертывания дискурса.

Для парадигмы «язык как продукт», в свою очередь, характерны следующие требования:

- (i) методика должна быть способна регистрировать быстрые, часто неосознанные, процессы порождения и понимания речи;
- (ii) регистрируемые изменения должны быть непосредственно привязаны по времени (time-locked) к исходным стимульным высказываниям;
- (iii) методика должна давать возможность подтвердить или опровергнуть некоторую гипотезу, в результате чего тот или иной результат эксперимента будет свидетельствовать в пользу той или иной (жестельно формальной) теории.

Кратко суммируя, можно сказать, что последователи традиции «язык как действие» используют в основном опосредованные, оффлайновые, методики анализа дискурса, а их оппоненты предпочитают непосредственные, онлайн-овые, методики анализа отдельных слов или предложений, которые позволяют исследовать действие различных языковых механизмов в режиме реального времени. Для иллюстрации различий в исследовательских парадигмах М. Таненхаус и Дж. Трузвелл [Tanenhaus, Trueswell 2005] приводят примеры экспериментальных методик, типичных для каждого из подходов.

В качестве прототипического метода исследования в традиции «язык как действие» они рассматривают методику референциальной коммуникации, введенную в психолингвистический обиход специалистом в области социальной психологии Р. Крауссом [Krauss, Weinheimer 1966] и впоследствии несколько видоизмененную Г. Кларком (см., например, работу [Clark, Wilkes-Gibbs 1986]). Основная идея состоит в том, что один из собеседников (Director) видит и/или знает нечто, что он должен вербально передать второму собеседнику (Matcher), который этого не видит / не знает. Существует два основных способа проведения подобных экспериментов: (i) через невидимый экран и (ii) по телефону, и два основных типа задания: (i) пройти определенным путем по лабиринту или по карте и (ii) найти что-то в беспорядочной куче и разложить в правильном порядке. Обычно весь диалог записывается на диктофон и/или видеомаягнитофон и потом анализируется с точки зрения тех принципов, которые лежат в основе подобного языкового взаимодействия. Данная методика очень популярна также при исследовании коммуникативных навыков детей (см., например [O'Neill 1996]) и людей, изучающих иностранный язык [Yule 1997]; кроме того, подобную методику неоднократно использовала Г.Л. Зайцева при работе с глухонемыми людьми, которые общались на жестовом языке через специальную перегородку, непрозрачную в своей нижней части [Зайцева 1991].

Прототипический экспериментальный метод в традиции «язык как продукт» – это так называемый двухмодальный лексический прайминг (cross-modal lexical priming), впервые использованный в работе [Swinney et al. 1978]. Данная методика основана на классическом наблюдении [Meyer, Schvaneveldt 1971], что поиск в ментальном лексиконе происходит быстрее, если слово, которое обрабатывается в настоящий момент, семантически связано с предшествующим словом. Процедура проведения подобного эксперимента заключается в следующем: в каждой экспериментальной попытке испытуемый слышит в наушники некоторое высказывание или несколько коротких высказываний, связанных между собой по смыслу; одновременно он видит на экране компьютера последовательность букв; нажатием одной из двух кнопок он должен как можно быстрее определить, является ли появившаяся на экране комбинация букв реальным словом его родного языка или нет. Например, если испытуемый слышит высказывание,

содержащее слово *собака*, и видит на экране слово *кошка*, его реакция будет быстрее, чем если бы данное высказывание не содержало слов, связанных по значению со словом *собака*. Данное явление обычно называют эффектом прайминга.

Традиционно представители каждого из направлений смотрят на работы представителей другого направления с изрядной долей скептицизма. Так, исследователи из стана традиции «язык как действие» называют работы своих научных противников «экспериментами в телефонной будке» [Clark 1992], проводя аналогию с человеком, сидящим в темной комнате и пытающимся дать ответ на письменные стимулы. Как бы этот испытуемый не хотел помочь исследователю, его результаты вряд ли можно будет экстраполировать на поведение людей в ситуации реальной коммуникации. Другими словами, основная проблема подобных экспериментов состоит в отсутствии контекста в самом широком смысле этого слова. Вообще, если для сторонников подхода «язык как действие» внеязыковой контекст, включающий время, место и цели коммуникации, является неотъемлемой частью высказывания, для сторонников подхода «язык как продукт» он менее важен, независимо от того, придерживаются ли они идеи модулярности (= прагматический контекст начинает влиять на процесс речепонимания только после завершения работы синтаксического процессора [Fodor 1983; Frazier 1987]) или взаимозависимости (=синтаксический анализ с самого начала происходит под влиянием семантической и прагматической информации [Crain, Steedman 1985; MacDonald et al. 1994], более подробно об этом см. раздел 3.1.2).

В свою очередь, представители направления «язык как продукт» критикуют своих оппонентов за отсутствие четко сформулированных гипотез, недостаточную формальную основу исследований, а также за расплывчатость результатов, называя их исследовательский метод «пусть цветут все цветы» [Tanenhaus, Trueswell 2005].

Если посмотреть на данное противопоставление глазами экспериментального психолога, различия между двумя описанными традициями можно наглядно представить на следующей схеме, адаптированной из работы [G. Robinson-Riegler, B. Robinson-Riegler 2004: 39]:

Схема 1

Соотношение внутренней и экологической валидности, характерное для экспериментов двух психолингвистических традиций

Валидность в общем виде – это степень достоверности выводов и заключений, сделанных на основе проведенного эксперимента. Один из постулатов экспериментальной психологии об обеспечении постоянных условий гласит, что хорошо продуманный эксперимент предполагает, что экспериментальным манипуляциям подвергается только

независимая переменная, а все остальные факторы, которые потенциально способны повлиять на результаты эксперимента, поддерживаются одинаковыми для всех испытуемых. Если же найдется некоторая неучтенная переменная, то происходит смещение переменных; в таком случае результаты эксперимента могут быть поставлены под сомнение. Безупречность экспериментальной процедуры, строгая продуманность контроля за переменными обеспечивают внутреннюю валидность эксперимента, которая традиционно высока в экспериментах сторонников традиции «язык как продукт». Однако часто подобные эксперименты теряют в своей экологической валидности: результаты, которые мы получаем в лабораторных условиях, плохо экстраполируются на реальное поведение людей в реальной жизни. С другой стороны, экспериментальные исследования сторонников традиции «язык как действие», обладая обычно высокой экологической валидностью, проигрывают в валидности внутренней, так как в таких исследованиях трудно ограничить факторы, значимо влияющие на результат эксперимента. Таким образом, внешняя и внутренняя валидности эксперимента (как и рассматриваемые психолингвистические традиции) находятся как бы на разных полюсах: улучшая одно, мы тем самым ухудшаем другое.

Как мы видим, психолингвистические традиции, как и лингвистические, довольно сильно противопоставлены одна другой. Но нужно ли вообще искать точки сближения? Не проще ли рассматривать эти две традиции как взаимодополняющие, полагая, что традиция «язык как продукт» интересуется перцептивными и начальными когнитивными стадиями анализа, в ходе которых создаются языковые репрезентации, а традиция «язык как действие» фокусируется на изучении последующих когнитивных и социально-когнитивных процессов, которые используют языковые репрезентации, созданные ранее? Похожее разделение сфер влияния предлагается и некоторыми «чистыми» лингвистами, ср. цитату из работы [Бейлин 2002: 15]: «Генеративная грамматика занимается изучением языкового аппарата человека (...). Функциональная лингвистика изучает использование этого аппарата (...). Эти направления в лингвистике отнюдь не являются взаимоисключающими, а наоборот, они являются взаимодополняющими теориями, которые изучают одно явление с разных сторон».

По мнению многих психолингвистов, однако, такой взгляд является хоть и заманчивым, но ошибочным. М. Таненхаус и Дж. Трузвел в качестве одного из важных доводов против такого взаимодополняющего подхода приводят следующее: часто бывает так, что некоторый феномен описывается на уровне построения языковых репрезентаций одним образом, а затем, на социально-когнитивном уровне, уже совсем по-другому. Так, хорошо описанная тенденция собеседников произносить менее частотные слова более медленно и более четко в традиции «язык как действие» объясняется необходимостью для говорящего в своем языковом поведении ориентироваться на собеседника, а в традиции «язык как продукт» – распределением ресурсов внимания [Tanenhaus, Trueswell 2005: 6].

Таким образом, создание новой психолингвистической методики, учитывающей нужды сторонников обеих традиций, помогло бы не только в плане налаживания научного диалога, но и способствовало бы углублению наших представлений о природе многих языковых явлений. Такая методика, получившая название методики регистрации движений глаз со свободным положением головы (free-viewing eye-tracking) разрабатывается с 1994 года, получая все более широкое распространение в психолингвистическом мире. В отличие от прежних технологий новая аппаратура позволяет записывать движения глаз, не ограничивая движения головы испытуемых. Таким образом исследователи получают возможность изучать не только процессы чтения, но и широкий круг психолингвистических явлений, начиная с устного распознавания слова и заканчивая поведением собеседников в процессе языкового взаимодействия. Особенно популярны исследования, в ходе которых испытуемые получают предварительно записанные на диктофон устные инструкции, следуя которым они смотрят, дотрагиваются или передвигают предметы реального или виртуального мира. Такая экспериментальная парадигма получила название «Визуальный мир» (Visual world, или World-situated). Именно на подробном описании этой новой парадигмы мы и сосредоточимся в последующих разделах настоящей работы.

Дальнейшее изложение будет построено следующим образом. В разделе 2 мы опишем историю изучения движений глаз, начало которой датируется еще XIX в. В разделе 3 мы на нескольких конкретных примерах рассмотрим те возможности, которые предоставляет психолингвистам данная методология. Наконец, в разделе 4 мы наметим перспективы дальнейших исследований в этой области, уделив особое внимание психолингвистическим исследованиям, которые могут быть проведены на материале русского языка.

2. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ

История изучения движений глаз началась еще в XIX в.; согласно классификации самого известного специалиста в области изучения движений глаз при чтении К. Рейнера [Rayner 1998] первый период подобных исследований берет начало с работ Л. Явала, который в 1879 году заметил, что движение глаз при чтении происходит не плавно, а наоборот, человек читает благодаря чередованию быстрых перемещений (так называемых саккад) и коротких остановок (которые получили название фиксаций). На протяжении первого периода было сделано много фундаментальных открытий относительно биомеханики движений глаз, их классификации и временных ограничений. Так, стало известно, что (i) во время саккад человеческий глаз практически не способен воспринимать окружающий мир; (ii) продолжительность саккад в среднем 30–60 мс; (iii) для чтения характерен пилообразный узор сканирования текста слева направо и сверху вниз.

Второй период изучения движений глаз, согласно К. Рейнеру, начинается в 20-х годах XX в. Совпав по времени с развитием бихевиоризма в экспериментальной психологии, он оказался не слишком богат фундаментальными открытиями. В эти годы, однако, американцем Дж. Бузвеллом был создан первый бесконтактный аппарат для регистрации движений глаз, при помощи которого он изучал движения глаз при чтении [Buswell 1935] и рассматривании картинок [Buswell 1937]. В 1960-х годах широкую известность получили работы отечественного биофизика А.Л. Ярбуса [Ярбус 1965], который выявил феномен избирательного рассматривания: при рассматривании картин большинство движений глаз направлены на наиболее информативные участки картины, т.е. запись движений глаз можно назвать грубым зеркальным отражением этой картины. Более того, результаты подобного рассматривания одной и той же картины меняются в зависимости от задания, который получает испытуемый. Так, кривые движений глаз (scanpaths) при рассматривании картины И. Репина «Не ждали» менялись в зависимости от установок следующим образом: когда было необходимо оценить материальное положение семьи, особое внимание испытуемых привлекало убранство комнаты, которое, однако, практически не замечалось при определении возраста персонажей – в этом случае испытуемые направляли взгляд почти исключительно на лица людей [Там же]. Аппаратура, которой пользовался А.Л. Ярбус, также не знала аналогов: резиновая присоска с радиоантенной укреплялась непосредственно на склере глаза испытуемого, голова которого при этом фиксировалась в металлической рамке: сам испытуемый должен был во время эксперимента держать во рту специальную пластину, вылитую по форме его зубов. Несмотря на то, что точность измерений, которой удалось достичь А.Л. Ярбусу, была на тот момент весьма хорошей, данная технология не получила в дальнейшем широкого распространения.

Третий период изучения движений глаз начался в середине 70-х годов прошлого века и в большой степени связан с работами самого К. Рейнера. Большая часть фактов, накопленных к сегодняшнему дню за всю историю изучения процессов чтения, объединена в самой популярной в настоящее время психологической модели чтения, называемой E-Z Reader [Reichle et al. 2003]. Некоторые из этих фактов, подробно описанных в статье К. Рейнера «Eye movements in reading and information processing: 20 years of research» [Rayner 1998], понадобятся нам для дальнейшего изложения:

- (i) длительность фиксаций при чтении про себя составляет в среднем 225 мс, при чтении вслух и зрительном поиске – 275 мс, при печатании на пишущей машинке – 400 мс [Rayner 1984];
- (ii) при чтении количество символов, которые человек видит при одной фиксации, несимметрично относительно центра фиксации: для английских, французских и нидерландских текстов величина поля восприятия (=функционального зрительного поля, по [Величковский 2006]) составляет в среднем 3–4 символа слева от центра фиксации и 14–15 символов справа от центра фиксации; для текстов на иврите и других языках, где текст пишется справа налево, поле фиксации инвертируется;
- (iii) 10–15% от общего числа саккад являются регрессивными, т.е. возвращающими глаза к уже прочитанному, их число коррелирует со сложностью текста;
- (iv) при чтении вслух глаза опережают голос примерно на 500 мс;
- (v) высокочастотные короткие слова часто пропускаются (так, слова типа *the*, *a*, *of* пропускаются в 80% случаев), а на чтение низкочастотных, наоборот, требуется больше времени: например, слово *viola* потребует более длительной фиксации, чем слово *piano*; чтение редкого слова часто сопровождается эффектом перелива, когда наблюдается более длительная фиксация на слове, следующем после редкого.

Наконец, новый, четвертый по счету, период в истории изучения движений глаз датируется серединой 90-х годов XX в., когда к ставшему уже традиционным изучению движений глаз при чтении добавляется возможность регистрации движений глаз испытуемых, движения головы которых практически не ограничены. В настоящее время существует две разновидности глазозаписывающих аппаратов со свободным положением головы: (i) полностью бесконтактная модель, когда камера монтируется в непосредственном окружении (см. рис. 1а), и (ii) модель в виде легкого шлема (рис. 1б), который надевается на голову испытуемому; в шлем вмонтированы две миниатюрные (диаметром примерно 5 мм) видеокамеры: одна из них записывает то, на что смотрит испытуемый, а вторая при помощи отраженного света фиксирует изображение глаза. Подобные приборы выпускаются сейчас несколькими конкурирующими западными фирмами, среди самых популярных отметим EyeLink (<http://www.sclinkinfo.com/>), TOBII (<http://www.tobii.com/>), ISCAN (<http://www.iscaninc.com/>), ASL (<http://www.a-s-l.com/>) и EyeGaze (<http://www.lctinc.com/>).

Данная технология в настоящее время активно применяется в самых разных областях науки и ее приложений. В частности, она используется в психологии для изучения про-

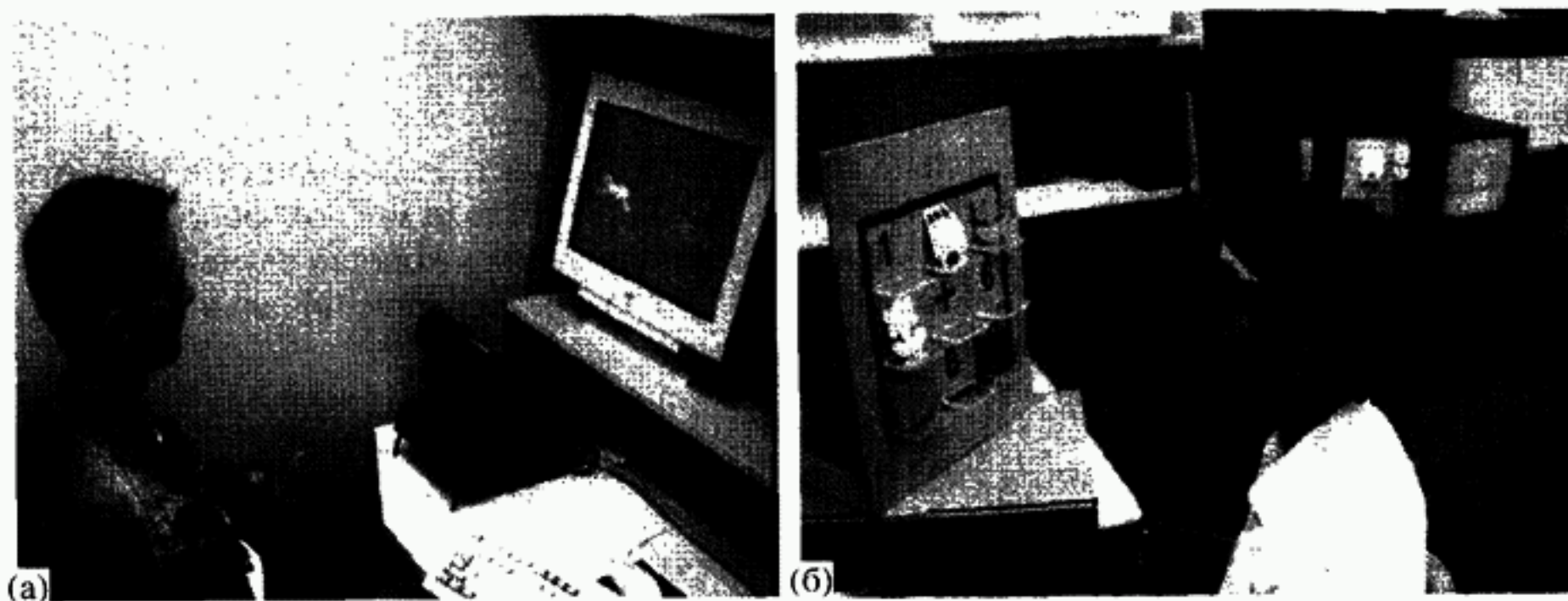

Рис. 1. Эксперимент с (а) бесконтактным и (б) контактным (= шлем) глазозаписывающим прибором (фотографии из архива И.А. Секериной).

цессов, связанных со вниманием, памятью и зрительным поиском, в нейронауках для нейропсихологической и нейролингвистической диагностики и даже при создании web-сайтов; с помощью нее проводятся различные маркетинговые исследования, также она помогает в тренировочном процессе, например, спортсменов-гольфистов. Несмотря на то, что разброс научных дисциплин, использующих данную технологию, очень велик, в последние годы в мире регулярно проходит несколько междисциплинарных конференций, самая известная из которых – Европейская конференция по регистрации движений глаз – проводится каждые два года начиная с 1981 г. (<http://www.ecem2007.org/>).

Исследования в области изучения «Визуального мира» начались с пионерской работы [Cooper 1974], в которой впервые было показано, что перевод взгляда испытуемых на некоторое изображение непосредственно «привязан» по времени реакции к той информации, которую он слышит в устной речи, т.е. как только испытуемый слышит название какого-либо объекта, его взгляд тут же останавливается на этом объекте, если последний находится в поле его зрения. Однако настоящее развитие этой новой парадигмы исследований началось лишь через двадцать лет после опубликования первой работы – в 1994 г. на крупнейшей американской ежегодной психолингвистической конференции CUNY (<http://crl.ucsd.edu/cuny2007/>) была сделана презентация первого современного исследования, выполненного в парадигме «Визуального мира», вскоре после чего сообщение об этой новой методике было опубликовано в журнале «Science» [Tanenhaus et al. 1995]. На конференции CUNY 2000 года было уже 12 докладов подобной тематики, а в 2007 г., количество докладов на этой конференции возросло до 25. В 2001 г. на той же CUNY-конференции была организована специальная секция, по результатам работы которой в 2005 г. был выпущен сборник [Tanenhaus, Trueswell 2005], на материалы которого мы во многом опирались при написании предыдущих разделов. Таким образом, данная парадигма в последние годы быстро развивается, охватывая все новые области психолингвистических исследований. О самых, на наш взгляд, интересных и перспективных из них пойдет речь в следующем разделе.

3. МЕТОДИКА РЕГИСТРАЦИИ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ «ВИЗУАЛЬНЫЙ МИР»: ОБЗОР ПРОВЕДЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На настоящий момент насчитывается уже около полусотни работ, выполненных в парадигме «Визуальный мир». Не имея возможности описать здесь все исследования, остановимся лишь на нескольких – наиболее, как нам представляется, показательных экспериментах в области понимания речи (раздел 3.1) и порождения речи (раздел 3.2).

3.1. Регистрация движений глаз и понимание речи

Все эксперименты в парадигме «Визуальный мир», в которых изучается понимание речи, так или иначе используют известный с 1974 г. [Cooper 1974] факт, что испытуемый обязательно сразу непроизвольно посмотрит на объект, находящийся в поле его зрения, если услышит слово, его называющее. В данном разделе мы подробно рассмотрим две области исследований, которые наиболее популярны и хорошо изучены на данный момент: устное распознавание слова (раздел 3.1.1) и разрешение локальной синтаксической неоднозначности (раздел 3.1.2).

3.1.1. Устное распознавание слова

Время, необходимое для устного распознавания некоторого слова, зависит как от собственных свойств этого слова (например, его частоты встречаемости), так и от количества слов, на которые данное слово похоже по своему фонетическому облику, так как для многосложных слов процесс распознавания слова слушающим начинается раньше, чем говорящий успевает произнести это слово до конца. В современной психолингви-

стике существует несколько моделей устного распознавания слова; начнем изложение с краткого описания самой, пожалуй, популярной из них – когортной модели В. Марслен-Вильсона [Marslen-Wilson 1973]. Основная идея заключается в том, что, по мере того как мы слышим устную речь, мы строим ряд потенциальных слов, одним из которых окажется та последовательность звуков, которые мы слышим в настоящий момент. Чем ближе к концу слова, тем меньше остается различных вариантов, сводясь в итоге к единственному кандидату. Когортная модель состоит таким образом, из трех стадий: (i) стадии доступа, в ходе которой генерируется когортный ряд кандидатов; (ii) стадии селекции, в результате работы которой из этого ряда выбирается один элемент; (iii) стадии интеграции, в ходе которой семантические и синтаксические свойства выбранного слова передаются для построения синтаксической структуры целого высказывания. Изменения в поздних версиях модели (см., например [Gaskell, Marslen-Wilson 2001]) сводятся, главным образом, к ограничению роли контекста – в настоящее время в рамках данной модели считается, что контекст может оказывать влияние на процесс распознавания слова лишь на стадии интеграции.

В другой известной модели устного распознавания слова – коннекционистской модели TRACE [McClelland, Elman 1986] – наоборот, считается, что контекст с самого начала влияет на процесс устного распознавания слова. Кроме того, предсказания данных моделей расходятся в отношении рифмованных слов: в то время как в модели Марслен-Вильсона построение когортного ряда происходит строго слева направо (т.е. для последовательности звуков *кры-* возможный когортный ряд состоит из *крыша, крышка, крыжовник, крыса...*), в модели TRACE возможны и такие слова, которые совпадают с одним из кандидатов (*крышка*) по последним звукам слова (например, *мартышка*).

Опишем теперь экспериментальный дизайн, который обычно используется при проведении подобных экспериментов в парадигме «Визуальный мир». В ходе эксперимента в каждой попытке испытуемый видит перед собой несколько (как минимум, четыре) хорошо известных ему объекта реального мира, которые располагаются на экране компьютера или на специальной наклонной доске перед ним (см. рис. 1б). Задача испытуемых состоит в том, чтобы как можно быстрее выполнять устные инструкции по нахождению и передвижению объектов. Из нескольких объектов, появляющихся перед испытуемым, два составляют когортную пару, в которую входят объект-мишень (тот объект, который называется в инструкции, *target*) и объект-конкурент (тот объект, первые звуки в названии которого совпадают с первыми звуками названия объекта-мишени, *competitor*). Оставшиеся объекты (два или более) являются отвлекающими объектами, или объектами-дистракторами (их названия максимально не похожи на названия объектов когортной пары). Результаты эксперимента анализируются с точки зрения того, (i) сколько времени понадобилось испытуемым, чтобы зафиксировать взгляд на объекте-мишени, и (ii) фиксировали ли испытуемые взгляд на объекте-конкуренте.

Первый эксперимент по устному распознаванию слова в данной парадигме был проведен исследователями из группы М. Таненхауса в 1995 г. [Tanenhaus et al. 1995]. Используя в качестве когортных пар объекты типа *the candle* ‘свеча’ – *the candy* ‘конфета’ и *the doll* ‘кукла’ – *the dolphin* ‘дельфин’, они показали, что процесс распознавания устного слова действительно начинается в тот момент, когда испытуемые еще не дослушали слово до конца; об этом свидетельствует как наличие большого количества взглядов в сторону объекта-конкурента, так и увеличение времени, в течение которого происходит фиксация взгляда на объекте-мишени в случае наличия объекта-конкурента по сравнению со случаями его отсутствия.

В работе [Allorpena et al. 1998] авторы подвергли проверке две описанные выше конкурирующие модели распознавания слова, используя в качестве дополнения к когортной паре *the beaker* ‘мензурка’ – *the beetle* ‘жук’ объект, чье название рифмуется с названием объекта-мишени – *the speaker* ‘громкоговоритель’. Оказалось, что, хотя через 200–400 мс после начала звучания слова испытуемые чаще смотрят на объекты, составляющие когортную пару (т.е. на мензурку или жука), взгляды на объект-рифмованный конкурент случаются значительно чаще, чем взгляды на объект-дистрактор (в данном

случае *carriage* 'коляска'). Данные результаты, таким образом, говорят в пользу большей достоверности модели TRACE.

В работах [Marian, Spivey 2003a] и [Marian, Spivey 2003b] авторы использовали данный метод для анализа устного распознавания слов испытуемыми-билингвами (более подробно об этом см. [Секерина 2006]). Их интересовал вопрос, происходит ли у билингвов настройка на тот язык, на котором проводится эксперимент, или, наоборот, оба языка остаются в равной мере активизированными. В ходе эксперимента русско-английские билингвы, слушая инструкции на русском языке, должны были передвигать каждый раз один из четырех объектов; однако в отличие от предыдущих экспериментов, в каждой экспериментальной попытке было по два объекта-конкурента: название одного из них было похоже на объект-мишень (например, *шарик*) по фонетическому облику русского слова (*шанка*), а название второго – по своему облику в английском языке (*shark* 'акула'); ни одно из слов не было похоже по звучанию на объект-дистрактор (*карандаш*). Результаты проведенного эксперимента свидетельствуют о параллельной активизации обоих языков у билингвов: испытуемые с одинаковой частотой фиксировали взгляд как на «русском» объекте-конкуренте, так и на «английском».

3.1.2. Разрешение локальной синтаксической неоднозначности

Несколько последних десятилетий предложения с локальной (или временной) неоднозначностью типа (1a) служат своеобразной «лакмусовой бумажкой» для определения психологической реальности предлагаемых моделей синтаксического анализа.

- (1) a. **Put the frog on the napkin** into the box.
b. Put the frog that's on the napkin into the box.

Известно, что во всех рассмотренных на настоящий момент языках испытуемые предпочитают интерпретировать неоднозначную часть предложения, выделенную в примере (1a) жирным шрифтом, скорее как цель ('Положите лягушку на салфетку...'), т.е. присоединяют предложную группу *on the napkin* к глаголу, чем как модификатор имени ('Положите ту лягушку, которая на салфетке...'). Когда же испытуемые слышат окончание предложения (1a), то обнаруживают, что их первоначальное прочтение было неправильным – данный эффект называют эффектом садовой дорожки (от английского выражения *to lead someone up the garden path* (в американском варианте *to lead someone down the garden path*) 'вводить в заблуждение').

Почему, слыша начало подобного предложения, испытуемые интерпретируют его именно таким образом? В разных моделях синтаксического анализа на этот вопрос даются разные ответы. В известной Модели садовой дорожки (Модель заблуждения, по [Секерина 2002]) это объясняется принципом минимального присоединения (=выбирать самое простое с точки зрения грамматики дерево составляющих) или общей идеей, что аргументы присоединяются легче, чем адъюнкты [Frazier 1987]. В другой популярной модели, Модели ограничений (например [MacDonald et al. 1994]), данный факт объясняется влиянием разнообразных, в том числе дискурсивных, факторов. Основные различия между этими двумя моделями сводятся к следующим:

- (i) Модель садовой дорожки, принадлежа к числу последовательных моделей, постулирует построение только одной синтаксической структуры и процедуру последующей корректировки в случае ошибочного первоначального анализа, в то время как в Модели ограничений, самой известной параллельной модели, сразу строятся все возможные альтернативные синтаксические структуры предложения, выбор между которыми осуществляется путем конкуренции;
- (ii) Модель садовой дорожки, принадлежа к числу модулярных моделей, постулирует, что общий процессор состоит из отдельных модулей, которые осу-

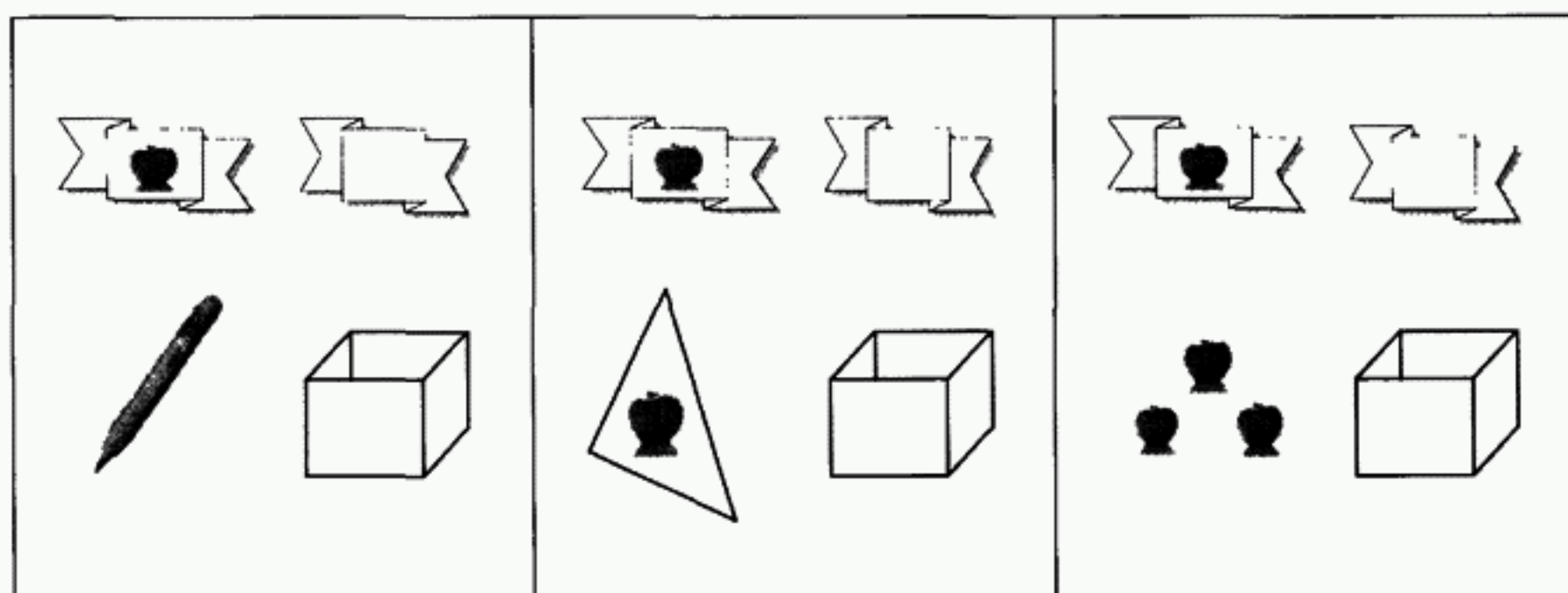

Рис. 2. Контексты с (а) одним; (б) двумя; (в) 3 + 1 референтами.

ществляют свою деятельность в строгой последовательности, при этом синтаксический анализ предшествует семантическому и прагматическому [Fodor 1983], в то время как сторонники Модели ограничений исходят из идеи взаимозависимости, полагая, что синтаксический анализ предложения происходит под влиянием семантической и прагматической информации [Crain, Steedman 1985].

Таким образом, эти модели различаются своими предсказаниями относительно влияния референциального контекста на выбор той или иной альтернативы при разрешении синтаксической неоднозначности: в случае модулярного устройства процессора контекст не должен оказывать влияние на первоначальный синтаксический анализ, а в случае взаимозависимости это влияние должно наблюдаться с самых первых стадий синтаксического анализа. Эксперименты, проведенные за последние годы, давали противоречивые результаты: в одних подобный эффект наблюдался, в других нет. Однако во всех этих исследованиях в качестве контекста исследователи брали небольшие (обычно длиной в 1–2 предложения) фрагменты текста. В работе [Tanenhaus et al. 1995] авторы предположили, что вербальный контекст, используемый в подобных экспериментах, не воспринимается испытуемыми, поскольку он слишком мал для того, чтобы нормально отображаться в их памяти.

В работе [Tanenhaus et al. 1995] вместо вербального контекста авторы использовали визуальный контекст. В каждой попытке испытуемые перемещали объекты на небольшой горизонтальной поверхности, слушая устные инструкции подобные (1). Экспериментальная пара состояла из предложения с локальной синтаксической неоднозначностью (1а), которая разрешалась в пользу прочтения предложной группы в качестве модификатора, и соответствующего ему однозначного контрольного предложения (1б). В эксперименте, описанном в [Tanenhaus et al. 1995], было использовано три разных визуальных контекста. Каждый контекст включал в себя несколько одинаковых объектов (см. рис. 2): объект-мишень (яблоко на полотенце), правильную локализацию-цель (коробку) и неправильную локализацию-цель (еще одно полотенце). Три контекста различались количеством потенциальных референтов: в контексте с одним референтом (рис. 2а) был всего один возможный референт для ИГ *the apple*; контекст с двумя референтами включал еще один такой же объект (яблоко на салфетке, см. рис. 2б); наконец, в контексте с 3 + 1 референтами четвертая позиция была занята группой из трех одинаковых яблок (рис. 2в).

В результате получилось, что

- (i) в контекстах с одним референтом в неоднозначном случае (1а) испытуемые действительно смотрели на пустую салфетку (т.е. сначала интерпретировали предложную группу как цель), в однозначном случае (1б) – не смотрели;

- (ii) в контекстах с двумя референтами в обоих случаях испытуемые не смотрели на пустую салфетку, т.е. сразу воспринимали предложную группу как модификатор;
- (iii) в контекстах с тремя референтами в обоих случаях испытуемые тоже не смотрели на пустую салфетку, что еще раз доказывает, что отличие от первого контекста не связано с движениями глаз между двумя возможными референтами, что можно было бы предположить, анализируя только контекст с двумя референтами.

Показательным оказалось также время реакции: в отличие от случаев контекстов с одним референтом, для контекста с двумя референтами время обработки высказывания оказалось одинаковым в обоих случаях, что является дополнительным свидетельством в пользу идеи о том, что предложная группа в данном случае сразу понимается как модификатор имени.

Таким образом, авторы работы [Tanenhaus et al. 1995] пришли к выводу, что, во-первых, визуальный контекст оказывает непосредственное влияние на начальные этапы работы синтаксического анализатора и, следовательно, во-вторых, более правдоподобной оказывается модель Ограничений. Данные результаты были позднее подтверждены в работе [Spivey et al. 2002].

Аналогичный эксперимент с русскими испытуемыми, а также с русско-английскими билингвами описан в работе [Секерина 2006]. В данном эксперименте использовалось два разных контекста, с одним и двумя потенциальными референтами (аналогичных изображенным на рис. 2а и 2б). Испытуемые передвигали объекты в соответствии с устными инструкциями, как в (2):

- (2) а. Положите лошадку **на зеркальце** в коробку.
- б. Положите лошадку **на зеркальце** и в коробку.
- в. Положите лошадку на тарелке в коробку.
- г. Положите лошадку на тарелку и в коробку.

Локальная неоднозначность в этом эксперименте создавалась путем использования существительного среднего рода (примеры 2аб, выделено жирным шрифтом), которое в русском языке имеет одинаковые окончания винительного и предложного падежей. Результаты русскоязычных испытуемых отличались от аналогичных результатов англоязычных: как и в случае контекста с одним референтом, в случае контекста с двумя референтами испытуемые все равно сначала смотрели на пустое зеркальце. Для билингвов неожиданно труднее всего оказалось предложение типа (2б), которое не вызывало никаких трудностей у русскоязычных монолингвов; кроме того, в контексте с двумя референтами билингвы не отличали однозначные предложения от локально неоднозначных, одинаково часто смотря как на пустую тарелку, так и на пустое зеркальце.

3.2. Регистрация движений глаз и порождение речи

В процессе коммуникации человек обычно смотрит на объект, о котором он в данный момент думает, если этот объект находится в поле его зрения. Часто после этого он вербализует свои мысли. Когда испытуемый описывает объекты, которые он видит перед собой в ходе эксперимента, движения его глаз и его речь синхронизированы: вербализация начинается в среднем через одну секунду после того, как испытуемый начал рассматривать данный объект [Griffin, Vosk 2000]. Хотя обычно испытуемый смотрит на объект в то время, пока готовится его назвать, к моменту начала самой вербализации его взгляд бывает направлен уже на другой объект, который будет назван следующим [Griffin 2004b].

Некоторые исследователи считают, что человек смотрит на объект не только в процессе подготовки к его называнию, но и на стадии проверки, т.е. когда оценивает, соот-

ветствует ли подобранное имя данному объекту ([Van Der Meulen 2001], цитируется по [Griffin 2004a]). В любом случае, за 100–300 мс до начала вербализации испытуемые обычно переводят взгляд на следующий объект вербализации [Griffin 2001]. Соответственно, этот перевод взгляда связывают или с (i) завершением стадии так называемого фонологического кодирования [Meyer et al. 2000] или с (ii) завершением стадии проверки подобранного имени [Van Der Meulen 2001].

Продолжительность взгляда на объект перед началом его вербализации непосредственно связана со сложностью стадии подготовки к вербализации. Так, человек смотрит на объект больше времени, если лексема, его обозначающая, полисемична [Griffin 2001] или данное слово является редким [Meyer et al. 1998].

Таким образом, движения глаз являются хорошим диагностическим средством для понимания речемыслительных процессов, которые сопровождают вербализацию. Далее в данном разделе мы более подробно рассмотрим несколько конкретных исследований процесса порождения речи, проведенных в парадигме «Визуальный мир», а именно, анализ речевых ошибок (раздел 3.2.1), речевых сбоев (раздел 3.2.2), а также вопрос о взаимодействии между стадиями формулирования сообщения и планирования высказывания (раздел 3.2.3).

3.2.1. Речевые ошибки как следствие недостаточной подготовки к вербализации?

Речевые ошибки возникают, когда говорящему не удается правильно воплотить свои когнитивные намерения в слова. Так как движения глаз отражают процесс подготовки к вербализации, возможно, что движения глаз, предшествующие речевой ошибке, помогут пролить свет на природу этой ошибки. В работе [Griffin 2004a] проверялась популярная гипотеза о том, что ошибки происходят в тех случаях, когда время подготовки к вербализации оказывается слишком мало, что должно быть связано с недостаточным временем фиксации взгляда на соответствующем объекте.

Для проверки этой гипотезы З. Гриффин проанализировала речевые ошибки, полученные в результате проведения других своих экспериментов в парадигме «Визуальный мир»; во всех экспериментах испытуемые называли объекты, появляющиеся на экране компьютера, например:

- (3) а. Ham-.. axe?..
- б. Ss-..ha-axe...

В данных примерах испытуемые сначала называли топор (*axe*) молотком (*hammer*); остальные рассмотренные примеры также принадлежали к классу так называемых ошибок субституции. З. Гриффин анализировала только такие ошибки, которые испытуемые сами замечали и исправляли; в большинстве примеров процесс самокоррекции начинался еще до того, как неправильное слово было произнесено целиком.

Результаты обработки движений глаз были отдельно проанализированы на двух отрезках: (i) до начала процесса вербализации; (ii) после начала процесса вербализации.

- (i) Для проверки гипотезы о недостаточности времени на подготовку к вербализации было произведено сравнение времени фиксации взгляда на объекте в случаях ошибочной и правильной номинаций. Оказалось, что значимого различия во времени фиксации не наблюдалось; более того, в некоторых случаях испытуемые фиксировали взгляд на объекте перед ошибочной номинацией даже дольше, чем перед правильной;
- (ii) В. Левельт выдвинул предположение, что человек прерывает свою речь, как только обнаруживает речевую ошибку [Levelt 1983]. Другие исследователи считают, однако, что говорящий начинает планирование самокоррекции еще до прерывания собственной ошибочной вербализации или параллельно с ней, аргументируя это тем, что самокоррекция начинается букваль-

но через несколько миллисекунд после прерывания [Hartsuiker, Kolk 2001]. Движения глаз могут помочь и в этом случае: возможно, если испытуемый продолжает смотреть на ошибочно названный им объект, он быстрее заметит свою ошибку и прервет речь. Однако и эта гипотеза не получила подтверждения: испытуемые не начинали процесс самокоррекции быстрее, если продолжали разглядывать ошибочно названный объект.

Из результатов работы [Griffin 2004a] можно заключить, что, во-первых, как и принято считать [Dell 1995], подобные ошибки субституции связаны скорее с проблемами работы лингвистического анализатора, чем с экстралингвистическими проблемами типа зрительного внимания: данное исследование подтверждает интуитивное представление о том, что на концептуальном уровне говорящий знает, что он хочет сказать, даже тогда, когда говорит неправильно; во-вторых, когда испытуемые называют объекты, находящиеся в зоне их видимости, они обычно предварительно смотрят на них, но взгляд на объект еще не гарантирует его правильное название в процессе вербализации.

3.2.2. Речевые сбои как маркер новой информации?

Известно, что спонтанная речь человека несовершенна: порождая свои высказывания, все люди периодически замолкают, не закончив свою мысль, или повторяют только что сказанное, или заполняют паузы хезитации разнообразными эканьями. По результатам психолингвистических исследований речевые сбои составляют примерно 6% всей речевой продукции.

Хотя речевые сбои являются неотъемлемой частью речевой деятельности, предметом изучения в психолингвистических исследованиях они становятся редко, так как считаются периферийными явлениями процессов языковой обработки высказывания. Среди наиболее значительных оффлайн-исследований стоит отметить работу [Fox Tree, Clark 1997], авторы которой показывают, что количество речевых сбоев увеличивается в том случае, когда при порождении высказывания говорящий испытывает те или иные языковые трудности (в качестве примера изучения речевых сбоев в лингвистике см. [Подлесская, Кибрик 2005]).

В последние годы, однако, интерес психолингвистов вызывает зависимость речевых сбоев от того, данным или новым является вводимый говорящим референт. Было показано, например, что референт является более доступным, если он был недавно упомянут, т.е. является данным, особенно если он был упомянут в выделенной позиции [Arnold et al. 2000a]. В том же случае, когда референт является новым, он менее доступен, так как более вероятным считается продолжение дискурса с сохранением прежнего топика [Arnold 2001].

Таким образом, раз речевые сбои обычно возникают в случае различных языковых затруднений, а новый референт менее доступен, мы вправе ожидать, что количество сбоев вырастет в случае введения в рассмотрение нового объекта. Как показывают исследования, такая тенденция действительно наблюдается: например, в эксперименте, описанном в [Arnold et al. 2000b], испытуемые по очереди давали друг другу инструкции, куда передвигать те или иные объекты; в результате название референта того объекта, который был упомянут в предыдущей попытке, вызывало меньше речевых сбоев, чем название референта нового объекта.

В [Arnold et al. 2003] описаны результаты подобного эксперимента, сопровождавшегося регистрацией движений глаз, в ходе которого испытуемые, слушая устные инструкции, передвигали на экране компьютера виртуальные объекты при помощи мыши. В каждой попытке испытуемый видел на экране изображения четырех объектов, два из которых составляли когортную пару (см. раздел 3.1.1), а два других (= дистракторы) были подобраны случайным образом, например: *candle* 'свеча', *camel* 'верблюд', *grapes* 'виноград' и *salt shaker* 'солонка'. Задание состояло в том, чтобы как можно быстрее передвигать объекты согласно предварительно записанным устным инструкциям.

Первое высказывание в каждой экспериментальной попытке всегда задавало контекст, вводя один из референтов объекта-мишени, создавая тем самым контекст 'данное', см. пример (4a), или объекта-конкурента, создавая контекст 'новое', пример (4b). Во втором высказывании вводился референт или того же самого, или нового объекта, причем высказывание произносилось то без речевого сбоя (пример 5a), то с речевым сбоем (пример 5b). Эффект речевого сбоя достигался путем вставления элемента *uh*, удлинением определенного артикля *thee / thi:/*, увеличением общей длительности высказывания начиная с *Now...*, а также изменением высоты основного тона. Чтобы завуалировать цель эксперимента и объяснить наличие в записях речевых сбоев, испытуемым говорили, что инструкции представляют собой записанную на диктофон речь участников первой стадии этого эксперимента.

- (4) a. контекст 'данное': Put the grapes below the candle.
b. контекст 'новое': Put the grapes below the camel.
(5) a. без речевого сбоя: Now put the candle below the salt shaker.
b. с речевым сбоем: Now put thee, uh, candle below the salt shaker.

Таким образом, в эксперименте оценивалась реакция испытуемых на четыре комбинации наличия/отсутствия речевого сбоя и 'данного/нового': [- речевой сбой, данное], [- речевой сбой, новое], [+ речевой сбой, данное] и [+ речевой сбой, новое].

В результате в случае [- речевой сбой, данное], [- речевой сбой, новое] глаза испытуемых значимо чаще останавливались на объекте-конкуренте, когда его референт был данным, а референт объекта-мишени новым, по сравнению с обратным случаем, когда объект-конкурент был новым, а объект-мишень уже был введен в предыдущем высказывании.

При сравнении ситуаций [- речевой сбой] и [+ речевой сбой] анализу были подвергнуты фиксации глаз испытуемых на двух отрезках: (i) через 200–500 мс после *the* и (ii) через 200–500 мс после существительного.

- (i) как и предсказывали авторы работы, в условии [+ речевой сбой] было значимо больше фиксаций на новых объектах, чем при условии [- речевой сбой]. Это говорит о том, что наличие речевых сбоев способствует тому, что испытуемые немедленно, еще до того, как будет произнесено имя существительное (примерно в течение 1 с), фиксируют свое внимание на новом объекте (т.е. на втором элементе из когортной пары или на дистракторе);
(ii) в этом случае теоретически было два возможных сценария поведения испытуемых: во-первых, раннее предпочтение нового объекта могло взаимодействовать с более частотным эффектом, когда в процессе разрешения референциальной неоднозначности испытуемый выбирает референт уже введенного объекта. В этом случае следует ожидать примерно одинакового количества фиксаций на данном и новом объектах. Во-вторых, эффект ожидания введения нового референта, который возник благодаря речевому сбою, мог сохраниться, давая в таком случае сильное предпочтение фиксаций на новом объекте. Проведенный анализ фиксаций свидетельствует о реализации второго сценария: количество фиксаций на объекте-мишени больше в случае [+ речевой сбой, новое]. Таким образом, авторы делают вывод, что наличие речевых сбоев и на этой стадии увеличивает доступность нового объекта.

Суммируя все изложенное, можно заключить, что, во-первых, наличие речевых сбоев влияет на процесс понимания высказывания, делая более предпочтительным выбор того объекта, который еще не был введен в поле зрения собеседников; во-вторых, дискурсивно новый референт оказывается более доступным, чем дискурсивно данный референт; этот результат не укладывается в существующие теории, согласно которым данная информация обычно более доступна, чем новая. Арнольд и коллеги предлагают считать, что на доступность референта в первую очередь влияют ожидания слушающе-

го относительно вероятности введения того или иного референта. Для слушающего наличие речевого сбоя является сигналом того, что объект, находящийся в поле зрения, но еще не названный, более вероятно будет назван в следующем высказывании, чем объект, который уже был упомянут [Arnold et al. 2003].

3.2.3. *Формулирование сообщения и планирование высказывания: что протекает быстрее?*

Традиционно в моделях речепорождения считается, что стадия формулирования сообщения предшествует стадии планирования высказывания [Bock 1995; Dell 1986; Levelt 1989]. Однако вторая из перечисленных стадий изучена намного лучше, чем первая: мы уже много знаем о том, как происходит лексический поиск, построение синтаксической структуры и перевод этой структуры в языковую форму, в то время как о формулировании сообщения и, особенно, о координации этих двух стадий пока известно мало. Скорее всего, наличие подобной лагуны объясняется трудностью ее экспериментальной проверки. Авторы работы [Brown-Schmidt, Tanenhaus 2006] нашли новые пути экспериментального исследования стадии формулирования сообщения, используя парадигму «Визуальный мир».

Со времени выхода работы [Bock et al. 2003] известно, что продолжительность стадии формулирования сообщения при описании простых видеосцен может занимать совсем мало времени, 200–300 мс; таким образом, более продолжительные фиксации глаз на объектах облегчают процесс планирования высказывания, но не являются обязательными. В рассматриваемой работе [Brown-Schmidt, Tanenhaus 2006] авторы постарались разделить стадии формулирования сообщения и планирования высказывания следующим образом. Из работы [Sedivy 2003] известно, что скалярные прилагательные *маленький* и *большой* используются испытуемыми для описания объектов «визуального мира» только в тех случаях, когда в одной попытке имеется два одинаковых объекта разного размера. При проведении эксперимента была использована методика референциальной коммуникации: испытуемые по очереди называли друг другу один из 14 объектов (в первом описываемом в работе эксперименте в каждой попытке на экране было 12 объектов, во втором – 14 объектов), который каждый раз высвечивался на экране компьютера у одного из испытуемых; задача второго испытуемого состояла в том, чтобы, услышав описание первого испытуемого, найти этот объект у себя на экране и кликнуть по нему мышью. В некоторых попытках среди объектов на экране был еще один объект, отличающийся от выделенного только размером (= объект-контраст), в остальных такого объекта не было.

В результате оказалось, что если испытуемый фиксировал свой взгляд на объекте-контрасте, он использовал необходимое в данном случае скалярное прилагательное намного чаще, чем в том случае, когда взгляда на объект-контраст не было. Более того, если испытуемый замечал объект-контраст на ранних стадиях обработки, он использовал препозитивное определение (*the small horse*); если же он фиксировал взгляд на объекте-контрасте позже, чаще использовалось постпозитивное определение (*the horse, the small one*).

Самая, пожалуй, интересная часть этого исследования связана с анализом тех случаев, когда в диалоге испытуемых встречались речевые сбои. Наличие препозитивного определения, но с речевым сбоем (*thee uh small horse*) оказалось характерным для промежуточной по времени начала фиксации взгляда испытуемых на объекте-контрасте. Это говорит о том, что в речи испытуемых часто наблюдаются речевые сбои не только в тех случаях, когда вводится новая информация (см. раздел 3.2.2), но и в тех случаях, когда им необходимо иметь больший запас времени для встраивания в текущее высказывание вновь поступившей информации. Данное наблюдение перекликается с результатами работы [Ferreira, Dell 2000], авторы которой показали, что говорящие вставляют факультативное *that*, чтобы выиграть время для планирования высказывания; в работе

[Ferreira, Swets 2002] также показано, что в случае дефицита времени для планирования высказывания испытуемые начинают говорить в более медленном темпе. Другими словами, человек способен влиять (скорее всего, неосознанно) на процесс порождения речи, используя для этого необязательные слова, речевые сбои и темп речи, получая таким образом дополнительное время для завершения стадии планирования высказывания.

Анализ высказываний с речевыми сбоями проливает свет и на основной вопрос статьи [Brown-Schmidt, Tanenhaus 2006] – взаимодействие между стадиями формулирования сообщения и планирования высказывания, так как речевой сбой свидетельствует о том, что испытуемый заметил объект-контраст не сразу и должен видоизменять свое сообщение уже после начала стадии планирования высказывания. Полученные различия во времени фиксации свидетельствуют в пользу того, что начало стадии перепланирования высказывания может быть отложено до завершения стадии планирования первоначального высказывания, однако этот вопрос еще нуждается в дальнейшем изучении.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Все время, прошедшее с появления первой работы в 1995 г., методика регистрации движений глаз «Визуальный мир», несмотря на дорогостоящее оборудование и трудоемкость обработки результатов, развивается очень динамично: каждый год появляются новые области исследований, постоянно меняется положение дел в уже сложившихся областях; растет число экспериментов, проводимых с носителями не-английского языка, а также с такими группами испытуемых, как дети, билингвы и люди с различного рода нарушениями речевой деятельности. Что же так привлекает исследователей? В отличие от всех оффлайн-психолингвистических методов данная методика дает уникальную возможность увидеть процессы мышления и языкового/когнитивного поведения человека в их взаимодействии. В отличие от других онлайн-методов (например, метода вызванных потенциалов мозга) регистрация движений глаз позволяет проводить однотипные исследования практически с любыми группами испытуемых, что делает возможным изучение различных когнитивных процессов в онтогенезе. Заключительный раздел мы построим в виде небольшого калейдоскопического обзора наиболее интересных, на наш взгляд, направлений исследований, не упомянутых в предыдущем разделе, а также некоторых работ 2007 г. Особое внимание мы обратим на возможность проведения аналогичных исследований на материале русского языка.

В работе [Sekerina, Brooks 2007] И. Секерина и П. Брукс продолжают исследование механизмов устного распознавания слова (см. раздел 3.1.1), сравнивая движения глаз русскоязычных взрослых испытуемых и детей 5–6 лет. В той же парадигме изучения устного распознавания слова авторы работы [Dahan, Gaskell, in press] исследуют нидерландский язык. Авторский коллектив из шести человек [Salverda et al., in press] использует дизайн эксперимента на устное распознавание слова с двумя словами-конкурентами, различающимися по длине слова в слогах.

З. Гриффин с коллегами в [Griffin et al. 2006] вновь обращаются к вопросам порождения речи (см. раздел 3.2) и исследуют влияние возрастных изменений на процессы речепорождения. Дж. Арнольд и ее коллеги в [Arnold et al., in press] продолжают изучать влияние речевых сбоев (раздел 3.2.2) на процесс понимания высказывания, а название работы «Do speakers and listeners observe the Gricean Maxim of Quantity?» говорит само за себя [Engelhardt et al. 2006].

В рамках изучения разрешения референциальной неоднозначности И. Секерина и Дж. Трузвелл в [Sekerina, J. Trueswell, submitted] описывают эксперимент с русскоязычными испытуемыми, в котором исследуется влияние контрастивного фокуса на понимание конструкций с разрывными составляющими *Красную положите звездочку в позицию 4 / Красную положите звездочку в позицию 4*. Т. Фармер и коллеги в [Farmer et al., in press] продолжают изучение локально неоднозначных предложений (см. раздел 3.1.2), А. Вебер и коллеги рассматривают локальную неоднозначность на материале н е м е ц -

кого языка [Weber et al. 2006], а авторы работы [January, Trueswell 2007] представляют первое исследование изучения в парадигме «Визуальный мир» глобально неоднозначных предложений *Click on the square above the circle that has the triangle*. В работе [Järvi-kivi et al. 2005] авторы на материале финского языка описывают процесс разрешения глобальной референциальной неоднозначности местоимения *hän* 'он' в предложениях *Tony Blair kätteli George Bushia valkoisessa talossa. Hän halusi keskustella Irakin tilanteesta*. 'Тони Блэр обменялся рукопожатием с Джорджем Бушем в Белом доме. Он хотел обсудить ситуацию в Ираке'.

В работе [Brown-Schmidt et al. 2005] С. Браун-Шмидт и коллеги тестируют иерархию доступности [Gundel et al. 1993], предлагая испытуемым инструкции *Put the cap on the saucer. Now put it/that...* Похожее исследование на материале финского языка представлено в работе [Kaiser, Trueswell, in press]. В работе [Runner et al. 2006] авторы используют парадигму «Визуальный мир» для тестирования теории связывания [Chomsky 1981]. В работе [Altmann, Kamide, in press] описан эффект опережающих движений глаз, при котором испытуемый, слыша начало высказывания *The man will drink...* значительно чаще смотрит на полный стакан пива, а употребление прошедшего времени глагола *The man has drunk...*, наоборот, делает более вероятным взгляд на пустой бокал вина. В работе [Arai et al. 2007] авторы используют методику референциальной коммуникации для анализа синтаксического прайминга на примере английских квазисинонимичных конструкций *The teacher is giving the cup to the boxer / The teacher is giving the boxer the cup*.

Несмотря на то, что сами исследователи хорошо осознают необходимость проведения подобных экспериментов на материале не-английского языка, таких работ пока еще совсем мало, буквально несколько исследований на материале финского [Kaiser, Trueswell, in press; Järvi-kivi et al. 2005], немецкого [Weber et al. 2006], японского [Kamide et al. 2005], французского [Dahan et al. 2000], нидерландского [Dahan, Gaskell, in press] языков. На материале русского языка нам известно о следующих пяти исследованиях: устное распознавание слова русско-английскими билингвами [Magian, Spivey 2003a; 2003b], русскими монолингвами и детьми [Sekerina, Brooks 2007]; разрешение локальной синтаксической неоднозначности русско-английскими билингвами и русскими монолингвами [Секерина 2006]; влияние контрастивного фокуса на разрешение референциальной неоднозначности русскими монолингвами [Sekerina, J. Trueswell, submitted] и роль порядка слов в процессе речепорождения [Myachukov, Gattod 2006].

Между тем, богатое словоизменение, относительно свободный порядок слов и другие особенности русского языка предоставляют экспериментальным лингвистам дополнительные возможности для тестирования самых разных гипотез в рамках парадигмы «Визуальный мир». Ниже мы перечислим некоторые из этих возможностей, предложив как совсем новые области исследований, так и новые пути в уже относительно хорошо разработанных областях.

В рамках изучения разрешения референциальной неоднозначности будет интересно провести на русском материале исследование, аналогичное [January, Trueswell 2007], так как более традиционные методы изучения подобной глобальной синтаксической неоднозначности, а именно, различного рода опросники, дают для английского и русского языков противоположные результаты: в то время как англоговорящие испытуемые в ставшем уже хрестоматийном примере *Someone shot the servant of the actress that was on the balcony* в качестве ответа на вопрос «Кто стоял на балконе?» чаще выбирают актрису, русскоязычные в аналогичном предложении *Кто-то застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе* значительно чаще выбирают служанку. Сохранится ли это противопоставление при проведении экспериментов по новой методике?

В эксперименте, описанном в [Секерина 2006], для изучения локальной синтаксической неоднозначности в русском языке были выбраны предложения *Положите лошадку на зеркальце в коробку / Положите лошадку на тарелке в коробку*, в которых момент снятия неоднозначности (выделенный жирным шрифтом) в обоих предложениях почти совпадает по времени. Как нам представляется, можно было бы модифицировать экспериментальные предложения, удлинив зону неоднозначности первого предложе-

ния, например, так: *Положите лошадку на зеркальце вверх хвостом в коробку / Положите лошадку на тарелке вверх хвостом в коробку*. Возможно, в этом случае мы сможем увидеть эффект омонимии падежей?

Эксперименты на синтаксический прайминг, описанные в [Arai et al. 2007], представляются нам очень перспективными для дальнейшего изучения этого явления в парадигме «Визуальный мир», так как сама методика референциальной коммуникации, несколько видоизмененная авторами первой работы этого направления [Branigan et al. 2000], идеально подходит для работ этой парадигмы. С помощью регистрации движений глаз, возможно, нам удастся увидеть и объяснить, почему иногда испытуемые в ответ на конструкцию, например, с посессивной группой *Васина мама моет посуду* отвечают конструкцией с аналогичной посессивной группой *Катина сестра читает книгу*, а иногда, наоборот, предпочитают вариант *Сестра Кати читает книгу* (более подробно о синтаксическом прайминге подобных конструкций в русском языке см. [Fedorova 2006]).

Эксперименты на устное распознавание слов на материале русского языка можно было бы расширить не только исследованием рифмованных конкурентов типа упомянутых в разделе 3.1.2 лексем *крышка-мартышка*, но и более сложными тройками *бандит-рубанок-барабан*, которых немало в русском языке в отличие от того же английского, в котором количество слогов в слове в среднем значительно меньше.

Понимание сложноподчиненных предложений с придаточными времени – одна из достаточно хорошо изученных областей в психолингвистике (см. обзор в [Фёдорова 2005]), однако до сих пор еще не было проведено ни одного исследования в этой области с использованием регистрации движений глаз. Возможно, проведение их в будущем поможет найти ответ на вопрос, почему русскоязычные испытуемые делают больше всего ошибок в предложениях с союзным словом *перед тем как* в середине предложения (как в *Возьмите ложку из миски, перед тем как переложите оранжевый орех в коробку*), в то время как для англоговорящих людей такой тип оказывается самым простым для понимания.

Все приведенные выше примеры можно отнести к классическим областям исследований в современной психолингвистике. Однако выбор возможной проблематики будущих исследований этим не ограничивается – используя методику регистрации глаз, можно проводить исследования и в областях, более характерных для «чистой» лингвистики. Приведем в качестве примера возможное развитие исследования речевых сбоев при порождении и понимании речи: в некоторых работах (например [Bain 2001]) было показано, что понимание высказываний с заполненной паузой хезитации *uh* отличается от понимания высказывания с паузой хезитации *um*; возможно, мы сможем получить похожий эффект, сравнивая русские слова-«паразиты» *вот, значит, ну?*

Подытоживая все вышесказанное, хочется выразить надежду, что описанная методология регистрации движений глаз «Визуальный мир» будет не только способствовать сближению психолингвистических традиций в самом психолингвистическом мире, но и привлечет внимание исследователей из области теоретической лингвистики, расширив тем самым рамки «классической» психолингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейлин 2002 – Дж. Бейлин. Краткая история генеративной грамматики // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М., 2002.
- Величковский 2006 – Б.М. Величковский. Когнитивная наука: основы психологии познания. М., 2006.
- Зайцева 1991 – Г.Л. Зайцева. Дактилология. Жестовая речь. М., 1991.
- Звегинцев 1965 – В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965.
- Подлесская, Кибрик 2005 – В.И. Подлесская, А.А. Кибрик. Коррекция сбоев в устной спонтанной речи: опыт корпусного исследования // Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегей (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог 2005» М., 2005.

- Секерина 2002 – *И.А. Секерина*. Психоллингвистика // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М., 2002.
- Секерина 2006 – Использование метода записи движений глаз при изучении двуязычия // Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегей (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог 2006» М., 2006.
- Тестелец 2006 – *Я.Г. Тестелец*. Три фактора строения языка // <http://ermite-17.livejournal.com/3117.html>. 2006.
- Фёдорова 2005 – *О.В. Фёдорова*. Перед или после: что проще? (понимание сложноподчиненных предложений с придаточными времени) // ВЯ. 2005. № 6.
- Ярбус 1965 – *А.Л. Ярбус*. Роль движений глаз в процессе зрения. М., 1965.
- Allopenna et al. 1998 – *P.D. Allopenna, J.S. Magnuson, M.K. Tanenhaus*. Tracking the time course of spoken word recognition using eye movements: Evidence for continuous mapping models // *Journal of memory and language*. 1998. 38(4).
- Altmann, Kamide, in press – *G.T.M. Altmann, Y. Kamide*. The real-time mediation of visual attention by language and world knowledge: Linking anticipatory (and other) eye movements to linguistic processing // *Journal of memory and language*, in press.
- Arai et al. 2007 – *M. Arai, M. Pickering, S. Haywood, H. Kreysa*. How do the eyes reflect syntactic coordination? // The 20th CUNY Conference on Sentence Processing. 2007.
- Arnold 2001 – *J.E. Arnold*. The effect of thematic roles on pronoun use and frequency of reference continuation // *Discourse processes*. 2001. 31(2).
- Arnold et al. 2000a – *J.E. Arnold, J.G. Eisenband, S. Brown-Schmidt, J.C. Trueswell*. The rapid use of gender information: Evidence of the time course of pronoun resolution from eyetracking // *Cognition*. 2000. 76.
- Arnold et al. 2000b – *J. Arnold, T. Wasow, R. Ginstrom, T. Losongco*. Heaviness vs. newness: The effects of structural complexity and discourse status on constituent ordering // *Language*. 2000. 76(1).
- Arnold et al., 2003 – *J. Arnold, M. Fagnano, M.K. Tanenhaus*. Disfluencies signal thee, um, new information // *Journal of psycholinguistic research*. 2003. 32.
- Arnold et al., in press – *J.E. Arnold, C. Hudson Kam, M.K. Tanenhaus*. If you say thee uh- you're describing something hard: the on-line attribution of disfluency during reference comprehension // *Journal of experimental psychology: Learning, memory, and cognition*, in press.
- Austin 1962 – *J.L. Austin*. How to do things with words. Cambridge (MA), 1962.
- Barr 2001 – *D.J. Barr*. Paralinguistic correlates of discourse structure // 42nd Annual meeting of the psychonomic society. 2001.
- Bock 1995 – *J.K. Bock*. Sentence production: From mind to mouth // J. Miller, P. Eimas (eds.). *Handbook of perception and cognition*. V. 11. Speech, language, and communication. New York, 1995.
- Bock et al. 2003 – *J.K. Bock, D.E. Irwin, D.J. Davidson, W.J. M. Levelt*. Minding the clock // *Journal of memory and language*. 2003. 48.
- Branigan et al. 2000 – *H.P. Branigan, M.J. Pickering, A.A. Cleland*. Syntactic co-ordination in dialogue // *Cognition*. 2000. 75.
- Brown-Schmidt, Tanenhaus 2006 – *S. Brown-Schmidt, M.K. Tanenhaus*. Watching the eyes when talking about size: An investigation of message formulation and utterance planning // *Journal of memory and language*. 2006. 54.
- Brown-Schmidt et al. 2005 – *S. Brown-Schmidt, D.K. Byron, M.K. Tanenhaus*. Beyond salience: Interpretation of personal and demonstrative pronouns // *Journal of memory and language*. 2005. 53(2).
- Buswell 1935 – *G.T. Buswell*. How people look at pictures. Chicago, 1935.
- Buswell 1937 – *G.T. Buswell*. How adults read. Chicago, 1937.
- Chomsky 1957 – *N. Chomsky*. Syntactic structures. Gravenhage, 1957.
- Chomsky 1981 – *N. Chomsky*. Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.
- Chomsky 2005 – *N. Chomsky*. Three factors in the language design // *Linguistic inquiry*. 2005. 36.
- Chomsky 2006 – *N. Chomsky*. Approaching UG from below. Mass., 2006.
- Clark, Wilkes-Gibbs 1986 – *H.H. Clark, D. Wilkes-Gibbs*. Referring as a collaborative process // *Cognition*. 1986. 22.
- Clark 1992 – *H.H. Clark*. Arenas of language use. Chicago, 1992.
- Cooper 1974 – *R. Cooper*. The control of eye fixation by the meaning of spoken language: A new methodology for the real-time investigation of speech perception, memory, and language processing // *Cognitive psychology*. 1974. 6.
- Crain, Steedman 1985 – *S. Crain, M. Steedman*. On not being led up the garden path: The use of context by the psychological parser // D.R. Dowty, L. Karttunen, A. Zwicky (eds.). *Natural language parsing: Psychological, computational and theoretical perspectives*. Cambridge, 1985.

- Dahan et al. 2000 – *D. Dahan, D. Swingley, M.K. Tanenhaus*. Linguistic gender and spoken-word recognition in French // *Journal of memory and language*. 2000. V. 42(4).
- Dahan, Gaskell, in press – *D. Dahan, G. Gaskell*. The temporal dynamics of ambiguity resolution: Evidence from spoken-word recognition // *Journal of memory and language*, in press.
- Dell 1986 – *G.S. Dell*. A spreading activation theory of retrieval in language production // *Psychological review*. 1986. 93.
- Dell 1995 – *G.S. Dell*. Speaking and misspeaking // *L.R. Gleitman, M. Liberman (eds.)*. An invitation to cognitive science. V. 1. Language. 2-nd ed. Cambridge (MA), 1995.
- Engelhardt et al. 2006 – *P. Engelhardt, K. Bailey, F. Ferreira*. Do speakers and listeners observe the Gricean Maxim of Quantity? // *Journal of memory and language*. 2006. 54.
- Farmer et al., in press – *T.A. Farmer, S.A. Cargill, M.J. Spivey*. Gradiency and visual context in syntactic garden-paths // *Journal of memory and language*, in press.
- Fedorova 2006 – *O. Fedorova*. Syntactic priming of possessive constructions in Russian adults, children and English-Russian bilinguals: Evidence for tuning-hypothesis // *Fourth international conference on construction grammar*. 2006.
- Ferreira, Dell 2000 – *V.S. Ferreira, G.S. Dell*. Effect of ambiguity and lexical availability on syntactic and lexical production // *Cognitive psychology*. 2000. 40.
- Ferreira, Swets 2002 – *F. Ferreira, B. Swets*. How incremental is language production? Evidence from the production of utterances requiring the computation of arithmetic sums // *Journal of memory and language*. 2002. 46.
- Fodor 1983 – *J.A. Fodor*. Modularity of mind. Cambridge (MA), 1983.
- Fox Tree, Clark 1997 – *J.E. Fox Tree, H.H. Clark*. Pronouncing «the» as «thee» to signal problems in speaking // *Cognition*. 1997. 62.
- Frazier 1987 – *L. Frazier*. Sentence processing: A tutorial review // *M. Coltheart (ed.)*. Attention and performance XII: The psychology of reading. London, 1987.
- Gaskell, Marslen-Wilson 2001 – *M.G. Gaskell, W.D. Marslen-Wilson*. Representation and competition in the perception of spoken words // *Cognitive psychology*. 2001. 45.
- Grice 1957 – *P. Grice*. Meaning // *Philosophical review*. 1957. 66.
- Griffin, Bock 2000 – *Z.M. Griffin, J.K. Bock*. What the eyes say about speaking // *Psychological science*. 2000. 11.
- Griffin, Spieler 2006 – *Z.M. Griffin, D.H. Spieler*. Observing the what and when of language production for different age groups by monitoring speakers' eye movements // *Brain and language*. 2006. 99.
- Griffin 2001 – *Z.M. Griffin*. Gaze durations during speech reflect word selection and phonological encoding // *Cognition*. 2001. 82.
- Griffin 2004a – *Z.M. Griffin*. Why look // *F. Ferreira, J.M. Henderson (eds.)*. The interface of language, vision, and action: Eye movements and the visual world. New York. 2004.
- Griffin 2004b – *Z.M. Griffin*. The eyes are right when the mouth is wrong // *Psychological science*. 2004. 15(12).
- Gundel et al. 1993 – *J.K. Gundel, N. Hedberg, R. Zacharski*. Cognitive status and the form of referring expression in discourse // *Language*. 1993. 69.
- Hartsuiker, Kolk 2001 – *R.J. Hartsuiker, H.H.J. Kolk*. Error monitoring in speech production: A computational test of the perceptual loop theory // *Cognitive psychology*. 2001. 42.
- January, Trueswell 2007 – *D. January, J.C. Trueswell*. Relative clause attachment ambiguity in the visual world // *The 20th CUNY Conference on Sentence Processing*. 2007.
- Järvikivi et al. 2005 – *J. Järvikivi, R.P.G. van Gompel, J. Hyönä*. Ambiguous pronoun resolution: Contrasting the first-mention and subject-preference accounts // *Psychological science*. 2005. 16(4).
- Kaiser, Trueswell, in press – *E. Kaiser, J.C. Trueswell*. Investigating the interpretation of pronouns and demonstratives in Finnish: Going beyond salience // *E. Gibson, N. Pearlmuter (eds.)*. The processing and acquisition of reference. Cambridge (MA), in press.
- Kamide et al. 2005 – *Y. Kamide, G.T.M. Altmann, S.L. Haywood*. The time-course of constraint-application during sentence processing in visual contexts: Anticipatory eye-movements in English and Japanese // *M.K. Tanenhaus, J.C. Trueswell (eds.)*. Approaches for studying world-situated language use. Cambridge (MA), 2005.
- Krauss, Weinheimer 1966 – *R.M. Krauss, S. Weinheimer*. Concurrent feedback, confirmation, and the encoding of referents in verbal communication // *Journal of personality and social psychology*. 1966. 4.
- Levelt 1983 – *W.J.M. Levelt*. Monitoring and self-repair in speech // *Cognition*. 1983. 14.
- Levelt 1989 – *W.J.M. Levelt*. Speaking: From intention to articulation. Cambridge (MA), 1989.

- MacDonald et al. 1994 – *M.C. MacDonald, N. Pearlmutter, M.S. Seidenberg*. Syntactic ambiguity resolution as lexical ambiguity resolution // *C. Clifton, L. Frazier, K. Rayner (eds.)*. Perspectives on sentence processing. Hillsdale (NJ), 1994.
- Marian, Spivey 2003a – *V. Marian, M. Spivey*. Competing activation in bilingual language processing: Within- and between-language competition // *Bilingualism: Language and cognition*. 2003. 6(2).
- Marian, Spivey 2003b – *V. Marian, M. Spivey*. Shared and separate systems in bilingual language processing: Converging evidence from eye-tracking and brain imaging // *Brain and language*. 2003. 86(1).
- Marslen-Wilson 1973 – *W.D. Marslen-Wilson*. Linguistic structure and speech shadowing at very short latencies // *Nature*. 1973. 244.
- McClelland, Elman 1986 – *J.L. McClelland, J.L. Elman*. The TRACE model of speech perception // *Cognitive psychology*. 1986. 18.
- Meyer, Schvaneveldt 1971 – *D.E. Meyer, R.W. Schvaneveldt*. Facilitation in recognizing words: Evidence of dependence upon retrieval operations // *Journal of experimental psychology*. 1971. 90.
- Meyer et al. 1998 – *A.S. Meyer, A. Sleiderink, W.J.M. Levelt*. Viewing and naming objects: Eye movements during noun phrase production // *Cognition*. 1998. 66.
- Meyer et al. 2000 – *A.S. Meyer, F.F. Van Der Meulen*. Phonological priming effects on speech onset latencies and viewing times in object naming // *Psychonomic bulletin and review*. 2000. 7.
- Miller 1962 – *G. Miller*. Some psychological studies of grammar // *American psychologist*. 1962. 17.
- Myachykov, Garrod 2006 – *A. Myachykov, S. Garrod*. Visually mediated speech production in English and Russian // *The 19th CUNY Conference on Sentence Processing*. 2006.
- Newmeyer 1998 – *F. Newmeyer*. Language form and language function. Cambridge, 1998.
- O'Neill 1996 – *D.K. O'Neill*. Two-year-old children's sensitivity to a parent's knowledge state when making requests // *Child development*. 1996. 67.
- Rayner 1984 – *K. Rayner*. Visual selection in reading, picture perception, and visual search: A tutorial review // *H. Bouma, D. Bouwhuis (eds.)*. Attention and performance. Hillsdale (NJ), 1984.
- Rayner 1998 – *K. Rayner*. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // *Psychological bulletin*. 1998. 24.
- Reichle et al. 2003 – *E.D. Reichle, K. Rayner, A. Pollatsek*. The E-Z Reader model of eye-movement control in reading: Comparisons to other models // *Behavioral and brain sciences*. 2003. 26.
- Robinson-Riegler, Robinson-Riegler 2004 – *G. Robinson-Riegler, B. Robinson-Riegler*. Cognitive psychology. Pearson, 2004.
- Runner et al. 2006 – *J.T. Runner, R.S. Sussman, M.K. Tanenhaus*. Assigning reference to reflexives and pronouns in picture noun phrases // *Cognitive science*. 2006. 30.
- Salverda et al., in press – *A.P. Salverda, D. Dahan, M.K. Tanenhaus, K. Crosswhite, M. Masharov, J. McDonough*. Effects of prosodically modulated sub-phonetic variation on lexical competition, in press.
- Schegloff, Sacks 1973 – *E.A. Schegloff, H. Sacks*. Opening up closing // *Semiotica*. 1973. 8.
- Searle 1969 – *J. Searle*. Speech Acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969.
- Sedivy 2003 – *J.C. Sedivy*. Pragmatic versus form-based accounts of referential contrast: Evidence for effects of informativity expectations // *Journal of psycholinguistic research*. 2003. 31(1).
- Sekerina, Brooks 2007 – *I.A. Sekerina, P.J. Brooks*. Eye movements during spoken-word recognition in Russian children // *Journal of experimental child psychology*. 2007. 98.
- Sekerina, J. Trueswell, submitted – *I.A. Sekerina, J. Trueswell*. Interpreting contrastive constituents in Russian: Pragmatic and prosodic effects. Submitted.
- Spivey et al. 2002 – *M.J. Spivey, M.K. Tanenhaus, K.M. Eberhard, J.C. Sedivy*. Eye movements and spoken language comprehension: Effects of visual context on syntactic ambiguity resolution // *Cognitive psychology*. 2002. 45.
- Swinney et al. 1978 – *D.A. Swinney, W. Onifer, P. Prather, M. Hirshkowitz*. Semantic facilitation across sensory modalities in the processing of individual words and sentences // *Memory and cognition*. 1978. 7.
- Tanenhaus, Trueswell 2005 – *M.K. Tanenhaus, J.C. Trueswell*. Eye movements as a tool for bridging the language-as-product and language-as-action traditions // *M.K. Tanenhaus, J.C. Trueswell (eds.)*. Approaches for studying world-situated language use. Cambridge (MA). 2005.
- Tanenhaus et al. 1995 – *M.K. Tanenhaus, M.J. Spivey-Knowlton, K.M. Eberhard, J.C. Sedivy*. Integration of visual and linguistic information in spoken language comprehension // *Science*. 1995. 268.
- Van Der Meulen 2001 – *F.F. Van Der Meulen*. Moving eyes and naming objects. Unpublished Dissertation. Katholieke universiteit Nijmegen, 2001.
- Weber et al. 2006 – *A. Weber, M. Grice, M.W. Crocker*. The role of prosody in the interpretation of structural ambiguities: A study of anticipatory eye movements // *Cognition*. 2006. 99(2).
- Yule 1997 – *G. Yule*. Referential communication tasks mahwah. NJ, 1997.

РЕЦЕНЗИИ

Perspectives on grammar writing / Ed. by T.E. Payne, D.J. Weber. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2007. viii + 218 pp.

Сборник «Перспективы написания грамматик», посвященный теории и практике описательной лингвистики, включает работы, представленные в октябре 2003 г. на симпозиуме по проблемам документирования языков¹. Симпозиум был организован международным институтом *SIL International*, одним из приоритетов которого является работа над малоописанными языками; оба редактора сборника, Томас Пейн и Дэвид Вебер, – сотрудники данного института.

Во введении к сборнику Т. Пейн указывает на то, что основными задачами симпозиума было рассмотреть само понятие грамматики (т.е. грамматического описания) как важнейшего результата программы документирования языка, а также способствовать появлению интересных и профессионально написанных грамматик. Сейчас задачи, связанные с документированием языков, насущны как никогда, поскольку по имеющимся оценкам не менее половины из шести с лишним тысяч языков мира скорее всего вымрут уже к концу нынешнего столетия; при этом подавляющее большинство из ныне существующих языков относится к категории неописанных или малоописанных. Составление словаря или грамматики, публикация сборника текстов на малодокументированном языке не только сохраняет его для истории, но и способствует привлечению внимания к малому языковому сообществу в наши дни. Эти результаты могут быть использованы при создании письменности и литературной нормы, а также для разработки материалов по обучению языку. Кроме того, новые данные описательной лингвистики необходимы и различным теоретическим направлениям, поскольку именно они позволяют подтвердить

или опровергнуть существующие гипотезы об устройстве естественного языка в целом.

Небольшая заметка У. Брайта «Грамматика в контексте» затрагивает прежде всего проблему отражения в грамматическом описании не собственно лингвистической, а временной, географической и социальной составляющих. Речь идет, в частности, о необходимости учитывать исторический контекст (например, различия в речи разных поколений), географический контекст (например, региональные различия) и социальное измерение. Большое внимание должно быть уделено и культурному компоненту: так, автор предлагает наряду с обычными словарями составлять и «этнографические словари», в которых словарные входы содержали бы краткие справки о реалиях, окружающих соответствующее сообщество. Такие словари могли бы стать идеальным сопроводительным материалом для «контекстуально-ориентированных» грамматик.

Автор следующей статьи «Написание грамматики для сообщества» Д. Каданья предостерегает исследователей от такого отношения к языковому сообществу, которое можно уподобить «горной выработке» (*mining*), оставляющей после себя лишь изрытую и непригодную для дальнейшего использования землю. Недопустимо пользоваться помощью носителей языка, относясь при этом сугубо отстраненно к их нуждам и к проблеме сохранения языка. Работать над грамматикой желательно в сотрудничестве с представителями сообщества, поскольку это пойдет на пользу как данному сообществу, так и лингвисту. Кроме того, помимо написания грамматики для широкой (однако преимущественно научной) аудитории, следует позаботиться и о создании описания, адаптированного именно для нужд языковой группы. В некоторых случаях возможно совмещение обеих задач в одной публикации.

Более развернутое обсуждение последнего тезиса содержится в статье М. Митун «Грамматика и сообщество». Автор подчеркивает, что

¹ Ранее все десять статей были опубликованы в специальном выпуске журнала «*Studies in Language*» (2006. Вып. 30, 2).

одним из важнейших параметров, которые следует учитывать при написании грамматики, является потенциальная аудитория: в зависимости от того, на кого рассчитано описание, может быть скорректирован выбор обсуждаемых тем и глубина анализа, стиль изложения и терминология, подбор и оформление примеров. Основная часть статьи посвящена разбору примеров того, насколько различно одни и те же явления могут быть представлены для собственно лингвистической аудитории и для представителей языкового сообщества; при этом используется опыт автора по составлению грамматики языка североамериканских индейцев могавк (ирокезская семья). По замыслу автора, информация в данной грамматике должна быть организована в виде нескольких «слоев»: каждый раздел начинается общим обзором описываемого явления (с несколькими наиболее типичными примерами), а затем идут дополнительные подразделы, включающие более подробную информацию, в том числе полные парадигмы, примеры с морфологическим разбором и т.п. Так читатели в зависимости от своих целей и начального уровня подготовки смогут выбирать наиболее удобную для них последовательность ознакомления с материалом.

В самой большой по объему статье сборника «От частей речи к грамматике» П. Мунро обращается к проблеме определения частеречной принадлежности слов в ходе полевой работы над словарем. Как и М. Митун, П. Мунро является специалистом по индейским языкам, и в данной статье сопоставляются системы частей речи в языке чикасо мускогской семьи (США) и одном из сапотекских языков ото-мангской семьи (Мексика). Показано, в частности, что в то время как в сапотек по морфологическим и синтаксическим критериям можно выделять такие самостоятельные части речи как прилагательные и предлоги, в чикасо и те, и другие отсутствуют: прилагательные являются подтипом глаголов, а вместо предложных групп и косвенных дополнений используются аппликативные префиксы на глаголе. Автор подчеркивает, что определение частеречной принадлежности слов в конкретном языке должно быть неотъемлемой частью работы над словарем и предлагает на ранних стадиях лингвистического анализа в дополнение к восьми традиционным частям речи европейских языков (существительное, местоимение, прилагательное, глагол, наречие, предлог, союз и междометие) обращать внимание и на такие существенные разряды слов, как детерминаторы, квантификаторы и частицы.

А.Е. Кибрик в статье «Коллективная полевая работа» рассматривает достоинства и недо-

статки данного метода сбора языкового материала. Традиция коллективной полевой работы сложилась на отделении теоретической (структурной) и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова еще в конце 1960-х годов и по праву может считаться уникальной. За прошедшие годы сам А.Е. Кибрик возглавил 40 экспедиций по изучению малоописанных языков СССР – главным образом дагестанских языков, однако далеко не только их (изучались также абхазский, сванский, шугнанский, тувинский, алыторский языки). Эти экспедиции ставили перед собой как задачу ознакомления студентов с навыками полевой работы с неизвестным (и, как правило, достаточно «экзотическим») языком, так и собственно задачу документирования малых языков. По результатам экспедиций было опубликовано восемь грамматических описаний (в том числе знаменитый четырехтомный труд по арчинскому языку), а также сравнительный словарь дагестанских языков. Общий вывод автора состоит в том, что достоинства коллективной полевой работы намного превышают возникающие в ходе нее практические затруднения. Работа слаженного коллектива позволяет в достаточно сжатые сроки собрать и интерпретировать значительное количество языкового материала, в первую очередь благодаря сбалансированному распределению исследовательских тем между участниками и их постоянному «синергетическому» взаимодействию.

В работе «Грамматика как коммуникативный акт, или что именно описывает грамматическое описание?» редактор сборника Т. Пейн отмечает, что многие годы в лингвистике преобладал взгляд на грамматику как на механизм перевода мыслительных структур в языковые; соответственно, грамматическое описание должно было быть достаточно формализованным описанием такого механизма. Подобное представление привело к распространению ряда мифов, которые подробно обсуждаются в статье: в частности, это миф об «абсолютной полноте» грамматического описания, о его «математической» точности, об аналогии между фонологией и синтаксисом, о необходимости ориентироваться в грамматическом описании прежде всего на форму, а не на содержание и пр. Однако грамматика не является объективной «репрезентацией» языка, оторванной от его реального употребления – в том смысле, в каком, например, топографическая карта является репрезентацией ландшафта. Так же, как топографическая карта города не может дать представление о повседневной жизни горожан, «механистическое» описание языка полностью игнорирует его коммуника-

тивную функцию. По мнению Т. Пейна, адекватное описание должно учитывать семантические, прагматические, социолингвистические и культурные аспекты использования языка – более того, само грамматическое описание по сути представляет собой особый коммуникативный акт, производимый и воспринимаемый в определенном контексте и имеющий определенные цели (ср. очевидные различия между написанием грамматики для лингвистов, для носителей языка, для школьного преподавания и т.п.). Автор также призывает к сбалансированному соотношению формы и функции в языковом описании: если формальный подход предпочтителен в таких областях, как фонология, морфонология, общая характеристика словоизменительных и словообразовательных средств и т.п., то функциональную ориентацию следует предпочесть при описании интонации, словоизменительных категорий, залоговых преобразований, порядка слов, фразовых частиц, полипредикативных структур.

М. Нунан в статье «Написание грамматики для тех, кто читает грамматики» суммирует те свойства «идеального» грамматического описания, которое хотели бы видеть перед собой профессиональные читатели таких описаний, т.е. лингвисты (и в первую очередь типологи). Список из 28 пунктов сформулирован в виде общих рекомендаций и пояснений к ним и включает три части. Во-первых, речь идет о «дружественном интерфейсе», т.е. о том, чтобы грамматику было легко использовать и извлекать из нее необходимую информацию (ср. такие рекомендации как «избегайте терминологии, специфической лишь для определенной теории», «сопровождайте все примеры поморфемным разбором и переводом» и т.п.). Во-вторых, грамматика должна обладать описательной адекватностью: затрагиваемые темы должны быть раскрыты с достаточной степенью подробности и с выявлением существенных обобщений (в этот раздел входит наибольшее число пунктов, таких как «приводите полные парадигмы, а не только списки аффиксов», «обращайте внимание не столько на выбор грамматического ярлыка, сколько на полное описание функционирования формы», «сопровождайте грамматический очерк словарем и подборкой текстов» и др.). В-третьих, следует стремиться к максимальной полноте описания: необходимо позаботиться о том, чтобы охватить все существенные темы, желательно уделить должное место генетической и ареальной принадлежности языка, а также социолингвистической информации, истории изучения идиома и т.п. Завершается изложение пожеланием самому лингвистическому со-

обществу стимулировать написание хороших грамматик, не считая их продуктами более «низшего сорта» по сравнению с сугубо теоретическими работами.

Обсуждение требований, обычно предъявляемых к грамматикам со стороны читателей, продолжается и в статье К. Райс «Типология хороших грамматик». Опираясь на наиболее типичные цитаты из журнальных рецензий, автор приходит к выводу, что от грамматических описаний ожидают прежде всего полноты, ясности изложения, богатства языковыми примерами, аргументированности предлагаемого анализа данных и «дружественного» оформления. Однако не существует единого типа «хорошей грамматики», и во второй части статьи К. Райс обсуждает параметры, по которым описания могут различаться: это подбор тем, организация материала по главам, теоретический фон и терминология, представление языковых примеров. В заключении рассматриваются несколько грамматик атабаскских и алгонкинских языков, каждая из которых является «хорошей», однако принципы подачи материала и его объем значительно различаются в зависимости от задач конкретных публикаций².

Две заключительные статьи сборника, написанные одним из его редакторов Д. Вебером, по праву могут быть названы «путеводителем для начинающего автора грамматики». В первой из них, «Размышления о том, как вырастить грамматику», автор последовательно рассматривает все этапы работы над описанием – причем сама эта работа может быть уподоблена труду фермера, выращивающего урожай. Подчеркивается важность создания корпуса текстов на изучаемом языке, который служит основным источником языковых данных. Написание грамматики – долговременный проект, и каждый, кто решится на него, должен стать профессиональным «писателем грамматик» и выстроить вокруг себя определенную «авторскую среду» (*authoring environment*), т.е. набор инструментов, помогающих в работе.

---

² Речь идет, в частности, о 25-страничном очерке языка чипевья, опубликованном Ф.-К. Ли в 1946 г., о грамматике языка слейви, написанной самой К. Райс и вышедшей в 1989 г., и о большом по объему описании языка оттава, составленном Р. Валентайном в 2001 г. и рассчитанном не только на лингвистов, но и на носителей языка, не имеющих профессиональной лингвистической подготовки (этим определяется и большой объем издания, насчитывающего около тысячи страниц).

Важное место в этой среде занимают компьютерные программы, прежде всего текстовые редакторы, позволяющие автоматизировать индексирование, нумерацию примеров, подготовку рукописи к печати и т.п. Статья содержит также множество рекомендаций по организации времени и планированию работы, по составлению библиотеки книг, полезных автору грамматики, и т.п.

Во второй работе, «Языковые примеры», речь идет о подборе и оформлении того, что является едва ли не ключевым компонентом грамматического описания, а именно, иллюстративных примеров. Как замечает автор, грамматику лучше представлять себе не как «склад» примеров (пусть и аккуратно разложенных «по полочкам»), а скорее как музей изобразительных искусств, в котором экспонаты распределены по тематическим галереям (ср. «галерею относительных предложений»), и каждый из них красиво обрамлен и занимает подобающее ему место. Подробно обсуждаются различные «слои» в представлении примера (орфография, транскрипция, строка глоссирования, перевод), типы сопроводительной информации (контекст, источник данных и т.п.), а также технические возможности объединения нескольких однотипных примеров в один посредством использования различных скобок.

Как можно заметить, данный сборник статей отражает реальный опыт работы лингвистов над грамматическими описаниями языков самых разных семей и ареалов – это языки Дагестана и другие языки СССР (А.Е. Кибрик), языки Юго-Восточной Азии (М. Нунан), языки индейцев Северной Америки (М. Митун, П. Мунро, К. Райс) и Южной Америки (Д. Вебер). Какими бы различными по структуре ни были эти языки, и как бы ни различались научные школы их исследователей, мнения авторов сборника о том, как должна выглядеть хорошая современная грамматика, в целом очень близки. Рекомендации, изложенные в статьях сборника, окажутся большим подспорьем для тех, кто только начинает работу над описанием малоизвестного языка. Из советов авторов извлекут для себя пользу и те, кто уже является профессиональным «писателем грамматик», поскольку советы эти касаются самых разных составляющих описательной работы, в том числе тех из них, которые привлекают большое внимание лишь в последние годы (в частности, это касается единообразного и «много-

слойного» оформления языковых примеров, а также использования современных компьютерных технологий при документировании языков). Можно также надеяться на то, что энтузиазм авторов сборника повлияет – причем в положительную сторону – и на тех исследователей языков, которые пока не решаются приняться за такой серьезный труд, как полное грамматическое описание языка. Как справедливо пишет в заключении к своей статье Дэвид Вебер, «конечно, написание грамматики это большая работа, однако в основном это приятная работа. Если у вас есть возможность написать грамматику, вы можете радоваться, что оказались в числе тех немногих счастливых, кому выпала такая честь и такое удовольствие. И будущее отблагодарит вас» (с. 196).

Впрочем, написание хорошей профессиональной грамматики для лингвистической аудитории – это скорее программа-минимум описательного лингвиста, однако далеко не предел. В этом смысле чрезвычайно важными кажутся замечания целого ряда авторов сборника (Дж. Каданья, М. Митун, Т. Пейн и др.) о том, что лингвисту, имеющему дело с малоизвестным языком, не следует ограничиваться сугубо научной работой, но желательно использовать свой уникальный опыт на благо языкового сообщества. Сделать это можно разными путями – привлекая внимание общественности к проблеме сохранения малых языков (а иногда и просто знакомя людей с неизвестными языками через средства массовой информации); работая над описанием языка в тесном сотрудничестве с его носителями (которые затем смогут использовать полученные навыки языкового анализа самостоятельно); составляя, помимо сугубо научных, более доступные грамматические описания, адаптированные к нуждам языкового сообщества; издавая словари и сборники текстов на языке, которые были бы доступны широкому кругу носителей; участвуя в разработке письменности, букварей и образовательных материалов на данном языке и т.п. Далеко не всегда можно надеяться, что всем этим будет заниматься кто-то другой; в конце концов, именно лингвисты обычно имеют возможность наиболее активно способствовать сохранению языкового разнообразия.

Т.А. Майсак

T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. On comitatives and related categories: A typological study with special focus on the languages of Europe. (Empirical approaches to language typology, 33). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. xiv, 551 p.

Проф. Т. Штольц (Германия) в течение ряда лет (1995–2002) возглавлял типологический проект Бременского университета «Энциклопедия комитатива и инструменталиса», в котором приняли участие в общей сложности более двадцати ученых. Главной задачей проекта являлось изучение связей между комитативом и инструменталисом в языках мира. Рецензируемая монография («О комитативах и смежных категориях: Типологическое исследование с особым вниманием к языкам Европы») подводит итог этой более чем десятилетней работы. В монографию вошла, в более или менее развернутом виде, большая часть ранее опубликованных материалов, предваренная почти 100-страничным введением, в котором впервые столь подробно рассмотрены многие важнейшие понятия и методологические вопросы.

Помимо общего описания грамматики и семантики комитатива, авторы ставили перед собой следующие задачи:

а) Проверить влияние генеалогических, ареальных и типологических параметров на структурные и поведенческие особенности комитатива.

б) Изучить взаимодействие комитатива с другими категориями, в особенности с инструменталисом, и объяснить факторы, влияющие на схемы синкретизма категорий. Подробно изучена диахрония отношений комитатива с инструменталисом, соотношения между ними по маркированности, соотношения между их отрицательными коррелятами.

в) Подробно изучить комитатив в Европе (что имеет особую значимость, поскольку именно на материале комитатива в европейских языках были в свое время сделаны весьма категоричные выводы универсального характера).

На протяжении многолетних исследований Т. Штольца и его коллег разные аспекты комитатива были изучены на нескольких языковых выборках объемом от 100 до 320 языков мира. Отдельное сопоставительное исследование 65 европейских языков проводилось на материале специально созданного корпуса параллельных текстов, составленного из оригинала и переводов «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери.

Монография состоит из четырех частей. Первая, вводная часть (§ 1–7) содержит подробное обсуждение базовых понятий и методологических оснований работы. Во второй части (§ 8–10) исследуются возможности синкретизма, т.е. грамматического маркирования

комитатива и ряда других категорий одним и тем же формальным показателем. Третья часть (§ 11–12) посвящена комитативу в языках Европы. В четвертой части (§ 13–15) обсуждается диахрония изучаемых категорий. В приложениях приводятся перечни языков, вошедших в выборки, генетическая принадлежность упоминаемых в монографии языков, образец вопросника, использовавшегося на начальных этапах работы. Книга снабжена указателем языков, а также именовым и предметным указателем.

Часть первая. Для Штольца комитатив – семантически наполненная категория, ядро которой составляет отношение сопровождения. Это межпартиципантное отношение (термин К. Лемана) связывает двух участников ситуации, описываемой в высказывании: Сопровождаемого (далее «Сопр.») и Спутника, причем таких, которые имеют в ситуации одинаковые роли (с. 2). Ситуация сопровождения задается прототипической моделью. Помимо двух участников, важнейшим ее элементом является маркер отношения (relator); кроме трех перечисленных составляющих, для описания ситуации сопровождения обычно существенны и некоторые другие, в частности ядерный предикат (nuclear predicate). В прототипическом случае Сопровождаемый является более заметным (prominent) участником и более непосредственно вовлечен в ситуацию, описываемую в высказывании. Спутник является менее заметным и участвует в ситуации только опосредованно, в силу своей связи с Сопровождаемым. Прототипический ядерный предикат является глаголом движения, а Сопр. и Спутник имеют признак [+человек]. Сопр. и Спутник могут быть выражены именами, местоимениями или согласовательными показателями, и могут выражаться разрывно в нескольких позициях (с. 26).

От описанного прототипа встречается большое количество разного рода отклонений. Не всегда все три элемента выражены поверхностно; наоборот, и участники, и маркер могут быть выражены в пределах одного высказывания более одного раза; два или все три элемента могут быть выражены в одном слове; маркером отношения могут служить единицы разных морфологических классов, обладающие разной дистрибуцией; варьируется линейный порядок и синтаксическая структура. В монографии рассматриваются только те случаи, когда (i) Сопр., Спутник и маркер отношения имеют поверхностное выражение, (ii) отсут-

ствуется семантическая инкорпорация одного из элементов в значение прочих элементов высказывания; (iii) маркер отношения является служебной морфемой.

Отношение сопровождения может выражаться в различных синтаксических контекстах. Прежде всего, участники отношения (Сопр. и Спутник) жестко не связаны с синтаксическими позициями (подлежащего, дополнения и т.п.). Далес, ИГ-Спутник может быть не только сирконстантом, но и актантом ядерного предиката – как симметричного (*подружиться с кем-л.*), так и несимметричного; например, в малаккском креоле комитативный показатель *ku* (< португ. *com*) может маркировать объект. Наконец, если в типичном случае ИГ, соответствующие двум участникам, подчинены глаголу, существует значительный класс примененных употреблений, в которых ИГ-Спутник является определением к ИГ-сопровожаемому (ср. *der Mann mit der Glatze* 'лысый мужчина', букв. 'мужчина с лысиной'). В таких случаях Штольц говорит об отношениях внутри партиципанта (*interparticipant relations*). Бывают и употребления, где ИГ-спутник модифицирует не обычную, а притяжательную форму имени (ср. рус. *Мы подошли к нашему с Машей дому*).

Семантические различия внутри комитативной зоны также очень значительны. Т. Штольц выделяет четырнадцать (!) подтипов отношений, выражаемых в современном немецком языке предлогом *mit* 'с' (с. 41–43). Некоторые из этих отношений ближе к прототипическому отношению сопровождения, другие – к типичной инструментальной ситуации; комитатив и инструменталис выступают как два полюса этой шкалы. Отмечается, что приведенный инвентарь – не самый подробный и может быть далее детализирован. Различение выделенных отношений и их дальнейшее дробление мотивируется тем, что комитативные маркеры в разных языках не совпадают по сфере своих употреблений: во многих языках различаются инструменталис и комитатив; часто граница проходит между приглагольными и примененными употреблениями, и т.д. Пересекающиеся по значению маркеры в одном и том же языке могут также существенно различаться набором функций: так, в немецком показатели *zusammen mit*, *samt*, *nebst* 'вместе с' и др. имеют более узкие и специализированные спектры функций, чем универсальный *mit*. Особый интерес представляют те языки, в которых существует больше одного маркера для ситуаций, близких к прототипу. Так, в эвенском четыре комитативных маркера имеют разные предпочтения по одушевленности спутника. В папуасском языке таирора комитатив маркируется по-разному в зависимости от чис-

ла спутника (ед. или мн.). В юто-ацтекском языке лусеньо сообщается о троичной оппозиции, где наряду с нейтральным комитативным маркером имеются особые показатели для стативных vs. динамических ситуаций. Разделение может также проходить по признаку отчуждаемости/неотчуждаемости, степени контроля, макророли (Актор или Претерпевающий) и др. (с. 56–60). Аналогично дробятся и инструментальные функции.

Часть вторая. В § 8 подвергается критическому анализу тезис, выдвинутый в свое время во влиятельной работе [Lakoff, Johnson 1980]: «За небольшим числом исключений, во всех языках мира соблюдается следующий принцип: слово или грамматическое средство, обозначающее СОПРОВОЖДЕНИЕ, также выражает ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ». Эта предположительная универсалия, которую Лакофф и Джонсон объясняли влиянием метафорической схемы «Инструмент – это Спутник», оставила свой след во многих последующих работах, часто принимаясь на веру. Между тем, серьезной проверки на широком языковом материале она не выдерживает. Как показывает Штольц на выборке из 323 языков со всех континентов, только 24% языков маркируют комитатив (= КОМ) и инструменталис (= ИНС) одинаково («тип В» по Штольцу), еще в 11% сосуществуют синкретичные и несинкретичные показатели («тип С»): напр., в венгерском наряду с синкретичным показателем *-val/-vel* (КОМ/ИНС) имеется так наз. социатив на *-stul/-stül*, выражающий только КОМ. В большей же части языков (65%) КОМ и ИНС всегда различаются («тип А»). Таким образом, «универсалия» Лакоффа–Джонсона в ее первоначальном виде оказывается совершенно несостоятельной. Еще один нетривиальный результат состоит в том, что статистические тенденции для языков Европы отличны от общемировых – здесь выше всего доля языков типа В (49%) и ниже всего доля языков типа А (31%). Выясняется, что синкретизм комитатива и инструменталиса – типично европейская черта (см. часть третью), особенно характерная для языков индоевропейской семьи.

В § 9 исследуются корреляции КОМ и ИНС с другими категориями: агентивностью (включающей эргатив, каузатив и агенс в пассиве), сочинением, локативными отношениями, предикативным обладанием и др. Основной вывод состоит в том, что две центральные категории обладают различными предпочтениями в отношениях с третьими категориями; например, КОМ склонен к синкретизму с сочинением и possessивностью, а ИНС – с агентивностью и локативом. Отмечается, что совпадение КОМ и ИНС делает гораздо более вероятным

«перекрестный» синкретизм – например, маркеры ИНС и сочинения совпадают только в том случае, когда и КОМ выражается так же (играя роль «моста»). При этом комитатив никогда не бывает синкретичен с эргативом, хотя по отдельности синкретизм КОМ = ИНС и ИНС = ЭРГ встречаются во многих языках.

В качестве объяснительного механизма Штольц предлагает отказаться от рассмотрения взаимодействия категорий как неделимых сущностей и искать мотивацию синкретизма во взаимодействии отдельных семантических признаков. Так, КОМ и сочинение объединяет равенство статусов участников (признак «Одинаковы»); КОМ и обладание – признак «Группы»; ИНС и КОМ – признак «Контроля» (Сопровождаемого над Спутником и Пользователя над Инструментом).

Параграф 10 посвящен вопросам соотношений ИНС и КОМ в системе языка. С одной стороны, их часто объединяет общий отрицательный коррелят ('без'): если синкретичны утвердительные формы КОМ и ИНС, то отрицательные тоже не различаются. С другой стороны, показано, что комитатив в целом является более маркированной категорией из двух, а инструменталис – менее маркированной и более грамматикализованной. Комитативные маркеры в среднем превосходят инструментальные по числу слогов и по числу сегментов; маркер КОМ может быть синхронно производным от маркера ИНС (т.е. более сложным), но не наоборот; если КОМ выражается связанной морфемой (аффиксом), то и ИНС тоже, но обратное неверно; наконец, нулевое выражение может иметь только инструменталис.

В третьей части на материале корпуса параллельных текстов исследуются комитатив и инструменталис в языках Европы. В рамках этой задачи разработана процедура построения количественной меры близости языков. Основные выводы этого богатого фактическим материалом и статистическими таблицами раздела таковы. Сходство между языками в употреблении КОМ/ИНС достигает максимума в контекстах, наиболее близких к прототипическим, а именно при наличии отношений собственно Сопровождения, Инструмента, Орнатива (т.е. временного свойства; напр., «Она вернулась с заплаканными глазами»). При выражении непрототипических отношений на степень схождения в большей степени влияют генетические и ареальные факторы. Кроме того, грамматические и стилистические правила отдельных языков в индивидуальных случаях дают непредсказуемые результаты. Языки всех трех типов последовательны в использовании одного из доступных показателей в про-

тотипических функциях. Различия возникают при сравнении границ употребления маркеров в языках типа А и типа С; при этом обнаруживается значительная корреляция с генетической принадлежностью языка. В целом прослеживается тенденция к постепенному изменению свойств языков при движении с юга на север и с запада на восток. Параграф 12 посвящен детальным «портретам» трех языков – мальтийского арабского (тип А), латышского (тип В) и исландского (тип С). Интересная черта, присущая всем трем (и при этом достаточно редкая в Европе) – различие ориентации на Сопровождаемого (*Пусть он идет со мной!* – маркируется Спутник) vs. ориентации на Спутника (*Мы возьмем бабушку с собой?* – маркируется Сопр.) при помощи разных показателей.

В четвертой части авторы обращаются к динамическому измерению комитатива. Рассматриваются источники грамматикализации комитатива, которые условно располагаются в пространстве, образованном четырьмя концептами: обозначение группы ('компания'), обозначение тождества ('один'), социальной близости ('друг') и пространственной близости ('в одном месте', 'около'). Считается, что комитативное значение может служить основой для развития у показателя инструментальной функции, но не наоборот – т.е. что этот путь грамматикализации является односторонним. С другой стороны, материал различных языков, в том числе славянских, балтийских и финно-угорских дает возможность предполагать наличие более или менее регулярного механизма циклических изменений, приводящих к смене языкового типа: от типа А к типу В и обратно, каждый раз через промежуточную стадию типа С (в более ранней работе [Stolz 1996] эти циклические изменения назывались «кругом маркированности»). Причина в том, что маркер комитатива периодически подвергается обновлению, начинающемуся с факультативного усиления, напр. адвербиалом со значением 'вместе'. Обновленный маркер комитатива имеет тенденцию расширять сферу своего употребления на инструментальные контексты; таким образом, уже ИНС получает вариант оформления, совпадающий с комитативом (тип С). Затем этот вариант становится обязательным, вытесняя прежний маркер ИНС (тип В). После чего комитатив снова получает факультативное усиление (тип С), которое становится обязательным (тип А) и, возможно, в свою очередь расширяется на инструментальные контексты (тип В).

В § 14 речь идет о возможных типах изменений в ситуации языкового контакта. В частности, авторы приходят к выводу о контактной

природе изменений в европейских языках, в результате которых многие языки перешли в тип В, т.е. получили синкретичные средства выражения комитатива и инструменталиса. В § 15 подводятся итоги и очерчивается круг перспективных вопросов для дальнейших изысканий, таких как комитативные отношения между предикациями.

Монография является образцом чрезвычайно подробного и добросовестного исследования. Стоит отметить малое количество опечаток и высокую степень надежности приводимых данных. Большие усилия направлены на то, чтобы облегчить читателю ориентацию в материале; так, к каждому примеру дается указание иллюстрируемой им функции. В некоторых местах изложение можно даже считать слишком подробным; вероятно, статистические данные в ряде случаев можно было бы подать более компактно. Не вполне удачны мнемонические обозначения, согласно которым различаются термины «комитатив», «Комитатив», «КОМИГАТИВ» и «**Комитатив**», что подчас вызывает у читателя ощущения, сходные с ощущениями решателя задач лингвистической олимпиады. Одно из положений кон-

ценции Штольца, которое можно отнести к дискуссионным, – определение комитатива через асимметричное отношение сопровождения (см. альтернативный подход в [Архипов 2005]). Несмотря на это, рецензируемая монография является важнейшим этапом в изучении не только комитатива и инструменталиса, но и типологии предикации в целом, и безусловно заслуживает самого пристального внимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов 2005 – А.В. Архипов. Типология комитативных конструкций. Часть I. Определение и формальная типология // ВЯ. 2005. № 4.
- Lakoff, Johnson 1980 – G. Lakoff, M. Johnson. *Metaphors we live by*. Chicago; London, 1980.
- Stolz 1996 – T. Stolz. Komitativ-Typologie: MIT- und OHNE-Relationen im crosslinguistischen Überblick // *Papiere zur Linguistik*, Bd. 54. № 1, 1996.

А.В. Архипов

C.P. Masica (ed.). Old and new perspectives on South Asian languages: Grammar and semantics. Papers growing out of the fifth International conference on South Asian linguistics (ICOSAL-5), held at Moscow, Russia, in July 2003. – Delhi: Motilal Banarsidass, 2007. 357 p. (MLBD series in linguistics; v. 16)

Книга «Старый и новый взгляд на языки Южной Азии: грамматика и семантика» является примечательным собранием исследований по языкам Южной Азии, выполненных учеными из шести стран – Индии, России, США, Канады, Франции и Германии. Все четыре основные языковые семьи Южной Азии (индоарийская, дравидийская, австроазиатская и тибето-бирманская) представлены в материалах статей.

Хотя сборник этот создан на основе докладов, представленных на Пятой международной конференции по языкам Южной Азии (Fifth international conference on South Asian linguistics, ICOSAL-5), проведенной в Москве в июле 2003 г., его содержание существенно отличается от программы конференции. В сборник вошли не все доклады, представленные на конференции, и, напротив, включены статьи Дж. Петерсона и Т.И. Оранской, в конференции не участвовавших. Кроме того, все доклады были в значительной степени переработаны и расширены авторами.

Так же, как и сам Южноазиатский регион демонстрирует сложную социолингвистическую ситуацию смещения множества языков с

разной генетической принадлежностью и типологическими чертами, так и сборник, посвященный этим языкам, представляет собой весьма пеструю картину. Статьи объединены ареалом, но не теоретическими рамками. Так, исследование К. Вали и О. Коула, написанное в рамках минималистского подхода порождающей грамматики Хомского, соседствует со статьей Б.А. Захарьина, адаптирующего понятия грамматики Панини к описанию современного хинди. Тематический разброс также велик: затрагиваются вопросы морфологии, синтаксиса, семантики и ареальной типологии языков данного региона. Тем не менее, сборник производит впечатление цельного труда, написанного в едином формате, а не просто нескольких статей, произвольно собранных вместе. Это можно объяснить вкладом редактора сборника К. Масики, проведшего значительную унификацию столь разных работ. К недостаткам сборника можно отнести лишь непоследовательность применения глоссирования и отсутствие для глоссирования единого формата иногда даже в рамках одной статьи, что может затруднить понимание материала для неспециалистов.

В сборник вошли 15 статей, распределенных по трем тематическим разделам: 1) историко-этимологические, 2) ареальные и типологические, 3) описания конкретных языков. Разделение это довольно условно, большая часть статей первого и третьего разделов также включает в себя типологические параллели.

Статья В. Бубеника «Об эволюции системы падежей и послелогов в средних и новых индоарийских языках (с использованием материала европейских диалектов цыганского языка)» дает диахроническую перспективу разрушения падежной системы средних индоарийских языков. На материале анабхранша исследуется функционирование адвербиальных элементов в качестве предлогов/послелогов и постепенное сокращение использования синтетических форм, унаследованных из индоарийских языков древнего и среднего периодов. Четыре падежа поздних средних индоарийских языков были реинтерпретированы в новых индоарийских языках следующим образом: NOM/ACC > прямой падеж, GEN/DAT/ABL > косвенный падеж, INSTR > относительные послелогии, LOC > локативные послелогии. Более подробно это явление рассматривается на примере способов выражения начальной точки движения, локализации и инструмента. Особое внимание в статье уделяется европейским диалектам цыганского языка. Они отличаются от других новых индоарийских языков тем, что индоарийские вторичные послелогии реализуются в них как предлоги. Это отличие типологически соответствует базовому порядку слов в европейских цыганских диалектах, сменивших типичную индоарийскую структуру SOV на SVO.

Статья Т.И. Оранской «Слова со значением 'страх' в индоарийских языках» будет интересна всем лингвистам, занимающимся языковой картиной мира и концептуализацией эмоций в языке. Как показала автор, большинство слов индоарийских (а также в ряде других индоевропейских языков), выражающих чувство страха, генетически связаны с концептом 'дрожать'. Это можно проследить как по оноματοпоэтической фонетической форме, обычно характеризующейся сочетанием взрывного дентального с флэпом или дрожащим, так и в общих семантических чертах. Концепт 'дрожать' семантически и в некоторых случаях этимологически относится к концептам 'бить', 'ударять' и 'раскалывать'. Концепты 'страх' и 'радость' могут выражаться одними и теми же лексическими средствами. Слова, выражающие концепты 'страх' и 'радость', – это базовые описания типичных соматических реакций живых существ на сильные неожиданные эмоции.

В чрезвычайно подробной и обстоятельной статье А.А. Сигорского «Падеж, расщепленная номинативность, расщепленная эргативность и расщепленная аккузативность в хинди: историческая перспектива» предлагается типология эргативности в новых индоарийских языках, в частности, в хинди (включая диалекты и литературный язык), описываются явления расщепленной эргативности, номинативности и аккузативности, рассматривается эволюция эргативной конструкции в хинди. В конце среднеиндоарийского периода в результате разрушения падежной системы эргативная конструкция приняла вид «субъект в косвенном или объектном падеже + транзитивный глагол совершенного вида». Такая конструкция обычна не только для некоторых северных новых индоарийских языков, но также и для некоторых иранских. Однако поскольку косвенный падеж не всегда формально отличим от номинатива, эргативная конструкция стала смешиваться с номинативной. Для языков хинди было два пути: переход в номинативный тип или восстановление различия эргативной и номинативной стратегии. Восточные диалекты хинди выбрали первый путь, а западные – второй. Эргативная стратегия стала нормой в стандартном хинди и в его западных диалектах, так же как в западных и южных новых индоарийских языках. В статье вводится понятие «мегападеж» – падеж, в котором комбинируются два простых падежа в отношении дополнительной дистрибуции. В хинди выделяется два мегападежа – структурный AGENT (номинатив и эргатив) и структурно-семантический ACC (номинатив в качестве неопределенного прямого дополнения и датив в функции аккузатива, маркирующий определенное прямое дополнение).

Х. Хок в статье «Южная Азия и тюркские языки: центральноазиатские связи?» указывает, что особенности, которые характеризуют Южноазиатский ареал, имеются и в турецком, и в других тюркских языках: типологические черты причастий, инфинитивов, отглагольных имен, конвербов и др. Кроме того, есть специфические явления, такие как редупликация целого слова и эхо-редупликация, которые также характерны и для языков Южной Азии, и для тюркских. Как показывает автор, для объяснения последних явлений недостаточно предположения, что эти сходства отражают параллельное развитие типологически сходных структур личного глагола. Автор предлагает в статье аргументы в пользу гипотезы, что сходства отражают интенсивный контакт носителей индоарийского прапракрита гандхари или прапракрита из Нийи, восточно-иранского согдийского или сакского, классического тибетского,

тохарского и древнетюркского языков в центральноазиатском оазисе в начале первого тысячелетия нашей эры.

В фокусе внимания интересной и содержательной статьи Л.В. Хохловой и С. Сингха «Результативные конструкции с выраженным агенсом/посессором в хинди-урду и западных новоиндоарийских языках» – общие и различные черты результативных конструкций с выраженным агенсом/посессором в четырех языках: хинди-урду, панджаби, гуджарати и марвари. В статье рассматриваются три вида результативных конструкций: 1) конструкция, обозначающая результирующее состояние субъекта; 2) конструкция, обозначающая результирующее состояние объекта и 3) результативная конструкция с выраженным агенсом/посессором, которая предполагает второго участника ситуации. Обсуждаются основные модели падежного маркирования и глагольного согласования в конструкциях первых двух типов и семантические ограничения на их употребление. Третий тип результативных конструкций встречается только в панджаби и употребляется в основном в разговорной речи. Эти конструкции схожи по форме и значению с русскими конструкциями типа *У Маши квартира убрана*. Авторы выделяют три разновидности таких конструкций.

Х. Лян и П. Хук в статье «Сложный глагол в китайском и хинди-урду и реальность индо-турского языкового ареала» подробно обсуждают формальные и функциональные сходства и различия сложных глаголов в китайском языке и хинди-урду. Делается вывод, что китайский сложный глагол, состоящий из последовательности двух глаголов, менее продуктивен и регулярен по сравнению с хинди-урду; кроме того, у них совершенно разный синтаксис и семантика. Таким образом, делается вывод о том, что по критерию наличия сложных глаголов нет достаточных оснований для того, чтобы включать китайский язык в «индо-турской» ареал, как это сделано в [Masica 2001], и что, напротив, лингвистическая карта, предложенная в [Masica 1976], где Восточная и Юго-Восточная Азия рассматриваются отдельно от Южной, Центральной и Северо-Восточной Азии с точки зрения наличия конструкций из двух глаголов, в большей степени типологически и географически обоснована.

В статье В.П. Липеровского «Заметки о маркировании актантов в языке брадж (в сравнении с современным стандартным хинди)» рассматриваются пять базовых видов конструкций с финитным глаголом: активно-субъектная, активно-объектная, активно-нейтральная, неактивно-объектная, неактивно-нейтральная. Эти конструкции анализируются с

точки зрения глагольного залога (активный/пассивный) и согласования или отсутствия согласования глагола с одним из актантов. Особое внимание автор уделяет специфическим свойствам этих конструкций в брадже.

К. Суббарао в статье «Устранение многозначности в языках Южной Азии» демонстрирует, что во всех языках Южной Азии существуют очень похожие способы устранения потенциальной многозначности в дискурсе. Показано, что употребление частиц или глагольных клитик, процесс копирования вершины и наличие vs. отсутствие редуцированных форм являются механизмами, обеспечивающими снятие неоднозначности и более легкую расшифровку информации. Также объясняется, почему употребление некоторых частиц облегчает восприятие информации говорящим, в то время как других – нет. В статье показано, что хотя способ снятия многозначности кажется на первый взгляд явлением, специфическим для каждого языка, некоторые способы являются общими по крайней мере для языков Южной Азии.

Ж.-Л. Шевийар в статье «Синтаксическая двойственность в классической тамильской поэзии», изучая синтаксис корпуса классической тамильской поэзии, задается отчасти философскими вопросами – является ли поэтический язык языком в полном смысле этого слова? Может ли поэт «изобрести» новый язык, отличный от его родного? И как лингвисты должны к этому относиться?

В статье А. Дэвисон «Иерархическая структура и линейный порядок: коррелятивные конструкции в хинди-урду» сравниваются финитные релятивные конструкции в раннем санскрите и в хинди/урду. Относительные придаточные в хинди/урду сохранили много синтаксических свойств старых конструкций, но с более четким разделением относительных и коррелятивных придаточных. Весьма подробно исследуются разные типы относительных придаточных, сравнивается линейный порядок главного и придаточного предложений в санскрите и в хинди, рассматривается положение в относительных конструкциях топика и фокуса высказывания (топик слева, фокус справа) и т.д.

Редактор сборника К. Масика в своем исследовании «Подлежащие в постглагольной позиции в телугу и других языках» показывает, что изменение порядка слов является плодотворным параметром для исследования дискурсивно-маркированных структур. И стилистические факторы, и механизмы дискурсивного маркирования не являются одинаковыми для всех языков со свободным порядком слов, но отличаются для разных типов порядка слов. Особое значение имеет каноническая позиция

глагола и фокуса высказывания, но также и другие, пока еще не вполне ясные, факторы, противопоставляющие телугу и тамильский, с одной стороны, и хинди и гуджарати, с другой. Более того, некоторые механизмы дискурсивного маркирования (например, маркирование определенного объекта) встречаются как в индоарийских языках на севере Южной Азии, так и в тюркских языках, что, возможно, является результатом ареальных и исторических факторов. Что касается вариантов порядка слов, стилистических или прагматических, автор находит много общего между «жестким» порядком SOV дравидийских и тюркских языков.

Проблему выделения частей речи затрагивает Дж. Петерсон в статье «Языки без имен и глаголов? Альтернативная классификация лексем в кхария». Языки мунда известны тем, что в них очень слабо различаются имена и глаголы. По мнению автора, так же, как не во всех языках есть время или грамматический род, так не существует и логических оснований предполагать наличие во всех языках имен и глаголов. В статье показано, что хотя традиционное разделение на части речи в языке кхария возможно, однако гораздо более продуктивно выделить два класса элементов словаря – открытый (лексические морфемы) и закрытый (грамматические морфемы). При этом закрытый класс можно разделить на дальнейшие подклассы, а для открытого класса такое деление невозможно. Аргументация строится в основном на структурных аргументах, хотя семантические аспекты также приводятся, поскольку «имена» и «глаголы» – это грамматические категории. В кхария, однако, есть разделение на два грамматических класса – предикаты и их дополнения, которые выражают, соответственно, предикацию и референцию, однако разделение это отличается от традиционного деления на глаголы и имена, поскольку эти подклассы характеризуют не лексемы, а словосочетания.

Статья Д.В. Сичиной «Показатели прошедшего времени в сантали: типологически-ориентированный подход» является частью более широкого типологического исследования квазисинонимичных показателей прошедшего времени. В ней рассматриваются три показателя в языке сантали, относящиеся к плану прошедшего и их дополнительные, нетемпоральные функции: *-le-* (ирреальный маркер), *-ke-* (маркер прошедшего времени и модальности), *-tahēkan-* (универсальный «ретроспективизатор»). По крайней мере, два из трех показателей прошедшего времени в сантали (*-le-* и

-tahēkan-) не являются классическими видо-временными показателями: они оба имеют функцию сигнализации о разрыве между настоящим и будущим, а также связаны с категориями результата, временной дистанции и модальности.

К. Вали и О. Коул в статье «Двойное падежное оформление посессивной конструкции в кашмири: другой взгляд» сравнивают разные подходы к объяснению двойного падежного оформления посессора в кашмири. В исследовании излагаются преимущества анализа, предлагаемого авторами в рамках минималистской теории.

Завершается сборник статьей Б.А. Захарьина «‘LOPA’ Панини и нулевые аффиксы в современном стандартном хинди», в которой доказываются преимущества подхода Панини, адаптированного для современного хинди, для объяснения некоторых синтаксических явлений в этом языке.

В целом можно сказать, что этот сборник хорошо отражает современное состояние исследований в области языков Южной Азии. Его достоинством, кроме всего прочего, является то, что вошедшие в него статьи могут быть интересны не только специалистам по языкам данного ареала, но и широкому кругу читателей. Темы, затронутые в сборнике, являются весьма актуальными для современной типологии: отсутствие в языке четкого разделения на класс имен и глаголов, вопросы, связанные с эргативной и номинативной стратегией, проблемы падежного маркирования в различных конструкциях, порядок слов, лингвоспецифические концепты и др. В оглавлении книги при каждой статье указывается, на материал каких языков опирается данное исследование, что также очень удобно для читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Masica 1976 – C.P. Masica. Defining a linguistic area: South Asia. Chicago, 1976.
Masica 2001 – C.P. Masica. The definition and significance of linguistic areas // P. Bhaskararao, K.V. Subbarao (eds.). South Asia yearbook 2001: Papers from the symposium on South Asian languages: contact, convergence and typology. Delhi, 2001.

Ю.В. Мазурова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Российский гуманитарный научный фонд: поддержка лингвистических мероприятий

В этом номере мы продолжаем заложенную в журнале традицию знакомить читателей с различными проектами по лингвистической тематике, поддержанными РГНФ в текущем году, включая научные конференции, экспедиции и издательские проекты. Свой обзор мы решили выстроить в хронологическом порядке, чтобы представить все тематическое и географическое разнообразие научной жизни в течение 2008 года.

Конференции

В этом году РГНФ финансирует в общей сложности 18 конференций, один постоянно действующий семинар и одну лингвистическую школу. Многие конференции стали уже традиционными и проводятся академическими институтами и университетами ежегодно.

Отдел современного русского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН провел Международную конференцию «Язык современного города. Восьмые Шмелевские чтения» (25–27 февраля, Москва). Конференция состояла из одного пленарного заседания и пяти секций: методологические аспекты изучения языка современного города; проблемы лексикологического и лексикографического описания языка города; разновидности городской речи; язык современного города в социокультурном аспекте, а также фонетические аспекты изучения городской речи. Среди участников чтений были известные лингвисты, специалисты в области изучения современного русского языка (О.П. Ёрмакова, Е.А. Земская, Г.А. Золотова, В.Е. Гольдин, Л.П. Крысин, М.А. Кронгауз, А.Д. Шмелев), ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Волгограда и других городов России, а также исследователи из США, Австрии, Литвы, Болгарии, Белоруссии и Украины. Материалы данной конференции бу-

дут опубликованы в виде тезисов и сборника докладов.

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина провел III Международную научно-практическую конференцию «Язык и коммуникация в контексте культуры» (21–24 марта, Рязань). Основным предметом конференции являлся язык и его функционирование в различных коммуникативных сферах с учетом социокультурных особенностей. Материалы конференции предполагают прикладное использование в обучении специалистов в области международных отношений, а также будущих филологов и учителей.

Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета организовал очередную XI Межвузовскую научную конференцию студентов-филологов (7–12 апреля, Санкт-Петербург). Участие в работе конференции даст возможность молодым ученым проявить себя в обсуждении и принятии решений по актуальным вопросам филологической науки, познакомиться с развитием филологии в других странах, приобрести опыт научной работы, приобщиться к университетской научной среде.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена провел VII Международную научно-практическую конференцию «Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории» (16–18 апреля, Санкт-Петербург). Кроме пленарного заседания, работали 6 секций и Круглый стол. Цель конференции – апробация и обсуждение результатов исследований в области теории и практики преподавания русского языка как иностранного.

В Уральском государственном университете состоялась Всероссийская конференция с международным участием по проблемам рус-

ского языка «Креативная лингвистика» (15–17 мая, Екатеринбург), в ней приняли участие 90 человек. На пленарном заседании обсуждались проблемы изучения лингвокреативной деятельности в современной научной парадигме: когнитивный, психолингвистический, этносоциокультурный и собственно лингвистический подходы к описанию феномена. В рамках конференции работали секции: Лингвистика игры, Современная языковая ситуация в зеркале игрового дискурса, Детская речь как проявление лингвокреативной деятельности, Креативная языковая личность, диагностика лингвистической креативности, Лингвокреативная составляющая образовательного процесса.

Томский политехнический университет провел Международную научно-практическую конференцию студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (20–22 мая, Томск), в ней приняли участие 300 человек. На конференции рассматривались вопросы взаимодействия языка и культуры, функционирования языка в условиях поликультурного пространства современного общества, обсуждались проблемы инновационных технологий и методик преподавания иностранных языков.

Конференция «Славянский стих» проводится один раз в три года в разных странах Европы и США. IX Международная конференция проводилась на территории России (23–30 июня, Москва, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН). На конференции были представлены все основные направления развития стиховедения и лингвистики стиха в России, США, Англии, Германии, Италии, Польше, Финляндии, бывшей Югославии, Эстонии, Украине, Белоруссии, Армении. Программа включала доклады по фонетике, интонации, морфологическому наполнению, синтаксической структуре, семантической организации стиха в сопоставлении с прозой, метрике, ритмике, строфике стиха XVII–XX вв. На конференции были представлены как доклады известных стиховедов, так и наиболее интересные работы молодых исследователей.

С 26 по 30 июня в Горно-Алтайске пройдет¹ Международная научно-практическая конференция «Горный Алтай: проблемы билингвизма в поликультурном пространстве». На конференции предполагается творчески интегрировать новейшие

результаты теоретических изысканий и экспериментальные сопоставительные исследования славянских, тюркских и германских языков с целью оптимизации процесса обучения студентов-алтайцев иностранным языкам.

В Институте лингвистических исследований РАН Санкт-Петербурга с 23 по 25 июня состоится конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII» (Чтения памяти профессора И.М. Тронского). Ставшие в последнее время ежегодными эти Чтения дают возможность регулярных встреч между представителями академической и вузовской науки России. Такие встречи играют немалую роль в научной жизни Москвы и Санкт-Петербурга и получили высокую оценку в отечественных, американских и европейских научных изданиях. При отборе докладов Оргкомитет традиционно отдает предпочтение научным направлениям, связанным с изучением классических языков в сравнительно-историческом освещении, а также докладам, в которых представлен широкий филологический подход к материалу, дающий исследованию необходимую основательность. В Чтениях постоянно принимают участие ученые не только Санкт-Петербурга и Москвы, но и других научных центров России и зарубежья.

Кемеровский государственный университет проводит V Сибирскую летнюю лингвистическую школу «Теоретические и прикладные аспекты современной лингвистики» (с 27 июня по 5 июля), посвященную юбилею доктора филологических наук Е.С. Кубряковой. Для знакомства студентов, аспирантов и преподавателей вузов сибирского региона с современными проблемами науки о языке приглашены ведущие лингвисты России для чтения курсов по наиболее перспективным направлениям лингвистики (семиотика; когнитивная лингвистика и когнитивное словообразование; системная лингвистика; лингвопрагматика; лингвистика дискурса и текста; жанрология).

В 2008 году исполняется сто лет с момента дешифровки тохарских языков. Тохарские языки – самые восточные из западно-индоевропейских, их открытие перевернуло научные представления о диалектном членении праиндоевропейского языка. В связи с этим Российский государственный гуманитарный университет проводит конференцию «Тохарские языки: К столетию дешифровки». Конференцию предполагается провести с 25 по 30 августа, в составе 7 секций, с выездной сессией в Санкт-Петербург, где в Санкт-Петербургском отделении Института Востоковедения РАН хранятся то-

¹ Данный обзор сдан в редакцию в первом полугодии 2008 г., когда указанным лингвистическим мероприятиям еще предстояло осуществить свою работу.

харские рукописи. Предполагается 20 участников из России и 30 участников из-за рубежа.

Музей антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамера) проводит международную конференцию «Языки и языкознание манде» (4–7 сентября, Санкт-Петербург). В настоящее время российская школа исследований языков манде (Западная Африка) становится ведущей в мире: постоянно растет количество языков семьи, в описании и анализе которых российским лингвистам принадлежит приоритет. Конференция должна представить на суд коллег результаты двух этапов совместного российско-швейцарского проекта по изучению южных языков манде (2000–2008 гг.), благодаря которому состоялось уже 8 лингвистических экспедиций в Кот-д'Ивуар, в которых участвовали более полутора десятков российских лингвистов. В программу конференции планируется включить до 50 докладов: несколько больше половины будут составлять зарубежные участники, около двух десятков докладов ожидается от российских лингвистов – большей частью молодых (студентов и аспирантов университетов и академических институтов Москвы и Санкт-Петербурга).

В 2008 году исполняется двадцать лет отделению новогреческой и византийской филологии СПбГУ. В связи с этим с 8 по 10 сентября в Санкт-Петербурге состоится конференция «Неоэллинистика и византистика в С.-Петербурге», в ней примут участие 45 ученых из России, США, Греции, Германии, Нидерландов. На конференции будут подняты вопросы, связанные с особенностями развития и функционирования греческого языка и литературы, в том числе и на диалектах. Организует конференцию Факультет филологии и искусств СПбГУ.

Факультет педагогики и методики начального образования Таганрогского государственного педагогического института с 19 по 21 сентября проводит Всероссийскую конференцию «Текст и контекст: филологический и библиопсихологический анализ», посвященную 150-летию со дня рождения А.П. Чехова. Данная конференция впервые на примере исследования творчества А.П. Чехова объединит усилия филологов-лингвистов, психологов, занимающихся вопросами психологии чтения, библиотечных работников и работников образования, озабоченных проблемой резкого снижения общей культуры чтения и грамотности подрастающего поколения.

Всероссийская научная конференция по классической филологии и сравнительно-историче-

скому языкознанию пройдет с 18 по 20 сентября в Томском государственном университете. Основная цель конференции – обсуждение актуальных проблем классической филологии, истории греческого и латинского языков, этимологии, античной литературы и культуры, вопросов преподавания дисциплин классической филологии на современном уровне. В конференции, которая пройдет в стенах Томского университета в пятый раз, примут участие ученые и преподаватели из Кемерово, Барнаула, Новосибирска, Омска, Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Самары, Екатеринбурга, Иркутска, Горно-Алтайска, Минска и других городов.

Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина проводит III Международную научно-практическую конференцию «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» (30 сентября – 1 октября, г. Бийск). В рамках конференции, кроме двух пленарных заседаний, предполагается работа 4 секций (Общие вопросы языка; Теория лексики; Исследования текста; Грамматические исследования) и проведение круглого стола «Спорные вопросы когнитивной лингвистики» (г. Белокуриха). По результатам работы планируется издание сборника трудов конференции.

В конце сентября – начале октября Институт перевода Библии и Институт языкознания РАН (г. Москва) организуют конференцию «Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов России и СНГ». На конференции предполагается обсуждение следующих проблем: роль перевода Библии в повышении престижа родного языка; роль перевода Библии в создании единого лингвокультурного пространства в РФ; проблемы создания письменности и распространения грамотности на родном языке среди носителей бесписьменных языков; проблемы соотношения литературной нормы и диалектных явлений в переводе; роль переводов Библии в развитии грамматической структуры и словарного запаса языков народов РФ; «академический»/буквальный или общедоступный/смысловой перевод; переводческая деятельность как разновидность научного изучения языка; использование переводных текстов для научных исследований.

Постоянно действующий семинар по проблемам библейского перевода продолжает традицию научных мероприятий, ранее проводившихся Институтом перевода Библии (ИПБ) совместно с РАН. Тема семинара этого года – «Перевод Библии как корпуса текстов: обобщение опыта». Эта тема позволит подвести

промежуточные итоги многолетней деятельности ИПБ в России и других странах СНГ, выработать рекомендации на будущее, способствовать активному обмену опытом между переводчиками из разных стран и регионов России. Семинар проводится два раза в год по 4–5 дней в период с 15.02 по 15.12.08.

III Всероссийская научная конференция «Русский язык XIX века: динамика языковых процессов» проводится Институтом лингвистических исследований РАН (23–27 октября, Санкт-Петербург). В конференции примут участие ведущие специалисты в области исторической лексикологии и лексикографии из разных городов России и зарубежных стран. Одной из задач конференции является интегрирование исследований по исторической лексикологии и лексикографии, обмен опытом между учеными, занимающимися изучением проблем истории русского языка нового времени. Конференция включает только пленарные заседания. Планируется издание сборника докладов.

Институт лингвистических исследований РАН организует Четвертую конференцию по типологии и грамматике для молодых исследователей (6–8 ноября, Санкт-Петербург). Основная задача планируемой конференции – расширить контакты между молодыми исследователями, работающими в области типологии в различных научных центрах России, прежде всего – в Санкт-Петербурге и Москве. В программу планируется включить более 30 докладов и 6 лекций ведущих ученых-типологов и грамматистов. К началу конференции будет издан сборник материалов.

Лингвистические экспедиции

В 2008 г. Фондом было поддержано 13 проектов, в задачи которых входило проведение лингвистических экспедиций и обработка данных, полученных с помощью полевых исследований. Почти половина из них посвящена разноплановой работе с диалектами русского языка, которую проводят исследователи гуманитарных университетов и институтов в разных регионах РФ; остальные связаны с продолжающимся описанием языков малых народностей России и стран СНГ.

Из экспедиционных проектов по описанию русских диалектов следует прежде всего отметить поддержку диалектологических экспедиций Института русского языка РАН под руководством Л.Л. Касаткина. Этот проект предполагает проведение не менее 10 различных экспедиций в Белгородскую, Брянскую, Владимирскую, Рязанскую и Тамбовскую области,

а также в Эстонию, в Южную Америку для записи говоров русских старообрядцев. Несколько менее масштабны, но не менее полезны для детализации известной нам на сегодняшний день картины русских диалектов такие проекты, как экспедиция по сбору лексических особенностей тульских говоров, организуемая Тульским государственным педагогическим университетом под руководством Н.А. Красовской; исследования русских говоров на территории Республики Коми, организуемая Институтом лингвистических исследований РАН под руководством С.А. Мызникова; и проект по исследованию русской региональной речи Вятки в лингвистическом и социолингвистическом аспекте, организуемый Вятским государственным гуманитарным университетом под руководством О.Н. Федяниной. По итогам этих экспедиций можно ожидать значительного пополнения материалов, собираемых для «Лексического атласа русских народных говоров».

Как минимум два проекта, также посвященные русским диалектам, помимо общих целей, ставят и более узкие. Так, экспедиционный проект, планируемый Уральским государственным педагогическим университетом под руководством Т.А. Гридиной, носит название «Лексические фрагменты языковой картины мира в свете ментальности диалектоносителя (на материале говоров Урала)» и призван исследовать демонологическую, обиходно-бытовую лексику и фразеологию уральских говоров. Проект Северодвинского филиала Поморского государственного университета, возглавляемый Н.В. Хохловой, озаглавлен «Динамика освоения сферы 'человек – природа' диалектным языковым сознанием» и посвящен историческому развитию названий природных объектов в архангельских говорах XIX–XXI вв.

Что касается других языков, то здесь самым масштабным из поддержанных проектов является тройная экспедиция Филологического факультета МГУ под руководством А.Е. Кибрика, предполагающая сбор данных по коми-зырянскому (финно-угорская семья), арчинскому (лезгинская семья) и осетинскому (иранская семья) языкам. На каждую экспедицию выделяется по одному месяцу. Анализ полученного материала будет проводиться в рамках типологически-ориентированного подхода к изучению языковых явлений. По сложности поставленных задач этому проекту почти не уступает и поддержанная Фондом заявка Томского государственного педагогического университета на проведение междисциплинарной этнолингвистической экспедиции в места проживания коренных народов обско-енисейского языкового

ареала. Здесь материалом будут служить такие различные, хотя и географически близкие, языки, как хантыйский (финно-угорская семья), кетский (енисейская семья) и чулымский (тюркская семья).

Из остальных экспедиционных проектов еще два посвящены диалектным описаниям финно-угорских языков – западных диалектов хантыйского (Институт лингвистических исследований РАН, под руководством М.Е. Лонгортовой и А.П. Володина) и кильдинского диалекта саамского (Мурманский государственный педагогический университет, под руководством О.Н. Иванищевой). Последний имеет достаточно специфическую и при этом весьма интригующую цель, а именно, описание субстратной лексики саамского языка, не имеющей финно-угорских соответствий и, по мнению руководителя проекта, отражающей «дофинно-угорские» корни саамов.

Фондом поддержаны также два чисто иранистических проекта: полевые исследования по селам Северной Осетии (проект Института лингвистических исследований РАН, руководитель – А.П. Выдрин), в рамках которых планируется сбор материала по грамматике осетинских диалектов, и сбор материалов по малым языкам памирского региона (проект «Словарь материальной и духовной лексики памирских языков» Института языкознания РАН, руководитель – Л.Р. Додыхудоева).

Наконец, особо стоит отметить проект МГУ по документации вымирающих тунгусо-маньчжурских языков острова Сахалин (орокский и эвенкийский; руководитель – Е.Ю. Калинина). Поскольку, по данным организаторов экспедиции, число носителей каждого из этих сахалинских диалектов на сегодняшний день не превышает одного десятка, поддержка соответствующей экспедиции представляется особенно своевременной.

Издательские проекты

РГНФ финансирует в 2008 году издание 6 словарей, 3 диалектологических атласов, 17 монографий, 6 сборников статей и 3 переводов памятников.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 35. Руководитель проекта – А.Ф. Журавлев. Словарь имеет своей целью реконструкцию лексического фонда праславянского языка и его этимологизацию. Лексической базой является материал современных литературных, диалектных и исторических словарей всех славянских языков (всего 15), а также картотек неопубликованных словарей.

Русский этимологический словарь. Вып. 2. (Ба- – Бд-). Руководитель проекта – А.Е. Аникин. Словарь содержит систематизированный в виде статей свод этимологий русской лексики, включая топонимический материал.

Словарь говоров Русского Севера. Т. 4: 3 – И. Руководитель проекта – А.К. Матвеев. Данное издание является четвертым томом многотомного Словаря, представляющего собой итог более чем тридцатилетних полевых сборов экспедиций Уральского университета на территории двух северных областей – Архангельской и Вологодской. В Словаре широко представлена народная терминологическая лексика (географическая, метеорологическая, охота и рыболовство, лесное хозяйство, народные ремесла и т.п.), а также заимствования из живых и субстратных языков, взаимодействовавших с русскими говорами на данной территории.

Большой академический словарь русского языка. Т. 14–16. Руководитель проекта – А.С. Герд. Толковый словарь русского языка (150 000 слов), охватывающий его «классический» и новый периоды, является переработанным Словарем русского языка в 17 томах. Новое издание словаря отражает изменения, произошедшие в русском языке за последние 50 лет.

Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 2. «Звери, насекомые, рыбы, змеи». Руководитель проекта – З.Ю. Петрова. Второй выпуск словаря включает четыре части, описывающие соответствующие семантические фрагменты системы компаративных тропов. В каждой из частей в идеографическом порядке располагаются метафоры и сравнения, в которых различные реалии (человек, душа, мысль, слово, время, свет, огонь, ветер и т.д.) сравниваются со зверями, насекомыми, рыбами, змеями.

Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. IV. Ландшафт. Руководитель проекта – М.В. Домосилецкая. Том посвящен пространственному описанию ландшафтной лексики и состоит из 155 системных, лексико-этимологических, семантических, мотивационных и др. карт с развернутой подачей материала по 11 пунктам атласа, а также некартографируемых материалов.

Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Животноводство. Руководитель проекта – А.Н. Соболев. Том посвящен терминологии животноводства (разведения мелкого рогатого скота). Обследована лексика таких тематических групп, как общая терминология скотоводства, названия овец и коз по половозрастным и вто-

ричным признакам, а также по окраске, уход за скотом, пастьба, загоны, скотоводческие хозяйственные постройки, забой скота, части туши и ее обработка и т.п. Том иллюстрирует роль унаследованных элементов, а также субстратного, греческого, (балкано)романского, албанского, славянского, тюркского и др. влияния.

Диалектологический атлас удмуртского языка. Вып. I. Руководитель проекта – Р.Ш. Насибуллин. Это первый выпуск много-томного диалектологического атласа, составленного на базе удмуртских материалов, собранных коллективом авторов (сотрудников лаборатории лингвистики Удмуртского госуниверситета) в полевых условиях. В Атласе каждая карта снабжена подробным комментарием, представляющим собой законченное научное исследование. В комментариях содержатся исторические, этнографические и этимологические наблюдения и выводы.

Языки мира: Реликтовые языки Передней Азии. Руководитель проекта – Ю.Б. Коряков. В книге собраны воедино описания языков, принадлежавших досемитскому и доиндоевропейскому населению Передней Азии. Данный том содержит новейшие сведения как по языкам с большой традицией описания (эламскому, шумерскому и др.), так и по малоизвестным и не полностью дешифрованным языкам указанного региона.

Ю.Д. Апресян (руководитель проекта). *Теоретические и прикладные проблемы синтаксиса русского языка.* Монография посвящена дискуссионным вопросам синтаксиса современного русского языка, однако затрагивает и многие другие области теоретической и прикладной лингвистики, включая теоретическую семантику, фундаментальную семантическую классификацию предикатов, системную лексикографию, теорию глагольного управления, автоматическую обработку текстов.

А.М. Белов. *Латинское ударение (проблемы реконструкции).* Первое монографическое исследование, посвященное рассмотрению латинского ударения в его историческом, типологическом и структурном аспектах.

И.А. Герасимов. *Проблемы отражения ларингалов в ведийском языке.* Автор рассматривает проблемы ларингальной теории и исторической фонетики индоарийских языков; обосновывает относительную хронологию ряда фонетических процессов и обсуждает вопрос индоевропейского статуса некоторых фонетических правил; уточняет реконструкцию праиндоевропейского фонемного инвентаря.

Н.С. Гринбаум. *Взгляд в античность. Varia.* Сборник статей содержит исследования

по общим вопросам, связанным с периодизацией античной культуры, философскому осмыслению античного литературного наследия и методике преподавания древних языков.

Вяч.Вс. Иванов. *Из истории недавнего прошлого науки.* Т. 7 избранных трудов включает работы, посвященные истории науки.

Ю.Н. Караулов. *Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Модели состояния и функционирования.* Монография относится к области когнитивной и компьютерной лингвистики и содержит разработку теоретических основ устройства и функционирования лингвокультурного сознания, структура и состав которого призваны моделировать языковую картину мира в повседневно-обыденной речемыслительной деятельности носителя русского языка-культуры.

В.В. Колесов. *Русская фонология.* Книга является изложением основных проблем исторической фонологии как самостоятельной научной дисциплины.

Л.П. Крысин. *Слово в современных текстах и словарях: Заметки о русской лексике и лексикографии.* В книге собраны работы автора, в которых исследуются активные процессы в современном русском языке (заимствования иноязычной лексики в конце XX – начале XXI вв.; взаимоотношения между литературной нормой и современной речевой практикой и т. п.).

Т.В. Ларина. *Категории вежливости и стиль коммуникации.* Данная монография посвящена актуальной проблеме изучения национально-культурных особенностей коммуникативного поведения представителей английской и русской лингвокультур.

В.В. Лопатин. *Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика.* Монография посвящена актуальным проблемам в области русского письма, рассматриваемым в двух аспектах – теоретическом и прикладном.

О.Н. Ляшевская. *Частотный словарь современного русского языка на материале Национального корпуса русского языка.* Словарь содержит представительный базовый словник современного русского языка, снабженный информацией о частотности употребления, статистическом распределении по текстам и жанрам, по времени создания текстов.

Т.А. Михайлова. *Древнеирландский язык.* Монография посвящена изложению основ грамматики древнеирландского языка (фонетика, морфология, синтаксис) в историческом и синхронном аспектах.

В.Н. Топоров. *Исследования по этимологии и семантике: Мировое дерево.* В книге собраны работы разных лет, группирующиеся

вокруг темы мирового дерева. Эти работы, воплощающие части обширного замысла, автор считал своим главным научным трудом.

В.В. Фещенко. *Языковой эксперимент: Элементы творческого опыта (авангардная эпоха)*. Монография посвящена вопросам языкотворчества в поэзии и прозе русского и англоязычного авангарда, а также связи этих проблем с параллельным научным экспериментом в теоретической поэтике и лингвистике.

С.Н. Цейтлин. *Формообразование и словообразование в детской речи*. Монография посвящена особенностям словоизменительных и словообразовательных операций в речевой деятельности русских детей в возрасте от трех до шести лет.

И.Б. Шатуновский. *Проблемы русского вида*. В монографии представлено целостное, интегральное описание семантики и функционирования видовых форм в русском языке.

Д.И. Эдельман. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика*. В монографии впервые проводится сравнительно-исторический анализ исконной лексики далеко разошедшихся языков (живых и вымерших, распространенных от Кавказа до Центральной Азии) большой генетической группы иранской языковой семьи.

Славянский стих: лингвистика и структура стиха. Руководитель проекта – Т.В. Скулачева. В сборнике представлены основные направления развития стиховедения и лингвистики стиха в России, США, Европе и странах СНГ. Сборник включает статьи по лингвистическому сопоставлению структуры стихотворных и прозаических текстов, фонике, интонации, морфологическому наполнению, синтаксической структуре, семантической организации стихотворных текстов, а также по метрике, ритмике, строфике русского стиха и стиха других славянских стран XVII–XX вв.

Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. Сборник статей, издаваемый в честь Е.С. Кубряковой. Руководитель проекта – Н.К. Рябцева. Коллективный труд отражает картину состояния дел в современной лингвистике, увиденную глазами его участников – более 70 ученых. В отдельных разделах этой монографии характеризуются установки современной лингвистики, ее ключевые понятия, конкретные задачи и методы, применяемые сегодня в сфере грамматики и семантики, неологии и терминологии, при изучении проблем текста и дискурса, гендерной лингвистики и т. п.

Проблемы грамматики и типологии: К 80-летию со дня рождения профессора Владимира Петровича Недялкова. Руководитель

проекта – В.С. Храковский. Книга содержит статьи российских и зарубежных лингвистов, тематика которых определяется научными интересами В.П. Недялкова (синтаксис, морфология, семантика, типология грамматических категорий). Среди авторов сборника В.М. Алпатов, И.Б. Долинина, Ю.П. Князев, А.К. Оглоблин, Е.В. Падучева, М. Полинская, Е. Маслова, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина и др.

Ассерция и негация. Руководитель проекта – Н.Д. Арутюнова. Сборник посвящен ассерции и негации – утверждению и отрицанию, причем отрицание выдвинуто на первый план. В круг внимания исследования вошли почти все стилистические виды дискурса – художественные, политические, специальные тексты разных исторических периодов и жанров. Лингвистические приемы соединились с философской, богословской, логической и художественной методиками анализа.

Тубаларские этюды. Руководитель проекта – С.Г. Татевосов. Статьи описывают широкий спектр явлений в области синтаксиса и семантики, наблюдаемых в тубаларском диалекте алтайского языка: бивербальные конструкции, акциональная композиция, каузативация и номинализация, семантика обстоятельственных предложений, посессивная рефлексивизация, дистрибуция кванторных слов.

Очерки по грамматике адыгейского языка. Руководитель проекта – Я.Г. Тестелец. Статьи, написанные по результатам Адыгейских лингвистических экспедиций РГГУ 2003–2006 гг., посвящены малоизученным или ранее не изучавшимся проблемам морфологии и синтаксиса адыгейского языка с применением современных аналитических методов и типологических анкет, в контексте современных грамматических и семантических теорий.

Книги Временные и образные Грузии монаха (от сотворения мира до 553 года). Том 2. В двух частях. Часть 1: Русский перевод. Персоналия ойкумены. География ойкумены. Часть 2: Историко-филологический и идейно-философский комментарий. Указатели. Авторы: В.А. Матвеев, Л.И. Щеголева.

Ойратский словарь поэтических выражений. Работа включает публикацию факсимиле, транскрипцию, исследование, комментарий и перевод. Автор этого сочинения – Зая-пандита Намхайджамцо – создатель ойратской письменности и переводчик XVII в. Автор: Н.С. Яхонтова.

Словарь Махмуда Кашигарского. Первый том русского перевода величайшего памятника тюркской филологии «Диван лугат ит-турк», созданного в XI в. на арабском языке. Русский перевод с арабского выполнен А. Ру-

стамовым, редактирование перевода провели и примечание составили И.В. Кормушин и Е.А. Поцелуевский, а также А. Рустамов, предисловие написано И.В. Кормушиным, обзорная статья принадлежит А.Н. Кононову, окончательное редактирование осуществляет И.В. Кормушин.

Подводя общий итог, можно сказать, что поддержанные проекты достаточно разнообразны и охватывают большинство областей современного языкознания. Обращает на себя внимание значительная поддержка региональных проектов, в первую очередь экспедиционных. Очевидно, что не все проекты обладают одинаковой научной ценностью, однако это связано скорее с масштабом поставленных задач, чем с их формулировкой. Что же касается

сбалансированности принятых решений, то общее впечатление здесь вполне позитивное; на будущее можно разве что пожелать, во-первых, большего внимания к заявкам по историческому языкознанию (позиции которого в России остаются традиционно сильными), а также расширения спектра охватываемых языков и языковых семей, с тем, чтобы последние не ограничивались в основном русским языком и языками, распространенными на территории РФ. Впрочем, выполнение этого пожелания зависит не столько от решений РГНФ, сколько от общего состояния лингвистической науки в нашей стране.

Е.Е. Арманд, Г.С. Старостин
(Москва)

Исчезающие языки – международная проблема

С 26 по 28 октября 2007 г. в г. Куала-Лумпур (Малайзия) проходила Международная конференция «Работая вместе по сохранению исчезающих языков: проблемы исследования и социальные предпосылки» («Working together for endangered languages: Research challenges and social impacts»). Это одиннадцатая конференция Фонда исчезающих языков – Foundation for endangered languages (FEL). Организаторами конференции явились также Малайский университет (University of Malaya) и Секция междисциплинарных курсов (Section for co-curricular courses, external faculty electives). В ее работе приняли участие представители из 21 страны, в том числе из Китая, США, Италии, Венесуэлы, Пакистана, Японии, большая делегация из Австралии.

Как показали выступления специалистов из различных точек мира, занимающихся проблемой сохранения, развития и поддержки малых языков, актуальность и острота ее не снижается. Однако в отличие от многих подобных конференций здесь наряду с традиционной фиксацией внутренних и внешних факторов, влияющих на особенности взаимодействия доминирующих и малых языков, ролью образования, государства, средств массовой информации и т.д. в их поддержке, особое внимание было обращено на действия специалистов-лингвистов, занятых решением данной проблемы, их сотрудничеству как с носителями языка, так и в целом с исследуемым сообществом. В связи с этим в предисловии и приветствии организаторов конференции было отмечено,

что «лингвисты обязаны сыграть большую роль в сохранении и развитии малых языков».

На пленарном заседании был заслушан совместный доклад Т. Грандилло (Канада) и М.Е. Виллалон (Венесуэла) «От ностальгии к надежде: воздействие языковой документации / Проект ревитализации языка мапойо в Венесуэле». Проект осуществляется уже более 10 лет. Носителей языка в 1996 г. насчитывалось около 200 человек. Как и в любом проекте, авторам (вольно и невольно) пришлось столкнуться с множеством вопросов и проблем исследования бесписьменного языка. В докладе представлено как описание языковой ситуации, собственно проекта, так и некоторые из проблем и вопросов, с которыми пришлось столкнуться авторам, в частности: вхождение в языковое сообщество и сотрудничество, выбор поведения исследователя при нежелании сотрудничества информанта, самопрезентация и восприятие «других», особые преимущества языковой документации, исследователь и структура внутренней власти сообщества и лингвист как действующая сила в изменении отношения к языку и языковой идеологии.

На секции «Предоставление полномочий сообществу: некоторые потребности» было представлено два доклада. Модели предоставления возможностей сообществу, стремящемуся возродить язык, рассматривались в докладе Р. А м е р и и А.В. Р и г н и (Австралия). Название их доклада «Совместное возрождение языка – работа по Каурна Варра Питианди». Народ каурна проживает на Аделаидских островах в Южной Австралии, они достаточно урбанизированы и лишены прав малочисленных туземных народов. В течение двух десяти-

летий старейшины каурны пытались совместно с лингвистами, музыкантами и другими специалистами реанимировать язык, который считают «исчезнувшим». Единого мнения по данному вопросу не было. Первоначально определенные попытки по возрождению языка осуществлялись под патронажем отдельных руководителей-старейшин каурна, при этом им противостояли многие члены сообщества. Были сделаны попытки проработать вопрос с ведущими организациями каурна, максимально вовлечь само сообщество. Поскольку эти организации имеют другие функции, они не оказали существенной поддержки принятым усилиям, а иногда они просто блокировали некоторые языковые инициативы, следуя политическим или личным интересам. Авторами проекта было принято решение о создании специальной организации, Каурна Варра Пинтианди (КВП), которая проводит ежемесячные сборы с целью найти какие-то имена, осуществить переводы или обсудить любую информацию, связанную с языком каурна, запланировать и осуществить языковые проекты. Собрания КВП посещают члены сообщества каурны (как старейшины, так и молодежь), учителя каурна, музыканты и лингвисты, разделяющие общее стремление к возрождению языка. Обычно на эти собрания приглашаются все каурна, но, в действительности, посещают их немногие.

Е. Бенедикто (США) и ее коллеги из Никарагуа представили в их сообщении «Модель совместного результативного исследования: группа лингвистов маяягна в Никарагуа» модель исследования с участием смешанной лингвистической команды, состоящей из лингвистов – членов языкового сообщества и нечленов, лингвистов извне. Этот методологический подход направлен на уравнивание дисбаланса, возникающего, когда группа включает специалистов разного уровня. Автор подчеркивает важность вовлечения в подобные исследования «внешних» и «внутренних» лингвистов. В целях эффективного решения проблемы обучения языку модель предлагает также, чтобы взаимодействие и обмен информацией был не только на уровне «языковое сообщество»–«обучающий компонент» и «лингвистическое исследование»–«обучающий компонент», но и между «языковым сообществом» и «лингвистическим исследованием». Е. Бенедикто также считает, что приведенные в докладе соображения и ситуации возможны при обучении и в исследованиях, которые проводятся на западе.

Секция «Предоставление полномочий сообществу: некоторые вопросы». К. Фитцджеральд (США) в своем докладе «Развитие

языковых партнерских отношений с народом Тооно О'одам» сообщила о своей попытке установить сотрудничество с народом Тооно О'одам, коренным американским племенем, которое проживает на юго-западе Америки. В частности, анализируются усилия автора в связи с получением совместного гранта, целью которого была оцифровка архивных записей, подготовка транскрипций и перевод неопубликованных текстов. Решение в поддержку проекта первоначально было получено от законодательной власти народа Тооно О'одам, но это было наложено исполнительной властью. В связи с этим, автором были установлены крепкие партнерские отношения с языковыми активистами из племени. Возможно, как считает, К. Фитцджеральд, данный опыт поможет другим лингвистам, занимающимся подобными проблемами коренных народов.

Доклад С. Масгрэйва и Н. Тибергера (Австралия) называется «Кто играет на волынке?». По их мнению, лингвисты озабочены проблемой отношений между исследователем и исследуемым сообществом, при этом подразумевая различные вещи: исполнение полевых работ для сообщества или с помощью данного сообщества. То есть исследователь и исследуемое сообщество могут иметь различные цели, ради которого проводится данное исследование, соответственно, для них могут представлять интерес различные его результаты. Авторы рассматривают случаи, когда сообщество контролирует исследование и при этом делает выводы, отличные от тех, которые получает исследователь. Они также считают, что, хотя многие организации, финансирующие исследования по исчезающим языкам, оказывают помощь, которая связана с поддержкой сообщества, эти действия не имеют большого значения. Фактически они игнорируют ту реальность, что социальные и экономические установки строго ограничивают возможный выбор как относительно исследования, так и его результатов. Влияние экономического контроля остается самым мощным: кто платит, тот и заказывает музыку.

Далее авторы отмечают: некоторые последние обсуждения методологии языковой документации показывают, что ориентация на технологические решения с их экстенсивным использованием компьютеров, может рассматриваться как расистский или неоколониалистский подход, который увеличит пропасть между (первый мир) исследователем и (третий мир) сообществом. Проведенный ими анализ показал, что имеются определенные аспекты взаимоотношений с исследуемыми сообществами, которые должны учитывать лингвисты. Однако использование технологий не яв-

ляется одним из этих аспектов. Скорее всего, необходимо учитывать, возможно ли найти пути и способы исследования, когда различные результаты, в которых заинтересованы различные участники, были бы возможны без принуждения сделать выбор между: «фиксация» (увсковечивание) и «восстановление».

Сопредседатель Оргкомитета конференции М. Хемлани Дэвид (Малайзия) выступила в соавторстве с Ц. Делвис (Малайзия) с докладом «Чувствительность языкового кода, выбранного для дискурса: в фокусе бидаюс в Кампунг Богаг, район Бау, Саравак». Как считают многие западные и отечественные писатели, народ бидаюс по характеру сдержанный, осторожный и недоброжелателен по отношению к чужакам. Человеку извне с трудом удается внедриться в их сообщество. В своем выступлении авторы показали необходимость использования соответствующего языкового кода для получения какой-либо необходимой информации в случае общения с этим народом, проживающим в селе Богаге района Бау, Сараваке (Малайзия). В этой деревне бау-джагой диалект является единственным кодом, используемым в семье. Соответственно, если некто извне приходит в дом бидаюс и пытается что-либо узнать, он должен быть готов общаться на языке, удобном для них. Теория компромисса [Giles et al. 1973] гласит, что общение и понимание (солидарность) достигаются легче, если говорящий переходит на язык, удобный собеседнику. Исследователи, попадающие в данный регион, должны знать не только бау-джагой диалект, но и уметь переключаться на саравак малай, багаса малайу и даже английский, чтобы войти в контакт с разными поколениями бидаюс. Помимо умелого выбора языка необходимо учитывать соответствующую обстановку, тему дискурса, цель общения и, конкретно, собеседника.

Исчезающий язык можно сохранить при помощи «народного (практического) искусства». На секции с таким названием был представлен один совместный доклад «Критический полилингвальный сдвиг в Саниа, Китай: ускоренная урбанизация и возможное социолингвистическое обследование». Его авторы – представители трех исследовательских учреждений из Гонконга и Китая: Б.К. Тсоу (Гонконг), Энди Чин (Гонконг), Оуян Джуня (Китай), Кэрл То (Гонконг), Кенни Мок (Гонконг), Ян Вейхуи (Китай). Последнее социолингвистическое обследование языков в Саниа на китайском острове Хайнань было проведено в 2007 г. среди учащихся начальной и средней школы. Его результаты показали, что в связи с ускоренной урбанизацией в регионе наблюдается значи-

тельный языковой сдвиг. С целью оценки статуса родного и других взаимодействующих языков среди учащихся был организован билингвальный опрос, который рассматривается как первый шаг к возможной социолингвистической помощи языкам. В докладе представлено социолингвистическое обоснование организации этого опроса, а также способ оценки языкового влияния. Проведенный анализ результатов обследования показал, что подобные опросы могут способствовать устранению языковой потери и оценке факторов, влияющих на ситуацию как в Саниа, так и в других регионах. По мнению авторов, сохранению языка будут способствовать наличие театра, кино, музыки, использование языка в общении между представителями старшего и младших поколений.

При изучении языков, несомненно, необходимо учитывать определенные теоретические положения. На секции «Теоретические точки зрения» выступили П. Колуззи (Бруней) и К. Эйра (Австралия). В докладе Колуззи «Деонтология социолингвистического и этномзыкального исследования, основанного на полевой работе, проводимой в Италии» анализируется влияние лингвиста на исследуемое языковое сообщество. Представлен краткий обзор перспектив малого языка и языковой витальности в Италии и Брунес Даруссалама. Далее автор затронул вопросы этики полевого исследования и важности действий по поднятию престижа исчезающего языка. В заключении сделаны выводы, которые касаются отношения исследователя к носителю языка, который он изучает, а также уважения, которое он должен проявлять к языку и его носителю.

Как считает К. Эйра («Обращение к причинам исчезновения языка»), при обращении к ситуации потери языка лингвисты могут упустить из внимания причины возникновения данной ситуации. В настоящее время они тесно связаны с вопросами неравенства народов, последствиями колонизации и т.д. В данном случае нам, как лингвистам, необходимо направить усилия на то, чтобы постоянно обращалось внимание на данную проблему. Лингвисты выступают здесь как авторитетные специалисты, эксперты. К тому же их положение в социальной структуре обязывает восстанавливать равноправные отношения с языковыми сообществами. Исторически социолингвисты как бы выполняли роль благодетелей, адвокатов и т.д. Однако все эти роли основаны на позиции силы, которая, в конечном счете, являясь разновидностью власти, также угрожает языкам. Поэтому следующий важный шаг – понять эту роль участников проекта деколонизации.

Несомненно, что сохранению языка способствует образование. В рамках данной темы также было сделано два доклада. М. Ч и и (США) в своем выступлении «О важности понимания и изучении глаголов наваджо» отмечает, что обычно попытки помочь исчезающему языку сводятся к его документации, фиксации. Но, когда стоит задача увеличить число говорящих на том или ином языке, наиболее важным является устное овладение этим языком. Число говорящих на языке наваджо достаточно велико, если сравнивать с другими языками коренных народов США, но и их количество уменьшается. Автор специализируется на разговорном наваджо и исследует его глагольную систему, наиболее сложную в данном языке. В частности, чтобы совершенствовать свои методы обучения, она исследовала, как дети наваджо учат глаголы. Имеется несколько работ по полисинтетическим языкам, и только одна из них посвящена глаголам наваджо [Saville-Troike 1996]. Савилл-Тройк обнаружил, что дети наваджо сначала усваивают корень глагола, а затем уже ассоциируют аффиксы согласно их структурной позиции. По мнению автора, изучение глаголов как семантически самой нагруженной части языковой системы наваджо является основным при его освоении. Данное положение соотносится с работой Томаселло [Tomasello 2003], который отмечает, что дети учат значимые конструкции в процессе, который является нарастающим, позитивным и контекстуальным. Байби [Bybee 2001] также говорит, что «звуковая форма всех слов и частотных фраз, которые использует человек, хранится в памяти вместе с информацией об их значении и контексте использования».

М. Х о л ь т (Тайланд) в докладе «Развитие орфографии с помощью образования» предлагает перечень причин тесной совместной работы с местной государственной школой в ходе записи, развития и сохранения языка восточный лауа в Чиан Май северного Таиланда. Первоначально стояла задача разработать орфографию для использования ее в преподавании языка. Однако в дальнейшем авторы пришли к выводу, что главным для сохранения языка и в целом для всей работы, ведущейся в этом направлении, являются отношения между школой и языковым сообществом. Проведенная работа оказала влияние и на языковое сообщество и на школу. Причем подобные взаимоотношения являются благотворными в случае, если они доверительные и открытые. Можно утверждать, что это необходимые элементы проведения успешного исследования и для сообщества и для школы.

Наиболее многочисленной оказалась секция, посвященная проблеме влияния политики государства на развитие языков. В докладе автора данного обзора Г.А. Ды р х е в о й (Россия) «К проблеме реализации языкового законодательства в России: на примере Республики Бурятия» говорится о трудностях начального периода введения языкового законодательства, рассматриваются различные внутри- и внелингвистические аспекты проблемы, а также пути ее решения, предпринятые в течение двадцати лет, прошедших со дня принятия закона. Особое внимание уделено современному положению в данной сфере, перечислены конкретные предложения, пакет программ по реализации языкового законодательства.

С. А с и ф (Пакистан) в докладе «Сирайки: вопрос “лингвистического съезживания”» освещает официальную языковую политику, которая направлена на подавление языка. Сирайки, язык социально и экономически уязвимой группы, населяющей один из самых отдаленных районов Пакистана, имеет статус «максимально миноритарного языка» на юге Пенджаба. До сих пор на сайте правительства отмечается, что язык более чем сорока миллионов пакистанцев – вариант пенджабского. Стимулирование правительством мнения, что Пакистан является скорее моноязычным и моноэтническим, чем мультязычной и мультиэтнической страной, способствовало тому, что Пакистан стал постепенно терять свою культуру, как стоящую ниже статусом, и родной язык как камни преткновения на пути к экономическому и социальному росту. Такая политика способствует «лингвистическому съезживанию» сирайки. Сайка Асиф рассматривает роль английских средних школ в Мультане, которые являются активными посредниками в содействии этому «лингвистическому съезживанию». Анализ материала в виде интервью показывает, что именно в этих школах идет формирование личности и представления о «других», причем формируются представления превосходства и подчинения. В этих школах учащиеся, говорящие на сирайки, постоянно сталкиваются с неравноправием, унижением, игнорированием их интересов. Это отношение вкупе с игнорированием учителями положительных результатов по изучению би- и полилингвизма, проведенные автором, во многом ответственны за противоречия и конфликты, способствующие «языковой заброшенности». Автором предлагаются стратегии, которые позволят учителям и родителям «увидеть» феномен языкового сдвига и потери языка и в дальнейшем изменить статус языка сирайки. Конечная цель этих стратегий – обеспечение уважения к многообразию.

В докладе П и к у с а Д и н а (Гонконг) «Модернизация языка в Китае: на примере принми» анализируется влияние политики государства на модернизацию языка, его состояние. Модернизация языка принми (тибето-бирманский язык на юго-западе Китая) рассматривается на примере создания усовершенствованной орфографии с целью увеличения сфер использования языка помимо устной коммуникации. В сферу общих интересов исследователей, борющихся за сохранение языков, в том числе входит и создание пан-диалектной системы правописания. Навыки грамотности, которые можно достичь посредством языковой модернизации, можно рассматривать как главные при решении основных языковых проблем. Хотя изобретение системы правописания не всегда гарантирует выживание языка, именно отсутствие традиционной письменности привело к игнорированию малых языков в Китае. Даже наличие двух совместимых систем правописания в принми, одна из которых основана на пининь (мандаринская транскрипция), а вторая на тибетской письменности, не позволяет избежать проблем, таких как: а) небольшой интерес к изучению орфографии, основанной на пининь со стороны высокообразованной части носителей языка принми (обученных письменному китайскому); б) неприятие со стороны носителей языка, знающих тибетскую письменность, новых правил написания стихотворных произведений, осуществленных с использованием орфографии, основанной на тибетской графике; в) недостаток материалов, текстов, написанных на принми, для обучения и чтения; г) отсутствие систематической поддержки языковой модернизации.

Противоположная точка зрения принадлежит Ф. Н д л о в у (Австралия). Его доклад «Некоторые соображения по поводу проблем сохранения языка и его жизнеспособности на юго-западе Зимбабве» основан на полевых материалах, в нем затронуты проблемы, связанные с проведением устных опросов в речевых сообществах, родной язык которых находится под угрозой языков, навязанных государством. В докладе затронуты проблемы, связанные с политизацией языкового вопроса в постколониальном Зимбабве; этнолингвистической принадлежностью исследователя (родной язык автора ндебеле, который считается языком-убийцей в юго-западном Зимбабве); недостатком владения исследователем некоторыми местными языками. Одним из выводов исследования является заключение о том, что известная проблема исследователя-«аутсайдера» не является уникальной для «некоренных» исследователей. А именно, придание политического характера лингвистическим и этниче-

ским проблемам (как в случае постколониального Зимбабве) может иметь своим результатом то, что некоторые коренные жители многоязычных сообществ могут попасть в разряд «иностранцев» исследователей.

На результатах полевого обследования основан также доклад Т. Д ж а н а (Пакистан) «Полевой опыт в Индо-Кохистане, СЗПП, Пакистан». Район Индо-Кохистана находится на севере Пакистана, в нем проживают около 475 тыс. человек, являющихся носителями пяти индоарийских языков. Район гористый, труднодоступный, недостаточно благоприятные жизненные условия, уровень грамотности самый низкий в стране. Осознание статуса и перспектив родных языков здесь, практически, отсутствует. Автор анализирует опыт исследования, проведенного совместно с местной Организацией общественного благосостояния и развития.

Язык может быть сохранен и в результате воздействия «внешних факторов и интересов». На эту тему было представлено три доклада. Сообщение И. Н е й б и (США) называется «Спасение душ / спасение языков: письменный арамейский язык». Она отмечает, что в 1935 году АДУИМ (Американский департамент уполномоченных по иностранным миссиям) как результат своей лингвистической деятельности зафиксировал арамейский диалект. Согласно описанию среди носителей языка, за редким исключением, письменный арамейский появился как классический древнесирийский, значение которого сходно с латинским по отношению к римскому католицизму. Подобно американским протестантам, стремившимся спасти души исчезающих ассирийцев, данный факт на какое-то время поддержал разговорный язык сообщества. С некоторыми изменениями и коренной арамейский и алфавит, созданный в 40-х гг. XVIII века, поддержали сокращающееся по всему миру число публикаций на арамейском. Социальные и непреднамеренные политические условия по ревитализации обучения коренному арамейскому языку оказались настолько успешными, что при исчезновении 2/3 населения язык сохранился. Однако для сохранения языка, по мнению автора, необходимо предпринять меры, не связанные с религией и носящие международный характер.

В докладе К. Л е г е р е (Швеция) «Документирование языка виданда в Танзании» было сделано обобщение совместной работы автора и членов сообщества, говорящих на языке виданда. Носителей этого исчезающего языка насчитывается не более 10000 человек, они проживают в районе Килоса Танзании. Как и в других сельских районах страны, пока переда-

ча языка от поколения к поколению сохраняется. Имеется множество факторов, которые способствуют его исчезновению. Одним из основных факторов является национальный и официальный язык Танзании суахили, который, в том числе, преподается в начальной школе. Второстепенное положение мешает формированию языковой компетенции на родном языке виданда. Использование суахили широко распространено и обязательно для большинства официальных сфер общения. Во время полевых исследований также коллективно собран богатый фольклорный и ономастический материал. Особое внимание в докладе было обращено к письменности виданда, основанной на графике суахили. Первая публикация устного фольклора с использованием разработанной графики, как отметил К. Легере, была хорошо принята сообществом.

Анализ языковой ситуации на острове Сахалин относительно японского языка был представлен в докладе Ёсиюки Асахи (Япония) «Угроза японскому языку в японской диаспоре: на примере русского острова Сахалин». Вначале им дан исторический дискурс появления японской диаспоры на острове (1905–1945 гг.), анализ послевоенной и современной языковой ситуации и, соответственно, динамики функционирования японского языка. Далее автор рассмотрел собственно полевое исследование, проведенное в поселке Поронайск на Сахалине. В частности, им описана техника, включающая метод «проб и ошибок», способы установления контактов с местными жителями, особенно с говорящими на японском языке, показано как строятся социальные отношения не только в Поронайске, но и в Южно-Сахалинске. Автор считает, что данное обсуждение проведения полевого исследования поможет японским лингвистам получить информацию о том, как добиться лучших результатов посредством непосредственного общения с информантами, вхождения в языковое сообщество, выявить, в какой степени местные носители японского языка сохраняют данный вариант языка и что можно конкретно предпринять для его сохранения на Сахалине.

П. Паулин и Г.Г. Атиндогбе представили свои доклады на секции «О влиянии отношения членов сообщества». В докладе П. Паулин (Франция) «Язык бака в Габоне: анализ исчезающего языка и культуры» отмечалось, что пигмеи бака необычны тем, что сохранили свой убангийский язык, несмотря на давление со стороны фан, языка одной из самых больших этнических групп страны. Политика оседлости, проводимая государством, заставила бака отказаться от кочевого образа жизни, и это,

несомненно, отразилось на сообществе в целом. Проведение полевых работ среди бака в течение трех лет позволили автору установить с ними доверительные отношения и, в конечном итоге, определить факторы, угрожающие не только их языку, но и культуре. Среди данных факторов особо отмечено различие социального статуса бака и фан, неодобрительное отношение фан к бака. Автор также приводит различные оценочные характеристики своего языка и культуры, представленные информантами.

По мнению Г.Г. Атиндогбе (Камерун), посвятившего свой доклад проблеме документирования исчезающих языков, находящихся в многоязычном окружении, на примере языка баромби в Камеруне, документирование подобных языков в таком государстве как Камерун затруднено по трем причинам: 1) многоязычие; 2) наличие двух официальных языков, которые являются экзогlossными; 3) хотя со стороны частных лиц и организаций предпринимаются различные попытки по сохранению и развитию местных языков, государство не уделяет им никакого внимания. Соответственно, все эти факторы затрудняют работу лингвистов. Автор пытается не только выявить подобные трудности, но и предлагает способы лучшего понимания ситуации в Камеруне. При этом особое внимание уделяется понятию «отношение»: отношение исследователя к сообществу, которое он изучает и отношение сообщества, для которого он работает и в котором он работает.

Проведенная конференция продемонстрировала, что специалистами различных стран достигнуты определенные результаты не только в документировании малых языков, описании языковых ситуаций, разработке лингвистических программ и письменностей и т.д., но и в достижении общественного резонанса в отношении проблем языкового разнообразия и поддержки малых языков.

Одной из особенностей конференции было присутствие представителя ЛИНГВАПАКС (Юнеско) Ф. Марти, который в своем выступлении отметил высокий уровень проведения конференций FEL, а также необходимость консолидации усилий всех международных организаций, занимающихся проблемами сохранения исчезающих языков.

Как считают организаторы и участники конференции, ее работа шла продуктивно, программа была выполнена полностью. Следующую конференцию FEL планируется провести в Нидерландах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bybee 2001 – *J. Bybee*. Phonology and language use. Cambridge, 2001.
- Giles et al. 1973 – *Giles et al.* Towards a theory of interpersonal accommodation through language: some Canadian data // *Language in society*. 1973. 2.
- Saville-Troike 1996 – *M. Saville-Troike*. Development of the inflected verb in Navajo child language // *E. Jelinek, S. Midgette, K. Rice,*

L. Saxon (eds.). Athabaskan language studies: essays in honor of Robert W. Young. New Mexico, 1996.

- Tomasello 2003 – *M. Tomasello*. Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Cambridge (MA), 2003.

Г.А. Дырхеева
(Улан-Удэ)

Конференция по уральским языкам к 100-летию К.Е. Майтинской

С 12 по 16 ноября 2007 года в Москве прошла конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию со дня рождения известного советского финно-угроведа и специалиста по общему языкознанию К.Е. Майтинской. Конференция проводилась Институтом языкознания РАН (в котором К.Е. Майтинская провела всю свою научную жизнь) при участии Венгерского культурно-информационного центра. Конференция была поддержана грантом РГНФ (№ 07-04-14055 г.).

Конференция открылась пленарным заседанием, на котором прозвучали воспоминания Р.М. Баталовой и Г.И. Ермушкина, многие годы работавших бок о бок с К.Е. Майтинской и рассказавших о выдающейся личности юбиляра.

Н.Н. Колпакова (Санкт-Петербург) в докладе «Финно-угровед Клара Евгеньевна Майтинская» проследила более чем 45-летний научный путь К.Е. Майтинской, очертила широкий круг проблем, которыми она занималась, вспомнила и ее вклад в организацию финно-угроведения в СССР, а также то, что ею было подготовлено более 30 кандидатов наук.

Участие в конференции приняли более 70 человек из всех четырех стран, где проживают носители уральских языков, а также из Германии, где активно проводятся исследования по урاليстике. Россия была представлена практически всеми центрами по изучению уральских языков (Москва, Санкт-Петербург, Сыктывкар, Ижевск, Глазов, Йошкар-Ола, Саранск, Ханты-Мансийск, Мурманск, Томск, Новосибирск и др.). Присутствие 12 докладчиков из Венгрии не случайно – трудно переоценить вклад К.Е. Майтинской в хунгарологию. Тем не менее ее научные интересы распространялись на все уральские языки (и не только, вспомним, например, ее типологический труд «Местоимения в языках разных систем»), поэтому неудивительно, что материа-

лом для докладов послужили практически все финно-угорские и самодийские языки. Сообразно с научными интересами юбиляра очень широкой была и тематика докладов.

Традиционным для уралистики направлением, большой вклад в которое, как известно, был сделан К.Е. Майтинской, является компаративистика, представленная на Конференции внушительным количеством докладов.

Ю.В. Норманская (Москва) в докладе «Новые прауральские названия животных» предложила несколько новых этимологий названий животных со значениями: 'медведь', 'крот, крыса', 'барсук', 'лось'. Ф.И. Рожанский (Москва) в докладе «Уральский каузативный суффикс (гипотеза о происхождении)» сопоставил несколько уральских суффиксов: каузативизатора-транзитивизатора, деноминативного суффикса-вербализатора, а также суффикса, адаптирующего заимствованные глаголы, предложив возводить их к прауральскому глаголу со значением 'делать'. В.Ю. Гусев (Москва) выступил с докладом «Второе прошедшее время в прасамодийском». Он реконструирует еще одно прошедшее время для прасамодийского с показателем *-*pa* и рассматривает его возможные параллели в финно-угорских, а также в алтайских языках. В докладе А.В. Дыбо (Москва) «О ранних тюркско-угорских контактах» предлагается шесть вероятных заимствований из пратюркского (или из раннего языка болгарской группы) в праобскоугорский. В докладе также утверждается, что результаты контактов для пратюркского и праугорского языков практически отсутствуют.

Целью доклада Ш. Севереньи (Сегед) «О применимости диахронической когнитивной ономазиологии к урاليстике» было представление нового метода этимологических исследований – диахронической когнитивной ономазиологии.

В докладе К.Ю. Решетникова (Москва) «Дробление рсфлексов прауральского *a в са-

модийском и венгерском» пересматривается одно из общепринятых положений уральской вокалической реконструкции. Узкие соответствия финнопермского *a первого слога в новой интерпретации не являются рефлексом особого гласного, отличного от *a, — они возникают из *a в порядке дробления рефлексов под действием (старого) неширокого гласного второго слога (или же под действием просодических факторов, связанных с вокалической структурой основы). В докладе М.А. Живлова (Москва) «О рефлексах финно-угорских *-k-, *-γ- и *-w- в обско-угорских языках» пересматривается традиционная в финно-угроведении точка зрения, восходящая к работам В. Штейница, что рефлексы прафинно-угорских инлаутных согласных *-k-, *-γ- и *-w- в обско-угорских языках совпали. Сравнение обско-угорских данных с данными других финно-угорских языков показывает, что обско-угорские рефлексы финно-угорских *-k- и *-γ-, с одной стороны, и *-w- — с другой различны. В докладе обосновываются правила развития этих согласных.

Ш. Чуч (Будапешт/Пилишчаба) в докладе «Местоимения в пермских языках» обращается к происхождению и истории личных и возвратных местоимений пермских языков. Важное место занимают реконструкция системы местоимений общепермского языка и становление склонения местоимений.

К сожалению, подавляющее большинство уральских языков находится под угрозой исчезновения, поэтому неудивительно, что проблемы документирования и социолингвистического обследования явились предметом изучения многих докладчиков. Собственно проблемам исчезающих языков были посвящены следующие выступления (два из них на материале языков кольских саамов): М. Рисслера (Берлин) «Документирование исчезающих языков кольских саамов» о проекте собственно лингвистического, социолингвистического и этнолингвистического документирования языков кольских саамов; О.Н. Иванищевой и А.Д. Праховой (Мурманск) «Ситуация языкового сдвига в местах распространения языка Кольских саамов» о том, насколько далеко зашел процесс языкового сдвига у кольских саамов; Х. Хейнсоо (Тарту) «Влияние на малые языки на примере водского языка» о факторах, способствовавших исчезновению водского языка.

Два доклада были посвящены диахронической социолингвистике. Е.В. Кашкин, А.И. Кузнецова, М.С. Шматова (Москва) в докладе «Причины и характер изменений в языке жителей с. Шокша за про-

шедшее столетие» сравнивали материалы по мордовскому языку Х. Паасонена с собственными полевыми наблюдениями. О.В. Ханина (Эдинбург) по косвенным данным реконструировала языковую ситуацию среди энцев на протяжении более чем столетия (доклад «Опыт реконструкции социолингвистической ситуации энцев: 1850–1960»). Двое докладчиков изучали функционирование финно-угорских языков в диаспоре: М. Сало (Хельсинки) «Новое посещение мордовской диаспоры» и Е.А. Кондрашкина (Москва) «Марийская диаспора и марийский язык в Республике Башкортостан». М. Сало разыскивала (к сожалению, безуспешно) следы каратаев — этнической группы мордвы в Татарстане. Сообщение Е.А. Кондрашкиной было более оптимистичным: в нем констатируется, что уровень сохранности родного языка у марийцев Башкортостана выше, чем в других марийских диаспорах.

О сокращении числа функций коми языка, причинах снижения уровня знания родного языка в Республике Коми, о том, как соблюдается закон о языке, рассказывалось в докладе В.Н. Денисенко (Сыктывкар) «Положение коми языка в Республике Коми». Б. Янурик (Сегед) на собственном полевым материале провела подробный анализ переключения кодов у эрзя-русских билингв в докладе «Корреляции между прагматическими функциями и грамматической структурой кодовых переключений в речи эрзя-русских билингвов».

Синхронное описание уральских языков на всех языковых уровнях также было широко представлено. Фонологии были посвящены два доклада. Н.В. Кузнецова (Санкт-Петербург) в докладе «Функциональный статус w в эстонском языке» постулирует наличие в фонологической системе литературного эстонского языка сильной фонемы /w:/ (и при этом отсутствие слабой фонемы /w/). Данная фонема сильно ограничена в плане синтактики и является крайне периферийной. Ж. Варнаи (Будапешт) в докладе «Слоговая структура в самодийских языках» говорила о базовых типах слогов во всех четырех самодийских языках и об их встречаемости в различных позициях в слове.

Много докладов было посвящено грамматическим явлениям в одном или нескольких уральских языках. Е.М. Девяткина (Москва) в докладе «Градуальная функция некоторых суффиксов имен прилагательных эрзянского языка» рассказала о словообразовательных суффиксах в эрзянском языке, которые являются выразителями интенсивности качества признака предмета в определенных

семантических группах имен прилагательных. Г.А. Некрасова (Сыктывкар) в докладе «Вариативность падежных морфем в пермских языках» в качестве причины возникновения алломорфного варьирования называет не только фонетические изменения, но и необходимость обеспечения ритмико-слоговой организации словоформы в целом. Е.Б. Маркус (Москва) в докладе «О статусе комитатива и терминатива в водском языке» говорит о критериях, позволяющих считать данные показатели падежными или послеложными. По совокупности критериев комитатив оказывается ближе к аффиксу, а терминатив – к послелогу.

В своем докладе «Фактор одушевленности в дистрибуции местоимений *kin-* и *kod- ~ köd- ~ kud-* “кто, который” в пермских языках» Г.В. Федюнева (Сыктывкар) говорила о том, как одушевленность/неодушевленность повлияла на становление вопросительных и относительных местоимений в истории пермских языков. О системе местоимений энецкого языка в синхронии и диахронии, а также их диалектном различии говорила И.П. Соркина (Санкт-Петербург) в докладе «Местоимение в энецком языке».

На материале самодийских языков прозвучало еще несколько докладов.

С.И. Буркова (Новосибирск) в докладе «К вопросу о предположительно-долженствовательном наклонении в ненецком языке» говорила о дистрибуции нескольких ненецких аффиксов и том, как между ними распределяются модальные и эвденциальные значения. М.Н. Строева (Москва) в докладе «Моментальность как скрытая категория тазовского диалекта селькупского языка (опыт исследования)» рассказала, что при отборе в текстах тазовского диалекта селькупских глаголов, имеющих значение мгновенного действия, были выявлено, что количество глаголов, употребленных в этих текстах в значении мгновенного действия, сравнительно мало, а количество присоединяющихся к ним показателей совершаемости и их последовательностей сравнительно велико. Разные семантические группы глаголов присоединяют разные показатели совершаемости в значении мгновенного действия. Таким образом, при отсутствии специального показателя можно выделить скрытую категорию мгновенного действия.

В докладе А.Б. Шлуинского (Москва) «Имперфективные глаголы и имперфективация в энецком языке» говорилось о семантической классификации непрямых имперфективных глаголов и производных имперфективных глаголов с показателями *-go* и *-r*, о семантике этих имперфективирующих деривационных показателей, а также рассматривались акциональные свойства не только имперфективных, но и перфективных производящих глаголов.

М. Бакро-Надь (Будапешт/Сегед) посвятила свой доклад «Условные конструкции в уральских языках и древневенгерском» типологически значимым свойствам бессоюзных полипредикативных условных конструкций в уральских языках. Н.Л. Шибасова (Москва) в докладе «Морфологическое оформление парных слов при словоизменении (на материале некоторых финно-угорских языков)» рассматривала, как различные финно-угорские языки выбирают стратегию морфологического оформления парных слов: раздельнооформленность (при словоизменении падежные и притяжательные аффиксы присоединятся к обоим компонентам парного слова) или цельнооформленность (падежные и притяжательные аффиксы присоединятся к последнему компоненту парного слова). Выводятся некоторые закономерности выбора модели оформления парных слов. Л. Хонти (Будапешт/Удине) выступил с докладом «‘Nabere’ “по-уральски”», где он рассматривает конструкции со значением обладания в уральских языках. Такие конструкции делятся на два типа: с глаголом ‘иметь’ и с глаголом ‘быть’. Второй тип, который преобладает в уральских языках, делится на подтипы по падежу (послелог), которым выражено обладаемое, по наличию/отсутствию притяжательных аффиксов.

М. Варга (Будапешт) в докладе «Система словосочетаний в венгерской грамматике К.Е. Майтинской» сравнивает терминологию известного трехтомного труда Майтинской по венгерской грамматике с терминами как принятыми в русской лингвистической традиции, так и появившимися в новых венгерских грамматиках. Она отмечает, что Майтинская не использовала механически русские категории для описания венгерского языка, а приняла только те, которые присущи венгерскому языку. Доклад А.П. Леонтьева (Москва) «Пермские языки – языки без генитива» был посвящен одной типологической особенности пермских языков – наличию в них двух генитивов, имеющих четкое распределение: один употребляется, если его синтаксический хозяин стоит в винительном падеже, другой – во всех остальных случаях. Устойчивое сохранение избыточности, а также возникновение такой системы автор, пользуясь этимологиями и типологическими параллелями, объясняет на основе конструкций с внешним посессором.

147

На стыке грамматической и лексической семантики прозвучало несколько докладов. Н.В. Бутылов и Н. Каргина (Саранск) в докладе «Послелог как способ выражения пространственных отношений в мордовских языках» рассматривают выражение пространственных отношений послелогом и аффиксами, дают классификацию послелогов по различным параметрам. Б.И. Каракулов (Глазов) в докладе «Парные слова как один из продуктивных способов словообразования в современном удмуртском литературном языке» обращается к парным словам с точки зрения словообразования. Он делит парные слова на несколько типов: синонимичные пары; антонимичные пары; пары слов, обозначающих два видовых понятия внутри одного родового, указывает на источники их появления в языке: бывшие диалектные варианты, слова-эквиваленты из различных языков, заимствованная одна часть или обе. В современном удмуртском языке встречаются также и трехчленные образования. Е.К. Скрибник (Мюнхен) в докладе «Мансийский послелог *сирыл* 'по; способом': развитие полисемии в условиях языкового контакта» прослеживает, как первоначальная семантика мансийского послелога *сирыл* – указание на образ действия – трансформируется в значения 'соответственно; по' и 'как'. В современных газетных текстах под влиянием контакта с русским языком этот послелог начинает употребляться в темпоральном значении ('когда'), а также в топологических значениях – 'вдоль' и 'по'.

Большое количество докладов было посвящено анализу лексики различных уральских языков. О процессах изменения значений лексем в истории эрзянского языка говорила Т.М. Шеянова (Саранск) в докладе «Развитие языка: лексико-семантические процессы в эрзянском языке». Е.А. Айбабина, Л.М. Безносикова (Сыктывкар) в своем выступлении «Об одном аспекте исследования неологизмов в современном коми-зырянском языке» рассказывали о социолингвистическом анкетировании носителей коми языка для установления их отношения к неологизмам, активно проникающим в литературный язык.

Л.М. Ившин (Ижевск) в докладе «Памятники удмуртской письменности как источник пополнения лексики удмуртского языка» рассказал о том, какую роль играют памятники XVIII–XIX вв. для пополнения лексического состава удмуртского языка. Е.Н. Федосева (Сыктывкар) в докладе «О словарном составе верхнекамского диалекта» на материале полевого исследования изучала словарный состав одного из наименее изученных диалек-

тов коми-пермяцкого языка – верхнекамского. Обнаружены лексемы, общие у верхнекамского с другими коми диалектами.

А.А. Кретов (Воронеж) в докладе «Параметрический анализ малого финско-русского словаря» предлагает нетривиальный подход к исследованию лексического состава языка. Он исходит из того, что, поскольку самые частотные слова являются, как правило, и самыми короткими, то и, наоборот, самые короткие слова – наиболее частотные. Таким образом, ядром финской лексики по указанному словарю является слово *osa* 'часть'.

С.А. Мызников (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Балтизмы в прибалтийско-финских языках и трансформированные балтизмы в севернорусских говорах». Он показал, что ряд слов севернорусских диалектов, заимствованных из прибалтийско-финских языков, имеют еще более долгую историю, попав в прибалтийско-финские языки из балтийских. В докладе Е.А. Цыпанова (Сыктывкар) «Особенности обозначения понятий молодой–старый в финно-угорских языках» речь шла о системах выражения понятий «молодой»/«новый» и «старый» в финно-угорских языках.

Несколько докладов было посвящено типологии родственных языков. С.Ю. Голдова и Н.В. Сердобольская (Москва) в докладе «Расщепленное оформление прямого дополнения в финно-угорских языках: референциальный статус и коммуникативное членение высказывания» показали, что посессивный аккузатив в коми-зырянском и удмуртском языках может быть проанализирован как маркер прагматической пресуппозиции. В силу этого он чувствителен и к определенности прямого дополнения, и к его принадлежности теме высказывания. В марийском языке неоформленность прямого дополнения обозначает его «связанность» с глаголом с точки зрения порядка слов и коммуникативного членения. Б. Вагнер-Надь (Будапешт) в докладе «Типология средств выражения стандартного отрицания в самодийских и угорских языках» делит уральские языки с точки зрения выражения стандартного отрицания на языки с симметричным и асимметричным отрицанием. В языках первого типа утвердительные и отрицательные конструкции различаются только наличием в последних специального маркера отрицания. В языках второго типа отрицательные конструкции отличаются от утвердительных не только наличием отрицательного показателя, но и иным оформлением финитной формы. В зависимости от того, как она изменяется, автор выделяет различные подтипы асимметрично-

го отрицания. Т.Б. Агранат и И.А. Грунтов (Москва) продемонстрировали «Проект базы данных “Поверхностное выражение семантических ролей и локализаций в уральских и алтайских языках”». Программное обеспечение выполнено с использованием лингвистической СУБД Starling. Создание предлагаемой базы позволит впервые решить ряд научных проблем, в частности, сопоставить средства поверхностного выражения семантических ролей и локализации в языках уральской и алтайской языковых семей.

Изобразительные средства языка с разных точек зрения изучались в двух докладах. А.В. Байдак (Томск) и А.А. Ким-Малони (Анкоридж) в своем выступлении обратились к выражению концепта «жизнь» в язы-

ковой картине мира селькупов, рассмотрели значения основы *il-* «жить». В своем докладе Г.В. Рыжухина (Будапешт) «Язык – стиль – культура: к вопросу о переводе на русский язык современной венгерской прозы (на примере творчества Имре Кертеса)» проследивает реализацию в текстах двух переводов романа Кертеса («Без судьбы»/«Обездоленность») повествовательного движения на уровне значимых с точки зрения лингвистики текста лексико-стилистических средств и метатекстовых элементов.

Т.Б. Агранат, В.Ю. Гусев
(Москва)

Международная конференция «Типология языка и теория грамматики», посвященная 100-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона

27–30 ноября 2007 г. в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) состоялась организованная при участии Санкт-Петербургского государственного университета и Петербургского лингвистического общества Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося лингвиста-теоретика Соломона Давидовича Кацнельсона (1907–1985). В конференции приняли участие 52 докладчика из России (Москвы, Петербурга, Калуги, Новосибирска, Томска), Австрии, Германии, Италии, Украины, Швеции.

В первый день конференции 27.11.08 состоялись утреннее и дневное пленарные заседания. Во второй день 28.11.07 конференция была представлена двумя секциями: «Индоевропеистика. Германистика. История и типология германских языков», а также «Психолингвистика и теория коммуникации». В третий день 29.11.08 заседания носили название «Языковые структуры и категории грамматики». В четвертый, заключительный день конференции 30.11.08 доклады были посвящены контрастивным и типологическим исследованиям.

На первом пленарном заседании после вступительного слова акад. Н.Н. Казанского (Санкт-Петербург) прозвучали воспоминания Людмилы Юльевны Брауде, вдовы ученого, хранительницы его архива. Затем были прочитаны доклады о когнитивной и грамматической составляющих научного наследия С.Д. Кацнельсона. Доклад В.М. Павлова (Санкт-Петербург) был посвящен соотношению «глубинного» и «поверхностного» уровней речемыслительного процесса в трактовке С.Д. Кацнельсона. Как отметил докладчик, с одной стороны,

С.Д. Кацнельсон полагал, что в формировании высказывания тема предшествует реме и тем самым превалирует, с другой стороны, соглашался с тезисом Л.С. Выготского о доминирующей предикативности (рематичности) внутренней речи. Докладчик видит снятие противоречия в признании слитности обозначения и характеристики, т.е. «в примарной предикации имени – субстанции (или событию)». Отмечая преемственность идей Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина и С.Д. Кацнельсона, В.М. Павлов заострил внимание аудитории на концепции «двуслойности» мысли, охватывающей как семантическое содержание конкретно-языкового высказывания, так и независимое от конкретного языка содержание «неязыковленных» отображений действительности. В докладе В.З. Демьянова (Москва) понятие «внутренняя форма» проецировалось в сферу лингвистического метаязыка. Приведя точные дефиниции, автор предложил разграничить термины «концепт» и «понятие», существенные для современного этапа развития лингвистической теории. Выделив на основе изучения российской и западноевропейской философии языка важнейшие признаки и определяющие черты «внутренней формы», докладчик пришел к выводу о том, что ее поиски не только сопровождают любой акт восприятия речи, но и являются предпосылкой для творчества. В этом видится причина, по которой исследователи, пытаясь договориться о понятиях, стремятся реконструировать лежащие за ними концепты. Е.В. Падучева (Москва), опираясь на идею фокализации компонентов высказывания, уточнила, в чем заключается специфика различий между статальным перфектом (*окно открыто*) и перфективом (СВ

пассива: в этот момент окно было открыто). Обсуждая особенности, отличающие человеческий язык от коммуникативных систем высокоразвитых животных (с учетом современных экспериментальных данных), Т.В. Черниговская (Санкт-Петербург) отметила актуальность высказанных С.Д. Кацнельсоном в ходе полемики с Н. Хомским наблюдений, оценок и аргументов и показала, как в современной нейролингвистике получили подтверждение высказанные ученым идеи о том, что человеческий язык не может быть сведен к номинации явлений. В докладе В.Б. Касевича (Санкт-Петербург) анализировалась реализация так называемой «отрицательной (апофатической) семантики» в сфере грамматики и лексики бирманского языка. К.А. Филиппов (Санкт-Петербург) в контексте теории аргументации рассматривал совмещение в одной лексической единице двух противоположных семантико-прагматических начал, позволяющее эффективно использовать немецкое слово *allerdings* в полемическом дискурсе. Доклад В.С. Храковского (Санкт-Петербург) был посвящен проблеме отношений между предикатами русских двуглагольных высказываний: в нем, в частности, рассматривались проявления логической однородности или зависимости обозначаемых предикатами ситуаций и влияние отношений между предикатами на возможность их перестановки. С.Г. Ильенко (Санкт-Петербург) рассматривала свободные и связанные словоформы как самостоятельные языковые единицы и как компоненты словосочетания и предложения. А.В. Бондарко (Санкт-Петербург) на примере речевой интерпретации категорий вида, временного порядка и временной локализованности действия анализировал проявление актуализационного признака «точка зрения говорящего». В докладе Н.Н. Казанского шла речь о поисках семантического инварианта для двух глагольных классов праиндоевропейского языка, известных как *-ti* и *-hi* спряжения. В докладе Л.Г. Степановой (Санкт-Петербург) образ «легионов ласточек» из стихотворения О.Э. Мандельштама трактовался с учетом лингвистического контекста: выхода поэта за пределы родного языка в лексическую сферу итальянского (отчасти под влиянием творчества Данте). Ю.А. Клейнер (Санкт-Петербург), рассуждая о «нефлективной» (синтаксической) морфологии, рассматривал влияние контекста на атрибуцию междометий, частиц и наречий, привлекая древнеанглийский материал.

На секции «Индоевропейистика. Германистика. История и типология германских языков» были затронуты вопросы фонетики, грамматики и

риторики. С.А. Шубик (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад взаимодействию грамматики и лексики. Основное внимание было уделено суждениям С.Д. Кацнельсона о скрытой грамматике. Факты скрытой грамматики все чаще используются при описании грамматического строя. Докладчик связал рассмотрение аспектуальных глагольных классов, глагольной валентности и неполнознаменательных глаголов в немецком языке с понятием скрытых грамматических категорий, введенным в научный оборот С.Д. Кацнельсоном. К. Браунмюллер (Гамбург) рассматривал некоторые грамматические особенности древнегерманских диалектов в связи с языковыми контактами. В докладе Н.А. Бондарко (Санкт-Петербург) рассматривалась проблема варьирования стереотипных выражений в средневековой духовной немецкой прозе. Б.А. Дюбо (Санкт-Петербург) описал линии преемственности в трактовке категории рода немецкими грамматиками первой половины XVII века. Н.Л. Огуречникова (Москва) анализировала соотношение одноосновных именных и местоименных словоформ в «Беовульфе». М.В. Новикова (Калуга) рассматривала субстанциальные амбиваленты – формально тождественные существительные и прилагательные – в древневерхненемецком языке. В.А. Дыбо (Москва) сопоставлял подвижный и неподвижный балто-славянские акцентные типы с германскими основами с сокращением индоевропейских долгот и без такового. В докладе Ю.К. Кузьменко (Санкт-Петербург) было высказано предположение о существовании причинно-следственной связи саамской просодической структуры слова с германскими периферийными и центральными акцентами. О.А. Осипова (Томск) сопоставила индоевропейское гетероклитическое склонение, включающее существительные, интерпретируемые одними учеными как относящиеся к среднему роду, другими как одушевленные, с посессивными и определенными склонениями в уральских языках. Ф.Б. Успенский (Москва) вскрыл каламбурный характер эвфемистического прозвища норвежского бонда Эйнара, сына Эндриди, жившего в XI веке. Н.М. Гришина (Новосибирск) обратила внимание на многоаспектное сходство кетских постпозитивных сопроводителей имени с немецким артиклем и другими детерминативами. В докладе А.В. Циммерлинга (Москва) рассматривалась предложенная С.Д. Кацнельсоном концепция кардинального пересосмысления предикатно-аргументных отношений в связи с эволюцией языкового мышления.

На параллельной секции «Психоллингвистика и теория коммуникации» обсуждались проблемы

онтолингвистики (лингвистики детской речи), когнитологии, теории дискурса. Опираясь на разработанную С.Д. Кацнельсоном концепцию содержательных функций языковых единиц, С.Н. Цейтлин (Санкт-Петербург) отметила некоторые закономерности в освоении ребенком семантических категорий количественности и персональности. М.Д. Воейкова (Санкт-Петербург) наметила общие тенденции, проявляющиеся при усвоении детьми цветных прилагательных, количественных обозначений и лексических темпоральных показателей. Перечисленные абстрактные понятия осваиваются детьми не на основе постижения внеязыковых явлений, а под влиянием системы родного языка. В.В. Казаконская (Санкт-Петербург) с учетом анализа современного корпуса данных детской речи рассматривала явление первоначального языкового синкретизма и последующей постепенной дифференциации синкретов. В докладе были проанализированы семантический и грамматический типы синкретизма, господствующие в речи ребенка на ранних этапах речевого онтогенеза. По мнению автора, языковой синкретизм обусловлен особенностями когнитивного развития ребенка, в частности феноменом центрации. Н.Д. Светозарова (Санкт-Петербург), анализируя просодические характеристики произносимого текста (в частности, паузы различной глубины), обратила внимание слушателей на то обстоятельство, что коммуникативные сбои могут быть вызваны несоответствием аспекта просодической организации высказывания рангу единицы членения. Т.Е. Янко (Москва) на материале русского языка в сопоставлении с английским, французским и датским описала выбор словоформ-носителей акцентных пиков в коммуникативных компонентах предложения. В этом выборе играют роль три основных принципа: базовый иерархический, линейный и прагматический. М. Крауз (Вена), анализируя ключевое слово *Leistung* и его русские эквиваленты, предложила концепцию, в которой соотносимыми явлениями считаются, с одной стороны, слово и понятие, а с другой – концепт и дискурс, при этом концепт в понимании докладчика соответствует «содержательному понятию» в терминологии С.Д. Кацнельсона. М.И. Абабкова (Санкт-Петербург) разграничила такие аспекты коммуникативной перспективы предложения, как анафорический компонент и тема-рематическая структура (последний включает в себя распределение коммуникативного динамизма и экспликацию, в терминологии С.Д. Кацнельсона).

Проблемам морфологии и синтаксиса было посвящено заседание секции «Языковые структуры и категории грамматики». В докладе А.П. Володи-

на (Санкт-Петербург) на материале чукотского, корякского, алыторского и керекского языков анализировалась категория определенности/неопределенности, при этом определенность квалифицировалась как категория полускрытая. И.М. Кобозева (Москва) отметила определенный параллелизм во взглядах на категорию падежа в целом и на его синтаксические функции в работах С.Д. Кацнельсона и Н. Хомского. Н.К. Ониненко (Москва) выделила условия модусного прочтения субъектных синтаксем. М.Я. Дымарский (Санкт-Петербург) обратился к проблеме типологии синтаксических связей и попытался обосновать представление о коннексии и иннексии как двух базовых механизмах языка. Е.Е. Корди (Санкт-Петербург) рассмотрела статус условного наклонения в грамматической системе французского глагола. А. Бонола (Милан) на материале русского и итальянского языков сопоставляла залоговые конструкции-трансформанты, различающиеся перераспределением прагматических интересов говорящего. М.В. Русакова (Санкт-Петербург), рассматривая различные трактовки категории рода, пришла к выводу о ее семантической наполненности и целесообразности выделения ядерного – прототипического – компонента (в противовес распространенным синтаксическим толкованиям). Доклад И.Н. Смирнова (Санкт-Петербург) был посвящен анализу спорных вопросов в изучении временной локализованности/нелокализованности действия как скрытой (в понимании С.Д. Кацнельсона) категории. Докладчик проанализировал причины неоднозначности толкования указанной категории в современной лингвистике. Наиболее спорной сегодня представляется субкатегоризация признаков локализованности и нелокализованности действия во времени. И.Н. Смирнов доказал, что вариативность значений локализованности и в особенности нелокализованности обусловлена двумя типами пересекающихся противопоставлений: единичности/неединичности (повторяемости) и конкретности/абстрактности (обобщенности). Особое внимание было уделено одному из типов временной нелокализованности – узуальности, в рамках которой лежит точка пересечения названных противопоставлений. Типология ситуаций временной нелокализованности действия рассмотрена также в связи с системой частных видовых значений несовершенного и совершенного видов. Е.Э. Пчелинцева (Черкассы) выявила типы предельности глагола, препятствующие образованию от него соответствующего отглагольного имени. В совместном докладе А.В. Павловой (Вальдорф) и Н.Д. Светозаровой (Санкт-Петербург) была пред-

ложена градация обнаруженных на материале переводных текстов типов контекстуальной связанности лексического значения вплоть до полного отсутствия требуемого лексического значения у слова-перевода.

Секция «Контрастивные и типологические исследования» включала сообщения об исследованиях, выполненных на материале славянских, германских (в том числе скандинавских), енисейских и чукотско-камчатских языков, а также кхмерского, курдского (диалекта курманджи). В докладе Т.М. Николасвой (Москва) был обоснован мультипликативный подход к описанию репертуара славянских партикул – выделяемых в составе наречий и местоимений общих частей, не имеющих морфемного статуса. Н.В. Зорихина-Нильссон (Гетеборг) предложила полисемантическую трактовку русских переводов шведского лексического темпорального показателя *innan*, указав на сложности восприятия носителями русского языка предложений, содержащих сравнительно малоупотребительные составные союзы со значением предшествования и следования. С.Ю. Дмитренко (Санкт-Петербург) рассмотрел влияние контекста на прочтение стандартных кхмерских глаголов положения в пространстве как статальных (обозначающих нахождение в пространстве) или акциональных (обозначающих переход в положение в пространстве), продемонстрировал общие грамматические и сочетаемостные свойства глаголов данной группы. Е.Ю. Калинина (Москва) рассмотрела поведение информантов в ходе сбора полевого материала и пришла к выводу, что суждения информантов о грамматичности высказывания оценивают не собственно грамматическую составляющую высказывания, а сложный комплекс взаимодействующих факторов. Е.А. Крюкова (Томск), проанализировав полевой материал и опубликованные источники, признала югский аффикс *-s* и его кетский и коттский аналоги показателем номинации. А.А. Мальцева (Новосибирск) указала одноактность и мгновенность действия в качестве факторов, ограничивающих обра-

зование форм инфинитива от некоторых простых основ в диалектах алюторского языка. И.А. Смирнова (Санкт-Петербург) рассмотрела особенности построения газели курдского поэта Маляе Джезири «Мелодия играющего на чанге». А.М. Певнов (Санкт-Петербург), отметив высокую степень сохранности в языках исконного глагольного отрицания, продемонстрировал сравнительную легкость заимствования (соответственно, меньшую сохранность) именного отрицания (не только его материальных элементов, но и самой структуры). Е.В. Перехвальская (Санкт-Петербург) пришла к выводу о несостоятельности представления пиджинов как результата упрощения языка; с точки зрения докладчицы, в основе пиджина лежит особый прагматический код, а современное состояние глагольной грамматики такого пиджина, как говорка (таймырский пиджин на русской основе), является результатом усложнения, а не упрощения предыдущей стадии развития идиома. О.С. Потанина (Томск) продемонстрировала стратегию номинализации, характерную для хантыйского языка, при которой главное предложение имеет полный финитный синтаксис, а определительное придаточное номинализовано. А.Ю. Фильченко (Томск) описал перспективы документации и архивации языков Обско-Енисейского языкового ареала в едином теоретическом и методологическом русле, с учетом особенностей родственных и неродственных языков.

Издан сборник «Типология языка и теория грамматики: Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона», отв. ред. докт. филол. наук М.Д. Воейкова (СПб.: «Нестор-История», 2007. 219 стр.). С тезисами докладов можно ознакомиться на сайте ИЛИ РАН: http://iling.spb.ru/grammatikon/mater/dsk_2007.html.

Я.Э. Ахапкина, Я.В. Завадская
(Санкт-Петербург)

Международный этимологический симпозиум в Брно

Международный этимологический симпозиум проходил в Брно 25–28 мая 2008 г. Начало этимологических симпозиумов было положено в конце 60-х г. в Москве и далее было продолжено в Москве, Лейпциге, Брно и Белграде. Организатором брненского симпозиума (уже четвертого по счету) стал Институт чешского языка ЧАН, в оргкомитет вошли ведущие ученые Этимоло-

гического отдела Института Х. Карликова и И. Янышкова. Симпозиум стал возможным благодаря финансовой поддержке Чешской АН и покровительству Президента Чешской АН В. Пачеса, гетмана Южноморавского края Ст. Юранка. Частным спонсором является М. Михловски. На торжественном открытии в своих приветствиях замдекана философского факультета Университета им. Масарика

Я. Зоугар и представитель Академии наук Чешской республики П. Нездлы подчеркивали значение и роль этимологической науки в решении гуманитарных проблем, в воссоздании историко-культурного славянского контекста, в разработке методики, исключая механистичность подхода к явлениям культуры. Выступавшие отметили ведущую роль коллектива чешских этимологов в налаживании и укреплении научных связей между этимологическими коллективами и исследователями разных стран в области славянской этимологии. Гостей приветствовала руководитель Отдела этимологии Х. Карликова, она также зачитала приветствие участникам симпозиума от Председателя Комитета славистов Чешской республики Я. Корженского. Пленарное заседание открыл директор Института чешского языка К. Олива.

В работе симпозиума приняли участие авторы-составители этимологических словарей славянских языков из Белоруссии, Болгарии, Польши, России, Сербии, Словакии, Словении, Чехии, а также ученые, активно работающие в области этимологии из 12 стран, преимущественно славянских, а также из Германии и Италии. Был заслушан 41 доклад, тематика которых отражает современные тенденции в выборе объекта этимологических исследований, в разработке теории и методики этимологии. Симпозиум пришелся на период завершения большой работы по подготовке к изданию трудов крупнейшего славянского этимолога и слависта В. Махека. О типе издания и о состоянии работы сообщил Р. Вечерка.

Весьма важное место в программе симпозиума было отведено обсуждению этимологических версий, представленных в новейших этимологических словарях. Предметом специального рассмотрения стали некоторые словарные статьи из опубликованных этимологических словарей славянских языков и отдельных исследований. На новом этапе развития этимологической науки, обогащенной новыми лексическими материалами, подвергнуты пересмотру принятые в науке решения в отношении ряда очень трудных и спорных случаев. В докладе М. Якубович (Польша, «О некоторых проблемах изучения семантического развития праславянских прилагательных») дан критический анализ реконструируемого в этимологических словарях праславянского языка состава продолжений праславянских прилагательных с основами **dǫgъ* и **dǫgъ*, **krupъ* и **krǫpъ*. При более широком охвате болгарских диалектных материалов пересматривается источник многих славянских заимствований в албанский язык в докладе Х. Дейковой (Болгария, «К "Albanian etymological dictionary" Вл. Орла»). Новый подход

к обоснованию чешских этимологий (*střádat* 'беречь' < *strádati*, *hýl* 'Руггхула' < звукоподражание *gyi gyi, prostopášný* 'распутный') предложен в докладе Й. Рейзек (Чехия, «Чешские этимологии»).

Современная этимология отмечена особым вниманием к семантике как одному из важнейших резервов внутренней реконструкции. В докладе Ж.Ж. Варбот (Россия, «К проблеме обратимости направления семантических изменений») подчеркнута важность для семантического анализа в этимологии не только состава семантических параллелей, но и направления предполагаемых семантических изменений. Большая группа докладов посвящена анализу отдельных семантических полей и тематических групп в аспекте их мотивационных характеристик. Участие нескольких этимологических гнезд (**xorniti*, **xovati*, **preťati*, **bergt'i*, **pasti*) в порождении славянской лексики погребения на базе связи значений 'кормить' и 'хоронить' освещено в докладе С.М. Толстой (Россия, «'Кормить' и 'хоронить'»). На материале разных славянских языков детально разработана проблема мотивации в названиях обычая совместной помощи (И. Янышкова, Чехия, «Отражение древних реалий в языке: безвозмездная коллективная помощь у славян»), в названиях частей дерева (Е. Гавлова, Чехия, «Несколько праславянских терминов из области названия пней»), в названиях палки, жезла (Ж. Шапатова, Чехия, «Заметки к семантической группе 'прут, прутья, палка' в старославянском языке»), в названиях одного вида растений (М. Калезич, Сербия, «Ономасиолого-этимологический анализ сербохорватских названий растений сем. *Eugium* L.»), в названиях печени в европейских языках (Л. Чижмарова, М. Шипкова, Чехия, «Названия печени человека в диалектах европейских языков»). Близкая проблема разрабатывается на материале обозначений речевой деятельности в докладе Е.Л. Брезович (Россия, «Как язык описывает себя: "тканевая" метафора речевой деятельности»).

Решающая роль отводится семантике при обосновании этимологических решений для ряда славянских лексем: обосновывается генетическое тождество слав. **raxati* в значениях 'дуть, веять', 'мести, чистить', 'издавать запах' и 'обрабатывать землю' (Л.В. Куркина, Россия, «К этимологии слав. **raxati*»); для серб. *киснути* с его морфонологическими вариантами *квасити*, *цкњѣти* обосновывается связь семантики брожения, закисания и сидения (М. Вучкович, Сербия, «Об арготизме *киснути* 'сесть'»); восстанавливается гетерогенность славянских образований **morьskъ* как производных от гнезд **mor'e*, **morъ*, **morъ* ~

*morъnъ 'тёплый' (М. Фурлан, Словения, «Полисемия и омонимия славянского прилаг. *morъskъ»); для слав. *koty, -ъve 'якорь' предполагается исконная производность от гл. *kotiti 'бросать' при вторичности сближения с *kotъ 'кот' (Я. Влаич-Попович, Сербия, «Праслав. *koty, -ъve 'якорь', 'кот, кошка' или нечто другое?»); для цслав. *trъputica* восстанавливается принадлежность названия растению 'Matthium' (П. Валчакова, Чехия, «К значению цслав. *trъputica*»).

Роль контекста в раскрытии исходной формы слова показана на материале старочешских текстов для слов *družiti* 'collegare', *přídružě* < *drugъ и *družiti*, *přídruha* < *drogъ в докладе (М. Гомолкова, Чехия, «Старочешские слова *přídruha* и *přídružě*»), а также в докладе П. Неедлы для ст.-чеш. гапакса *slušne bnedovanie* < *bednovanie (Чехия, «Неизвестный куртуазный термин в старочешском?»).

В ряде докладов обращено внимание на трудности в принятии этимологических решений, обусловленные неясностями структурных характеристик (фонетика, морфологическое членение, словообразовательная модель), которые не могут быть однозначно выведены из имеющегося материала: о серб.-хорв. *занов(и)етати* (М. Бслетич, Сербия, «Еще раз о серб.-хорв. *занов(и)етати*. Проблемы этимологической практики»), о ст.-серб. *брънь*, -а, -о 'грязный' (А. Лома, Сербия, «Ст.-серб. *брънь*»), о словацком названии тмина: *rasca*, *rosca* (Л. Кралик, «К изучению славянской фитонимии: слвц. *rasca*, диал. *rosca* 'Сагит'»), о блр. *траста* (И.И. Лучыц-Федарэц, Белоруссия, «К этимологии бел. *траста* (деталь бёрда)»). В. Шаур (Чехия, «Как графика ввела в заблуждение этимологию») обратил внимание на трудности этимологизации, обусловленные неадекватным отражением фонетических явлений в графике.

Этимологизации отдельных слов посвящены доклады Т. Тодорова (Болгария, «Происхождение нескольких болгарских слов»), Л. Димитровой-Тодоровой (Болгария, «Одно диалектное слово в болгарском языке – происхождение, варианты») и В.П. Шулгача (Украина, «Из украинской диалектной лексики (этимологический комментарий)'). Специфике этимологизации топонимов посвящен доклад О. Шевчика (Чехия, «Топонимы с и.-е. основой **sreu-*»).

Одна из проблем, обсуждавшихся на симпозиуме, связана с этимологизацией заимствований в славянские языки. Сложные семантические преобразования заимствований от исходного 'тростник' к 'карандаш' продемонстрированы на широком материале славянских и неславянских языков в докладе Я. Ваняковой (Польша, «Что общего у карандаша с

тростником или миграции слов и значений»). Сходный круг проблем рассмотрен Х. Карликовой (Чехия, «Греческий язык как источник некоторых арабизмов в славянских языках»), а также Я. Комарковой (Чехия, «О словах иноязычного происхождения в славянской терминологии текстильного производства»). Сложности установления конечного источника для славянизированного балканороманского образования вскрыты в докладе М. Рачевой (Болгария, «Болг. диал. *тръвна* 'вид пчелиного улья' и родственные названия в соседних языках»). Проблемы адаптации заимствований осветили в своих докладах В. Бочек (Чехия, «К проблеме фонетической субституции в древнейших романизмах славянских языков») и Т. Лекова (Болгария, «Титул *жоупанъ* в болгарском средневековье»).

Специфика этимологизации фразеологизмов в сравнении с этимологизацией лексики рассмотрена на материале русского и балтийских языков в докладах В.М. Мокиенко (Россия, «Этимологический анализ новой русской фразеологии») и Р. Эккерта (ФРГ, «К этимологии идиоматических выражений в славянском и балтийском: теория и практика»).

Во многих отношениях спорный опыт реконструкции для праславянского состояния рефлексов ряда индоевропейских основ представил в своем докладе В. Блажек (Чехия, «Утраченный словарный фонд? Об отсутствующих славянских континуантах индоевропейских этимонов»). Необходимость учета в этимологии сложных процессов в истории развития славянских языков, начиная с праиндоевропейского состояния, преимущественно в теоретическом плане получила освещение в докладах К. Лешбер (ФРГ, «Реконструкция и субстрат»), Я. Гркович-Мейджор (Сербия, «Об учете типологии языков в этимологических исследованиях»), Б. Выкипела (Чехия, «О понятии генетического родства языков»).

Многие положения докладов стали предметом научного обсуждения. Активное обсуждение докладов, обмен мнениями по вопросам, затронутым в докладах, способствовали более углубленному пониманию проблем этимологии.

В рамках работы симпозиума состоялось очередное рабочее заседание Этимологической комиссии при Международном комитете славистов.

Нельзя не отметить высокий уровень организации симпозиума и дружескую атмосферу научного сотрудничества.

Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина
(Москва)

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» в 2008 г.**

Статьи

Агранат Т.Б. Малые языки Российской Федерации: водский.....	2
Адаскина Ю.В. Аллокутивные формы баскского глагола.....	5
Апресян Ю.Д. О семантической мотивированности лексических функций-коллокатов..	5
Аркадьев П.М. Теория падежного маркирования в свете данных двухпадежных систем	5
Аркадьев П.М., Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Признак «форма».....	6
Архипов А.В. К типологии комитативных конструкций. Часть II. Полисемия комитативных конструкций	3
Багана Ж. Локальные преобразования французской лексики на африканском континенте.....	3
Берестнев Г.И. К философии слова (лингвокультурологический аспект).....	1
Боголюбов М.Н. Афганское <i>tīna</i> «любовь»	6
Богуславский И.М. Только ли у глаголов есть диатезы?.....	6
Васильев В.Л. О проблеме древнебалтийского топонимического наследия на Русском Северо-Западе	3
Гренобль Л.А. Синтаксис и совместное построение реплики в русском диалоге.....	1
Дружкин К.Ю. «Группа артикля» в древнегреческом языке.....	4
Зеленин А.В. Типология лексических заимствований в эмигрантской прессе (1919–1939).....	1
Зорина З.А. Обезьяны не только «думают», но и «говорят»	4
Иванов Вяч.Вс. Анатолийские личные имена и слова в староассирийских текстах XX–XVIII вв. до н.э. – древнейшие свидетельства об индоевропейских языках.....	2
Иванов Вяч.Вс. Об эволюции переработки и передачи информации в сообществах людей и животных.....	4
Иванов С.В. <i>Кто отведал жизни и не увидит смерти?</i> (Замечания об одном формульном выражении в среднеирландском).....	1
Калнынь Л.Э. Особенности консонантной синтагматики в славянских языках/диалектах	6
Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры	4
Кошелев А.Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии	4
Нессет Т. Объяснение того, что не имело места: Блокировка суффиксального сдвига в русских глаголах.....	6
Падучева Е.В. Имперфектив отрицания в русском языке	3
Панфилов В.С. Слово в китайском языке (прототипический подход)	2
Певнов А.М. Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы	5
Пскелис О.Е. Семантика причинности и коммуникативная структура: <i>потому что</i> и <i>поскольку</i>	1
Перцов Н.В. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания)	2
Сержант И.А. Относительная хронология процессов палатализации прабалтийских *k и *g в латышском (ареальная интерпретация).....	1
Сорокина Е.А. К реконструкции древнегерманского института «свободный» ~ «зависимый»	5
Старостин Г.С. Согласовательные классы и способы выражения множественного числа в языке !хонг	3
Успенский Ф.Б. Новый взгляд на этимологию древнескандинавского названия Киева <i>Køpugarðr</i> (по поводу статьи Э. Мелин).....	2

Фортс Э. Полисемия императива в русском языке.....	1
Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления.....	4
Шаповал В.В. Новые «цыганизмы» в русских жаргонных словарях.....	6

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Болотов В.И. А.А. Потемня и когнитивная лингвистика.....	2
Ганиев Ж.В. Об адекватном описании русского нормативного произношения (в соответствии с учением акад. Л.В. Щербы).....	3
Земская Е.А. Мои учителя: из воспоминаний филолога.....	1
Сичинава Д.В. Синонимия грамматических показателей: теоретические подходы лингвистики XX–XXI веков.....	3
Сичинава Д.В. Синонимия грамматических показателей: теоретические подходы лингвистики XIX–XXI веков. II Постструктуралистские подходы.....	5

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Аркадьев П.М. Структура события и семантико-синтаксический интерфейс. Обзор новейших работ.....	2
Бурлак С.А., Фридман В.С. «Говорящие» обезьяны и не только.....	2
Иосад П.В. Теория оптимальности: обзор основной литературы.....	4
Фёдорова О.В. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций.....	6

Рецензии

Алпатов В.М. <i>E. Velmezova. Les lois du sens: la sémantique marriste</i>	2
Алпатов В.М. <i>М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку</i>	3
Алпатов Владислав В. <i>Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context</i>	5
Архипов А.В. <i>T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. On comitatives and related categories: A typological study with special focus on the languages of Europe</i>	6
Архипов А.В., Даниэль М.А. <i>J. Gippert, N.P. Himmelmann, U. Mosel (eds.). Essentials of language documentation</i>	5
Гращенков П.В. <i>R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald (eds.). Adjective classes: A cross-linguistic typology</i>	1
Гусев В.Ю. <i>Z. Guencheva, J. Landaburu (éds.). L'énonciation médiatisée II: Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes</i>	5
Иткин И.Б. <i>P. Garde. Le mot, l'accent, la phrase: Études de linguistique slave et générale</i>	3
Красухин К.Г. <i>Passivization and typology: Form and function</i>	3
Крысько В.Б. Типографский устав: Устав с Кондакарем конца XI – начала XII века ...	4
Кустова Г.И. А. <i>Мустайоки. Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам</i>	3
Левонтина И.Б. Антология концептов.....	4
Летучий А.Б. <i>D.A. Peterson. Applicative constructions</i>	4
Мазурова Ю.В. <i>S.P. Masica (ed.). Old and new perspectives on South Asian languages: Grammar and semantics. Papers growing out of the fifth International conference on South Asian linguistics (ICOSAL-5)</i>	6
Майсак Т.А. <i>Perspectives on grammar writing</i>	6
Мокиенко В.М. <i>W. Wysoczyński. Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych. Na materiale wybranych języków</i>	4
Николаева Т.М. <i>В. Лефельдт. Акцент и ударение в русском языке</i>	2
Петрова М.А. <i>M. Krause. Epistemische Modalität: Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker</i>	5

Тестелец Я.Г. <i>A. Pereltsvaig. Copular sentences in Russian. A theory of intra-clausal relations. Studies in natural language and linguistic theory</i>	4
Урманчиева А.Ю. <i>А.Е. Аникин, Е.А. Хелимский. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи</i>	2
Хазимуллина Е.Е. <i>Л.М. Васильев. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики</i>	1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки

Агранат Т.Б., Гусс В.Ю. Конференция по уральским языкам к 100-летию К.Е. Майтинской.....	6
Арманд Е.Е., Старостин Г.С. Российский гуманитарный научный фонд: поддержка лингвистических мероприятий.....	6
Ахапкина Я.Э., Завадская Я.В. Международная конференция «Типология языка и теория грамматики», посвященная 100-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона	6
Варбот Ж.Ж., Куркина Л.В. Международный этимологический симпозиум в Брно..	6
Ваулина С.С. Международная научная конференция «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению».....	5
Вельмезова Е.В. Международная конференция «Соссюрианские революции».....	2
Вельмезова Е.В. Объединенная конференция двух обществ по изучению истории лингвистических идей	2
Глинских Г.В., Грачев М.А. О конференции «Социальные варианты языка – V».....	1
Дудчук Ф.И. Третье Московское совещание по формальной семантике	2
Дырхеева Г.А. Исчезающие языки – международная проблема	6
Казанский Н.Н. XIX ежегодная индоевропейская конференция в Лос-Анджелесе	4
Крысько В.Б. Международная научная конференция «А.И. Соболевский и русское историческое языкознание (к 150-летию со дня рождения ученого)»	3
Рахилина Е.В. X Международная конференция по когнитивной лингвистике	2
Тимофеев В.В. Международная конференция «Фонетика сегодня».....	3
Фатеева Н.А., Хазбулатова Т.А. Международная научная конференция «Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия»	1
Федорова Л.Л. Международная конференция «Стереотипы в языке, коммуникации и культуре».....	4
Шлуинский А.Б. VII Конференция Ассоциации лингвистической типологии (ALT)....	2
Яковлева Е.А., Тимирханов В.Р. X Международная конференция «Ономастика Поволжья».....	1

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

- БЕ – Български език
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания
ВФ – Вопросы философии
ВЯ – Вопросы языкознания
ЕИКЯ – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ – Известия АН СССР. Серия литературы и языка
ИКЯ – Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН),
АН СССР
ИЯШ – Иностранные языки в школе
РЯНШ – Русский язык в нац. школе
РЯШ – Русский язык в школе
СбНУ – Сборник за народни умотворения
Сб. ОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СТ – Советская тюркология
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского дома)
ФН – Доклады высшей школы. Филологические науки
ADAW – Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfsIph – Archiv für slavische Philologie
AGL – Archivio glottologico Italiano
AKGW – Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
AL – Acta linguistica
AmA – American anthropologist
ANF – Arkiv för nordisk filologi
AO – Archiv orientální
APAW – Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
BCLC – Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ – Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego
BSLP – Bullétin de la Société de linguistique de Paris
BSOS – Bulletin of the School of Oriental studies
BzNf – Beiträge zur Namenforschung
CAJ – Central Asiatic journal
CFS – Cahiers F. de Saussure
CJ – The classical journal
FPhon – Folia phoniatica
FuF – Finnisch-ugrische Forschungen
GL – General linguistics
HR – Hispanic review
IF – Indogermanische Forschungen
IJ – Indo-Iranian journal
IJAL – International journal of American linguistics
JA – Journal asiatique
JASA – Journal of the Acoustical society of America
JEGPh – Journal of English and Germanic philology
JL – Journal of linguistics
JP – Język polski
JRAS – Journal of the Royal Asiatic society
JSFOu – Journal de la Société finno-ougrienne
JФ – Јужнословенски филолог

KZ – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
 LaPh – Linguistics and Philosophy
 Lg – Language
 LIn – Linguistic Inquiry
 LM – Les langues modernes
 MM – Maal og minne
 MSFOu – Mémoires de la Société finno-ougrienne
 MSLP – Mémoires de la Société de linguistique de Paris
 MSOS – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
 NSS – Nysvenska studier
 NTS – Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
 PBB – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
 PMLA – Publications of the Modern Language Association of America
 RES – The Review of English studies
 RÉG – Revue des études grecques
 RÉSI – Revue des études slaves
 RF – Romanische Forschungen
 RKJL – Rozprawy Komisji językowej Łódzk. t-wa naukowego
 RKJW – Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukowego
 RLing – Russian linguistics
 RLR – Revue de linguistique romane
 RO – Rocznik orientalistyczny
 RS – Rocznik slawistyczny
 SaS – Slovo a slovesnost
 SDAW – Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil-hist., Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
 SL – Studia linguistica
 SMS – Sbornik matice slovenskej pre jazykozpyt, národopies a literárnu históriu
 SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
 StO – Studia orientalia
 SWAW – Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
 TA – Traduction automatique
 TCLC – Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
 TCLP – Travaux du Cercle linguistique de Prague
 TIL – Travaux de l'Institut de linguistique
 TPhS – Transactions of the Philological society
 UAJb – Ungarische Jahrbücher
 VR – Vox Romanica
 WW – Wirkendes Wort
 ZAS – Zentralasiatische Studien
 ZCPh – Zeitschrift für celtische Philologie
 ZDA – Zeitschrift für deutsches Altertum
 ZDMG – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
 ZDPh – Zeitschrift für deutsche Philologie
 ZMaF – Zeitschrift für Mundartforschung
 ZNS – Zeitschrift für neuere Sprachen
 ZPhon – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
 ZRPH – Zeitschrift für romanische Philologie
 ZSL – Zeitschrift für Slavistik
 ZSLPh – Zeitschrift für slavische Philologie